

Андрей Солянин
И С Х О Д
роман

1. Фасад

Промозглый осенний день плавно перетекал в вечер. Освещённость непрерывно падала — это звезда, невидимая с поверхности из-за многослойной дифракционной решётки облаков, постепенно уходила за горизонт. В качестве слабой компенсации за исчезающий свет начинали загораться городские фонари, но их спектр не совпадал со спектром лучей, присланных звездой и преобразованных атмосферой. Город окрашивался в искусственные жёлтые тона.

Из припарковавшегося около «Пятёрочки» старенького грязно-белого «Фордика» вышел мужчина с чёрными как смоль кучерявыми волосами и острыми глазами холерика. Он посмотрел на свой автомобиль, правый бок которого был значительно грязнее левого.

«Только позавчера мыл её,» - подумал он.

Черноволосый мужчина вспомнил загородную дорогу с ремонтируемым участком, из-за которого образовалась изрядная пробка. Особенно лихие водители объезжали эту пробку по обочине, превратившейся из-за повисшей в воздухе осенней мороси и автомобильных колёс в грязное месиво — из-за них-то правый бок «Фордика» и стал грязнее.

«Уроды, - прошипел он. - Правильно я сделал, что сдвинулся вплотную к обочине и не пускал их. Всё равно проползали, гады.»

Перед ним ещё раз мелькнуло лицо того парня на «Лексусе», который отчаянно старался втиснуться и проехать по обочине вперёд остальных. Это лицо напоминало яркую картинку — взгляды парня и черноволосого мужчины на мгновение схлестнулись, разделённые двумя автомобильными стёклами, затем между этими взглядами возникла рука парня с поднятым средним пальцем, после чего «Лексус» взревел и рванул по обочине, разбрасывая вокруг грязевые искры.

Мужчина захлопнул дверь и нажал кнопку на брелке. Машина в ответ приветливо моргнула аварийкой. Но это не значит, что она заблокирована: система старая, может и сбоить. Он дёрнул за дверную ручку — заперто. Обошёл, подёргал с другой стороны — тот же результат. Можно со спокойной совестью идти.

Вверху за деревьями сверкало какое-то зарево. Черноволосый мужчина посмотрел в сторону этого оранжевого сияния — не пожар ли? Нет, ничего не горело. Это просто потоки квантов, изрыгаемых многомиллионной армией городских фонарей, прожекторов и светильников всех размеров и форм, отражались от плотной пелены облаков, укутывающих город с заботливостью матери. Какое-то неслыханное расточительство, будто роскошь королевского дворца в стране с голодающим населением. В тёмное время люди освещают улицы своих городов, но львиная доля энергии улетает в мировое пространство, в мёртвую пустоту космоса.

Он шёл по змеистой тропинке вдоль длинного дома, изгибавшегося наподобие половинки синусоиды. Автомобили, казалось, вытеснили со двора всё остальное: они стояли на предназначенных для них местах, стояли на всех расширениях, где можно поставить одно авто и ещё сумеет проехать другое, стояли на газоне, почти оттесняя тополя, теряющие остатки листвы, а ещё один ряд машин перегораживал тротуар, лишая пешеходов

возможности по нему пройти. Левые колёса — на возвышающемся тротуаре, правые — ниже, на проезжей территории. От этого машины выглядят покосившимися. Построй на их крышах башню — выйдет не хуже Пизанской. Мужчина вспомнил полупустую стоянку возле «Пятёрочки», до которой идти менее ста метров.

«Уроды,» - повторил он, теперь уже в адрес водителей, паркующихся на тротуаре.

Эта сторона дома выглядела значительно более древней и обшарпанной, нежели фасад, выходящий на проспект — очевидно, она давно не подвергалась косметическому ремонту. Совершенно понятно, что люди всегда стараются сделать фасады наиболее привлекательными для взгляда, а на изнаночную сторону сил и внимания уже не хватает. Но абсолютно нелепо, что подъезды жильцов выходят именно на ту самую обшарпанную тыльную сторону здания, что взгляду жителей не достаётся ни крохи от красоты дома, в котором они обитают.

«Внешний эффект, затмевающий внутреннее содержание.»

Он не помнил точно, какой подъезд ему нужен, знал лишь, что последний должен быть где-то посередине. Вскоре нужный подъезд нашёлся; мужчина подошёл и нажал короткую кнопочную комбинацию. Раздался сигнал — в одной из квартир запищала домофонная трубка. Через несколько секунд невидимая рука сняла эту трубку ипустила черноволосого в дом.

Увесистый магнит больше не держал входную дверь, и проход в подъезд оказался открыт. Внутри светила тусклая лампочка, разительно контрастирующая с городским расточительством света на улицах. На почтовых ящиках возвышались два куста герани с чахлыми листьями и один кактус — вероятно, кто-то из жильцов их сюда выставил, и растения, будучи не в силах поменять место жительства, так и остались в подъезде. Лампочка в подъезде была единственным средством их существования.

«Замёрзнут ведь скоро, - подумал мужчина. - Интересно, как на них Семёнов посмотрел, он же до растений маньяк.»

Черноволосый мужчина посмотрел на часы. В полутьме подъезда стрелки чуть заметно флуоресцировали. Было двадцать минут седьмого.

«Наверняка за стол ещё не сели,» - подумал он.

Дверь в квартиру была открыта — его, очевидно, ждали. Черноволосый мужчина перешагнул через порог, разделяющий два мира — коммунальный мир подъезда с кирпичной кладкой, выкрашенной в монотонный розовый цвет, и персональный мир квартиры, где стену облепляют зелёные обои с повторяющимся незатейливым рисунком, а поверх обоев наклеена карта звёздного неба.

Но сейчас обои и карта в коридоре оказались погребены под толстым слоем верхней одежды. На несколько крючков было насажено не менее двух десятков различных курток — в основном мужских. Несколько женских пальто нашли себе пристанище на плечиках. Мужчина колебался, выбирая, куда ему повесить свою одежду, чтобы при этом не обрушить чужую. Наконец ему это удалось. Он распаковал принесённые с собой тапочки и переступил через огромный портфель, который будто бы ожидал, когда же кто-нибудь об него споткнётся. «Азаров,» - подумал он. Наверняка этот портфель уже многим преграждал дорогу, и все его аккуратно переступали, но никто не злился. Злиться на Азарова — всё равно что злиться на стенку.

Он шагнул в комнату. Послышался рой приветствий.

- О, Борис, здравствуй!

- Горыныч, привет!

Бориса Ароновича Цукермана как-то сразу стали звать Аронычем, а чуть позже переименовали в Горыныча. Ученики его за глаза так и зовут, а коллеги называют и в глаза.

Мужчина помахал рукой в знак ответного приветствия и обвёл взглядом комнату. Средних размеров комната, из которой вынесли всю мебель, кроме книжных шкафов, и поставили в ряд два раздвижных стола, слегка отличающиеся по высоте. На эти столы внахлест положены две клеёчатые скатерти, на которых нашли пристанище тарелки с салатами и бутылки с винами. Крепкие напитки были представлены одной бутылкой водки и тремя бутылками коньяка. Картину завершали пустые тарелки, вилки-ножи, салфетки и стаканы с рюмками. В углу комнаты незаметно ютился маленький вспомогательный столик, уставленный фруктами, коробками с соками и бутылками лимонада.

Гостей было человек пятнадцать. Некоторые что-то обсуждали в соседней комнате, кто-то суетился на кухне, подсчитывая количество посуды и соотнося его с количеством посадочных мест, а остальные неуклюже топтались при входе в комнату с накрытым столом. Гораздо больше места освободится, если они просто сядут за стол, но садиться все стеснялись, даже если на то была команда хозяина. Вдруг всё-таки окажется, что стульев меньше, чем людей. Правильно подумал Цукерман, что за стол ещё не сажались.

Горыныч оглядел стоящих. Вот у двери стоит неразлучная чета Семёновых, Алёша и Надя. Пожалуй, они мешают больше остальных – ведь их двое, и дальше чем на метр они друг от друга не отойдут. Вот в неестественной позе стоит Валентина Ивановна Ровина – лицо застыло, точно посмертная маска, руки заложены за спину, и одна рука сжимает запястье другой. Будто не человек стоит, а какая-то статуя. Очевидно, она здесь чувствует себя не в своей тарелке. Из соседней комнаты раздаётся высокий голос Миши Азарова — этот немного скрипучий и одновременно певучий голос не перепутаешь ни с каким другим. Видимо, он что-то кому-то объясняет. Он всегда объясняет предложениями с восходящей интонацией, и от этого его объяснения, если не обращать внимания на слова и ориентироваться только по тону, звучат как последовательность вопросов, на которые слушатель должен ответить самостоятельно.

А вот в комнату зашёл и хозяин, Сергей Юрьевич Польский – крупный человек с огромными усами фантастической выпуклости, начинающимися прямо от щёк. Эти усы иногда напоминают Ницше, а иногда Бармаля; благодаря этим усам Польский имеет весьма грозный и внушительный вид. Глаза почти не видны из-под выступающих усов и бровей, и неискушённому собеседнику всегда кажется, что на него смотрят исподлобья. Картину завершают вечно всклокоченные волосы, будто никогда не знавшие расчёски. Ученики иногда его зовут Усатым, но прозвище не очень-то прижилось. Может быть, потому что Польский ведёт очень мало занятий, не больше одного класса.

Но никак не ожидаешь, что человек с такой пугающей внешностью будет очень тихо говорить. Голос у Польского очень тихий и размеренный, убаюкивающий, не то что постоянные восходящие всплески Азарова. И на занятиях, и на педсоветах, и на совещаниях главная проблема – услышать то, что говорит Польский. К тому же мимика никак не дополняет информацию — глаза сидят очень глубоко, а усы скрывают добрую половину того, что обычно можно прочесть по лицу.

На нём, как всегда, мутно-зелёный свитер с чёрными зигзагами, удобные джинсы – в таком виде он ходит и на работу. Ни за что не догадаться, что этот человек – директор.

Цукерман бросил взгляд на книжные полки. Книги находились на них в виде хаотических нагромождений, но были чётко разделены по темам. Слева — художественная литература, она выглядит более-менее единообразно, хотя тома Пушкина из его шеститомника разбросаны по разным участкам полки. А вот в научной литературе и в учебниках хаос усиливался тем, что книги были совершенно разных форматов и перемежались с рукописными листиками. Горыныч привык к тому, что у многих его коллег на столах громоздится такой же творческий хаос, но внутренне его не принимал.

Сверху на полке — чёрный переплёт формата А4, с которого уже давно не стирали пыль. Не иначе как докторская диссертация Польского, которую он защитил два года назад. Это была первая в истории докторская диссертация по кротовым норам — гипотетическим астрономическим объектам типа чёрных дыр, значительно искривляющих космическое пространство. Но если чёрные дыры можно считать реально существующими и обнаруженными объектами Вселенной, то кротовые норы пока существуют исключительно на бумаге, и многие астрономы считают, что они никогда и не будут обнаружены по причине своего отсутствия в природе. Поэтому диссертация получилась весьма спорная; четверо из двадцати трёх членов Учёного Совета отказались её воспринимать как докторскую, хотя и не отрицали её большой теоретической значимости. Горыныч иногда подтрунивал над диссертацией Польского, называя её диссертацией о космических свойствах господ бога. Бог и кротовая нора — явления с одинаковой степенью недоказуемости. По крайней мере на данном этапе развития науки.

Горыныч перевёл взгляд ещё правее. На стене с потускневшими обоями, поклеенными, наверное, лет двадцать назад, висел отрывной помесечный календарь с красивой картинкой — спиралевидной галактикой на бархатно-чёрном фоне. Календарь застыл на сентябре, хотя скоро его уже надо будет перелистывать на ноябрь. Интересно, откуда этот календарь? Скорее всего, выдавали на конференции, посвящённой юбилею Астрономического института.

- Это ему сорок семь исполнилось? - молодой миниатюрный человек, ростом чуть более полутора метров, подошёл к Горынычу. Вопрос звучал скорее как утверждение, вернее — как проверка в стиле «правильно ли я помню». - И СУНЦу тоже?

Горыныч кивнул в ответ.

- Да. Наш директор на три дня младше интерната, который он возглавляет. Вот такое совпадение.

Оказывается, Польский сказал, чтобы все селись. По-видимому, сказал уже не в первый раз, и по-прежнему безуспешно. В таких делах нужно говорить громким командным голосом, не терпящим никаких возражений. И даже тогда люди, видя обилие посадочных мест, теряются: каждый хочет сесть не раньше, чем сядет кто-нибудь другой.

- Господа, садимся! - взревел Цукерман так, что через мгновение звякнули, срезонировав, бокалы.

Все застыли на своих местах. Гам от разговоров прекратился, но садиться никто не спешил — всем нужен был какой-то пример, человек, который сядет первым. И Цукерман подал такой пример: взял за руку Ровину и посадил её на ближайший подвернувшийся стул, потом подошёл вплотную к чете Семёновых и указал на два стула рядом с Ровиной. Затем пошёл в соседнюю комнату и выгнал беседующих там. Противиться такому напору не стал никто. Через три минуты все уже сидели.

Горыныч сидел неподалёку от маленького столика, на котором ютились соки, и передавал их непьющим. Таких оказалось почти треть.

- Трезвеем, - пошутил Польский. - Вот десять лет назад разве таким количеством обошлись бы?

Он показал на единственную бутылку водки.

- Не трезвеем, а за рулём, - ответил Горыныч.

- Ну а кто тебя просил приезжать на машине?

Горыныч отметил про себя, что, хотя приезжать его не просили, зато довести до дома будут просить обязательно.

- Не трезвеем, - поправил Польского лысый мужчина в круглых очках с блестящей оправой, - это у нас правильный вкус вырабатывается. Раньше было пять бутылок водки, а сейчас — одна водка и три бутылки коньяка. Разница, как говорится, налицо.

- На лице...

Слово взял седой как лунь восьмидесятилетний старец Либенталь с пышной, почти толстовской, бородой, слегка подрагивающими руками и хорошо сохранившимся зычным голосом. Он произносил длинный тост, содержание которого все давно и хорошо знали. Это тоже входило в многолетнюю традицию — первое слово даёт старейшине собрания, который, хотя давно уже и находится на заслуженном отдыхе, но продолжает быть для всех отцом и патриархом. Либенталь напоминал, что же, собственно, празднуется.

- Я хорошо помню, как всё начиналось. Как было спущено с самых верхов высочайшее постановление — об открытии школ-интернатов при ведущих университетах страны. Такое, пожалуй, делалось впервые. К нам приезжали такие выдающиеся люди, как Колмогоров, Александров, Лаврентьев и многие другие, и они объясняли, что нам нужно сделать. Моё дело было тогда маленькое — объездить половину Советского Союза, и в каждом городе надо было провести вступительные экзамены. И знаете что? - до тех пор я никогда не видел у людей настолько сильной тяги к знаниям. Это была эпоха великих открытий. Десять лет как Советский Союз построил водородную бомбу. Тогда буквально каждый школьник хотел вырасти физиком. Школьников были сотни и тысячи, а мне была поставлена задача выбрать среди них тридцать. Я видел многих достойных детей, жаждущих учиться, и мне очень нелегко было делать выбор. Однако я, как видите, справился с заданием, и тридцать увлечённых молодых людей приехали сюда учиться. Общежитие было тесное, не то что сейчас. В комнатах было по десять-пятнадцать человек. Но никто не жаловался, все жили очень дружно. Математику у них вёл Марк Смирнов, физику — ваш покорный слуга. И все предметы у них вели не школьные учителя, а учёные, доценты и профессора университета. Потом всё повторилось: эти ребята выпустились, а мы снова ездили по всей стране и набирали новых детей.

Всякое было. Зимой в общежитиях было очень холодно, и мы своими силами делали ремонт. В какой-то год очень плохо кормили, мы старались подкармливать школьников из своих запасов. Один раз дети даже устроили голодовку, когда в еде стали попадаться тараканы.

Несколько человек поморщились, но увлечённого Либенталья было не остановить.

- Причём не так, что один человек нашёл таракана в тарелке и стал кричать на всю столовую — нет, они в каше были как изюм, в каждой порции находилось по десятку, а то и больше. Мы тогда устроили страшный скандал — и поварам устроили головомойку, и с директором ругались, и в парткоме этот вопрос ставили. Но все эти трудности не разобщили, а наоборот, сплотили тех, кто там учился. И никогда не было такого, чтобы

кто-нибудь ленился или относился к учёбе недобросовестно. Эти годы были самыми счастливыми в моей жизни. На уроки я приходил как на праздник, и на каждом уроке не только ученики брали у меня знания — я и сам узнавал от них много нового. Когда ведёшь занятия у таких ребят, развиваешься и сам. Было огромным счастьем прийти потом на факультет, встретить знакомые лица, которые уже стали почти родными. Декан нас благодарил за то, что даём ему таких хороших студентов.

Мы не только вели у них занятия. Мы проводили еженедельные музыкальные вечера. Я помню, как Марк ползал под партами и подключал свой проигрыватель. Тогда проигрыватели были огромные, и принести такой из дома было целым подвигом. Мы рисовали с ними стенгазеты, в которых делали обзор новейших изобретений и научных открытий. Поэтому дети часто становились свидетелями открытий в науке. Иногда они и сами делали открытия. Я помню Володю Мартинсона, страстно влюблённого в математику, который в десятом классе придумал совершенно новый способ, позволяющий доказывать циклические неравенства. Сейчас, к сожалению, Володя работает в Принстоне, продвигает там американскую науку.

Либенталь на мгновение смолк, видимо, сбитый воспоминанием с важной мысли, после чего перескочил на другую тему и продолжил.

- Молодёжь уже и не знает, каким был наш интернат. В девяностых годах, когда переименовывали всё и вся, переименовали и интернат. Кому-то не понравилось это слово, и его заменили на безликую аббревиатуру СУНЦ — специализированный учебно-научный центр. Но я хочу поднять бокал за старый интернат, который позволил построить лучшее образование в Советском Союзе, и за его директора, который и по сей день сохраняет всё лучшее, что мы когда-то строили.

Эта речь была встречена аплодисментами. И только потом все взяли бокалы и начали чокаться.

2. Погружение

Горынычу досталось место рядом с Ровиной, сидящей женщиной лет пятидесяти. Сидеть рядом с ней было не очень приятно — во-первых, Горыныч её не уважал и считал, что ей не место в СУНЦе, а во-вторых, Ровина была вегетарианкой и не ела ни мясного, ни рыбного, ни молочного. В оливье есть колбаса, в шубе — селедка, на хлебе лежит в лучшем случае кусок сыра, запечённые тосты смазаны тонким слоем сливочного масла. Выработанная привычка ухаживать за женщинами, следить, чтобы в тарелке было не пусто и напиток налит, разбивалось о невозможность положить что-либо. Никакой алкоголь она, разумеется, тоже не употребляла.

Они вместе поискали что-нибудь вегетарианское и нашли на другом конце стола капустный салат. Возможно, специально для неё сделанный. Просить передавать блюдо через весь стол — удовольствие ниже среднего, но другого выхода не было.

- Спасибо, - пролепетала она после первой ложки.

Она явно чувствует себя лишней на этом празднике, на дне рождения интерната, о котором она ничего не знает и которого не понимает. И все остальные чувствуют, что она лишняя. Но правила приличия диктуют свои законы. Неприлично пригласить всю кафедру, кроме одного человека. А теперь её скованность передаётся соседям — вон и Алёша Семёнов по

другую сторону сидит как-то неестественно, на кончике стула. Да и он, Горыныч, вероятно, выглядит не лучше.

Горыныч потянулся к столику с напитками и налил Ровиной полную рюмку яблочного сока, который немедленно притворился белым вином. Одинокий пузырьёк воздуха дрожал, приклеившись к стенке рюмки, и из-за оптического искажения казался огромным. «Трезвеем,» - вспомнил Горыныч слова Польского и налил себе тоже яблочного сока.

- Как съездил-то? - повернулся к Горынычу Олег Котельников.

- Хорошо съездил. Понравилась конференция, сделал там доклад, а ещё больше понравилось место. Они умеют место для конференции подобрать, молодцы.

- Купался?

- Времени было маловато, много докладов интересных, и ещё экскурсии по острову. Я же на Кипре в первый раз был. Там в это время года уже не все купаются, но я купался. Было тепло.

- У нас тоже было тепло.

- Я знаю, только сегодня похолодало.

«Лучше бы было похолоднее, - подумал Горыныч. - Тогда бы не пришлось родителей везти на дачу, а потом, возвращаясь, встречать в пробку. Хотя всё равно бы пришлось. Разве же их переубедишь.»

- А к концу неделю совсем морозы обещают. Даже не верится.

- Не смотрел прогнозов.

- Обещают.

- Они всегда всякую ерунду обещают.

- А с уроками ты что сделал на время отъезда?

- Попросил заменить. Было вместо физики много алгебры и литературы. На прошлой и на этой неделе, наоборот, я вместо литературы. Следующая неделя последняя в четверти, так я почти каждый день буду в интернате — то переписывания, то замещение...

- Ну да, они же у тебя по много раз переписывают. Ты же у нас самый строгий...

- Да не строгий я, просто халявить им не даю. Пряник, конечно, замечательная штука, но многие забывают, что он замечателен только вместе с кнутом. В образовании есть элемент насилия, и с этим ты ничего не сделаешь.

- Даже у нас в интернате?

- У нас в интернате есть несколько человек, которых не требуется заставлять, но таких обычно два-три на класс. Мало. А над остальными надо дубинку держать. И не забывать этой дубинкой хорошенько охаживать, как только расслабляются.

- Так ведь это и означает строгий. Слабины не даёшь.

- Наверное, ты прав. Хотя для меня это норма, а не строгость...

- А кстати, сколько здесь выпускников интерната? - прозвучал вопрос на весь стол.

Совершенно естественный вопрос, задающийся на каждом подобном мероприятии. Следующие пять минут посвящены тому, сколько среди присутствующих выпускников, кто у кого учился, кто в каком году закончил и в каком году пришёл преподавать в интернат.

Сейчас из семнадцати присутствующих интернат заканчивали тринадцать. Не из выпускников оказались Цукерман, Котельников, Ровина и, конечно, Либенталь, воспитавший плеяду замечательных выпускников, включая самого Польского и чету Семёновых.

- Вон они, кучкой сидят, те, кто интернат не оканчивал. Горыныч, ты почему в интернате не учился?

- А чтобы вам статистику подпортить.

- Зато как замечательно они влились в коллектив.

Фальшь в этой фразе видна сразу. Несколько взглядов устремились на Ровину.

- Между прочим, уже подрастает второе поколение. Ждём не дождёмся, когда уже появится третье.

Теперь под градом взглядов оказалась чета Семёновых.

- Дайте Андрюшке хотя бы интернат закончить, погодите, не торопите появление третьего поколения.

- Так ведь в интернате как раз и нужно искать вторую половину, для появления следующего поколения.

- Вот пусть и находит, а с третьим поколением повременит пока. Я пока ещё не готова быть бабушкой.

- Да какая ты бабушка! Ты ещё совсем молодая.

- Так ведь Андрюшка-то у вас уже нашёл вторую половинку, всё время с ней под ручку ходит. Таня её зовут, кажется?

Алёша и Надя Семёновы познакомились в интернате, который теперь переименован в СУНЦ. Два года они учились в одном классе, после этого поступили на физический факультет. После первого курса сыграли свадьбу, и с тех пор ни разу не разлучались. Сейчас они оба работают в интернате: Алёша ведёт физику, Надя — математику. По традиции их ставят на одни и те же классы — просто потому что все привыкли видеть их вместе. Разумеется, если кого-то куда-нибудь приглашают, то приглашение автоматически выдаётся на двоих. И даже в гостях, хотя их пригласили вдвоём, они не отходят друг от друга далее чем на метр. Такая идеальная супружеская пара.

Единственный их сын Андрюша учится в десятом классе, разумеется, в том же интернате. Именно об этой преемственности сейчас и говорили.

- Я помню, - подал голос Либенталь, - тридцать два года назад отмечали мы день интерната. Это был юбилей, пятнадцатилетие. И пришли туда мои выпускницы, почти все, которых я учил раньше. И практически все они вышли замуж за своих одноклассников, или за ребят на год старше, но всегда за выпускников интерната. Я спросил одну: Лиля, говорю, да что же такое, неужели же других парней на свете нет? Есть, говорит она, но наши самые лучшие. Эти слова я запомнил на всю жизнь. И это то, ради чего стоит жить и работать.

- А юношам-то что оставалось делать?

- С этим, конечно, проблема. Девушек в интернате всегда было мало, и далеко не всем юношам доставались жёны из выпускниц. И тут тоже я могу процитировать высказывание моего выпускника, Володи Зорича. Когда я спросил его, почему же он не женится, он ответил, что ему не досталось жены из интерната — всех расхватали раньше.

- Да, наши выпускники везде нарасхват.

- Конечно! - Либенталь приосанился. - И я очень рад, что в интернате сложилась преемственность поколений, что это школа с давними традициями. Когда-то, на заре интерната, я один вёл всю физику. Но потом классов стало больше, и мне одному было уже не справиться. Вот тогда и пришлось привлекать к труду своих учеников. Я сказал — пришлось, но на самом деле мне было очень приятно, что мои ученики стали коллегами. И до начала восьмидесятых все, кто работал в интернате, были моими учениками. А теперь

это уже не так. И это замечательно, потому что я вижу, как добрые традиции преподавания передаются из поколения в поколение. Теперь в интернате есть и ученики Серёжи, и Алёши, и, что замечательно, появился Мишин ученик. И мне очень приятно, что наши выпускники не уходят насовсем, а стремятся вернуться в интернат. Это значит, что мы их учили не зря. Всё, что мы в них вложили, возвращается сторицей в следующих поколениях. И наблюдать это — большое счастье.

- Да и те, кто уехали из этой страны, не забывают нас и всегда рады вернуться в родные стены. Правда, Максим?

Несколько взглядов устремились на соседа Либенталя, человека с приветливым лицом и короткими усиками.

- Да, мне очень приятно находиться в этой компании. Здесь я чувствую себя как дома. Прошло уже много лет, но я продолжаю всем говорить, что считаю Ивана Абрамовича своим учителем и вдохновителем. Именно Иван Абрамович показал мне всю красоту науки.

- А надолго ты здесь?

- На две недели прилетел. Вас всех повидать, заодно и доклад на родном семинаре сделать.

- Не собираешься сюда насовсем вернуться?

- Я бы рад, но у меня же там сейчас лаборатория, научная работа...

- А то смотри, надумаешь вернуться – встретим тебя в интернате с распростёртыми объятиями.

- Не соблазняйте человека, - раздалось на противоположном конце стола. - Максим занимается серьёзной наукой. Здесь для этого просто нет условий.

- Почему нет условий?

- Ну да, - виновато улыбнулся Максим. - Моей лаборатории требуется специфическое оборудование, такое мало где есть. Поэтому с вашего позволения работать я останусь в Париже. Но я очень ценю, и спасибо за это вам всем, что вы меня здесь помните.

Время, приправленное сладковатым соусом из разговоров и воспоминаний, убывало пропорционально салатам. Засидевшимся за столом нужен был перерыв – встать, размять мышцы, походить, сменить собеседника. Два-три человека отправились курить на лестничную площадку, но в основном компания была некурящая. Надя Семёнова тут же принялась хлопотать по столу, меняя декорацию с салатной на чайную. Алексей, не привыкший никуда далеко отходить от жены, помогал ей составлять грязные тарелки в несколько ровных стопок. Своими неуклюжими движениями он напоминал дрессированного медведя. Вскоре тарелки и остатки салатов были унесены на кухню, а взамен, восполняя возникшую пустоту, появились чашки и блюда.

Несколько человек перемигнулись, словно тёртые заговорщики, и исчезли в соседнюю комнату. Сначала там было тихо, потом раздался всепроникающий фальцет Азарова:

- Да, есть у меня ручка, в портфеле.

Из комнаты донёсся приглушённый смех. Ручка, по-видимому, нашлась у кого-то ещё – во всяком случае Азарова за ней отправлять не стали. Вскоре из комнаты вынырнул Горыныч и подошёл к Либенталю, продолжавшему сидеть на своём месте. Горыныч что-то зашептал старику.

- А, подписать? – громко сказал Либенталь, очнувшись от своих воспоминаний, унесших его далеко в прошлое. – Давайте, давайте.

Польский, беседовавший в это время с Максимом, деликатно отвернулся. Горыныч понял, что сохранять секрет уже бессмысленно, и принёс из соседней комнаты большую открытку, на которой пестрели многочисленные автографы. Либенталь взял ручку и поставил свою размашистую подпись.

- Не та уже рука, - вздохнул он. - Раньше эта подпись была куда твёрже. Я помню времена, когда Серёжа только поступил в интернат. На первой моей контрольной работе он получил тройку. Я тогда ставил свою подпись на каждой работе с положительной оценкой, а где была двойка, подпись не ставил. Тогда ещё появилось в интернате крылатое выражение «получить подпись», что означает «написать работу на положительную отметку». С первого раза это удавалось далеко не всем...

Горыныч взял открытку и вышел, а Либенталь, не заметив этого, продолжал рассказывать про смысл, который вкладывался когда-то в его подпись.

Вскоре заговорщики появились в комнате. Они взяли Польского в плотное кольцо, отрезав ему путь к отступлению.

- Мы долго думали, что бы подарить на день рождения нашему директору. Наконец, вспомнили, что книга — лучший подарок. Поэтому решили подарить книгу.

В руках у говорящего оказалась плоская коробочка размером в полтора тетрадных листа.

- Но время, как известно, не стоит на месте. Теперь книги немного не такие, какими они были сто лет назад. Настоящая книга, которую хочется читать, должна быть ёмкой. Это понимали ещё классики литературы, но по-настоящему ёмкой, способной заменить целую библиотеку, книга становится только теперь.

- Спасибо! - сказал Польский, пожимая руку всем собравшимся. - До сих пор я читал исключительно книги в бумажном виде, но теперь, видимо, придётся соответствовать духу времени и переходить на эти... более ёмкие. Я постараюсь научиться управляться с этой штукой.

- А там есть инструкция, в ней всё написано.

- Только на японском.

- И, в отличие от мониторов, она не портит глаза.

- Не пора ли нам переходить к чаю? - сказала Надя. - Я заварила три сорта, на разные вкусы, и сейчас, если будет команда, заварю сенчу.

Все начали спешно садиться за стол. Если Надя заварит сенчу и через минуту не разольёт по чашкам, это будет для неё настоящей трагедией. От подобных хлопот неплохо спасают чайные пакетики, но Надя их презрительно величает сеном. Пока переходят к чаю, командует столом она, и все чайные пакетики, хранившиеся в доме, Польский предусмотрительно убрал подальше.

Присутствующие снова разбились на маленькие группки для разговоров.

- Я боюсь этих Надиных чаёв. Я как-то в преподавательской взял коробочку с чаем, там что-то китайскими иероглифами было написано. Были там какие-то длинные беловатые листья. Заварил и ушёл на урок. А потом вернулся — в чашке плавает какая-то отвратительная горечь. Я её раз в десять разбавил потом, но пить это было всё равно невозможно.

- Так зачем было брать то, что не знаешь? Ясно же, что это Надин чай. Ты бы ещё у Алексея настриг листья этих, диверси... как их там?

- Диверсиколофлор?

- Вот-вот, ты бы их ещё заварил. Понимать же надо, что в чашку кладёшь.

- А как понимать? Чай — он и есть чай, что две минуты его заваривай, что десять. А в той коробочке хина какая-то была, а не чай...

На столе оказались два торта и огромный пирог, принесённый из дома Надеи. Она всегда пекла вкусные пироги и всех ими угощала.

- А с чем этот пирог?

- Угадайте, - откликнулась Надя.

Это значило, что угадать все ингредиенты практически невозможно.

Горыныч устремил вопросительный взгляд на Ровину. Та покачала головой — в состав пирога наверняка входили яйца и сливочное масло.

- А скажите, - начал Либенталь, и большая часть разговоров моментально прекратилась, лишь в дальнем углу стола продолжали о чём-то беседовать, - скажите, многие ли сейчас, окончив интернат, идут заниматься наукой?

- Нет, в науку идут очень немногие. В основном в программисты.

- Немногие, - повторил Либенталь, покачав головой. - Немногие. А те, кто идёт заниматься наукой, наверняка уезжают из страны.

- Наука интернациональна, - ответил Горыныч, увидев, как сразу несколько человек отвели взгляды от Либенталья, точно лично они были виноваты в плачевном состоянии отечественной науки. - Сейчас практически невозможно заниматься наукой, постоянно находясь в одной стране. Если, например, наш институт будет вести какие-то разработки в одиночку, то он проиграет конкуренцию с двумя десятками других таких же институтов по всему миру, которые постоянно обмениваются опытом. Чтобы находиться на передовой, нужно быть в курсе того, что делается в других местах, иначе безнадежно отстаешь.

- Я понимаю, - ответил Либенталь. - Но в наши годы учёные никуда не выезжали, а научная школа была куда сильнее, чем сейчас. Тогда государству наука была нужна, тогда понимали, как это важно, чтобы не отстать от остального мира... А теперь им лишь бы нефть качать. И всё-таки жалко, что наши учёные уезжают. Это потому что здесь нет условий. Зарплаты нищенские...

- Оборудования нет, - вмешался Максим. - Деньги для меня не так важны, я бы прожил и на зарплату научного сотрудника, да и гранты можно получать. Но ведь на здешних аналогах оборудования точность на порядок хуже. И какие выводы я смогу сделать с такой погрешностью, какие расчёты?

- А ещё начальство постоянно долбает, - сказал Горыныч. - Я замучился объяснять им, почему мне нужно ехать на эту конференцию. Пообещал статью. Иногда такое впечатление складывается, что директор вообще не понимает, как делается наука. Впрочем, известно ведь, что докторскую ему написали...

- Да, - глубокомысленно резюмировал Либенталь, - наука у нас не в почёте.

- Но ведь так и должно быть. Не всем же становиться учёными. Из десятка аспирантов вырастает в лучшем случае один учёный, а чтобы был этот десяток аспирантов, нужно принять на первый курс человек тридцать студентов. Такая статистика. Как и в футболе. Чтобы была хорошая сборная, нужно много сильных футбольных клубов, а для этого нужно, чтобы в каждом дворе было футбольное поле, и ребяташки по вечерам гоняли мяч.

- Не знаю, - возразил Либенталь. - Из первого набора почти все пошли в науку. Не было такого отсева, как ты сейчас описываешь. И как ты думаешь, почему?

Ответа не последовало.

- Я думаю, - Либенталь решил самостоятельно ответить на этот вопрос, - потому что тогда, в шестидесятые, наука была в почёте. Правильно ты сказал про футбол: нужно, чтобы в

каждом дворе гоняли мяч. Тогда очень многие дети тянулись к знаниям, а не к этим... планшетам, как сейчас. Вы можете не поверить, но это было так. Я видел эти горящие глаза каждый раз, когда ездил проводить вступительные экзамены. А как сейчас? Кто занимается приёмом — есть ли у детей горящие глаза? Надя, у вас сын недавно поступал в интернат. Были ли у него горящие глаза, когда он сдавал туда экзамены?

- Нет, - ответила Надя. - Он просто написал экзамены и поступил. Он понимал свой уровень и был уверен, что поступит.

- Вот видите! Вот она — разница между старым и новым интернатом!

Либенталь поднял указательный палец вверх, потом взял в руку чашку, чуть не опрокинув её, и сделал большой глоток.

- Чай восхитительный, - похвалил он. Надя зарделась под его взглядом.

- На самом деле большинство из тех, кто уходит в программирование, всё равно так или иначе связаны с наукой. - Котельников решил вернуться к предыдущей стадии. Разговоры про старый и новый интернат ему явно не нравились. - Если нужно не просто сеть администрировать или веб-сайты делать, а заниматься серьёзными разработками, то тут научная составляющая очень велика, на каждом крупном проекте можно диссертацию сделать.

- Но ведь не делают...

- Не делают. Потому что зачем писать диссертацию, если есть сделанный проект? Проект говорит сам за себя. И деньги за него платят. Это говорит о том, что наша диссертационная система во многом устарела.

- Значит, нужно предложить новую концепцию.

- А не надо ничего предлагать, - вдруг вступил в разговор Польский, ранее молчавший и внимательно слушавший. - Всё и так работает. Не идеально, иногда с большим скрипом, но работает. Кому нужны корочки кандидата или доктора, тот пишет диссертацию. Кому они не нужны, тот занимается другими делами. Зачем разработчику учёная степень?

- А нам зачем учёные степени? За каждого из нас ведь тоже его работы говорят.

- Верно, - сказал Польский. - Но я не про то. Сломать систему и придумать ей замену легко, на это много ума не нужно. А вот будет ли эта замена работать? И я сразу могу сказать — не будет. Чтобы какая-то система работала, её нужно обкатывать годами и десятилетиями. Учёные ведь не желают вписываться в отведённые им рамки, наука на то и нацелена, чтобы рамки человеческого знания раздвигать. А любая система — я имею в виду, конечно, бюрократическую систему, к которой относятся и наши диссертации — это некоторые условности, рамки. И любая реформа этой системы нацелена на то, чтобы определить новые рамки, в которые можно будет загнать тех, кто оттуда выходил при старой системе.

- Но по этой логике вообще ничего не надо реформировать?

- Почему же, можно. Только любая реформа должна идти снизу, от людей, которые реально работают и видят, в чём проблема с действующей системой. А если реформу навязывает чиновник, пиши пропало. Вот как с ЕГЭ произошло — ведь чиновники, кто разрабатывали концепцию ЕГЭ, ни разу не работали учителями в школе. В итоге мы вынуждены дрессировать наших одиннадцатиклассников, как заполнять бланки и как писать цифры в квадратиках, вместо того чтобы заниматься с ними делом.

- Мы с ними ещё толком не занимаемся подготовкой к ЕГЭ. А в средних школах весь одиннадцатый класс только и делают, что натаскивают на типовые задачи.

- Ну, в средних школах и раньше не особенно учили...

Как только разговор перешёл на ЕГЭ, Либенталь потерял интерес к разговору и теперь мирно дремал за столом.

- Иван Абрамович, вы спите?

- Нет-нет, мне просто неинтересны разговоры про эту вашу ягу. Жалко только, что и наш интернат причесали под эту же гребёнку. Экзамены должны быть у каждого свои. Нельзя заставлять сдавать одно и то же и двоечника из дворовой школы, и международника. Володя Мартинсон, я уверен, эту ягу бы не написал.

- Да и Миша Азаров не напишет...

- А то, что напишет, ни один эксперт не сможет разобрать. Миша же не умеет решать задачи так, как решают простые смертные.

- Вот, вот, - продолжил Либенталь. - Я и говорю, что для каждого должен быть свой экзамен. Я помню, как мы с Марком составляли первые вступительные экзамены в интернат. Мы фактически придумывали с нуля, что мы хотим видеть в поступающих. Некоторые задачи, которые мы давали тогда в приёмных экзаменах, носили исследовательский характер. И учеников отбирали тех, которые в науку влюблены. Тогда много таких ребят было...

- Да и сейчас хороших ребят немало.

- А скажите, - спросил Либенталь, - много ли времени вы теперь тратите на эту вашу ягу?

- Нет, не много, - отвечал Польский. - Конечно, приходится обращать на это внимание, но мы всё-таки учим детей думать, это наше приоритетное направление. У нас нет детей, которые не способны написать ЕГЭ.

- Ну, я рад, что интернат продолжает держать марку. Учить детей думать — это самое главное. Именно для этого и создавался интернат.

Вечер постепенно угасал, словно никем не поддерживаемый костёр. Либенталь больше не развлекал присутствующих разговорами о старом и новом интернате. Похоже, эти рассуждения, которые он повторял с разными вариациями при каждой встрече с выпускниками и учителями интерната, изрядно его утомляли. «Возраст, - думал Польский, глядя на старика, на его чуть подрагивающие руки, на его потухший взгляд, - возраст, что тут сделаешь.» Разговаривали снова в основном соседи. Миша Азаров неповторимыми восходящими интонациями что-то рассказывал сидящему рядом с ним человеку маленького роста; по-видимому, он пересказывал содержание доклада на семинаре. Горыныч с Котельниковым обсуждали, чья была идея подарить имениннику электронную книгу. Семёнов поймал Максима и с огромным увлечением читал ему лекцию по ботанике. Остальные, кроме Нади, предусмотрительно от него отодвинулись — рассказы Семёнова о растениях надоели всем хуже пареной репы.

- Диверсиколофлоры — это безумно интересный род растений, - говорил Семёнов. - Они из семейства ароидных — ну, ты наверняка знаешь спатифиллум, так вот диверсиколофлоры из того же семейства. Вообще семейство ароидных очень богато на эндемики, так вот диверсиколофлоры являются эндемиками Новой Гвинеи. Растут они в основном на камнях у водопадов горных рек, места очень труднодоступные, поэтому наука ещё не добралась до них. Научно описан только один вид — по гербарию, который привезён ещё чуть не с экспедиции Миклухо-Маклая. А вот коммерческих сортов несколько сотен, но сколько из них являются отдельными видами — неизвестно.

Максим молча слушал — то ли ему было действительно интересно, то ли просто из вежливости. А может, ему просто приятно было слушать русскую речь, а её содержание было неважно.

- Приходи в интернат, полюбуйся на них, они очень красивые. У диверсиколофлор и листья потрясающие, но самое интересное в них — это цветы. Ты когда-нибудь видел, чтобы цветы у растений имели яркий металлический блеск и переливались разными цветами в зависимости от того, под каким углом ты на них смотришь? Поэтому их так и называли — диверсиколофлоры, это уже исправленное название рода. Лет пять назад их снова заметили в природе, и теперь вокруг этих растений огромный ажиотаж, правда, в узких кругах — поначалу диверсиколофлоры стоили от пятисот долларов за кустик. Сейчас цена изрядно снизилась, но всё равно она не позволяет держать диверсиколофлоры всем подряд, да ещё они сложны в содержании — требуют очень влажного воздуха, и чтобы листья водой опрыскивались, иначе они сохнут. И растут они очень медленно — нового отростка приходится ждать несколько месяцев, а то и год. Поэтому нас, таких коллекционеров, в мире несколько сотен. И ещё не совсем понятно, как же диверсиколофлоры опыляются — у них между мужскими и женскими частями цветка стоит перегородка, предотвращающая самоопыление. К тому же женские части цветка созревают на несколько дней позже мужских. Похоже, в природе их опыляют жуки, но достоверно это неизвестно. Так или иначе, но пока лишь нескольким людям в мире удалось опылить их и получить семена. Мне недавно удалось, поздравь меня. Надеюсь, скоро появятся сеянцы...

Максим сдержанно улыбался.

- Я, наверное, попрощаюсь, - сказал лысый мужчина с круглыми очками. - Спасибо Сергею за радушный приём...

Мысль прощаться и идти домой оказалась весьма заразной. Котельников и Горыныч поднялись со своих мест, чтобы пропустить лысого мужчину, но садиться уже не стали.

- Я тоже пойду, - произнёс Котельников. - Спасибо этому дому...

Вскоре эта мысль приобрела характер эпидемии. Все гости, сидящие за столом, начали осознавать, что праздник пора заканчивать. Либенталь дремал на своём месте, склонив подбородок вниз, отчего его борода разметалась по всей груди. Он открыл глаза.

- А, уже уходим?

- Спасибо Серёже...

- Каждый год он устраивает такой праздник...

- Одновременно и день рождения интерната отмечаем...

- Надо же, какое совпадение — интернат и директор ровесники!

- Господа, я могу кого-нибудь подвезти, - громко, чтобы быть слышимым в этом шуме, проскандировал Горыныч.

- Ивана Абрамовича обязательно отвезти надо.

- Саша тоже на машине, а Иван Абрамович совсем рядом с ним живёт. Так что лучше пусть его Саша возьмёт.

- А меня не подкинешь куда-нибудь?

- Куда-нибудь — конечно. Надо только сообразить, где бы тебя лучше всего посадить.

Перемещения людей в эту минуту служило бы неплохой иллюстрацией для тех, кто изучает броуновское движение. Надя тут же взяла несколько чашек и блюдца, ставших уже ненужными, и понесла их на кухню.

- Да оставь, - пробормотал Польский. - И не вздумай мыть их, у меня же посудомойка стоит.

- Точно, я и забыла...

Надя всегда порывается вымыть посуду — даже когда это не имеет особого смысла.

- Миша, убери с прохода свой чемодан, наконец! Мешает же!

- Сейчас уберу! - раздался голос Азарова, который продолжал рассказывать какую-то передовую научную мысль.

- Миша, я бы сам его убрал с прохода, да не подниму, он же целую тонну весит!

- Он даже в гости его берёт?

- Всегда с ним таскается.

Азаров подошёл к чемодану и с атлетической лёгкостью переставил его на другое место, где этот чемодан уже никому не мешал. Потом его лицо приобрело задумчивое выражение, он открыл чемодан, длинными пальцами ловко выудил из него лист бумаги и ручку, начал что-то записывать. Очевидно, ему в голову пришла какая-то интересная мысль. Так же ловко он достал из чемодана распечатку какой-то статьи, открыл, полистал статью, нашёл в ней место, которое его заинтересовало, кивнул самому себе, убрал статью в свой бездонный чемодан и продолжил записывать. Затем не глядя кинул ручку и бумагу в раззявленную пасть портфеля.

- Миша всегда так делает. Если какая мысль придёт в голову — кинется записывать.

- Я знал, что он не расстанется с портфелем, но чтобы настолько...

- Видишь ведь: пришло озарение — нужно записать. Гений же.

- А ключи, которые он постоянно теряет, тоже в этом портфеле?

- Не удивлюсь, если там коллекция потерянных вещей. Разве же найдёшь там что-нибудь мелкое?

- Он ведь у Серёжи в интернате учился?

- Да, Серёжа тогда только пришёл преподавать в интернат.

- Странно, что Миша тоже пришёл в интернат. Он ведь доктор?

- Давно доктор. В двадцать пять докторскую защитил. Наверняка скоро член-корреспондентом изберут. У него же результаты пионерские.

- И что он забыл в интернате?

- В смысле? По-моему так просто замечательно, что он тут работает.

- Я не про то. Конечно, это замечательно. Более того — пока интернат привлекает людей такого уровня, я спокоен за будущее человечества. Но ему-то зачем учить детей?

- Не знаю. Наверное, нравится. Таких детей тоже не везде встретишь...

- Спасибо вам всем, что пришли, - тихо произносил Польский. - Спасибо, что вспомнили, что не забыли... Приходите ещё, обязательно встретимся через год. А с большинством из вас — гораздо скорее, в интернате.

Гости уходили подобно улетающему газу, жали руку имениннику, желали напоследок всего самого лучшего и растворялись в потёмках подъезда. Ушли Миша с Максимом, оживлённо беседуя о том, какие группы должны лежать в основе калибровочных теорий Янга-Миллса. Уехал Горыныч, прихватив с собой ещё двоих попутчиков. Покинула квартиру чета Семёновых — синхронности их шагов могли бы позавидовать многие солдаты. И вскоре Польский остался один. Тишина, образовавшаяся дома, казалась очень непривычной после застолья. Столы со стульями напоминали какую-то неведомую скульптурную композицию.

- Ну что тут сделаешь, - буркнул Польский себе в усы. - Надо порядок наводить.

3. Изнанка

По освещённой яркими фонарями улице, не замечая ни луж, ни грязи под ногами, возвращался домой Михаил Анатольевич Азаров, привычно неся тяжеленный портфель, раздувшийся от содержимого, точно глубоководная рыба-мешкоглот после сытной трапезы. Над фонарями простирались серые силуэты величавых деревьев, а над ними было серое и очень низкое небо, полностью экранировавшее звёзды. Где-то пелена облаков становилась полупрозрачной, и сквозь них тускло просвечивало лунное расплывчатое пятно — словно небо было нарисовано акварельной краской, и жёлтая краска луны расплылась, смешавшись с тёмно-серой краской неба.

Азаров думал о том, что ему послезавтра снова нужно ехать на конференцию. Отпускали его легко, но ездить приходилось часто, и каждый раз сообщать о своём отъезде было неловко. Вот и сейчас он договорился только с Сашей Фоминским, что тот его заменит, проведёт переписывание контрольной работы, выставит четвертные оценки. А вот Польскому как-то не представился случай сообщить об отъезде. А сообщить надо — директор об этом должен знать. И эта мысль его немного мучила.

Азаров вошёл во двор. Жил он в двухкомнатной квартире со своей пожилой матерью, которая всегда встречала его на пороге. Входя в подъезд, он уже знал, что мама его ждёт. Она не могла не ждать его.

- Что-то ты долго сегодня.

Мария Викторовна всегда говорит эту фразу, если сын возвращается из гостей.

- И опять у тебя вся штанина в грязи, и обувь грязная. Опять, наверное, по самым лужам шёл? Говоришь ему, говоришь: смотри под ноги — а он такой рассеянный... Опять стирать придётся... Проходи, я тебя уже ждалась. Мясо погреть?

- Мама, я же из гостей, - ответил Азаров.

- Значит, не будешь? Эх, а я тебя жду, жду... А где ты был?

Этот вопрос она уже задавала перед выходом Азарова.

- Мама, так я же тебе говорил — день рождения интерната отмечали. И у Сергея Юрьевича день рождения. Праздник.

Мария Викторовна покачала головой. В лицо сыну она не разу не посмотрела — для этого пришлось бы заирать голову. Смотрела она всегда прямо, и потому её взгляд всегда находился на уровне груди сына.

- Интернат... Ну когда ты наконец уволишься из этого интерната? Тебе надо наукой заниматься, надо на себя работать, а не растрчивать своё время на детей.

Раньше она мечтала его женить, пыталась познакомить с разными девушками — в основном племянницами соседок по лестничной клетке. Но почему-то из этого ничего не выходило. Не интересовался Миша девушками, не находил с ними общего языка. Да и девушки, видя, что он не от мира сего, не желали продолжать с ним шапочное знакомство. Правда, это почему-то относилось только к тем девушкам, которые выбирала его мама — ученицы и студентки его обожали и готовы были виснуть на нём буквально гроздьями. Но и с ними дальше специальных проблем теории поля отношения не заходили.

Когда Мише исполнилось тридцать, Мария Викторовна смирилась с тем, что Мишу женить, видимо, не удастся. И теперь у неё новый конёк — нужно, чтобы Миша занимался наукой. Она наконец-то поняла, что её Миша является учёным с мировым именем,

перестала знакомить его с девушками, перестала даже пилить его за то, что бросил занятия скрипкой. Она очень хотела, чтобы его гений был признан. А для этого нужно получить Нобелевскую премию, другого признания гениальности она не знала. Поэтому она так негативно относилась ко всему, что эту премию получить мешает. Всё время ей казалось, что как только Миша перестанет работать в интернате — на следующий же год он сделает открытие, которое принесёт ему заветную премию.

- А ты растрачиваешь себя на детей, - продолжала она. - Это, конечно, дело благородное, но ведь тебе нужно заниматься не этим. Ну что тебе дадут эти дети? Они вырастут и забудут тебя.

- Мама, но ты не понимаешь...

Опять избитая фраза. Азаров уже который год не может объяснить маме одну простую вещь: эти дети являются для него источником вдохновения. Размышляя над темой урока, над тем, как ещё можно осмыслить давно известную всем истину, с какой ещё стороны её осветить, какие новые задачи подобрать, он открывает для себя много нового. А сама наука часто заключается в том, чтобы на известные вещи посмотреть с какой-то новой стороны. Разве состоялся бы Эйнштейн, если бы не взглянул по-новому на прописные истины, известные каждому школьнику?

Легче объяснить основы квантовой механики одиннадцатиклассникам (Азаров пробовал, получалось неплохо), чем такие элементарные вещи маме. При разговоре с мамой почему-то не находится нужных слов.

- Чего я не понимаю? Всё понимаю. Я понимаю, тебе нравится с ними работать. Но ведь не всё же нужно делать, что нравится?

Азаров предпочёл не заметить этой реплики и прошёл в свою комнату, убранную заботливой рукой. Все его вещи, выстиранные и отутюженные, ровными стопками лежали на полках в шкафу. При попытке взять что-нибудь с полки почему-то рушилась вся стопка, но Азарова это не беспокоило. Иногда он не мог найти нужную вещь — например, потому что все зимние вещи оказывались где-то в глубине шкафа, а на поверхности оказывались футболки, шорты, безрукавки. В этом случае приходилось надевать то, что залегало в шкафу неглубоко. Азарова и это не сильно волновало бы, но мама начинала вечером выговаривать ему, что он опять оделся не по погоде. Также периодически в шкафу обнаруживались вещи, о существовании которых он даже не подозревал. Такие вещи он непременно игнорировал, но иногда они почему-то заполняли всё пространство шкафа, и ему приходилось приложить изрядные усилия, чтобы откопать что-нибудь знакомое.

Та же история происходила с книжками. Мама всегда убирала книжки и расставляла их на полках по росту. Таким образом с книгами по теории поля соседствовали старые кулинарные рецепты, с англо-русским словарём - «Физика для любознательных». Азаров никогда не помнил, какого формата та или иная книга, и найти нужную стало для него головоломной задачей. Как-то раз он переставил книги по собственному разумению — на одной полке научные журналы, на другой — популярная физика, на третьей — художественная литература, а остальное, что не очень нужно, пускай лежит как попало. Но это «как попало» оказалось неровным и привлекло внимание мамы. На следующий день книги стояли в идеальном порядке, корешок к корешку, тщательно отсортированные, но найти среди них нужную было снова невозможно. После этого Азаров не пытался наводить в книгах порядок.

То же происходило и с черновиками, если он оставлял их в комнате. Эти бумаги он потом находил в виде аккуратной стопочки, но определить изначальный порядок не представлялось возможным. Как-то раз он вовсе не обнаружил черновики.

- А они были такие грязные, я их выбросила, - ответила мама.

С тех пор у Азарова выработалась привычка — все черновики немедленно складывать в портфель. Туда же убрались и книги, которые были нужны ему часто. Портфель сразу стал весить столько, будто в него положили упаковку кирпичей, достаточную, чтобы возвести небольшую стену. И, конечно, сразу привлёк внимание мамы.

- Давай я разберу твоё хранилище, - предложила она.

- Не надо, - неожиданно твёрдо ответил Азаров.

После этого Мария Викторовна ни разу не упоминала о своём желании разобрать портфель. Но и Миша всегда его носил с собой — от греха подальше.

Азаров сел на диван и задумался. Надо бы позвонить Польскому и предупредить его об отъезде. Но ведь не сейчас же звонить. Да и глупо будет: только что были в гостях, сидели рядом, и он ничего не сказал, а тут — звонить... Наверное, завтра они встретятся в интернате, тогда обязательно надо сообщить. А если не встретятся? Если у Польского какие-то другие дела будут, например, в институте?

- Я тебе чай приготовила, - позвала из-за порога Мария Викторовна. Она могла хозяйничать в комнате сколько угодно, но только в отсутствии сына. При нём она никогда не переступала порога его комнаты.

- Иду! - ответил ей Азаров, вставая с дивана и соображая на ходу, хочет ли он сейчас кружку горячего чая.

Тёмными дворами, освещаемыми только светом из окон близлежащих домов да ещё фарами иногда проезжающих автомобилей, пробиралась к дому чета Семёновых. Слева от них в неровную шеренгу выстроились автомобили разных размеров и форм, оставляя узкую полосу асфальта, по которой с трудом могла проехать ещё одна машина. Справа был дом, но свет от первого этажа наполовину загораживала полоса облетевших кустов. В воздухе повисла мелкая частая морось, при каждом вдохе забиваясь в лёгкие.

Они шли, не держась за руки и даже не касаясь друг друга. В гостях они не отходили друг от друга дальше чем на метр, и это замечали все. Но никто не задумывался, что они также и не подходили друг к другу ближе чем на тридцать сантиметров. Тридцать сантиметров — личное пространство, зона комфорта. В гостях такая дистанция незаметна, более того — меньшая дистанция начинает выглядеть неприлично. Но эта же дистанция держалась и наедине. Между супругами уже давно не было никакой близости.

Они практически не разговаривали. Долгие годы совместной жизни исчерпали темы для разговоров. Говорить уже было не о чем. Согласование бытовых действий — приготовить еду, помыть посуду, покормить попугаев — диалога не требовало. Супруги прожили вместе столько, что понимали намерения друг друга без слов, с одного взгляда.

Страсть Алексея к ботанике, о которой знал весь интернат, делала его чудачком и одновременно яркой личностью. Растения были его коньком. Его кабинет превратился в настоящую оранжерею. В других кабинетах на стенах висят портреты великих учёных, а у Алексея — кашпо с цветами. И даже освещение в его кабинете необычное — стандартные школьные лампы он заменил на фитолампы, дающие особенный спектр, наиболее благоприятный для растений. Вошедшему в его кабинет поначалу становится непривычно

от этих ламп, половина из которых розовые, а остальные фиолетовые. Но глаза быстро привыкают к этому необычному спектру.

Одного кабинета ему мало — в его ведении находится зимний сад на первом этаже, за которым он заботливо ухаживает.

А дома одну из комнат он вообще превратил во влажные джунгли — поклеил водоотталкивающие обои, обил их древесной корой, покрытой защитным от плесени слоем, поставил несколько прожекторов, освещающих это великолепие, и систему автоматического опрыскивания, чтобы листья не пересыхали. В результате в этой комнате держалась постоянная влажность, близкая к ста процентам; жить в таких условиях, конечно, невозможно, но зато можно содержать большую коллекцию растений. Надя тоже приложила руку к этой комнате, купив и выпустив нескольких попугайчиков и уговорив мужа сделать дуплянки. Попугаи начали бесконтрольно размножаться, и теперь их количества доподлинно не знает ни Лёша, ни Надя. Они постоянно предлагают знакомым взять парочку попугаев.

В последние годы Алексей увлёкся диверсиколофлорами, которыми он настолько прожужжал уши коллегам, что многие даже научились без запинки выговаривать это непроизносимое название. Чтобы опылить их и получить семена, он собирает пыльцу и держит её в холодильнике, пока не созреет женская часть цветка. Что он хранит в холодильнике дома — это его личное дело, а вот в интернате, куда он перенёс большую часть своей коллекции, холодильники в каждом кабинете не стоят. А точнее, они есть в столовой, куда его с пыльцой, разумеется, не пускают, и в кабинете директора. Теперь директорский холодильник оказался забит скляночками с пыльцой и подписью — название сорта и дата сбора.

В некотором смысле диверсиколофлоры являются его дополнительным заработком. Разросшиеся кусты он разделяет и продаёт — или, что чаще, обменивается ими с другими коллекционерами. Дохода эта деятельность ему почти не приносит, но позволяет окупать затраты на электричество, а главное — на приобретение новых сортов диверсиколофлор.

Алёша мог часами рассказывать про свои диверсиколофлоры, и рассказывал, если его никто не обрывал. Но рассказывал другим людям, не Наде. Обычно Надя была рядом с мужем и краем уха слушала его рассказ. А потому она была в курсе всех новинок содержания диверсиколофлор — у какого сорта какие цветы появляются, какие нужны условия, чтобы растение зацвело, являются ли многочисленные сорта природными гибридами, или же каждый из них представляет собой чистый вид... Алёше и в голову не приходило повести такой же рассказ для жены.

Тем не менее они неизменно были вместе. То ли оттого что их считали неразлучными и воспринимали как единое целое, то ли в силу многолетней привычки, но ни один из них даже в мыслях не допускал, чтобы пойти куда-то без своей половины. Связь между ними была прочнее железа, но радости она не приносила.

Алексей молча отпер дверь, пропустил вперёд жену и вслед прошёл сам. Привычный жест, выполненный на автомате. Если Надя случайно замешкается в дверях, они обязательно столкнутся. Если это будет достаточно неожиданно, ему придётся выставить вперёд руки и, следовательно, обнять жену. Но Надя не замешкалась, а привычно проскользнула и начала разуваться. И Алексей знал, что Надя не замешкается.

Они вошли в дом. Здесь не действовали условности расстояния, и супруги могли находиться далеко друг от друга — хоть в разных комнатах. Не действовали они, разумеется, и на работе.

Из дальней комнаты раздавался обычный гам — это пара попугаев не поделила насест. Алексей первым делом пошёл в эту комнату — надо проверить, всё ли в порядке. Температура и влажность должны поддерживаться на постоянном уровне. Если в комнате будет слишком сухо, нежные листики начнут вянуть.

В интернате с этим один раз были проблемы. Зимой, два года назад, кто-то оставил открытым окно в его кабинете, и его сад помёрз и сбросил часть листвы. Растения выжили, но следующие несколько месяцев выглядели голыми — как будто из солидарности с нашими берёзами. После этого Алексей добился, чтобы ключей от его кабинета никому не давали.

Основное освещение, работавшее по таймеру, уже было выключено, но всегда можно было включить дежурные светодиоды. Алексей посмотрел на показания приборов. Вроде бы всё в порядке. Надо осмотреть растения. Это может отнять несколько часов, всегда найдётся что-то интересное. Вот «Мини Ниддл», которую он выменял у немецкого коллекционера, пустила новый росток. Это хорошо: во-первых, это значит, что куст точно прижился, а во-вторых, через несколько месяцев этот росток превратится в маленькое самостоятельное растение, которое можно будет отделить от маточного куста и пустить на обмен. А у другого куста новый лист лезет...

Алексей прошёл к грядке с сеянцами. Грядка представляла собой ящик с землёй, закрытый сверху металлической решёткой, чтобы попугаи не вздумали полакомиться ценными семенами. Это была его гордость — его первые семена от диверсиколофлор. Но получить семена мало, нужно из них вырастить новые кустики. Вдруг семена окажутся стерильными? Или технология выращивания неправильная? Всё-таки в мире практически никто не выращивал диверсиколофлоры из семян.

Семена находились в том же состоянии, что и вчера. Корешок уже проклёвывался, а вот зелёная стрелочка выходить из семечка не хотела. Как же медленно они прорастают... Может быть, условия не те? Может, влажность нужно, наоборот, понизить?

Ещё несколько минут заняла уборка помёта попугаев. Большая часть комнаты представляла собой нечто среднее между грядкой и садом, там помёт не просто не мешал, а, наоборот, служил естественным удобрением. Что он очень быстро и правильно перерабатывался, доказывало хотя бы то, что в комнате не было никакого неприятного запаха. Но с проходов помёт следовало, конечно, убирать.

Алексей вышел из комнаты джунглей. Надя суежилась в комнате сына, обычно пустующей. Андрюша сейчас живёт в интернате и приезжает сюда только по выходным, но сейчас он, конечно, уже уехал.

Алексей с порога заглянул в комнату. Письменный стол, выключенный компьютер с покрытым тонким слоем пыли монитором, над столом помещается кровать, к которой ведёт деревянная лестница. Надя как раз перестилает эту кровать. На книжной полке зияют пустоты — эти книжки, конечно же, уже поселились в интернате. Туда же отправились шахматы, которые раньше лежали на краю стола... Комната пустовала.

Алексей вздохнул. Дома жить Андрюша не хочет, переселился в общежитие. По-видимому, так будет и дальше. Через два года он поступит в университет. Если ему дадут общежитие, то он совсем съедет отсюда. Исчезнет компьютер, из книжек останутся только детские и совсем ненужные, практически ничего не сохранится из личных вещей, и комната станет совсем мёртвой и заброшенной. Должно быть, о том же думает и Надя — застилает кровать, а сама хмурится, и глаза у неё рассредоточенные и грустные.

Алексей вышел из опустевшей комнаты. Несколько мгновений он размышлял, чем заняться дальше, но взглянув на часы, он решил, что лучше всего лечь спать. Завтра ему к первому уроку, а прошлой ночью выспаться не удалось. Сперва они долго и поздно ужинали с приехавшим сыном, время от времени обмениваясь малозначимыми фразами. Потом он потратил много времени на переписку с коллекционером из Испании. Английский у этого испанца оказался такой же жуткий, как и у Алексея, поэтому каждую фразу приходилось переспрашивать — правильно ли договорились стороны об условиях обмена.

Алексей умылся и пошёл в спальню. Кровать, некогда бывшая единым целым, теперь незримо делилась на две половинки. Разные подушки, разные одеяла. На тумбочках по обе стороны от кровати находились разные типы вещей. Справа, на Надиной стороне — разные скляночки: средство по уходу за контактными линзами, косметический крем и ещё несколько, назначения которых Алексей не представлял. За этими скляночками как бы скрывалась, но оставалась на поверхности тумбочки полупустая упаковка прокладок. На стороне Алексея — будильник, которым уже давно не пользовались, зарядка для мобильного и несколько гвоздей, лежащих тут с незапамятных времён.

Погружаясь в сон, Алексей слышал, как вошла в комнату жена, как возилась с одеждой, надевая ночную рубашку, как раскрыла свою половину кровати — быстрыми движениями, но в то же время осторожно, чтобы не вторгаться на половину мужа, как она пожелала ему спокойной ночи. Это были единственные слова, сказанные после прихода из гостей.

Пронизывающая морось разгулялась в настоящий дождь, который рябил в многочисленных мелких лужах, разбивая отражения фонарей. Каждое углубление в асфальте немедленно становилось очередным резервуаром для воды. Из-за темноты и пляшущих на поверхности зайчиков непонятной была глубина каждой лужи — то ли несколько миллиметров, то ли там открытый канализационный люк.

Валентина Ивановна Ровина сошла с асфальтированного тротуара и углубилась во дворы, где уже не было никакого асфальта и никаких фонарей, а была лишь грязь, тщательно замешанная, словно тесто умелым поваром, колёсами грузовых автомобилей, следы которых виднелись повсюду. По этой грязи приходилось ступать особенно осторожно, ибо она коварно сочетала в себе противоположные качества — липкость и скользкость. Многочисленные колеи, выкопанные колёсами грузовиков, заполненные дождевой водой, были похожи на диковинные ирригационные каналы в миниатюре, возведённые какой-то древней и великой цивилизацией.

Ровина затравленно шла вперёд. Она всегда боялась идти эти последние метры до подъезда. Хотелось пройти их побыстрее, но ускоряться на скользком грунте, пропитанном влагой, небезопасно. Тревожность складывалась из двух факторов: страха перед опасностью, которая может подстергать в этих тёмных кварталах, и общего дискомфорта от хождения по слякоти. В воздухе присутствовали затхлые запахи, хотя и значительно прибитые дождём. От трансформаторной будки пахло разлитым пивом и мочой, рядом стояла помойка, распространяя вокруг гнилостные ароматы. Под ногами Ровиной обречённо хрустнул кем-то выкинутый шприц.

Валентина Ивановна приложила магнитный ключ и вошла в подъезд. В подъезде тоже стоял противный запах, и из-за непрветриваемости он был даже сильнее, чем на улице, но он был в чём-то роднее и уже так не раздражал Ровину. Минувя лифт, она прошла на

лестницу, поднялась на семь ступенек, отделяющих уровень улицы от уровня первого этажа, и открыла дверь.

Теперь-то она дома и в безопасности, вот только привыкнуть к этому дому никак не может. Раньше у неё была трёхкомнатная квартира в Отрадном, но её пришлось продать, когда заболела мама. Часть денег ушла на лечение, а на остальные здесь удалось купить только эту крошечную однушку. В ней никак не желали помещаться вещи из прежней квартиры. Ровина их пыталась переставлять и так, и этак, но результат был одинаковый и закономерный, как в басне про квартет – никакого даже подобия уюта здесь не было. Может быть, стоило бы собраться с духом и повыбрасывать половину вещей, уже давно ненужных, но все эти вещи были мамины, и выбросить их у Ровиной не поднималась рука. Дюжина стульев, старых и уже совсем хлипких, хорошо смотрелась в прежней большой квартире, но здесь эти стулья являлись изощрённой насмешкой судьбы. Они громоздились один на другом, потому что это был единственный способ уместить их в маленькой комнатке, и в результате оказывались бесполезными все – верхние находились где-то высоко под потолком, а нижние несли всю эту конструкцию, и в результате сесть в комнате становилось просто не на что. Но мама, будь она жива, их бы ни за что не выкинула.

Ни мужа, ни детей у Ровиной никогда не было. Один раз её позвали замуж, но она отказалась и с тех пор ни разу не жалела о принятом решении, потому что бывший ухажёр вскоре начал пить по-чёрному и очень быстро пропил всё, что у него было. Что стало с ним потом, Валентина Ивановна уже не знала, да и не интересовалась его судьбой.

Прошлого у Валентины Ивановны тоже не было. Вполне можно было бы продать эту квартиру и купить жильё в Отрадном, конечно, не такую роскошную квартиру, как раньше, но хотя бы двухкомнатную. Можно было бы устроиться опять в отраднинскую школу, где ей будут рады, потому что она там была самым лучшим учителем, заслуженным учителем. Всё это можно было реализовать, но Ровина никогда об этом не думала. Это всё в прошлом, куда нет возврата. Если бы мама была жива... но мамы больше нет. Есть лишь эта квартира, напоминающая обломки предыдущей жизни, и работа, где она должна бороться за выживание.

И животные — собака Неля и две кошки, Лиза и Марфа. Все эти животные взяты из приюта, взяты полуживыми, взяты, потому что было их очень жалко, и ещё потому что Ровина знала — никто другой таких животных брать не станет, это был их единственный шанс на спасение.

Нелю принесли в приют с перебитым позвоночником. Она перебегала дорогу перед машинами. И перебежала бы, если бы сидевший за рулём «Копейки» паренёк, из тех, которые любят ощущать хруст ломающихся костей под колёсами, не сделал резкое и ничем не обоснованное перестроение. Он догнал собаку уже почти у самого тротуара, а потом дал по газам и исчез.

В приюте её даже и принимать не стали — сразу было видно, что собака не жилец, она корчилась в судорогах и тихонько поскуливала, глядя на людей печальными обезумевшими глазами. Но в этот момент в приют и зашла Валентина Ивановна. Она еженедельно навещала приют и оставляла там как дань несколько пачек корма для кошек. Собака умоляюще взглянула на Ровину, и это моментально решило дело.

- Издохнет, - сказал ей работник приюта, здоровенный парень с короткими пальцами, привыкшими осматривать животных и уворачиваться от их укусов. - Шансов никаких.

Ровина взяла собаку и две недели почти не отходила от неё. Сама наложила шины на сломанную лапу, кормила её из пипетки, каждые два дня вызывала ветеринара, чтобы тот

поставил ей капельницу. За эти две недели она потратила столько, сколько обычно зарабатывает за полтора месяца. От постоянного недосыпа у неё образовались огромные мешки под глазами. Но собаку она буквально вытащила с того света. Через две недели собака уже перестала постоянно скулить от непрерывной боли и начала самостоятельно принимать пищу. Только хвостом в знак благодарности она вилять не могла, потому что ей парализовало всю заднюю половину тела.

Тогда Ровина смастерила ей инвалидную коляску, и Неля стала учиться ходить, перебирая только передними лапами. Задние лапы остались без управления и безжизненно висели в воздухе, а по бокам туловища теперь располагались колёса.

Обе кошки тоже были взяты больными и искалеченными — у Лизы был только один глаз, а Марфу, по-видимому, отравили крысиным ядом, потому что ещё долго после приюта организм у неё не хотел принимать никакой пищи, отдавая всё обратно, да и теперь с питанием Марфы были проблемы — как только она съедала чуть больше, чем нужно для поддержания жизни, она начинала громко-громко мяукать от боли. Ровина старалась кормить её поменьше, но глуповатая Лиза всегда упускала свой кусок, в который моментально вгрызалась голодная Марфа. А через пятнадцать минут, съев больше, чем мог переварить её организм, Марфа начинала кататься по полу с оглушительным мявом.

Валентина Ивановна вошла в квартиру и, не раздеваясь, позвала Нелю гулять. Неля выкатилась ей навстречу, быстро перебирая передними лапами. В глазах у неё отражалось виляние хвоста, но сам хвост был парализован и неподвижен, точно кусок проволоки, обтянутый шкурой.

Ровина разулась на минуту, чтобы пройти к холодильнику и взять оттуда путассу. Сама она рыбу не ела, путассу предназначалась для кошек — своих двух и ещё уличных, которых она подкармливала. Рыбы осталось мало, пожалуй, завтра надо зайти в магазин и купить ещё. Ровина взяла три рыбины, завернула в пакет и пошла к выходу.

Пока Ровина возилась с дверью, Неля выскочила в коридор и остановилась перед ступеньками — эта преграда для неё была непреодолимой. Ровина подошла и перенесла её через семь ступенек, отделяющих первый этаж от уровня улицы. Сейчас она мысленно прокладывала маршрут прогулки с Нелей. Клочок травы, не тронутый автомобилями, был за домом. Ровина всегда водила Нелю именно туда, но сейчас путь к нему преграждала грязь. Октябрь — плохое время для прогулок с парализованной собакой в инвалидном кресле. Колёса вязнут в грязи, и слабые передние лапы неспособны их протолкнуть вперёд. Сделать их, что ли, пошире? Надо будет подумать над этой задачей.

В углу здания, в укромном уголке, стояла старая миска для кормления местных кошек. Ровина положила рыбу в эту миску и стала наблюдать, краем глаза поглядывая за Нелей, чтобы та ничего не подбирала с земли. Запах у путассу довольно сильный, и кошки слетелись на рыбу мгновенно. Ровина смотрела, как они делят добычу. Что-то много их стало. Вот этому рыжему надо бы подобрать хозяина. Она уже двум кошкам из этого стада нашла хозяев, но бездомных кошек почему-то меньше не становится. Кажется, даже наоборот — их становится больше. Жалко, очень жалко этих красивых животных, жалко, что они вынуждены влачить своё существование в подвалах, питаясь в основном отбросами с помойки. А когда в доме заводятся крысы, их травят — вот и сейчас она получила от знакомых такую информацию. А кошки, съедая отравленные куски, становятся жертвами. Вот и Марфа так же попалась год назад...

Погуляв Нелю, Ровина протёрла ей передние лапы, а также ободы колёс. Потом переделась и включила компьютер, стоящий на кухне. Кухня оказалась единственным

местом, где можно спокойно находиться, потому что мебель со старой квартиры в ней поместилась. Теперь обеденный стол превратился в рабочее место. Кухонный стол ей всё равно не нужен — гостей у неё не бывает, а для самой себя готовить как-то неохота, нет времени, а главное — незачем. Ей-то уже почти ничего не нужно...

В компьютере было всё по-старому. Петиция против использования меховой одежды. Ровина прошла по ссылке, заполнила данные и подписала петицию, не вчитываясь в содержание. Таких петиций она подписала уже великое множество, и все они были почти одинаковыми. Совершенно безнравственно и жестоко пускать живых существ на убой ради шкуры. К статье прикладывались фотографии животных с грустными мордами, животных в тесных клетках с решётчатым проволочным дном, которое, как утверждалось, режет лапы зверей в кровь, животных с вытекшими глазами, с открытыми кровоточащими ранами, просто трупы животных в клетках, где сидят другие животные; были там и фотографии горы трупов зверей со снятыми шкурами, а повыше — их шкуры развешены сушиться, много-много шкур; и глядя на эти картинки, становилось невообразимо жалко этих несчастных зверей, живущих в жутких тесных клетках, ожидающих мучительной смерти — и всё равно для того, чтобы кто-то мог позволить себе шубу из натурального меха. Сейчас Ровина пропустила эти фотографии — во-первых, она их уже видела раньше, а во-вторых, в приюте, куда она регулярно навещается и где оставляет по две пачки сухого корма, она ещё и не такого насмотрелась.

Петиция... предупреждалка о том, чтобы домашние животные не поднимали ничего на улице, потому что травят крыс... информация, что в одном из районов орудует маньяк, стреляющий в собак, когда хозяева выводят их на прогулку... Ох уж эти маньяки, самих бы их перестрелять. Ровина выразительно посмотрела на Нелю, и собака ответила взглядом, в котором читалось полное согласие.

Воскресенье закончилось, закончились выходные, и впереди город ожидала очередная рабочая неделя. Дождливая ночь постепенно принимала город в свои объятия — мало-помалу уменьшалось количество горящих окон. Люди ложились спать — с удовлетворением от проведённых выходных, с надеждой, что следующая неделя принесёт им что-то хорошее, с пустотой от потраченного зря времени, с разочарованием от того, что всё идёт не так, как хотелось бы... Люди ложились спать. Спал Миша Азаров, ошарашенный неожиданным результатом спектральной задачи — об этом результате он надеялся пообщаться с кем-нибудь на конференции. Уснул Алексей Семёнов — с мыслью о том, как же заставить диверсиколафлоры стабильно завязывать семена; в его голове перед сном возникла мысль, что, если не помогает изменение температуры и влажности, стоит попробовать поиграть с переменной давления — чем чёрт не шутит. Спал именинник Польский — с директорским ощущением одной выполненной задачи и ещё сотни невыполненных, которые ещё предстоит сделать. Уснула и Ровина — с тревогой за несправедливо обижаемых братьев наших меньших. Город спал, убаюканный мелким всепроникающим дождём, повисшем в густой и вязкой атмосфере.

4. Заповедник

Октябрьский рассвет запаздывал, словно рейсовый самолёт, который не может вылететь вовремя, потому что у него случилась задержка на предыдущем рейсе. Город пробуждался и начинал шуметь, делая последние приготовления перед новым днём, не дожидаясь, пока

светило соизволит выглянуть из-за горизонта, всё равно скрытого в облаках. Туда и сюда по магистралям сновали деловитые автомобили, в общем потоке мчались лёгкие маршрутки, которые спешили перевезти пассажиров и оттого нарушали все мыслимые правила, серьёзные автобусы степенно плыли по течению, останавливаясь через каждый квартал. По некоторым улицам шли трамваи, стреноженные проводами и рельсами, будто некогда буйные жеребцы, уже смилившиеся со своей судьбой. Город просыпался, город дышал, город суетился так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что этот гигантский организм жив.

Но есть в городе места, свободные от бессмысленной суеты. Трамвайные рельсы сворачивают за два квартала от этих мест, не проходят через них и оживлённые улицы. Такое место напоминает заповедный уголок, в котором хочется уединиться и там спокойно подумать о чем-нибудь таком, о чём невозможно думать в сутолоке города. Город выбивает спокойные мысли из своих жителей, суета является платой за право жить среди множества себе подобных.

Одно из таких мест напоминает лесопарк. Липовая аллея стоит на страже, скрывая от посторонних глаз сердцевину квартала. Там, за этой аллеей, проложена асфальтированная тропинка, которой редко пользуются, а за ней стоит решетчатый забор, некогда выкрашенный зелёной краской. Краска теперь выцвела и облезла, и забор имеет защитный грязно-коричневый цвет, полностью маскирующий его за липами.

Когда-то это место было окружено пустырями и редкими пятиэтажными строениями, так что липы, тополя и тёмные ели были доминантами рельефа, но теперь, как грибы, на каждом клочке пустой земли выросли высотные дома. Кажется, что они нависают над этим кварталом и грозятся его поглотить, но квартал пока стойко держит оборону и не даёт себя в обиду. Если перемахнуть через забор — а сделать это несложно, просто мало кому приходит в голову — то первые же деревья закроют от взгляда город, впитают бензиновую гарь, которой напитан городской воздух, и покажется, будто ты стоишь в девственном лесу, хотя на самом деле этот клочок леса не превышает пятидесяти метров в ширину.

Но посмотрим, можно ли сюда проникнуть, не перелезая через забор. Если пойти по тропинке направо, то забор нырнёт вглубь на десять метров и превратится в крохотное здание, больше напоминающее будку, защищённое несколькими хаотично растущими тополями и потому почти невидимое с перекрёстка. В этой будке находится пропускной пункт, но никакого вахтёра там нет, будка имеет чисто декоративный характер. Мимо этой будки, через постоянно открытые ворота в заборе, можно проехать вглубь этого квартала. Дорога, правда, становится неасфальтированной и очень узкой. Но проехать по этой дороге можно, а пройти — тем более.

Мы ошиблись — этот тихий и уединённый квартал занят вовсе не лесом. Лесная полоса имеет не более пятидесяти метров в ширину и является всего лишь ширмой, скрывающей то, что внутри. А внутри мы видим площадку, уже асфальтированную, и за этой площадкой как бы вырастает трёхэтажное здание из белого кирпича, гармонично сливающееся с окружающей средой. Обычно перед любыми зданиями выстраивается длинный ряд машин, словно охраняющих здание от чьего-то посягательства, но перед этим домом никаких автомобилей нет, будто сама мысль о том, что на это здание кто-то может посягнуть, является кощунственной. Разве что грузовик привезёт продукты в столовую — другие машины обычно отсутствуют. Поэтому и грунтовая дорога, ведущая сюда, не разъезжена и не превратилась в грязную жижу.

Перед зданием на асфальте выведена краской крупная надпись, регулярно обновляемая. Прочитать её можно со стороны здания, а гости, пришедшие со стороны города, её увидят перевёрнутой. «Интернату viva!» - вот что написано на асфальте. И эмблема в виде октаэдра с пустыми гранями, состоящего только из рёбер, и эти рёбра оплетают, зацепляясь друг за друга, три ленты. Ненаблюдательному человеку они покажутся просто лентами, наблюдательный же заметит, что каждая из них является лентой Мёбиуса, а сплетаются они по-хитрому — ни одну из них нельзя отделить от других, не разрезая их, зато достаточно разрезать любую из этих трёх ленточек, и остальные две также распадутся. Стандартная картинка, иллюстрирующая неполноценность коэффициентов зацепления, в руках умелого художника превратилась в своеобразный символ единства.

Отсюда, с площадки перед зданием, не виден город и не слышны его диссонансы — ни низкочастотные секунды шороха шин об асфальт и стука трамвайных колёс о рельсы, ни натянутые септимы рёва моторов, ни визгливые тритоны говорящей рекламы, которые так и хочется разрешить в кварталы мало-мальски полезной информации, а ещё лучше — выключить вовсе. Лесополоса поглощает все звуки. Лишь изредка взвизгнет сирена «скорой», незаглушаемая и слышная отовсюду. До этого года были видны лишь могучие полувековые деревья, но теперь справа над деревьями начал возвышаться скелет, какими обычно окружают ремонтируемые здания. В этом квартале три года назад началось строительство храма («строим всем миром»), и теперь этот храм перерос деревья. Ожидается, что в следующем году у храма поставят и позолотят купол, который засияет над кварталом подобно маленькому солнцу, а потом под этот купол повесят колокола, которые будут оглашать окрестности своим мелодичным звоном.

Здание, перед которым мы находимся, разделено на несколько отсеков. Самый левый и самый правый отсеки, симметрично расположенные по бокам здания — это общежития. Средний отсек — учебные аудитории, физические и химические лаборатории. Спортивный зал вынесен в отдельный отсек, актовый зал и столовая как-то вписались в центральную часть здания.

Если войти в это здание, можно увидеть просторный холл. Правую треть этого холла занимает зимний сад неземной красоты. Словно в этой части холла когда-то было движение литосферных плит, запустившее процесс горообразования — вместо ровного пола в зимнем саду дыбятся неприступные скалы, и все уступы скал заняли растения, образуя сплошной ковёр. Растения селятся также и на стенах, и даже с потолка свисают какие-то диковинные листья. Всё это освещено фантастическим светом, непонятно откуда берущимся, а все листья переливаются многочисленными бриллиантами, будто бы на них осела утренняя роса. При ближайшем рассмотрении оказывается, что листья действительно покрыты капельками воды, а подождав немного, становится понятно, откуда эта вода берётся — растения автоматически опрыскиваются каждые пятнадцать минут.

Ближе к центру холла высится длинный стенд, на котором размещены разнообразные кубки, грамоты и награды. Там же — деревянная доска, на которой трафаретным шрифтом написаны многочисленные фамилии — победители всесоюзных и международных олимпиад, если верить заголовкам. Но почему-то всё заканчивается 1995-м годом. Может быть, никаких достижений после этого не было? А может, они перестали помещаться на этот стенд, и все более поздние достижения вывешены где-то в другом месте? Или ныне они и вовсе не вывешиваются?

Ещё левее — проход к лестнице, ведущей на второй и третий этажи. Именно туда направляются почти все, кто приходит в это здание. Над этим проходом висит цитата, вполне способная быть девизом: «Математику только затем учить надо, что она ум в порядок приводит». И ниже подпись: М.В. Ломоносов. Возле этого прохода — будочка вахтёра, настоящая, а не декоративная. Перед будочкой — затрёпанный журнал с заложённой в него ручкой. Обитатели этого здания, выходя, обязаны отметить в журнале и написать, куда они уходят и когда вернутся. Но делается это далеко не всегда, а многие из записей иначе как шутку и рассматривать невозможно. Например, в графе «ФИО» стоит запись «Раскольников» (без инициалов), а в графе «куда» — «к старухе». На самом деле среди обитателей здания действительно есть человек по фамилии Раскольников, у которого в городе живёт бабушка.

С восьми утра здание оживает. Ровно в восемь в двух жилых корпусах раздаётся голос воспитателей: «Подъём!» Громкость зависит от силы голоса и манеры будить обитателей. Один из них, Олег Павлович Арисов, по прозвищу «Арес» (или «Орес» - неизвестно, ибо прозвища никогда не пишут), набирает в лёгкие воздух и орёт слово «подъём» с ужасающей силой, способной свалить слона. Такой силе голоса, но отнюдь не музыкальности, позавидовал бы любой оперный певец. Он ещё берёт огромнейшую связку ключей от всех комнат и начинает ими трясти, стучась во все двери. Грохот стоит такой, от которого, наверное, проснётся даже мёртвый — но в морг Ареса ни разу не отправляли проводить подъём, так что достоверно это неизвестно. Зато обитатели здания уже давно привыкли к тому, что по понедельникам, четвергам и иногда субботам подъём проходит именно так, и потому не обращают на этот грохот никакого внимания, а лишь лениво открывают глаза, позёвывают и решают, стоит ли им идти на завтрак, который будет в половину девятого, или же лучше перевернуться на другой бок и посмотреть ещё два-три сладких утренних сна. В другом жилом корпусе подъём более мягкий, и проводит его молодая воспитательница Светлана Александровна, которую все зовут за глаза не иначе как Светочкой. Она просто заглядывает во все комнаты и громко спрашивает: «Девочки, вы встали?» В этом отсеке есть и несколько мужских комнат — туда Светочка не заглядывает, а лишь громко стучит в дверь, пока из комнаты не раздаётся голос, обозначающий, что обитатели встали. Вообще-то этот отсек планировался как корпус девочек, но девочек в этом здании мало, а мальчиков, наоборот, много — все не вмещаются в противоположный отсек. Поэтому в этом корпусе есть несколько мальчишеских комнат.

Те обитатели, которые решили, что подъём имеет к ним какое-то отношение, выползают из комнат и начинают умываться. К умывальникам выстраивается очередь, и если бы вставших было побольше, то очередь оказалась весьма внушительной. Но вставших мало, к тому же среди них есть неисправимые жаворонки, желающие умыться до подъёма, поэтому очередь очень быстро рассасывается. Некоторые экстремалы по утрам принимают душ, но таких совсем единицы, потому что с утра невозможно определить, какая вода горячая, а какая холодная. Можно открыть любой кран, и из душа потечёт ледяная вода. Если с краном угадать — а кран с горячей водой никак не выделен цветом — то через пять-десять минут вода начнёт потихоньку подогреваться, а минут через пятнадцать ей уже вполне можно будет мыться. Неудивительно, что желающих принять утренний душ находится немного.

В половину девятого проснувшиеся собираются в столовую на завтрак. На завтрак — какой-нибудь бутерброд с сыром, пряник, чай или какао консистенции разведённого мыла, подёрнутое плёночкой пенки, и каша, прозванная невесомкой за то, что она не вываливается, если тарелку перевернуть. Этот удивительный опыт проводят все кому не лень, но он быстро наскучивает. Говорят, что каша сохраняет форму, даже если тарелку уронить на пол и разбить, но людей, лично видевших такой эксперимент, весьма немного. Иногда бывает и другой тип каши, названной гелиевой за её сверхтекучесть. И ту и другую кашу почти никто не ест, и она в избытке остаётся после завтрака.

На обед накрывают специальные дежурные, и каждый класс зовут в столовую только после того как всё накрыли. На завтрак же накрывают те, кто первым пришёл. Это негласный закон интерната. Соответственно, пришедшим достаются все порции класса. Выносить из столовой ничего нельзя, но это правило не всегда выполняется. Выносить кашу никому и в голову не придёт, бутерброды выносят, но хлеб быстро черствеет, а масло обветривается и желтеет. Наибольшую ценность имеют пряники — с ними можно вечером выпить чай у себя в комнате. Но пряников не так много. Если в классе двадцать пять человек, и каждому полагается пряник, а на завтрак приходят шестеро — нехитрый подсчёт приводит к тому, что каждый получает примерно по четыре пряника. Два-три пряника он съест с чаем, и уносить становится практически нечего. С одним пряником чая не выпьешь, тем более что чай обычно пьётся в компании.

Интернат продолжает оживать. В девять начинаются уроки, и те учителя, у которых по расписанию есть первый урок, потихоньку приходят. Вот приходит чета Семёновых, идут практически нога в ногу. У дверей Семёнов пропускает жену, а затем они идут вместе в учительскую. Вот подъехал к кварталу, но оставил машину за воротами, Горыныч. В последнее время многие преподаватели обзавелись своими машинами, но все они оставляют своих железных коней за воротами — такова негласная традиция. Точно так же поступает и Пётр Петрович Сушков, учитель истории.

Завтрак заканчивается, Ольга Петровна, повар интерната, орёт всем, чтобы убрали тарелки с кашей. Но тарелки никто не хочет убирать, потому что кашу почти никто не ел. Два человека берут в руки по тарелке и несут их к столу грязной посуды, а остальные просто уходят. Гора тарелок с нетронутой кашей остаётся дежурным.

Ещё одна порция обитателей встаёт к первому уроку, предпочитая завтраку лишние полчаса сна. Они умываются, некоторые из них решают сходить в душ, надеясь, что кто-нибудь до них уже пропустил порцию холодной воды, и теперь вода восстановила нормальную температуру. Затем расходятся по классам, потом раздаётся школьный звонок — девять утра. Некоторые со всех ног направляются к кабинету, другие не спеша дочищают зубы, переодеваются и тогда уже идут на занятие, а третьи продолжают спать. Посещаемость очень зависит от урока: у Горыныча, например, класс в почти полном составе, потому что не прийти к нему чревато неусвоением темы с долгоиграющими последствиями, а у Сушкова в классе всего двое, потому что история не является профилирующим предметом, и если стоит выбор, что прогулять — физику или историю, то ответ однозначен. Обязанность воспитателей — обеспечить явку учеников на уроки. Арес заглядывает в кабинет к Сушкову, видит двоих присутствующих, вскрикивает своим удивительным рёвом: «Кааак! А где остальные?», вооружается обратной связкой ключей и идёт будить остальных. Но остальные прекрасно знают, как будут развиваться события дальше, потому что не первый понедельник здесь живут. Ещё два-три человека решают, что лучше поздно, чем никогда, и не спеша отправляются на историю, а остальные

закрывают комнату на ключ, оставляют ключ в дверях, чтобы дверь невозможно было открыть снаружи, кладут голову под подушку, чтобы страшный грохот от связки ключей меньше раздражал и не мешал спать, и ни о чём не беспокоятся. Снова серия страшных ударов в двери, уже не во все, а только в те, за которыми живут прогульщики (кстати, ещё один метод — перейти спать в соседнюю комнату, куда стучать не будут), снова крик: «Кто ещё не на занятиях?» - но уже не такой оглушительный, как утром, потому что Аресу однажды сказали, что эти крики очень мешают проводить уроки в центральном корпусе. Так началась в интернате новая рабочая неделя, последняя неделя перед осенними каникулами.

За воротами интерната скапливаются машины, припаркованные на соседних улицах, так что конспирация интерната полностью сохраняется. Вот стоит «Фордик» Горыныча, вот неподалёку «Девятка» Сушкова, которая постоянно ломается, из-за чего Сушков регулярно опаздывает. Чуть позже к ним присоединяется «Королла» Польского. Директор тоже предпочитает последние сто метров пройти пешком.

Но один автомобиль, блестящая чёрная «Мазда 6», всё-таки въезжает на заповедную территорию. Но ненадолго — просто останавливается у входа, из автомобиля выходит женщина, после чего авто бесследно растворяется в городских потоках. Женщина уверенным шагом идёт в интернат. По лицу невозможно определить, сколько ей лет — может быть, тридцать, а может, и сорок, но навряд ли больше. Неярко накрашенные губы, аккуратно подведённые глаза, светлые крашенные волосы уложены в короткое каре. На шее — серебряная цепочка с небольшой жемчужиной. На губах — улыбка. С первого взгляда эта улыбка может вызвать доверие, со второго и после — никогда. Это дежурная улыбка, заменяющая маску. Под такой улыбкой не видно остального лица.

Женщина проходит мимо вахты, не поздоровавшись и не кивнув вахтёру, потому что сама по себе улыбка может служить приветствием. Твёрдым шагом направляется на второй этаж, в один из торцевых кабинетов в закутке для администрации, достаёт из пальто ключи и открывает ими кабинет, на котором красуется блестящая металлическая табличка с выгравированными на ней серебряными буквами:

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА БАБЕЛЬ

Заместитель директора

по общим вопросам

Наталья Никаноровна появилась в интернате два года назад, появилась совершенно неожиданно, как чужеродный элемент. Просто Университет предложил СУНЦу новую ставку заместителя директора, но с условием, что эту ставку займёт фиксированный человек. Точнее, не предложил даже, а ввёл эту ставку — Польского никто не спрашивал, руководство Университета просто поставило его перед фактом. Так и появилась в СУНЦе Наталья Никаноровна. Тут же нашла себе кабинет (оказалось, что угловой кабинет в административном закутке пустовал) и поселилась в нём. На кабинете вскоре появилась табличка, в самом кабинете — какие-то шкафы, красивый письменный стол и прочая мебель. Всё это минуя бюджет интерната.

Все понимали и молчали. По слухам Бабель является любовницей первого проректора Университета, поэтому никого и не удивило, что специально под неё была выделена ставка в интернате, да ещё такая странная (по словам Польского, лишние заместители ему не требовались), не удивило, что появилась какая-то мебель. Кабинета было не жалко, он всё равно пустовал.

В первый месяц Бабель пыталась контактировать с учителями. Проводила какое-то время в преподавательской, с кем-то пробовала общаться, всё больше с учителями английского и географии — словом, все восприняли, что она хочет влиться в коллектив. Как-то раз похвасталась своей родословной, заявив, что является внучкой великого писателя Исаака Бабеля. Но это она сказала зря. Будь разговор в компании математиков или физиков, эти слова, может быть, и сошли бы ей с рук, но находилась она среди учителей литературы. На что моментально взяла слово Александра Фёдоровна Толстая, сама являющаяся каким-то дальним потомком графов Толстых, выросшая в среде писателей и знающая биографии русских и советских писателей как свои пять пальцев. Лекторским тоном, не допускающим никаких возражений, она объявила, что Исаак Эммануилович Бабель родился в 1894 году и был расстрелян в январе 1940-го, что у него была жена Евгения Борисовна Гронфайн и ещё две гражданские жены, что у него было трое детей — Эммануил, 1926-го года рождения, Наталья, 1929-го и Лидия, 1937-го года рождения, так вот не потрудится ли она, Наталья Никаноровна, уточнить, чьей именно дочерью из трёх предложенных вариантов она является? Наталья Никаноровна уточнить не потрудились, а вместо этого сразу перевела разговор на другую тему. А в начале следующего месяца выяснилось, что всем учителям литературы была срезана ежемесячная надбавка. Осторожные расспросы показали, что другим учителям надбавка всё-таки была выдана, а причины отсутствия надбавки остались тайной за семью печатями. Почему-то никто не захотел выяснять эти причины, тем более что в следующий месяц эти надбавки были восстановлены.

С тех пор Бабель поселилась в своём кабинете и с учителями практически не разговаривала; учителя тоже предпочитали с ней не связываться — как бы не вышло чего. Не то чтобы она была бесполезной персоной в интернате. Она ведала какими-то документами, в которые обычные учителя не влезали и вообще предпочли бы не знать о существовании этих документов. Некоторые вопросы на административном уровне она решала легко и непринуждённо, «за доступ к телу», как выражались за глаза, имея в виду её связь с проректором. Например, когда Университет получил крупный грант, интернату тоже досталось пять миллионов — моментально, как по взмаху волшебной палочки. До прихода Натальи Никаноровны до интерната обычно не доходило ни крохи от университетской трапезы. Сотрудники интерната радовались — наконец-то от этой Бабель какая-то польза, и польза весьма немалая. Но радоваться было преждевременно, потому что эти деньги выписали только на бумаге. На эти миллионы школе предложили приобрести нанолабораторию, почему-то состоящую из фрезерного станка и электронного микроскопа. Никакие аргументы, что интернату не нужен ни фрезерный станок, ни электронный микроскоп, не подействовали. Пришлось принимать бесполезный дар, занимающий место, и думать, как его использовать. Пока что станок и микроскоп пылятся без дела, но не исключено, что учителя экспериментальной физики придумают им какое-нибудь применение.

Ещё Бабель очень любит порядок и очень не любит, когда этот порядок нарушают. В какой-то момент Азаров в очередной раз не вернул на вахту ключи от кабинета, и на следующее утро в кабинет полчаса не могли попасть, пока завхоз Рыжков не нашёл запасной ключ. Потом, когда Азаров появился в следующий раз, Наталья Никаноровна пошла в учительскую и при всех наорала на Азарова — что он такое себе позволяет, и что он совершенно не знает, как принято вести себя в школе, и вообще учитель из него совершенно никакой, и чтобы он немедленно исправился и следил за имуществом, если

вообще хочет здесь работать. Выговорившись, Бабель ушла к себе. Азаров пожал плечами и сказал: «Ой, а чего это она?», как будто бы это не на него только что наорали. Остальные учителя после этой истории люто возненавидели Бабель, хотя недолго любили и раньше — слишком уж явным вышло противопоставление Бабель и Азарова. Её фамилия, сказанная с соответствующим выражением и ударением на согласную «б» - «Ббабель», оказалась лучше любого прозвища и стала почти что нарицательным словом. Кто-то напомнил известный анекдот о том, как Будённого спросили, нравится ли ему Бабель. На что тот, покрутив свой ус, ответил: «Смотря какая бабель».

Если Азаров в известном смысле был символом интерната, то «смотря какая бабель» оказалась в том же смысле его антисимволом.

5. Директорские будни

Сергей Юрьевич Польский только-только успел войти в кабинет и снять верхнюю одежду, как к нему постучали. «Не к добру это», - подумал он. Конечно, на то он и директор, чтобы к нему приходили с разными вопросами, но всё-таки когда приходят с самого утра, то редко с какими-нибудь радостными вещами. Наверняка опять проблема, которую нужно срочно решать.

На пороге стоял Арес. Польский жестом предложил ему пройти, но Аресов отказался и принялся говорить прямо с порога.

- Вы знаете, Незлобин опять не пришёл на урок, - выпалил он.

Польский прищурился и пошевелил своими усищами, отчего совсем стал похож на Бармалея в тот момент, когда он задумал скушать пару маленьких детей. Арес даже немного попятился — а вдруг этот Бармалей сослепу растерзает его вместо Незлобина. Но тихий голос был без злости и даже без раздражения, в этом голосе было скорее отчаяние.

- Третий раз за эту четверть? За два месяца...

- Не знаю, - растерянно сказал Арес. В его обязанности совершенно не входил подсчёт количества часов, пропущенных тем или иным преподавателем.

- Я знаю, - вздохнул Польский. - Точнее, третий прогул из тех, о которых я знаю. Печально. Позвонить пробовали?

- У меня нет его номера, - ответил тот.

Польский достал телефон, потыкал в кнопки, отыскал в записях номер Незлобина, нажал на кнопку вызова.

- Выключен, конечно, - подытожил он через несколько секунд. - Совсем запил. Да, ещё раз он под шафе на урок пришёл. Увольнять придётся.

Польский тяжело вздохнул. За весь период директорствования он ни разу никого не уволил. Эта мысль привела его лицо в ещё более свирепый вид — усы так и заходили вокруг рта, словно две сабли.

- Дети, конечно, уже разбежались?

Отвечать на этот вопрос не требовалось. В интернате дети ждали пятнадцать минут и дружно разбежались по своим комнатам. А к Незлобину вообще половина класса наверняка не дошла. Если преподаватель пропускает занятия, ученики тоже перестают к нему ходить.

- Печально, - произнёс Польский каким-то наивно-детским голосом. - Ну что тут сделаешь. Это какая-то общая болезнь интерната.

Разговор, очевидно, был закончен. Арес повернулся к выходу.

- Да, посмотрите там, дошёл ли до урока Губарь.

- Сейчас посмотрю, - ответил тот.

Больше не понадобилось никаких вопросов. Губарь — это фамилия ученика, взятого в интернат с пятым местом на всероссийской олимпиаде по математике. То есть это один из лучших учеников — не только по интернату, но и по всей стране. Попав в интернат, он начал безбожно прогуливать занятия и вообще ничему не учиться. Даже математике. За контрольные по математике он теперь получает стабильные двойки. Да, так иногда бывает — победитель многочисленных олимпиад не знает тригонометрических формул. В олимпиадных задачах эти формулы ему не пригождаются. Разумеется, таких учеников знает вся страна, а если начинаются проблемы с их обучением, то это оказываются проблемы школы. Слава школы, испортившей такого хорошего ученика — дурная слава.

«Что с этим сделаешь,» - подумал Польский, теперь про Губаря. Ничего не сделаешь. Можно держать над ним большую дубину, но это не поможет. Даже если приставить персонального воспитателя. Можно лишь надеяться, что переберется, что это возрастное явление, связанное с гормонами, взрослением и прочей ерундой. Но гормоны гормонами, а лень ленью. Если человек не хочет учиться, он учиться не будет.

Следующий визитёр отвлек Польского от этих невесёлых мыслей и перевёл их в более деловое русло. Визитёр был одет официально — рубашка, галстук, пиджак. Большинство приходящих в интернат пиджаки не носят. Сам Польский предпочитал обходиться свитерами, а пиджаки надевал только по каким-то официальным поводам, в результате чего пиджак всегда смотрелся на Польском как нечто чужеродное, будто банановая шкурка на огурце. На посетителе же пиджак и галстук выглядели как неотъемлемая часть тела.

- Доброе утро, Александр Евгеньевич, - Польский протянул посетителю руку.

- Доброе. Лучше просто Саша.

Не в первый раз посетитель предлагает отменить отчество. Польский всё равно называет его по имени-отчеству. Посетитель, Александр Руцкий, намного младше, тридцати двух лет, и ему неудобно такое официальное обращение.

Польский включил чайник и предложил гостю сесть.

- Как ваши кружки? - спросил Польский. Должно же быть какое-то начало разговора.

- Кружки идут. На этой неделе запускаем пятый класс. В пятницу будет первое занятие.

Польский вместо ответа кивнул.

- Вести этот кружок будет Игорь Вернер, он сейчас на четвёртом курсе учится, - продолжал Руцкий.

- Вернер... Он ведь у нас учился?

- Да, теперь мы его к себе перетянули.

Польский снова закивал. Дальше произошла небольшая заминка, потому что каждый из них знал, какой вопрос должен быть следующим. Но Польский сейчас не был готов на этот вопрос отвечать. А Руцкий знал, что этот неудобный вопрос задать обязательно нужно, но ответ и без того известен. Польский делает всё, что в его силах, но лишние ставки на оплату кружков ему брать неоткуда.

- В ближайшее воскресенье проводим наборную олимпиаду, - продолжил Руцкий, желая временно уйти со скользкой темы. — Надеюсь, с неё в кружки придёт ещё какое-то количество детей.

Польский снова покивал. Отвечать на это было нечего.

- Только пока что приходится воевать с ректоратом. Университет, конечно, предоставляет под олимпиаду свои помещения, только оформить приказ о проведении олимпиады оказывается ох как непросто. И с каждым годом всё сложнее и сложнее, всё больше каких-то непонятных бюрократических проволочек.

Польский снова сочувственно покивал головой. Он хорошо знал все эти бюрократические проволочки.

- К сожалению, я не могу предоставить вам это здание под олимпиаду. Пять лет назад мог бы, а теперь для этого тоже нужна виза ректората. Есть определённые неудобства в том, что мы являемся подразделением Университета.

- Я понимаю, но это здание и по мощности не подойдёт. Участников ведь триста человек предполагается, тут таких помещений просто нет.

Польский снова покивал головой. Вода в чайнике закипела, чайник щёлкнул кнопкой и перестал работать.

- Вы какой чай пьёте — чёрный, зелёный?

Гость предпочёл чёрный. От пакетика, опущенного в горячую воду, пошла тёмно-коричневая дымка. Окрашенная вода оседала вниз и не хотела смешиваться с остальным содержимым чашки.

- Но вот по какому поводу я пришёл сейчас. Нам ведь надо детям объявить информацию о наборе в класс. Если мы этого не сделаем сейчас, то мы рискуем потерять часть нашего контингента. Родители хотят заранее знать, что их ждёт.

- Я разговаривал с Ягуновым. Он дал потенциальное добро на словах, а вот до приказа об открытии класса ещё далеко. Вы ведь хотите набирать восьмой класс? До сих пор интернат набирал только девятые и десятые классы. Причём наши классы физико-математические, а ваши классы ведь будут просто математическими? Я понимаю, что физика в них будет на том же уровне, но для открытия этих классов как минимум нужно написать все рабочие программы и утвердить их. Мы, конечно, утвердим то, что вы напишете, но эти программы должны быть.

- Мы сейчас работаем над ними, - сказал Руцкий. - Хотелось бы взять какие-нибудь ваши программы, просто чтобы соблюсти формат.

- Это лучше к Наталье Никаноровне, всё это добро у неё хранится. За каникулы напишете? Хорошо. Дальше есть вопрос с количеством учеников. Раз формируются новые классы, численность учащихся, значит, придётся увеличивать. Это сложно, тоже потребует большого документооборота, но тот же Ягунов говорит, что вполне возможно. В общем, это уже наша забота. Деление класса на группы обеспечим.

- А численность классов?

- Пока можно рассчитывать на двадцать человек. Если удастся, будет двадцать пять. Вам ведь большая численность и не нужна?

- Да. И мы бы хотели нескольких человек иногородних привлечь. Можно будет их поселить в общежитии?

- Да пожалуйста. Но я рассчитываю, что класс будет преимущественно городской. Наши общежития не резиновые, но двоих-троих поселить можно. А откуда они?

- Есть, например, Слепцов из Якутска. Очень сильный семиклассник, выступал на всероссе за девятый класс. С нами он был в летнем лагере, мы разговаривали и с ним, и с его родителями — в принципе они рассматривают вариант отдать его сюда. Есть ещё несколько иногородних.

Польский снова покивал и предложил печенье.

- Следующий вопрос — про вступительные экзамены.

- Да, я помню, что вы бы хотели обойтись без них.

- Мы же хорошо знаем всех детей, собирающихся пойти к нам в класс. И по кружкам, и по летним лагерям, и по олимпиадам. Знаем, что они из себя представляют. То есть экзамены проводить незачем. Что можно узнать об ученике за два часа экзамена, если мы его знаем уже два года?

- Я понимаю. Но формально экзамены должны быть. Если мы будем принимать кого-то без экзаменов, это будет похоже на коррупцию, потому что мы никогда не объясним, по каким причинам мы берём Ваню и не берём Петю. Поэтому формально, увы, экзамены должны быть. Но ведь эти экзамены проведёте всё равно вы, внутрь уже никто не полезет смотреть, что там на самом деле было. Так что сможете принять кого нужно.

- А как же Слепцов? Он ведь не сможет приехать из Якутска? А ведь есть ещё несколько таких ребят...

- У него же есть какие-то дипломы? Дипломников принимаем по собеседованию. Вот и запишете, что он был на собеседовании и успешно прошёл его.

Руцкий несколько разочаровался. Проводить бессмысленное мероприятие с заранее известным результатом ему очень не хотелось, а демонстрировать эту бессмысленность детям не хотелось вдвойне. Он надеялся на другой ответ Польского. Но, в конце концов, ему дали свободу в приёме, и это уже было неплохо.

- У вас есть какие-то предпочтения по учителям на вашем классе? По физике, информатике? Или у вас свои учителя?

- Математику мы, конечно, возьмём сами, а на остальные предметы хотелось бы не искать.

- На физику, небось, Мишу хотите поставить?

- Нет, Азарова как-то страшновато к восьмому классу подпускать. Мы бы предпочли Цукермана видеть на этом классе. Или Вы, если согласитесь взять.

- Ну посмотрим, - Польский улыбнулся своими усищами. - Если ещё жив буду.

Польский чуть усмехнулся сквозь усы, как будто мысль о том, что он к следующему году может быть не жив, была весёлой и остроумной. Посетитель отхлебнул из чашки последний глоток.

- Так вот мы в эту субботу собираемся делать родительское собрание здесь. Можно ли вас попросить выступить перед родителями? Они хотят официальной информации, и ваше слово будет очень веским.

Польский задумался.

- Думаю, да, хотя обещать никак не могу. Я должен лечь в больницу на обследование, и надеюсь, это произойдёт на следующей неделе. Но тут не всё зависит от меня — если врачи скажут, что надо сейчас, придётся лечь сейчас. Тогда я не смогу быть на собрании.

- А что с вами?

- Да сердце, - сказал Польский. - Возраст уже такой, что сердечко начинает пошаливать.

Снова упёрлись в тему, о которой говорить не очень принято.

- Вот ещё что, - добавил Польский. - Нужен список, где у вас кружки, в каких кабинетах и кто их проводит, а также списки всех групп.

- Но это невозможно. Ведь наши кружки открытые, на них может прийти любой ребёнок. Кроме того, состав кружка постоянно меняется. Кто-то отсеивается, кто-то появляется новый.

- Я понимаю, но это для отчётности нужно. С меня тоже трясут всякие бумажки. Дайте примерные списки.

- Хорошо. - Руцкий посмотрел на пустую чашку, в которой болтался пакетик чая, выжатый, одноразовый и уже никому не нужный. Пакетик он выбросил в мусорку. - Чашку где помыть?

- Да оставьте здесь, - ответил Польский.

Затем был звонок из Университета. Коллега попросил Польского оппонировать диссертацию. Диссертация, предупредил он, слабенькая, так что особенных чудес ожидать не нужно.

- Зачем же её вообще защищать, если слабенькая? - спросил Польский.

- Гавриш сделал численное моделирование, результаты получились, но какие-то игрушечные, новых очень мало. Видно, метод оказался не очень. Чтобы получить что-то стоящее, нужно полностью менять тему. Или это уже будет совершенно другой уровень. А Гавриш всё честно сделал, что от него просили.

«Гавриш... Знакомая фамилия,» - подумал Польский. Но никаких определённых ассоциаций на эту фамилию не возникло.

- И потом, что ещё с ним делать? Пусть уж защищается, - продолжал голос с той стороны трубки. - Совет эту диссертацию пропустит.

«Совет пропустит, - горько подумал Польский. - О да, совет эту диссертацию пропустит. Слабенькая, но зато не выбивается из общей канвы.»

Он вспомнил свою защиту докторской в том же самом совете. Вспомнил, как Кожевников эмоционально сказал, что результаты, конечно, сильные и интересные, но он никогда не проголосует за диссертацию по червоточинам (так в англоязычной литературе называются кротовые норы), пока они, эти червоточины, не будут обнаружены экспериментально. А эту кандидатскую, слабенькую, они, разумеется, утвердят.

Но в трубку Польский лишь сказал:

- Ну хорошо, присылайте текст.

Ещё два звонка по каким-то пустяковым вопросам, которые Польский перенаправил к секретарям.

Потом к нему зашёл Семёнов.

- Я к холодильнику, - сказал он.

Польский указал жестом на холодильник — бессмысленный жест, потому что Семёнов пользовался им чуть ли не чаще, чем Польский.

- Кажется, созрел женский цветок «Улисса», - продолжил Семёнов. - И вот ещё пыльцу собрал.

Польский вздохнул. Вежливость диктовала ему хотя бы покивать в ответ. Но он знал: если выразить хоть какую-то заинтересованность, Семёнова понесёт. Про свои диверсиколофлоры он может рассказывать часами.

«Вот, даже название без запинки выучил,» - подумал Польский.

- Ещё вышла статья про диверсиколофлоры, правда, на французском. Кажется, один француз съездил в экспедицию на Новую Гвинею и померял разные параметры — там очень интересные данные по освещённости получились. И химсостав субстратов, на котором они растут, оказался не совсем таким, как мы его представляли.

- А кстати, не хотите ли на следующее полугодие взять эксперименталку в десятом «б»? - перевёл Польский разговор на другую тему.

- Я попробую подумать, - ответил Семёнов.

Экспериментальная физика в каком-то смысле бесхозный предмет. На неё выделено два часа в неделю в десятых и одиннадцатых классах, но никакой чёткой концепции, как её вести, не выработано. Котельников поступает по-вузовски: проводит лабораторную работу, потом заставляет писать отчёты. Лабораторные он берёт университетские, и школьники не очень понимают сути происходящего, а отчёты в основном переписывают у старших товарищей. Польскому очень не нравится такая система, но конструктивной критики на это нет. Котенко поступает совершенно по-другому: он напрочь отказывается от оборудования и заставляет учеников что-либо измерять подручными средствами, явно руководствуясь легендой про Нильса Бора, который придумал двадцать способов, как измерить высоту здания при помощи барометра. Такой метод хорош для подготовки к олимпиадам, но плохо формирует научное мировоззрение — его ученики потом продолжают считать, что физическое оборудование нужно лишь неизобретательным тупицам.

Совершенно иначе строит свои занятия Семёнов. На первом занятии он ставит задачу.

- Почему мы видим, что листья имеют зелёный цвет? - спрашивает он учеников.

Как правило, среди них находится достаточно подкованный, который говорит, что каждый материал неравномерно отражает свет, так вот листья поглощают красную и фиолетовую часть спектра и отражают зелёную часть. На что следует логичный вопрос Семёнова: а белый свет, который в люминесцентной лампе, отчего белый? И почему не бывает зелёных звёзд — бывают красные, жёлтые, голубые, белые, но зелёных не бывает? Вскоре находится ответ и на это: белые звёзды, как и лампы, имеют пик именно в зелёной части спектра, и поэтому свет распределяется симметрично относительно видимой части спектра, отчего звёзды и лампы кажутся белыми. Так вот, формулирует проблему Семёнов, выходит, что, если мы хотим освещать растения белым светом, то мы в основном кормим их той частью спектра, которую листья отражают, то есть большая часть освещения пропадает зря. Ваши предложения? Ученики начинают задумываться; кто-то предлагает сдвинуть максимум в красную часть спектра, на что Семёнов просто включает красную лампу, выключает остальной свет и говорит: да, теперь мы кормим листья, но каково вам сидеть под такой лампой? Далее класс приходит к стандартному и давно известному решению — комбинировать красные и синие лампы так, чтобы свет всё-таки казался белым. И тут Семёнов показывает новую проблему. Если свет распределён симметрично в видимой части спектра и имеет провал в зелёной части, то какими мы будем видеть листья? Следующим лёгким движением он делает в классе красно-синее освещение, и листья в нём оказываются тёмными. Почему? Да потому что нет в спектре зелёного, нечему отражаться от листьев, вот мы и видим просто тёмное пятно. Значит, зелёный всё-таки нужен, но вот в каких пропорциях?

И далее начинается деление класса на рабочие группы. Начинается изучение различных источников света, расчёты спектров, мощностей и т. д. Семёнов руководит классом как лабораторией, которая через полгода должна поставить определённый продукт — наилучшим образом распределённый свет, который не должен бить в глаза и не должен давать видимых искажений цветопередачи, и к тому же должен быть идеально сбалансированным для растений. Так как у него есть личная заинтересованность, то нужного результата он добивается.

Так был построен светодиодный светильник в зимнем саду на первом этаже. Так была построена система автоматического опрыскивания растений.

Единственное нарекание, из-за которого Семёнову не дают эксперименталку более чем на полгода — это то, что он всю её сводит к своим растениям. Было ещё одно нарекание, от Горыныча — что задачи он ставит скорее инженерные, а не научные. На это нарекание Семёнов спросил, а какие же, по мнению Горыныча, научные задачи можно ставить перед школьниками на уроках экспериментальной физики? Тот не нашёл внятного ответа, и нарекание было снято.

Семёнов удалился колдовать над капризными цветками, упорно не желающими завязывать семена. Польский вздохнул с облегчением. И в эту же минуту к нему почти ворвался Азаров.

- Я вчера забыл тебе сказать, - прямо с порога начал он, стараясь уложиться в одно дыхание. - Я на конференцию еду завтра, в Копенгаген, так что в среду меня тут не будет.

- Ну хорошо, - ответил Польский. - Саша четвертные оценки выставит?

Азаров кивнул. Оба они почувствовали себя как-то неловко. Азарову было неловко объяснять о своём очередном отъезде, он чувствовал, что свой лимит пропусков уже давно выбрал. А Польскому было неловко напоминать о каких-то четвертных оценках человеку, который летает где-то в очень высоких научных материях, куда простым смертным полёт заказан.

Миша убежал проводить урок, и Польский наконец выдохнул свободно. Вскоре снова затрезвонил телефон, но уже не по работе, это его коллега из института вспомнил про день рождения, теперь уже прошедший, и десять минут поздравлял его, желал здоровья, всех благ, скорейшего обнаружения кротовых нор, которые, как он всегда и твёрдо верил, существуют (неправда: два года назад он говорил, что это очень уж удивительные объекты для того, чтобы они существовали в реальности), процветания СУНЦу, и прочее, и прочее. Наконец, поздравления иссякли, и разговор сошёл на нет. Ещё несколько минут Польский собирался с мыслями. Надо бы посмотреть, какие отчёты и куда в ближайшее время надо послать. Замучили уже с этими отчётами, посмотреть, так мы должны не детей учить, а отчёты писать. Отчёты пишут и отсылают, конечно, помощники, вот и на Бабель удалось скинуть часть этой работы. Но голова-то болит у директора: чуть что не так — стучат сразу ему. Надо ещё надбавки распределить по людям, хотя распределять особенно нечего. Надо продолжить ругаться по поводу закупки оборудования. Чёрт бы подрал этот госзаказ. Чтобы купить элементарный вольтметр, требуется объявить тендер, и на его результаты он влиять никак не может, и почему-то этот тендер выигрывают фирмы с космическими ценниками, в три раза превышающими стоимость в магазинах, и ещё надо постоянно ругаться и смотреть, чтобы прислали хотя бы то, что в тендере. А то получится как с этим фрезерным станком — кстати, надо будет ещё отчитаться, как именно мы используем фрезерный станок в нашей нанолaborатории. Ничего, Бабель отчитается, как миленькая отчитается, она привыкла писать на канцелярите и переводить тонны бумаги на документы, которые она складывает в папочки, в папочки, и эти папочки громоздятся на шкафах в её кабинете и даже никогда не пылятся. Держу пари, Бабель ни разу в жизни не видела этот фрезерный станок, да и никакой другой фрезерный станок, но отчёт по его использованию она напишет лучше, чем любой из нас. Вот уж точно внучка писателя. Только, конечно, не Исаака Бабея — тот писал про конармию то, что видел воочию, а она пишет о том, чего никогда не видела.

Размышления Польского прервал стук в дверь — резкий и какой-то агрессивный. Польский встал со стула, так и не включив компьютер, и пошёл открывать дверь. Когда-то он говорил «войдите!», но его тихого голоса всё равно никто не слышал. На пороге стояла

незнакомая женщина — губы вытянуты в тончайшую прямую линию, голова прямая, точно на неё надета невидимая корона, а глаза, словно два огнемёта, готовы были испепелить и директора, и его кабинет, и заодно добрую половину здания. С первым взглядом Польский понял, что ничего хорошего появление этой женщины не предвещает.

6. Вторжение

Большая «Сузуки» с толстыми металлическими трубами, сваренными в мощную решётку, как бы отгораживающую машину от того, что впереди неё, ехала вдоль лесного квартала. Машина объехала его по периметру, она явно искала способ проникнуть внутрь, она вела себя словно слепая акула, кружащаяся вокруг своей жертвы, чующая её запах, но не способная разглядеть добычу. Навигатор подсказывал, что искомое место находится здесь, в этом квартале, но почему-то не хотел указывать, как нужно попадать в этот квартал. Машина остановилась возле забора, окружающего строящийся храм, но это была не та добыча, и автомобиль принялся кружить дальше. На втором круге замаскированный въезд был обнаружен, машина устремилась по неасфальтированной дороге, резко набирая скорость, сразу почувствовав себя настоящим джипом. Затем лесополоса расступилась, и джип оказался на небольшом пятачке, нос к носу со зданием. Тормоза взвизгнули, машина заложила крутой вираж и остановилась под острым углом к зданию. Были бы рядом другие машины, сразу стало бы ясно, что «Сузуки» припарковалась криво, но других машин рядом не было. И сразу же стало казаться — то ли из-за беспорядочно растущих неподалёку деревьев, то ли из-за дороги, появляющейся под углом к площадке, — сразу же стало казаться, что «Сузуки» припарковалась правильно, а вот само здание стоит как-то криво и под углом, и если что-то нужно переставлять, то переставить необходимо здание, а никак не машину.

Из автомобиля вышла дорого одетая женщина, держащая голову идеально прямо. Это уже вошло у неё в привычку — шейные мышцы были намертво зафиксированы, но этот факт скрывался под элегантным шарфом. Женщина пренебрежительно окинула окрестности таким холодным взглядом, от которого вполне мог бы выпасть снег даже посреди лета, и вошла в здание, которое она чуть не протаранила своим автомобилем. В здании окинула леденящим взглядом зимний сад, доску почёта — нет, не то, всё не то, — и прошла на лестницу, на второй этаж.

Была перемена, и коридоры были наполнены разномастными учениками, перемещавшимися туда-сюда. Мимо промелькнула влюблённая парочка, не замечающая ничего вокруг. Женщине сразу же что-то не понравилось во всём увиденном.

- А где тут расписание? - спросила она одного из учеников.

Тот махнул куда-то влево, в коридор, уводящий в неведомые пространства, и убежал по своим делам. Женщина шагнула в коридор и сразу же увидела стенды с расписанием и прочей информацией для учеников. Она глянула на часы, сверкнувшие золотом в этом полутёмном коридоре, сверила время и обнаружила, что в десятом «а» сейчас начнётся физика. Только она не знала, где сейчас начнётся урок: в расписании ни кабинета, ни фамилии преподавателя не указано.

«Найти бы кого взрослого, - мелькнуло у неё в голове. - Вообще почему это дети одни по коридору ходят?»

Но взрослых видно не было, поэтому пришлось ещё раз спрашивать у учеников, где сейчас физика у десятого «а». Один ответил, что не знает, а второй сказал: «Наверное, в двести двенадцатом кабинете». Одно другого не легче — теперь ещё придётся искать этот кабинет.

- А где он?

- Там, - махнул рукой ученик, - на нём написано.

На кабинетах и в самом деле были написаны номера. Женщина оглянулась и увидела прямо перед собой кабинет №221, а ещё увидела, что влево номера уменьшаются, а вправо, наоборот, увеличиваются. Она пошла влево и вскоре нашла нужный кабинет. Заглянув внутрь, она обнаружила там детей, только детей, которые были явно оставлены без присмотра. Гвалт стоял непереносимый, женщина даже не думала, что такой уровень шума в школе возможен. Один из учеников помахал женщине, она улыбнулась в ответ своей ледяной улыбкой. Но нужно было найти учителя.

Прозвенел звонок, некоторые ученики стали спешно занимать свои места, тогда как остальные продолжали заниматься тем, чем на перемене. Группа из пяти-шести детей стояла полукругом, но что они делали, из-за всеобщего шума было непонятно. И в эту секунду женщина увидела учителя, долговязого и с огромным портфелем, который шёл гигантскими шагами, совершенно очевидно направляясь в этот кабинет. Это был Михаил Анатольевич Азаров.

Азаров был легендой интерната и практически богом — худой как жердь, длинный, под метр девяносто, с маленькой юношеской бородкой и горящими глазами, отрешёнными от внешнего мира — огонь в глазах горел где-то внутри и лишь иногда прорывался наружу. Интернат он окончил лет пятнадцать назад; физику у него вёл Польский, тогда только-только пришедший в интернат в качестве преподавателя. Польский сразу заметил необыкновенные способности юноши. Трудные задачи Миша щёлкал как орешки, причём никогда не решал их так, как предполагалось по учебнику — постоянно находил какой-нибудь другой способ. Правда, он иногда схлопатывал плохие отметки на контрольных — из-за простых задач, где надо было просто применить нужные формулы. Очевидно, Миша считал эти задачи ниже своего достоинства и даже не брался за их решение. Когда Польский разобрался, в чём дело, он стал готовить для Азарова отдельный комплект задач, уровня не ниже всесоюзных олимпиад. Одной пары (в интернате, как и в университете, уроки сдаивались и назывались парами) Мише обычно хватало, чтобы решить задачи, над которыми лучше умы страны корпели четыре-пять часов.

Правда, на международную олимпиаду по физике Миша всё-таки не попал. Блестящие его способности ограничивались теорией, а вот экспериментальные туры олимпиад он раз за разом проваливал. Казалось, физическое оборудование его по каким-то причинам невзлюбило. Стоило ему прикоснуться к какому-нибудь прибору, и тот выходил из строя. Благодаря блестящей интуиции он худо-бедно справлялся и с экспериментальными заданиями, но приборы ему в этом сильно мешали. Он просто придумывал нужный ответ, а затем пытался его подтвердить экспериментально. В интернате его пытались научить делать эксперименты, но после десятка сожжённых амперметров и осциллографов на это дело плюнули. К более дорогостоящему оборудованию Мишу решили не подпускать.

В университете Миша учился очень своеобразно, пропуская свои предметы и ходя на чужие, к другому курсу. Университетские преподаватели обычно не вели учёта посещаемости и запоминали студентов по лицам, и это позволяло Мише заниматься как

вздумается. В конце семестра небольшой обман обнаруживался — Миши не было в списках студентов. На это Миша с невинным видом объявлял себя вольнослушателем, желающим восстановиться на факультет, а потому просил поставить ему зачёт в специально заведённую тетрадку. Через год такого обучения преподаватели уже были наслышаны о его проделках и не удивлялись ничему.

Но ещё через год удивляться пришлось деканату, когда третьекурсник Азаров попросил перевести его на четвёртый курс, мотивируя это тем, что вся программа третьего курса у него уже сдана ранее. В качестве доказательства он предъявил заветную тетрадочку с записями преподавателей. Действительно, у него оказалось сдано всё, кроме политологии. Таким образом в двадцать лет он закончил университет, в двадцать два защитил кандидатскую диссертацию, а в двадцать пять стал доктором. Через год после защиты докторской он пришёл в интернат и попросил взять его на работу. Ему, конечно, не отказали, ибо научные результаты молодого Азарова были уже признаны во всём мире. Учёный такого уровня в штате преподавателей — это бренд, которым можно гордиться.

Вскоре начались проблемы. Во-первых, тут же обнаружилось, что Мишу не только нельзя подпускать к физическому оборудованию. Также нельзя давать ему и ключей от кабинетов — обязательно потеряет. Но это были легко исправимые мелочи — достаточно было кому-нибудь открыть кабинет. Главное — не оставлять внутри этого кабинета ключ.

Во-вторых, не реже чем раз в два месяца Миша ездил на международные конференции. Это, конечно, очень почётно и престижно, но уроки-то должны в это время проходить, а значит, надо ставить замены. И это было бы ещё полбеды, но вскоре никто из учителей не захотел замещать Азарова. Причина оказалась простая — слишком вольное обращение со школьной программой. И это была третья беда.

С возрастом Азаров нисколько не излечился от своей привычки рассказывать всё нестандартно. К тому же он, как и многие талантливые люди, не понимал, что слушателям может быть недоступен уровень изложения. Если для изложения нужны были кратные или поверхностные интегралы — он с лёгкостью вводил их, объясняя смысл за пятнадцать минут. Школьникам он объяснял материал так, будто это были студенты-старшекурсники, а студентам читал спецкурсы, на которые иногда приходили профессора поучиться чему-нибудь новому. Азаров совершенно не замечал, что в аудитории его понимает в лучшем случае пара человек, и понимают они его в лучшем случае наполовину. Не замечал он и тех, кто его занятия совершенно не понимает: неоднократно бывало, что он не мог вспомнить при встрече студента, который весь семестр ходил на его спецкурс и не задал ни одного вопроса.

Класс, который ему доверили, показал неоднозначные результаты. Два человека, по-видимому, сумевшие приспособиться к его стилю изложения, сверкали на олимпиадах, а потом, что немаловажно, блистали и на факультете. Остальная часть класса не знала физики вообще.

Тогда Польский дождался, когда Азаров уедет на очередную конференцию, собрал всю кафедру и устроил мозговой штурм — что делать дальше с этим подарком судьбы. С одной стороны две выросшие звёздочки — это замечательно, и интернат изначально создавался именно ради таких детей. Но с другой стороны целый класс, совершенно не знающий предмета — это ужасно. Так быть не должно, с этим надо было что-то делать.

Первые полчаса мозгового штурма прошли безрезультатно. Казалось, интеллект Азарова смеялся над всеми собравшимися: он смог учинить то, чего остальные не в силах даже осмыслить. Никто даже не понимал, как именно Азаров строит свои занятия.

Решение пришло совершенно неожиданно, когда на кафедру заглянул случайно проходивший мимо Саша Фоминский, один из двух звёздочек обсуждаемого класса. Раздался облегчённый вздох; все, не сговариваясь, как-то сразу поняли, у кого нужно искать ответы на все вопросы. Сашу почти силой втащили на кафедру, напоили чаем (от коньяка Саша скромно отказался) и задали прямой вопрос: что же всё-таки происходит на занятиях у Азарова.

Саша объяснил. Подозрение, что Азаров совершенно не придерживается школьной программы, оказалось безосновательным. Нет, уроки у Азарова в общем и целом соответствуют программе. Только каждую тему он объясняет совершенно нестандартно, подчёркивая взаимосвязи между такими уголками физики, связать которые обычному человеку никогда бы не пришли в голову. Первые несколько занятий Саша вообще ничего не понимал, а потом взялся за книжки. И тогда оказалось, что если предварительно прочитать материал и при этом иметь хорошую физическую эрудицию, то объяснения Азарова становятся более-менее понятны. К сожалению, Саша вынес из его занятий далеко не всё, и потому не отказался бы ещё раз прослушать всё сначала.

В воздухе неслышно разорвалась бомба. Вот оно, долгожданное решение! Надо, чтобы занятия вели два преподавателя. Азаров будет рассказывать, обнажая глубочайшие бездны науки и проводя фантастические взаимосвязи, а Саша переводить на нормальный человеческий язык и объяснять всем подступнее. Попутно решается проблема замен, когда Азаров в отъезде. А заодно и кафедра будет в курсе происходящего.

Это решение в целом оправдало себя. Пунктуальный и педантичный, Саша оставался после уроков и терпеливо объяснял ученикам материал, рекомендуя пропускать наиболее трудные места. Правда, на эти дополнительные консультации ходили не все, а потому половина класса физику так и не выучивала, но всё-таки это было лучше, чем ничего.

Попутно выяснилось, что Азаров никогда не повторяется. Саша был наивен в стремлении прослушать школьный курс Азарова «ещё раз». Ещё раза не было. Был совершенно другой курс, с совершенно другими объяснениями, с другими параллелями и взаимосвязями и с другими задачами. Задачи, похоже, Азаров берёт из головы: ни в одном учебнике таких задач нет. Одно плохо: уровень этих задач был недоступен простому смертному. А на предложение разбавить эти задачи более простыми и стандартными тот обиженно говорил: «Не, ну что тут решать? Это же совершенно элементарно...»

Неудивительно, что весь интернат его считал полубогом.

Сейчас этот полубог мерил коридор огромными шагами. Его портфель раскачивался подобно маятнику; казалось, раскачай портфель ещё чуть сильнее — и будет наглядный эксперимент, показывающий существование силы Кориолиса. Правая штанина его была запачкана мелом так, как будто весь предыдущий урок писали не на доске, а именно на этой штанине, но Азарова такие мелочи совершенно не волновали. Женщина поджала губы — разговаривать с таким неопрятным типом ей было очень неприятно. Но пути к отступлению уже не было.

- Ну как у нас дела? - спросила женщина, когда Азаров поравнялся с ней.

Азаров в этот момент спешно додумывал план урока, ему не нравились некоторые нестыковки в придуманном, и он хотел их быстренько залатать какими-нибудь задачами, причём так, чтобы эти задачи не оказались для школьников смертельными. Поэтому он рассеянно и совершенно автоматически ответил:

- Я не знаю, как у вас дела...

Женщина поняла, что допустила ошибку, не представившись.

- Я мама Павлика Мартынова. Хочу узнать, как у нас дела?

- Но я не знаю, как у вас дела! - ответил Азаров на восходящей интонации. Он волновался, как всегда волновался перед уроками, которые не до конца продумывал. Это волнение уходило, как только он начинал вести урок, тогда у него вырастали крылья. Точно так же волнуются многие великие пианисты перед каждым концертом, до тех пор, пока не сядут за рояль, после чего уже не существует ни слушателей, ни волнения — всё пространство зала заполняет собой музыка.

Из класса вышел очень маленький, метр шестьдесят, и очень юный человечек. Это был Саша Фоминский.

- У вас какой-то вопрос? - обратился он к женщине.

- Я не с тобой разговариваю, - ответила та, посмотрев на него сверху вниз, благо из-за разницы в росте и длинных каблучков сделать это не представляло никакого труда. Всего мгновение посмотрела на этого коротышку, а за это время учитель успел улизнуть в класс.

- А напрасно, - ответил коротышка. - Я ведь преподаватель. Мы с Михаилом Анатольевичем вместе ведём физику.

Женщина смерила его ещё одним взглядом, по-прежнему недоверчивым, но уже не таким ледяным. Информация, которую ей сообщили, не укладывалась в голове. Кто же всё-таки учитель — вот этот мелкий, которого почти все школьники выше, или тот длинный, который уже стоит у доски и что-то говорит своим писклявым голосом? Как это «вместе ведём»? Вместе можно обедать, вместе можно что-то обсуждать, но вести вместе урок? Как это возможно?

Затем женщина сообразила, что выбора у неё не осталось. Потому что тот длинный всё равно уже у доски, а значит, придётся обращаться к этому, который называет себя преподавателем.

- Вы хотели спросить, как у Павла Мартынова дела? - помог ей коротышка.

Женщина кивнула.

- Плохи дела, - ответил он. - Двойки по всем контрольным... наверное, отчислять придётся.

- Как отчислять? - Женщина инстинктивно отшатнулась, как если бы перед ней стоял средневековый инквизитор, сообщавший ей, что его сына придётся сжечь на костре за еретические высказывания.

- За неуспеваемость...

- Как отчислять? - перебила его женщина. Она никак не могла понять, что это такое говорит коротышка, представившийся преподавателем.

Фоминский опешил и смутился. До сих пор ему ни разу не приходилось разговаривать с родителями в таком тоне. Бывало пару раз, что родители спрашивали, как дела у их детей, но те ситуации были мирные, а тут случай был явно безнадёжный. Он бы с удовольствием скинул этот разговор на кого-нибудь другого, но скидывать его было не на кого. Азаров наверняка даже и не вспомнит, кто такой Мартынов. Он никогда не помнит двоечников, он всегда думает, что люди не глупее его самого, и ориентируется только на них. Эту родительницу подпускать к Азарову было совершенно точно нельзя.

- Так вы мне объясните, что у нас происходит? - спросила женщина.

- У Павла за все контрольные стоят двойки. Я точно не знаю, какая ситуация по другим предметам, но, насколько понимаю, такая же. Поэтому Павел не успевает, и его, скорее всего, придётся отчислить.

- Что это значит?

Фоминский вздохнул. Он никогда не думал, что придётся объяснять прописные истины.

- Он не справляется с программой. А если так, то его надо переводить в другую школу, где программа попроще.

- А почему так происходит?

- Я не знаю, почему. На последней контрольной он сдал пустой листочек, только фамилия и всё. Даже не было попыток решить хотя бы одну задачу.

- Как это вы не знаете? А кто же знает? Вы же учитель, так вот и объясните мне, почему мы не справляемся с программой.

Фоминский глотнул воздух, словно рыба, которую только что вытащили из воды. Повторять сказанное ещё раз было бессмысленно, а продолжать разговор необходимо. Нужна была хоть секундная передышка, чтобы придумать какой-нибудь другой ответ. Что нужно сказать? Почему Мартынов не осваивает программу? Тупой потому что, но этого маме не скажешь. Да и неправда, не такой уж он и тупой. На уроках он иногда — редко, правда, - но иногда вполне успевал следить за некоторыми мыслями Азарова, а для этого, знаете ли, нужен изрядный интеллект. Если бы он ещё и записывал что-нибудь. Конспекта ведь у Мартынова нет, никакого нет, вообще, а это совершенно недопустимо, потому что ни в какой книжке не почерпнёшь того, о чём говорит Азаров. И ещё, - вот это Фоминский сейчас вспомнил наверняка, - ещё у него оказались нулевые знания из прежней школы. Ну вот совершенно нулевые, как тот чистый лист с одной фамилией, который он сдал на последней контрольной. Непонятно, как Мартынов вообще поступил сюда. Да, и про лень не забыть. Отсутствие конспекта плюс чистый лист на контрольной, где он даже не потрудился прочитать условия задач — явный признак лени.

- Во-первых, у него нет конспекта занятий...

- А кто должен следить, чтобы у него был этот конспект? - парировала женщина. - Вы же для того и учитель, чтобы следить за всем этим.

- Во-вторых, у него есть пропуски. Две недели, кажется...

- Да, мы в Эмираты летали. Нужно же ребёнку хоть немного солнца! А то сейчас эпидемия гриппа грянет, он же моментально заболеет, если всю осень в этой сырости будет.

- Только он даже не попытался узнать, что пройдено в его отсутствие. Кроме того, у него недостаточно знаний... Слабые знания из предыдущей школы.

Женщина заговорила тоном выше и уже погромче, потому что до собеседник явно не доходили прописные истины.

- Да, мы потому и ушли из прежней школы, что там давали слабые знания. Это место нам хвалили, говорили, что тут хорошее образование. И где оно, это хорошее образование? Получается, вы учите только тех, у кого и так хорошие знания? Тогда какой смысл в том, что вы тут вообще кого-то учите?

- Здесь не частная школа, и мы не можем следить за всеми, - произнёс Фоминский. И тут же понял, что зря.

- То есть получается, что вот вы вдвоём ведёте уроки и не можете уследить за классом? Какие тогда из вас учителя? Это не учителя, а горе какое-то, гнать таких надо... Почему я узнаю об этих проблемах только сейчас?

Но на этот вопрос у Фоминского есть ответ.

- В журнале все оценки давно стоят. Я не знаю, почему вы узнали об этом только сейчас.

- И что? Если у нас с физикой всё так плохо, почему вы об этом не сообщили? Почему я только в конце четверти узнаю, что у моего ребёнка есть какие-то проблемы в школе?

- Я думаю, этот вопрос надо адресовать не ко мне. Я своё дело делаю, все оценки выставляю в журнал.

Женщина хотела ещё повозмущаться на тему того, как этот коротышка делает своё дело, так что у её ребёнка нет ни конспектов, ни знаний, но это желание перебила другая мысль — что, пожалуй, в том, что ей не сообщили раньше, виноват не этот учитель. Виновника надо будет ещё найти, и она обязательно найдёт его, всю школу на уши поставит, а найдёт. Мысли перетекли в более конструктивное русло. Надо как-то найти виновного, но ещё надо исправить ситуацию с текущими двойками.

- А вы можете сказать, какие темы надо наверстать?

- Могу, но ведь для этого нужен конспект, а у Павла конспекта нет.

- А учебники? По каким учебникам вы занимаетесь?

- Дело в том, что учебников по этому курсу нет, и нет даже задачников. Курс авторский, - вспомнил нужное слово Фоминский. На что получил новую порцию гнева.

- Как это нет учебников? А что делать, если ребёнок заболел? Как он будет навёрстывать упущенное? Вот мы пропустили две недели, и вы же мне говорите, что Павлик не наверстал. А как он должен был догнать остальных, если даже учебников нет?

- Во-первых, я каждый понедельник после уроков объясняю всем желающим то, что они не поняли...

- Павлик это знает?

- Должен знать, я об этом объявлял ещё в начале.

- А я уверена, что он ни о чём подобном не знает, - перешла в наступление женщина. - Иначе бы он об этом сказал.

- Значит, он пропустил эту информацию мимо ушей.

- Значит, вы ему не сказали об этом. А должны были сказать. И что теперь делать, если нет ни учебников, ничего?

Мысли женщины совсем уже перешли в конструктивное русло — из вопроса «кто виноват» к вопросу «что делать».

- Может быть, вы с Павликом дополнительно позанимаетесь, за дополнительную денежку? Фоминский смутился. Он понимал, что заниматься репетиторством со своим же учеником как минимум неприлично. Да ему и вовсе не хотелось учить ребёнка этой скандалистки.

- Но это не принято, - начал он.

- А как принято? Не учить ничему принято?

- Нет, просто не принято заниматься со своими учениками. Нехорошо это. Может быть, кто-нибудь другой согласится позаниматься с Павлом...

Женщина поняла, что с этим коротышкой общаться дальше бесполезно. Да он тут, в конце концов, никто, простой учитель, а обращаться надо куда повыше. Она развернулась на каблуках и пошла прочь, и каблуки её выбивали по полу нервную и неровную дробь.

Женщина снова стояла перед расписанием и пыталась сообразить, что делать дальше. Глобальная цель была понятна и очевидна — поставить школу на уши, найти виновных и привлечь их, чтобы все выполняли свои обязанности и учили детей, а не протирали штаны на уроках. Но надо было с чего-то начать, причём начать прямо сейчас. Теперь она поняла, что начало было неправильным. Не стоило ругаться с этим коротышкой. В конце концов, он произнёс лишь своё мнение. Откуда он знает, как обстоят дела у Павлика по другим предметам? Он что, классный журнал листает? Да где там, если он даже не может уследить за ребёнком, чтобы тот конспект вёл. Нет, всё-таки непонятно: как это они

занимаются без учебников? Что вообще им рассказывают учителя? Как это проконтролировать? Ведь в отсутствии учебника учитель может рассказать вообще всё, что угодно, а тут учителей двое. У семи нянек дитя без глазу. Вот и остался ребёнок без присмотра. Кстати, классный журнал — надо заглянуть в него и всё увидеть. Может быть, у Павлика не такие уж большие проблемы? А где искать классный журнал?

Сознание засыпало женщину вопросами с головой, и на каждый вопрос требовался ответ, потому что речь идёт о её ребёнке. Где-то надо было найти человека, который на всё и за всё ответит. И этот человек очень быстро нашёлся, стоило отойти от расписания и покурсировать по коридору. Директор. Вот кто ответственный за весь этот страшный кавардак (начиная с того, что не попасть никак в это здание — три раза надо объехать квартал, пока догадаешься, где въезд!), вот к кому нужно обращаться с жалобой, вот кто должен приструнить своих сотрудников.

Женщина выпрямилась во весь рост, приготовившись к атаке, и постучалась в кабинет директора. Вскоре ей открыл дверь крупный человек, неопрятно одетый в старый разношенный свитер, с громадными тараканьими усами, с мохнатыми бровями и маленькими глубоко посаженными глазами. Первого взгляда на этого человека было достаточно, чтобы женщина поняла — ничего полезного контакт с ним не предвещает.

- Чем могу помочь? - спросил Польский, чуть разведя руки. Жест получился какой-то полутеатральный.

С чего-то нужно было начать разговор. Причём с начала, а не с того места, на котором он закончился с Коротышкой.

- Я мама Павлика Мартынова, - сказала женщина. - Пришла узнать, как у нас дела.

«Мартынов, Мартынов... - мелькнула мысль у Польского. - Где-то я эту фамилию слышал...»

- Так это журнал нужен, - ответил Польский. - Откуда же я знаю, как дела у вашего сына.

- А где этот журнал?

- Либо на уроке, либо в учительской.

Польский поколебался мгновение — стоит ли ему идти в учительскую за журналом, если он вообще там, но, наткнувшись ещё раз на испепеляющий взгляд, решил сходить. Отсылать в учительскую незнакомую женщину ему совершенно не хотелось, а если учесть её взгляд, разрушительности которого позавидовал бы любой террорист-смертник — тем более.

Журнал оказался в учительской. Польский выловил его своими толстыми пальцами. Они оказались в пустынном коридоре.

- Пожалуйста, - протянул он журнал женщине и стал наблюдать за её реакцией.

Слова коротышки оказывались правдой. Стабильные двойки выходили у Павлика не только по физике, но и по алгебре, химии, русскому и литературе. И ещё по четырём предметам журнал сиял своей девственной белизной — ни одной оценки не было выставлено ни Павлику, ни вообще кому-либо в классе. Лицо женщины застыло в страшной гримасе, как у египетской мумии, которую вытащили из пирамиды и поместили на всеобщее обозрение. Цвет её лица несколько раз менялся — от мраморно-белого до пунцового и даже до лилового.

И тут Польский вспомнил, где он слышал фамилию ученика. Павел Мартынов не сдавал вступительные экзамены в СУНЦ. Это из ректората пришёл недвусмысленный совет принять этого ученика. Совет пришёл, разумеется, по неофициальным каналам, но совет такой, про какие говорят: «Приказы не обсуждают». Случай не уникальный, но всё же не

рядовой. Не моргнув глазом, Бабель подготовила документы, согласно которым его зачислили. И вот теперь приходит его мама, и, судя по всему, просто так уходить не соберётся. Польский вздохнул и приготовился к худшему.

- А почему здесь пусто? - спросила женщина, тыкаясь в страницу с биологией, которая совершенно не была заполнена.

- Ещё не заполнена.

- Я и сама вижу, что не заполнена, но почему? Разве не должны учителя заполнять журналы? Как я узнаю, что у нас по биологии?

- Видите ли, - начал Польский, - эээ... Прошу прощения, как вас зовут?

- Ирина Львовна, - отрезала женщина. Как будто для обсуждаемых вещей имя имеет значение.

- Видите ли, Ирина Львовна, вам следовало бы поинтересоваться, в какое заведение вы отдаёте своего сына. А вы отдали его в специализированный учебно-научный центр Университета. Понимаете? Это подразделение Университета, а в Университете, как вам хорошо известно, никаких классных журналов нет.

- Но это школа, она даёт среднее образование. Поэтому журналы тут должны быть, - парировала женщина.

- Они и есть. Я не про то сейчас. Дело в том, что все уроки у нас ведут университетские преподаватели, а они, эээ... не привыкли постоянно заполнять журналы. Кроме того, в большинстве случаев это делать просто незачем. У нас ведь школа-интернат, и родители сюда навещаются крайне редко — собственно, вы первая за последний месяц.

- Это не значит, что учителя у вас должны выполнять обязанности кое-как.

- Я вас понимаю, но ведь всю информацию можно найти у конкретного учителя.

- И что, я должна бегать по учителям и собирать информацию? - возмутилась женщина. - За кого вы меня принимаете?

Польский лишь развёл руками на это.

- И как теперь исправлять эти двойки? - спросила она.

- Обычно за три двойки мы отчисляем...

- А почему об этом я узнаю только сейчас, за неделю до каникул? - женщина резко пошла в атаку. - Вот вы сейчас говорите мне, что за двойки выгоняете. Почему я об этом узнаю только сейчас? Раньше можно было бы подтянуть все предметы, позаниматься дополнительно... А теперь что делать?

- В этом, несомненно, есть какая-то часть нашей вины, - грустно сказал Польский. - Я напоминаю, что здесь интернат, а преподаватели университетские. Мы просто обычно не имеем возможности сообщить родителям о проблемах — дети-то приезжают издалека. И потом, почему вы сами раньше не узнавали ситуацию? Почему ваш сын, зная обо всех двойках, ничего не делал для их исправления? У нас принято, чтобы ученики сами следили за своей успеваемостью.

- А я привыкла знать, всё ли в порядке с моим ребёнком. Я мать и имею на это право.

- Нет, сударыня, - возразил Польский. - Если бы вы привыкли знать это, вы бы гораздо раньше ознакомились бы с журналом. А сейчас вы просто переливаете из пустого в порожнее.

- Это ваша обязанность — сообщать мне, как учится мой ребёнок.

- Во-первых, это не моя обязанность. В интернате учится четыреста человек, и моей обязанностью как директора никак не является обзвон родителей. Это может быть

обязанностью классного руководителя. Но как классный руководитель должен вам позвонить? Встречались ли вы с ним, оставляли ли вы ваши контакты?

- Контакты есть в личном деле... - скороговоркой проговорила женщина, как бы желая поскорее избавиться от этой фразы, потому что это была ложь: конкретно в личном деле Павлика никаких контактов родителей не было. Это было незаконно, по крайней мере до четырнадцатилетия Павлика, но у неё были на то свои причины.

- Вот видите, - резюмировал Польский. - Я думаю, вашему сыну просто очень тяжело здесь учиться. Не тянет. Я бы на вашем месте не искал виноватых, а подобрал другое место для него, где ему будет комфортнее. А теперь извините, у меня ещё есть другие дела.

С этими словами Польский покинул женщину.

- Я это так не оставляю! Я буду жаловаться в РОНО! - крикнула женщина, но Польский уже скрылся в кабинете.

В канцелярии Польскому стало немного не по себе. Он чувствовал опасность, исходящую от этой женщины, и понимал, что она действительно может начать писать жалобы. Нужно было раскопать про Мартынова всё. Взять его личное дело и просмотреть его, понять, кто он, где учился раньше, а главное — чей неписанный приказ заставил принять в интернат этого ученика, который теперь является источником опасности.

7. Проблемы и методы их решения

Ирина Львовна Мартынова рыдала, уткнувшись в подушку. Она не плакала уже несколько лет, и теперь все слёзы, все накопившиеся эмоции просились наружу. Но доверить их можно было только подушке, для людей она должна быть железной женщиной.

Должна... о, это мерзкое слово «должна»! Почему-то она всегда и всем оказывается должна. Сейчас она должна хорошо выглядеть, должна изображать семейное счастье, и ещё много-много всего должна. Должна...

В детстве она должна была своей маме, которая её воспитала в одиночку. Для мамы это был неподъёмный, почти каторжный труд, мама работала на двух работах и еле сводила концы с концами. После рождения Ирины у мамы разрушилась вся личная жизнь, потому что с ребёнком она была никому не нужна. Мама всё детство твердила Ирине, что главное в жизни — найти хорошего мужа, потому что без семьи жить невероятно тяжело и вообще бессмысленно, что семья является главной в мире ценностью, что мужики все козлы и этого не понимают, а потому стараются свинтить подальше, оставив женщину с младенцем на руках, и что мужчин надо удерживать семьёй, вот только как их удерживать семьёй, оставалось тайной за семью печатями. В семнадцать лет Ирину выдали замуж, не спросив согласия — просто потому что к ней посватался весьма небедный молодой человек, и она должна была иметь совесть, слезть с маминой шеи и завести собственную семью, и эта семья должна стать смыслом её существования. Потом она должна была быть примерной женой, потому что у мамы семьи никогда не было, а семья ведь главное в жизни, и мама из лучших побуждений желает дочери семейного счастья. И попробуй только пожаловаться на мужа или на любые проблемы в семье — снова станешь неблагодарной свиньёй: я тебе такого замечательного мужа подыскала, а ты, такая-растакая, ничего не понимаешь, и вообще смотри, упустишь мужа, сбежит он от тебя, и останешься ты совсем одна-одинёшенька, и как ты будешь жить тогда. Поэтому она

должна была все эти годы изображать семью, хотя любви не было ни с одной из сторон, не было вообще, не было, похоже, никогда... Сейчас мама уже старая, ничего не слышит и почти ничего не понимает, а она всё равно должна изображать любящую и верную жену, потому что маме вредно волноваться, и если мама узнает какую-нибудь неприятную новость, то давление у неё моментально подскочит до запредельного уровня, и она окажется при смерти, и опять неблагодарная дочь будет виновата в том, что раньше времени свела маму в могилу. Должна...

И она изображала. Все свои силы тратила на семью, ничего для себя не оставляла. Не пошла никуда учиться после школы, ни дня не работала — всё время была дома, при муже. А через год появился ребёнок, и теперь в доме была любовь, и теперь её жизнь обрела смысл, уже почти потерянный за год замужества. Все свои силы потратила на своего единственного ребёнка. Первый год вообще не отходила от него, кормила по каждому вяку, проверяла памперсы каждые пять минут — не описался ли, мыла полы каждый день по несколько раз, чтобы в доме было чисто, и чтобы ребёнок не дай бог не подхватил какую-нибудь заразу. Денег муж зарабатывал достаточно, можно было бы нанять няню, и один раз мелькнула у неё такая мысль, подруга посоветовала, сказала — найми няню, время освободишь. И няня даже пришла и провела с Павликом один час, и этот час для Ирины Львовны был самым ужасным — няня была чужим человеком, она не так смотрела на Павлика, не так с ним разговаривала, вообще она не знала, что Павлику нужно, а что нет, и Ирина Львовна поняла — разве можно хотя бы на час оставлять самое дорогое совершенно чужому человеку? Больше ни одной няни она даже близко к ребёнку не подпустила. И всегда старалась быть примерной мамой: не водила ребёнка ни в магазины, ни на детские площадки, потому что там грязно и можно встретить людей, неизвестно когда мывших руки. И всё время ей чудилось, что её ребёнка украдут и потребуют выкуп, но обошлось. О детском садике никогда и речи не шло, как и о начальной школе. Как можно Павлику ходить в школу, где в классе орава в тридцать человек, и все орут, и учительница пытается их всех перекричать? А вдруг толкнут Павлика, напугают, ведь он такой восприимчивый ко всему... Нет, об этом и речи идти не могло, да и что в этой школе делать, разве родная мать не научит его читать-писать? И она определила Павлика на семейное обучение и сама его всему учила, а когда он дорос до пятого класса и предметов стало много, отдала его в частную школу «Гармония», где в классе было четыре человека, и он там учился до конца девятого класса, и вот тут встал вопрос, что делать дальше и где дальше учиться. Муж её, Сергей Степанович, ставший к этому времени депутатом законодательного собрания, настаивал, чтобы Павлика отправили учиться в Лондон, там-де образование лучше, и не весь век же сидеть здесь. Но она даже представить себе не могла такого, как это: Павлик — и где-то на чужбине. Первый раз за все годы жизни она перечила мужу, насмерть встала, а не отдала его в чужую страну. И тогда был предложен промежуточный вариант, и Павлик пошёл учиться в СУНЦ, и теперь она сама не своя, словно потеряла часть своего тела — Павлик начал становиться каким-то чужим, начал от неё что-то скрывать, она не знала, что именно, ни разу не уличила его ни в чём подобном, но чувствовала, как и должна чувствовать мать, что он говорит ей не всё, о чём думает, а часть мыслей оставляет зачем-то себе. А вот теперь она и вовсе узнала, что его собираются выгнать, хотя кристально ясно, что они сами же и виноваты в этом. И, главное, совершенно непонятно, что делать с этой ситуацией, неясно, где найти поддержку. Если бы муж поддержал её... но он, скорее всего, махнёт рукой. Сын ему не нужен, это было понятно и раньше, это понятно и сейчас,

потому что вот уже много лет Сергей появляется дома за полночь, а уходит рано утром, так что она его даже и не каждый день видит. Сперва она пробовала ревновать его, приносивалась к его одежде, но никакими женскими духами одежда не пахла, пробовала чего-нибудь добиться у его коллег, но они молчали как могила, и пришлось ей оставить ревность. Если Сергей и изменял ей, то так, что она об этом ничего не знала и никак узнать не могла. Да и само слово «изменял» уже давно стало неуместным — нельзя изменять женщине, с которой не живёшь, а только делаешь вид, что живёшь. Он исправно давал ей деньги, но этим его вклад в семью и ограничивался. С сыном он почти и не общался, даже редкие выходные не стремился провести с ним. Такому повороту событий, когда и муж не сбежал, и семья как будто бы есть, а всё равно проблемы почему-то решает она одна, мама её не учила. Нет, на Сергея надежды мало. Рассказать ему, конечно, стоит, но надежды мало. Вся надежда на себя.

Слёзы постепенно сошли на нет, точно осенний дождь. Лишь на подушке осталась противная сырость, но скоро высохнет и она. И в эту минуту зазвонил телефон. Женщина вынула его из кармана.

- Ой, Леночка, привет! Да, да... приезжай, приезжай, конечно! Жду!

Женщина положила трубку. Это очень хорошо, что приедет Леночка, очень вовремя, можно будет немного успокоиться, поболтать с ней, заодно она что-нибудь посоветует. Одна голова — хорошо, а две — лучше.

Женщина посмотрела на себя в зеркало, и её движения ускорились. Зарёванное лицо в зеркале ей совсем не понравилось, а времени на то, чтобы привести себя в порядок, было немного. Даже с учётом вечерних пробок — максимум полчаса. После умывания лицо стало уже не таким страшным. Ещё десять минут она провела в окружении многочисленных скляночек с кремами, увлажнителями и прочими парфюмерными изысками, и когда она вышла, на её лице уже не было никаких следов недавно пролитых слёз.

Леночка впрорхнула в квартиру — свежая как весеннее утро, и от неё моментально начали расходиться волны радости и беззаботности. «Хорошо ей, — подумала Ирина. - У неё нет таких проблем.» Но вслух только прошептала ответное приветствие.

- Я смотрю, у тебя бампер поцарапан, и сзади какая-то вмятина, - сказала Леночка.

Ирина вздрогнула. Да, про машину она уже успела забыть, а ведь это ещё одна головная боль.

- Да, была сегодня история. Я нервничала как-то сильно, ну и летела по левой полосе, а впереди тормоз какой-то на драндулете полз. Я ему и мигала, и сигналила — не убирается, гад. Ну, и царапнула бампером на обгоне.

- И что он?

- А не знаю, на встречу вылетел вроде бы. Я что, останавливаться из-за него должна?

- Ну и правильно, - резюмировала Леночка. - Учить надо таких старпёров, которые по левой полосе ползут. Пойдём покурим?

Женщины прошли в кухню, где Ирина включила мощную вытяжку. Она боялась, что Сергей, если учует запах, будет ругаться. Она знала, что муж тоже курит, но он никогда не делал этого дома.

- А ещё сзади царапинка... это я позавчера неудачно припарковалась, там места было мало,

- продолжила Ирина. - Вот, чуть-чуть поцарапала зад.

- Большая у тебя машинка, такую не везде запаркуешь. Поменьше бы надо.

У Леночки их четыре, на разные случаи жизни. Сейчас она приехала на «Жуке» - говорит, когда ездит одна, это удобнее всего. Ирина вспомнила, как она просила у мужа вторую машину, на что он невозмутимо ответил: «Хорошо, продаём эту и покупаем другую.» Пришлось соглашаться, хотя прежней машине было всего две недели. Муж согласен был менять машину хоть каждый месяц, но даже слышать не хотел о покупке второй машины. Ирине было немного завидно, но она понимала, что завидовать в этом вопросе греховно, и выдала совсем другой аргумент.

- Да вот видишь, езжу я почему-то не очень, особенно когда нервничаю. На такой крохе, как у тебя, я же убьюсь через неделю.

- Ну, тоже верно, - весело ответила Леночка, выпуская клуб дыма, который тут же был затянут вытяжкой.

Ирине всегда было не по себе, когда она ехала в машине Леночки. Леночка гоняла с безумной скоростью, ныряла из одного ряда в другой, обгоняла там, где никакой другой водитель обгонять не стал бы — но чувство дороги у неё было потрясающее, в аварии она не попадала ни разу, по крайней мере сколько её знала Ирина.

- И теперь не знаю, надо бы съездить починиться, да это же тысяча тридцать будет, а у меня сейчас свободных таких денег нет, надо у Серёжи просить. А он ругаться будет, причём не столько из-за денег, денег ему не жалко. У него паранойя какая-то, он каждый раз говорит, что вот, мол, если узнают, что жена депутата постоянно вляпывается в какие-то аварии, растрезвонят это по всему городу, и будет плохо. Тоже мне муж нашёлся — приходит чёрт знает когда...

- Так разведись с ним, - лягнула Леночка. Она всегда как-то очень легко смотрит на все вопросы. Оказалась бы она сама в такой ситуации — не говорила бы так.

- И что я, одна останусь?

- Ну почему? Найдёшь себе нового мужика, вот проблема. Ты же ещё молодая.

- Где ж я его найду?

Перед Ириной мелькнула давняя картинка компании, куда её как-то занесло, и она уже не помнила, как. Это были не жёны коллег мужа, с которыми она пересекалась на корпоративах, и не мамы детей из «Гармонии». Это были простые люди, слишком простые, слишком бедно одетые. Все разговоры у них были о деньгах и о том, где что дешевле покупать. Ирине было очень некомфортно в этом обществе. Всё-таки очень мерзко, когда денег мало, и они занимают все мысли. Оказаться в таком обществе, причём не случайно, а навсегда, ей очень не хотелось. Но объяснить это она не могла, потребовалось бы слишком много слов. Да и Леночка не поймёт, у неё всё как-то просто.

- И потом, мама узнает — с потрохами меня сожрёт.

- А ты не говори маме. - Леночка даже удивилась, как такая проблема вообще могла возникнуть. - Она же у тебя старая и ничего не соображает.

Легко ей говорить. Да, не соображает. Но почует моментально.

- Да и Серёжу боюсь. Он ведь если пойдёт на принцип, оставит меня вообще безо всего: без жилья, без денег, безо всего.

- Алименты-то ты всяко отсудишь. Хотя... сколько лет Павлику? Да, пожалуй, ненадолго будут эти алименты. Ну не разводишься, если боишься. В конце концов что есть у тебя муж, что нет — всё равно как ни придёшь, ты одна.

Леночка уже четвёртый раз замужем, и ещё постоянно какие-нибудь любовники появляются. Мама неоднократно открывала глаза Ирине на этот факт, что негоже с такой

вертихвосткой общаться, но попусту. Леночка единственный человек, кто может вот так сорваться с места и прилететь к Ирине, как сегодня.

- А у меня беда сегодня приключилась.

- Ой, расскажи, расскажи про свою беду.

Леночка с такой радостью это сказала, что Ирине на мгновение расхотелось делиться своей бедой, но потом она передумала.

- Павлика хотят выгнать из школы, куда он поступил.

- А, ты же его куда-то отдала. Я же говорила тебе, что подумай ещё, стоит ли отдавать в незнакомую тебе школу.

- Но у неё такая репутация...

- А то ты не знаешь, как делаются всякие репутации! - усмехнулась Леночка. - Ну так и в чём проблема?

Поразительно. Леночка так и не увидела, в чём проблема.

- Так в этом и проблема. Выгнать хотят.

- Ну забери Павлика. Мало, что ли, школ? Отдашь в другую.

Забери. Легко сказать «забери».

- Во-первых, Павлику там нравится...

Это была правда. Если в «Гармонии» ему было всё равно, то в СУНЦе, хоть он и не жил в интернате, ему нравилось. Только он не мог объяснить, почему. И Ирина тоже не могла. Это было слишком иррационально.

Началось всё на первой же неделе. Он как-то сказал в классе, какая у него крутая мама, что она все пробки объезжает — по обочине, по встречке, по тротуарам. На что ближайший к нему ученик неожиданно сказал, что да, бывают такие водители, и что они называются уродами, и что от парковки на тротуар неплохо лечит баночка клея, вылитая на лобовое стекло. Павлик оглянулся и почувствовал, что класс симпатизирует вовсе не ему, а его оппоненту, и особенно всем понравились хулиганские мысли про баночку клея. Вечером Павлик приехал домой «какой-то не такой». Это был первый раз, когда он чего-то не рассказал маме.

На следующий день Павлик демонстративно вынул свой планшет новейшей модели и начал играть в него. В прежней школе такое действие примиряло лучше всего — одноклассники моментально слетались и начинали выяснять модель, стоимость и возможности этой игрушки. Прежние ссоры при этом быстро забывались. В этот же раз ни один из одноклассников не обратил ни малейшего внимания на планшет. Павлик не понял, как это возможно. Это была модель поведения, недоступная его воображению. Два дня он проходил со своим планшетом, но так и не добился завистливых взглядов, хотя было совершенно понятно, что такого планшета у остальных не было. После этого планшет пришлось за ненадобностью убрать в портфель. Он бы не смог объяснить маме, почему ему здесь нравится.

- Нравится, так оставляй. - Леночка была неискоренима. - Ты реши сперва для себя, чего ты сама хочешь, а потом уже и делай.

Ирина задумалась. Она собиралась пожаловаться Леночке, а проблема повернулась каким-то другим боком. Через некоторое время она выдала результат.

- Понимаешь, мне нравится место, где учится Павлик, но мне категорически не нравится, что там делают учителя.

- И что они делают?

- С ними невозможно договориться.

- А ты пыталась?

Ирина смутилась. Не то чтобы она совсем не пыталась, но эти попытки теперь показались ей какими-то смешными.

- Ты же знаешь, учителям только денег подавай, - продолжила Леночка. - Дашь денег — твой ребёнок самый лучший, не дашь, так сразу и лодырь, и поведение ужас-ужас, и вообще очень запущенный случай.

Эту прописную истину Ирина, конечно, знала. Но почему-то забыла, возмущённая действиями учителей. Пыталась решить этот вопрос, ввязываясь в конфликт. А теперь она посмотрела на свои действия со стороны, и они показались ей какими-то нелепыми. Надо было действовать не так.

- Ну я предлагала физику порепетировать его...

- И что он?

- Сказал, что он не будет репетировать своего ученика.

- Так правильно, а чего же ты хотела? Ты же его пойми, он ведь тоже боится. Вот он будет твоего учить, ты передашь за это деньги, а потом хвать за руку: взятка! И ведь не отвертится. У них там круговая порука: Иванов репетирует учеников Петрова, а Петров — учеников Иванова. По сути то же самое, но гораздо безопаснее.

- Но он никого из учителей не предлагал...

- А ты спрашивала? Ты ж пойми, учителя хотят, чтобы это якобы нужно было тебе, чтобы это была именно твоя инициатива. Но это на уровне учителей. А самое главное — сходить к директору. Только тут такими маленькими подачками уже не отделаешься, тут ремонт надо предложить, ну или ещё что... помощь спонсорскую.

- Это надо с Серёжей разговаривать, у меня нет таких денег.

- Ну так и поговори. Что он, откажется помочь школе, в которой его сын учится? Да ни за что не откажется. Ещё и рекламу себе сделает: депутат Мартынов занимается благотворительностью, школе на ремонт денег даёт.

Эта мысль Ирине понравилась. Плакать уже не хотелось совсем. Теперь было понятно, что надо делать, и было понятно, как. Проблема как будто исчезла сама собой.

После того как женщины ещё немного поболтали о насущных проблемах и Леночка упорхнула, Ирине стало как-то одиноко и неудобно. Она заглянула в комнату Павлика — тот сосредоточенно сидел за компьютером, наверняка за уроками. Ирина решила его не отвлекать, ушла к себе и стала ждать мужа.

Она не находила себе места — частично от длительного ожидания, частично от того, что не привыкла ожидать. Время для неё остановилось, секундная стрелка еле-еле ползла по циферблату. Завтра она снова пойдёт в СУНЦ, а сегодня... сегодня нужно поговорить с мужем.

Сергей Степанович пришёл около полуночи. Аккуратно разулся, снял верхнюю одежду, повесил её и остался в безупречном пиджаке. Ирина подошла и обняла его, и этот жест оказался настолько неестественным и непривычным, что Сергей Степанович сразу насторожился. Когда жена впервые за долгое время встречает у порога и ещё обнимает — дело не может быть чистым.

- Что случилось? Что-то с машиной? - нахмурился он.

- Нет, с машиной всё в порядке...

- А по-моему, на ней вмятина.

Углядел-таки.

- Да, это я припарковалась неудачно.

Ирина решила не рассказывать сегодняшний случай. За парковку ей ничего не будет, а вот с аварией она так легко не отделается: муж обязательно начнёт ворчать и отчитывать.

Не стал отчитывать: то ли не заметил царапину спереди, то ли решил, что и это последствия неудачной парковки.

- Я была сегодня в школе, где Павлик учится...

Сергей Степанович уже почти пропустил эту фразу мимо ушей. Но Ирина поняла, что он не слушает, и перешла сразу к делу. Получилось как-то надрывно.

- Его выгнать оттуда хотят!

- Как выгнать? - спокойно спросил он. В его голосе послышался лёгкий оттенок удивления, но к чему относилось это удивление, понять было нельзя. Может быть, к тому, что сына хотят откуда-то выгнать. А возможно, к тому, что у него вообще есть какой-то сын. - Он что-то натворил?

- Нет, ничего не натворил.

- Тогда за что выгнать?

Ирина начала говорить и высказала почти всё, что у неё было на душе. Она рассказала, какие там невнимательные учителя, рассказала, что некоторые из них даже журнал не заполняют, а остальные ставят необоснованные двойки, а директор этому всему потакает. Выговорившись, Ирина резко умолкла, лишь её грудь вздымалась от глубокого дыхания. В комнате повисло тягостное молчание. Ирина стиснула зубы и стала ждать реакции мужа. Ждать пришлось долго, словно в голове Сергея Степановича медленно вертелись какие-то невидимые колёсики.

- Да, - сказал он наконец. - Наша система образования совсем никуда не годится. Поднимать её надо, а как поднимать-то?

От возмущения у Ирины свело дыхание. Она ему про сына говорит, а он перевёл всё в масштабы государства. Да пропади оно пропадом, это государство, если проблемы у родного сына! Но ему, похоже, всё равно.

- Если учителя там не выполняют свои обязанности, с этим что-то надо делать, - глубокомысленно произнёс он.

Ирина снова почувствовала, как тугой комок подходит к её горлу, а на глазах туманной дымкой выступают слёзы. Ему, по-видимому, было совершенно плевать на сына.

- Говорил же я, в Лондон его надо отдавать.

Этого Ирина уже не могла стерпеть. Она пулей выскочила в свою комнату, ничком повалилась на кровать и зарылась лицом в подушку.

8. Игры с огнём

Планета сделала полный оборот вокруг оси, и на город снова надвинулась ночь. Большинство обитателей уже были замкнуты в бетонных коробках, некоторые, наоборот, готовились перебираться в другие бетонные коробки, в которых, как утверждается, кипит ночная жизнь города. Магазины постепенно закрывали свои пасти, заглатывавшие людей и потом изрыгавшие их обратно. В городе становилось тихо, и каждый громкий звук теперь разносился на несколько кварталов. Город засыпал.

Ночь пришла и в тихий квартал, окружённый защитной лесополосой. Уже давно погас свет в центральных корпусах, но в боковых крыльях почти все окна ещё горели — там

готовились ко сну. Около умывальников образовались вечерние очереди, души тоже были заняты, люди по коридору сновали туда-сюда. Воспитатель, остающийся сегодня на ночь в этом корпусе, которого все называли Сан Санычем, ходил по комнатам и устраивал перепись.

Перепись была ежевечерней процедурой а интернате. Проводить её дежурный воспитатель должен перед отбоем, то есть тогда, когда значительная часть народа умывается и ещё находится вне комнаты. В каждую комнату нужно зайти и отметить присутствующих. Арес это делает с той же связкой ключей и зычным криком «Перепись!»; многие обитатели тогда отрывались от подготовки ко сну, шли в свои комнаты и возвращались к умывальнику, когда перепись миновала их комнату. Лучше быть переписанным, чем числиться отсутствующим.

Согласно внутреннему распорядку, после переписи воспитатель должен сверить список отсутствующих с тетрадкой у входа, куда записываются выходящие, но этого не делает никто и никогда.

Сейчас перепись проводит Сан Саныч; это значит, что отрываться от вечернего туалета необязательно. Он неслышно скользит по коридору — невысокий, с коротенькой бородкой, — без стука заходит в комнату, спрашивает, все ли на месте, получает ответ, не проверяя, соответствует ли он реально присутствующим в корпусе, после чего исчезает и появляется в соседней комнате. Так он обходит весь корпус, после чего повторно проходит по комнатам, в которых он в первый раз не встретил ни души. Всё это настолько тихо и незаметно, что иногда вообще неясно, присутствует ли Сан Саныч в корпусе.

В половину одиннадцатого наступает отбой. Арес вооружается часами и в точное время кричит во всю глотку: «Отбой!», так что любой нормальный человек, если он уже спал, немедленно проснётся и спросит, что это за пожарная сирена, и не пора ли из этого здания эвакуироваться вон. Но обитатели, чуть попривыкнув, не обращают на эту сирену никакого внимания.

Сан Саныч проводит отбой без единого шороха. Он ещё раз проходит по комнатам и желает всем спокойной ночи. После чего идёт в воспитательскую.

Так же тихо он проводит подъёмы, и его тишина действует гораздо лучше, чем громкие крики Ареса. Сан Саныч заходит в комнату и тихо стоит, пока обитатели не проснутся. Тихое присутствие чужого человека в комнате может действовать гораздо сильнее громких звуков, это Сан Саныч, увлекавшийся психоанализом, хорошо знал. Если кто-то из обитателей по-прежнему не просыпался, Сан Саныч подходил к нему и начинал гладить по голове — не тормозить и не будить, а именно гладить. Обитателям это очень не нравилось, поэтому все предпочитали вставать раньше.

Конечно, такие действия требуют немало времени, и Сан Саныч не смог бы обойти все комнаты за отведённое время. Но это и не требовалось. Во-первых, некоторые обитатели на ночь закрывали свои комнаты, хотя это и не полагалось по правилам. Большинство комнат всё же открыты ночью — закрывать их просто незачем, а возни меньше, если ночью вдруг захочется в туалет. А во-вторых, некоторые встают во время или даже раньше подъёма совершенно самостоятельно, просто потому что являются прирождёнными жаворонками. Оставалось только вычислить, какие именно комнаты нуждаются в побудке.

Но подъём будет утром, а сейчас наступает время отбоя. После отбоя свет в комнатах полагается держать выключенным, но реально за этим никто не следит. Да и как заставишь выключить свет тех, у кого завтра очередное переписывание контрольной по законам сохранения у Горыныча. Единственное, за чем реально следят воспитатели (как

правило, оставаясь в своих комнатах) — чтобы в корпусе была тишина. За громкие звуки, слышные в воспитательской, можно получить по шапке.

Интернат засыпает; особенно если смотреть на него с улицы, окна в жилых корпусах понемногу гаснут. К одиннадцати часам остаётся лишь несколько горящих прямоугольников, не считая тусклого дежурного освещения коридора. Да и в этих прямоугольниках горят в основном бра, а не верхний свет.

Двести седьмая как раз из тех, где свет не погас. Это обыкновенная комната, выглядящая как и большинство других, шириной три на четыре метра и с метровой прихожей, где находятся вмурованные в стену одёжные шкафы. В самой комнате — три кровати, две тумбочки и письменный стол с двумя стульями. Над двумя кроватями — ночники, на одном из них нет плафона — разбился несколько лет назад и так и не был заменён.

Обитателей комнаты в этот вечер двое — Никита Губарь и Саша Подколесин. Третий сосед живёт в ближайшем пригороде и остаётся на ночь в интернате нечасто. Никита вслушался в наступившую в корпусе тишину.

- Кажется, Сан Саныч ушёл.

В коридоре раздались шаги. Ребята смолкли. На Сан Саныча не похоже, хотя и эти шаги приглушённые — находящийся в коридоре явно не хочет, чтобы его слышали. Шаги затихли прямо возле двери, дверь тихонько открылась. Обитатели тут же насторожились, Саша взялся за покрывало, будто как раз собирается расстелить кровать и лечь спать. На пороге — Паша Горкин, которого все зовут Пафом. Саша шепчет, указывая в коридор.

- Там никого?

Паф кивает, хотя это и не требуется. Если бы в коридоре кто-то был, Паф не пришёл сюда, а дождался бы, когда всё успокоится.

Внезапно дверь одёжного шкафа открылась, и оттуда вышла Маша Петрова, прятаясь в шкафу во время переписи. Маша миниатюрная, она не то что в большом шкафу — в микроскопическом проёме между кроватью и окном смогла бы спрятаться.

- Кто ещё придёт?

- Судак, Рыжий, может, ещё Шурик и Димка.

- Ещё Катя собиралась, но не знаю, дойдёт ли.

Из другого корпуса идти в самом деле далеко, а ведь надо ещё не попасться.

Снова шаги в коридоре, ребята притихли, Маша инстинктивно схватилась за дверь шкафа. Но в коридоре явно больше одного человека, и напряжение сходит на нет. В комнату зашли двое. У одного на голове вьётся и кучерявится огненно-красная шапка волос, по которой его можно узнать с большого расстояния; к прозвищу «Рыжий» он привык, вероятно, с пелёнок. Второй — Дмитрий Кривченко, по прозвищу «Судак», потому что сюда он приехал из Судака, и в особенно холодные дни периодически вспоминает тёплый Крым.

- Вы бы так дверью не хлопали, а то как слоны в посудной лавке.

Критическая масса набралась. Если кто ещё появится — это его дело, но ждать ещё кого-то бессмысленно.

- Ну что, кто идёт?

- А Сан Саныч у себя?

- Был у себя. Но Сан Саныч не заложит, если что.

- Мне, что ли, идти? Я могу, кто со мной? — спрашивает Рыжий.

Он всегда так говорит, потому что чувствует себя в безопасности. Разумеется, идти не Рыжему. У него же голова чуть не сама светится, его безошибочно можно вычислить даже в тёмном лесу за десять метров. Это верный способ сорвать всё мероприятие.

- Ладно, мы с Ником сходим, - наконец ответил Паф.

Кровати в комнате заправлены очень небрежно, хотя в корпусе мальчиков это считается нормальным. Но покрывало на кровати, которая справа и ближе к окну, совсем волочится по полу, и это не простая небрежность Ника. Из-под этой кровати Ник вытаскивает пожарный гидрант, длинный и толстый, как анаконда в каком-нибудь особенно выразительном, но не слишком правдивом фильме. Этот гидрант обычно лежит, свёрнутый в тугое кольцо, в пожарном уголке, но сегодня он будет использован по другому назначению.

Повозившись немного, ребята открыли окно, стараясь не очень шуметь. Разбухшее дерево старой рамы поддавалось с трудом и со скрипом.

- Блин, сейчас Саныч придёт, вы хоть эту шнягу уберите пока, - показывая на пожарный гидрант, сказал Паф.

Наконец окно поддалось и с шумом отворилось, и в комнату ворвался поток свежего воздуха. Пахло дождём и палыми листьями.

- Дверь закройте кто-нибудь, а то...

Саша вынул ключ и запер дверь. Паф и Ник в это время размотали гидрант. Один конец гидранта они привязали к ножке кровати. Но это пустая мера предосторожности — ножка кровати хлипковата и просто выломается, если что-то случится.

- Блин, держите крепче...

Стук в дверь. Сердце уходит в пятки, гидрант срочно запикивается под кровать, хотя его конец уже привязан к ножке кровати и предательски торчит. Маша прячется в угол, пытаясь слиться со стеной.

- Откройте, это я...

Открывают дверь, но совсем чуть-чуть. Через эту щёлочку просачивается Катя.

- О, я сказала на переписи, что ты умываешься, тебя отметили, - говорит она Маше. — У вас всё нормально? А то меня чуть не заловили.

Гидрант снова вынут из-под кровати. Его свободный конец медленно и торжественно опускается в окно. Паф перебирает руками, и вскоре шланг касается земли.

- Держите, - говорит он Рыжему и Судак. — И смотрите не упустите.

Паф подобрался к открытому окну, схватился за гидрант, перелез на ту сторону и исчез из вида. Гидрант натянулся, словно леска при поклёвке крупной рыбы. Если Рыжий и Судак его отпустят, лёгкая кровать не будет серьёзным противовесом для Пафа. Скорее всего, сразу же отломится ножка у кровати. В общем, основная нагрузка на руки.

Наконец, эта нагрузка перестала чувствоваться в руках: Паф спустился на землю. Следом полез Ник, прыгнул с полутора метров, потёр ушибленное колено. Рыжий втянул гидрант обратно. Маша в этот момент прильнула ухом к дверям, прислушиваясь к шорохам. Она напоминала большую кошку, казалось — пришей ей хвост, и его кончик немедленно начнёт чуть заметно подёргиваться.

- Идёт кто-то...

В коридоре действительно были слышны шаги — шаги человека, который идёт без боязни и хорошо знает, куда. Можно не опасаться.

Двести седьмая комната выходила окнами в лесополосу. Благодаря этому свойству Пафу и Нику удалось проделать спуск на пожарном гидранте. Если бы комната была с другой

стороны общего коридора, то её окна оказались бы видны из других корпусов, что сделало эту затею практически нереальной. Смелчаки, правда, и на ту сторону вылезали, но это было уже совсем безрассудство.

Паф и Ник направились к лесополосе и моментально скрылись в ней. Через пять минут они вернулись обратно с пакетом, в котором явственно проступали контуры бутылок. Содержимое тихонько позвякивало в такт шагам.

- Тише ты, блин, - шепнул Паф.

Пакет привязали к гидранту и под мелодичное позвякивание, от которого замирали сердца у всех соучастников, начали поднимать вверх.

- Смотри не разбей, иначе сейчас сам побежишь покупать!

- Так не продают же ночью!

- А мне какое дело, что не продают?

Пакет втянули в комнату. Отвязали, кинули гидрант вниз. Рыжий и Судак снова держали гидрант, пока по нему карабкался сперва Ник, потом Паф.

- Чего ты такой тяжёлый? – спросил Рыжий Пафа и ткнул его пальцем в бок. - В следующий раз не будем поднимать, там и оставим.

- В следующий раз сам полезешь туда.

Гидрант отвязали от ножки, свернули и положили под кровать Ника, а тот снова прикрыл следы длинным покрывалом. Из пакета извлекли трофеи – две бутылки водки и бутылку минералки.

Лет десять назад этот пожарный гидрант использовался со смыслом: по нему ребята спускались, затем бегали за алкоголем в ларёк, находящийся в пятнадцати минутах ходьбы от интерната, потом тем же путём возвращались обратно. Теперь после одиннадцати алкоголь не продают, поэтому приходится его покупать днём и прятать в лесу, а после отбоя добывать его так, как сейчас. Смысла в этом ровно никакого не было – гораздо проще упаковать бутылки так, чтобы не звенели, да и пронести через вахту среди бела дня. Это бы не привлекло никакого внимания. Но люди не всегда поступают самым рациональным образом. К тому же такое использование гидранта было традицией, уже не первый год передававшейся от поколения выпускников к поколению поступивших, а главное – это было приключение, это было нельзя, это было сладко. Это повышало уровень адреналина в организме, переполненном гормонами.

Употребление алкоголя в стенах интерната было запрещено и каралось немедленным отчислением. Но обитатели интерната, вырвавшись на свободу и оказавшись без родителей, всё равно пили. Каждый год несколько человек отчисляли. Кого-то это останавливало, кого-то нет. Некоторые пили осторожно и по чуть-чуть, пронося в интернат бутылку пива. Ник явно проверял границы дозволенного, он понимал, что с его олимпиадным прошлым его будут терпеть сколько возможно, но, с другой стороны, за пьянку должны выгнать взашей. Поэтому проверял он явно и нагло: водка — так две бутылки, пронести — так по пожарному шлангу. Попадётся, или все опять широко зажмурят глаза?

Ник сервировал стол не спеша и со вкусом, хотя накрывать было почти нечего. Несколько прямоугольников хлеба, в разные моменты времени принесённых из столовой. На некоторых кусочках покоились кубики масла. Самые старые куски — с позавчерашнего завтрака, а потому они изрядно обветрились и потеряли былую привлекательность — хлеб покрылся твёрдой корочкой, масло пожелтело и слегка оплыло, потеряв строгую форму

параллелепипеда. Тарелка селёдки, нарезанной двухсантиметровыми дольками, костлявыми, с выпирающими наружу рёбрами, - принесённая с сегодняшнего ужина. Селёдку всему классу выдают на одной тарелке, каждому по кусочку, но многие её не едят, и потому остаются излишки, которые выносить из столовой нельзя, но обитатели выносят. Полтора десятка пряников, оставшихся со вчерашнего и с сегодняшнего завтраков. Несколько пакетов лапши в брикетиках, которые нужно залить горячей водой. Четыре глубокие тарелки, стянутые в столовой. Ему уже неоднократно делали замечание, чтобы вернул их, но пока они жили здесь — нужно же из чего-то есть лапшу. Пластиковые одноразовые стаканчики, которые имеют явное преимущество перед стеклянными: их легко убрать, а ещё они не звенят и не привлекают внимание.

Очень тихий стук в дверь. Шагов в коридоре никто не слышал. Ясно: Сан Саныч. Маша неслышно прячется за кровать, так что её становится совершенно не видно. Катя, имеющая значительно большие габариты, сделать то же самое не может. Бутылки водки отправляются под подушку — такова первая реакция. Гидрант уже давно под кроватью. Саша идёт открывать дверь.

Сан Саныч вошёл в комнату, пожелал Кате доброго вечера (остальных он уже видел на переписи). Остановился возле стола, понюхал воздух. Ребята стояли как вкопанные, никто не понимал, как же нужно реагировать в этой ситуации. Только круглый дурак может поверить в то, что в этой комнате собрались шестеро — Машу считаем невидимой — для того чтобы пить минералку, закусывая её засохшим хлебом с селёдкой. Сан Саныч круглым дураком не был. С другой стороны, известно, что Сан Саныч не закладывает. Более того, если ему налить — выпьет за компанию. Но одно дело «известно», и совсем другое — вытащить из-под подушки вещественное доказательство и предложить выпить, на такое смелости мало у кого хватит. Сан Саныч стоял посреди комнаты, ожидая какой-нибудь реакции, а остальные молчали, ибо никто не хотел брать на себя коллективную ответственность.

- А мы тут это... к физике готовимся, - пробубнил Саша и, как бы желая убедить Сан Саныча в этом, стал рыться на полке, вылавливая нужную тетрадь. «Ничего умнее не придумал, идиот», - подумал Ник.

- Вижу, - ответил Сан Саныч, покосившись на сдвинутые стаканчики. И продолжил стоять и молчать. Наконец, поняв, что никакой внятной реакции не предвидится, произнёс: - Шли бы вы по комнатам, спать.

- Да-да, сейчас!

Сан Саныч вышел из комнаты и, судя по удаляющимся шагам, пошёл в воспитательскую. Ребята переглянулись.

- Ушёл...

- Может, это... в другой раз? - прошептал Саша.

- Да иди ты! - злобно ответил Ник.

- Так ведь он засёк нас...

- Ну и что?

- Так придёт же...

Ник подумал о том же. Если минут через двадцать Сан Саныч снова придёт, а в стаканах плещется водка, и вся комната пропитана её запахом, отговариваться будет значительно труднее. Оставался вопрос — придёт ли снова Сан Саныч? Если рассуждать здраво — разумеется, придёт. Не может быть, чтобы не пришёл. Ясно же, что в этой комнате происходят нарушения. Сейчас он дал время, чтобы все разошлись, а потом придёт и

проверит. Но сказать это означает струсить. А трусить не хотелось, надо быть храбрым и идти в задуманном до конца.

- А мы ему не откроем. Типа, все разошлись и легли спать. И вообще, чего ты открывал в этот раз? Сидели бы тихо и не рыпались.

Идея не открывать дверь тоже не без изъянов. Например, Сан Саныч мог бы обойти другие комнаты и понять, что Пафа, Судака и Рыжего нет на своих местах, а это прямо означает, что компания не разошлась. Но об этом уже никто из присутствующих не подумал.

Паф прокрался в коридор, посмотреть — действительно ли Сан Саныч отправился в воспитательскую, или же неслышно снуёт по коридору и следит за порядком? Паф постоял немного в холле, возле свежей надписи, сделанной маркером на стене: «Весь мир — театр, и люди в нём актёры. Весь мир — дерьмо, и люди в нём...» - окончание фразы предлагалось придумать читателю. Потом тихонечко подполз к воспитательской, заглянул в щёлку — оттуда горел свет, но больше Паф ничего не увидел и не услышал. Так и вернулся обратно.

- Ну что?

- Да не знаю, тихо вроде бы.

Не очень определённая и утешительная информация, но для тех, кто хочет убедить себя, что всё в порядке, сойдёт.

Комнату закрыли на ключ, водку достали из-под подушки. Ник откупорил первую бутылку и разлил по стаканам. Стаканчики стояли вплотную, поэтому налить всем поровну оказалось очень легко. По уровню жидкости — половина высоты стаканчика. С учётом расширения диаметра снизу вверх — треть, подумал Ник.

- Ну, будет.

Все неслышно чокнулись. Ник почувствовал, как противная обжигающая жидкость заполнила рот, попала в пищевод, который мгновенно стал ощущаться как какая-то раскалённая трубка от головы до нутра — и вот она уже в желудке. Ник рефлекторно поморщился, но виду не подал, а просто занюхал рукавом: закусывают слабаки.

Остальные пили кто как. Маша отпивала по глоточку, по очереди смотря на юношей. Посмотрит, выпьет глоточек, переведёт взгляд на другого. Паф вооружился кусочком селёдки, Судак и Рыжий взяли по хлебу, счистив с него предварительно масло, которое бесформенным куском ляпнуло на тарелку. Рыжий вспомнил, как вот такой же точно кусок масла, подкинутый в столовой, прилип к потолку и сделал там безобразное пятно. Остатки этого кусочка масла, поди, и сейчас висят на потолке столовой, кто же будет счищать...

Чайник вскипел, как раз когда все допили содержимое стаканов, после чего в глазах у всех стал читаться вопрос про вторую. «Между первой и второй перерывчик небольшой», - приговаривал Рыжий одними губами.

- Кто будет лапшу бэпэ? - спросил Ник.

- Да ну её, эту гадость, - ответил Судак.

Также от лапши отказалась Катя, которая в последнее время стала полнеть и потому ограничивала себя в мучном и жирном.

- Только тарелки-то четыре штуки, - сказал Ник. - Можно ещё вот эту помыть от масла.

Желающих мыть тарелку, заляпанную амёбообразными кусками расплывшегося масла, почему-то не нашлось.

- Я могу с кем-нибудь из одной тарелки поесть, - сказала Маша.

- Мне как раз одной много будет, - произнёс Ник. На том и договорились.

Пакеты с лапшой шелестели в руках. Ребята старались шуметь как можно меньше, и потому вскрывали пакеты с великими предосторожностями. Но производители лапши, похоже, не думали об этом.

- Тише вы, - прошептал Рыжий, хотя сам шелестел ничуть не тише других.

Лапша освободилась от пакетов, её брикеты теперь покоились на тарелках. Саша взял ложку, чтобы размять свой брикет, как он делал обычно. Воткнул ложку в самую сердцевину брикета — тот треснул пополам, половинки разлетелись прочь из тарелки, а ложка с мелодичным звоном врезалась в середину тарелки. На него зашикали, Саша собрал в тарелку обломки брикета и отказался от идеи растолочь лапшу.

В каждой упаковке с лапшой есть ещё пакетики с пряностями и с маслом.

- Вы поосторожнее, - предупредил Ник, хотя все и без того знали. - Там в пакетике травы много, на две порции хватит. Половину кладите, а то есть совсем невозможно будет.

- Травы, - ухмыльнулся Судак.

- Мне не надо масла, - сказала Маша.

Рыжий взял масло из своей порции и стал искать нож. Запаханный со всех сторон пакетик с мутноватой жёлтой жидкостью напоминал плохо отполированную линзу. Наконец Рыжий дотянулся до ножа, сжал пакетик с маслом в руке и вонзил в него нож. Масло тут же брызнуло на стол и далее. Попало бы и на кровать, если бы не лежащая газета.

- Ой!

Портрет на половину газетного листа оказался заляпанный маслом. Жирное пятно расплывалось по напечатанной физиономии, отчего та, казалось, скорчила какой-то звериный оскал.

- А так ему и надо, - наставительно произнёс Ник. - Это из-за него «Барселона» в высшую лигу не попала.

Он как раз собрал стаканчики вместе, чтобы удобнее было наливать вторую порцию водки, но отвлёкся и стянул газету с кровати на пол. Пусть этот футболист дальше корчится, но уже на полу. Ник ощупал покрывало в поисках других масляных капель, ничего не нашёл и вернулся к разливанию водки. Остальные как раз заварили лапшу, которая начала разбухать, увеличиваться в объёме и становиться мягкой.

- Вот так она и у вас в желудке будет разбухать, - сказал Судак. - При мне один как-то съел две пачки всухомятку, а потом пить захотел. И там, в желудке, эта лапша у него как начала разбухать! Ох как ему плохо было!

Никто из остальных не стал сопереживать неизвестному человеку.

- А всё равно всё в говно превратится!

- Ну давайте, чтобы Россия завтра у Италии выиграла! - сказал Ник, подняв свой стакан.

Раздался еле слышный звук от прикосновения друг к другу пластиковых стаканов, а потом — несколько звяков ложек о тарелки.

Под разговоры о футболе водка была как-то незаметно выпита. Один непустой стаканчик Паф неосторожно задел локтем, тот повалился, и жидкость принялась распространяться по всему столу. Обитатели не были готовы к такому повороту, салфеток под руками не было. Ник бросился вытирать лужу кусочком хлеба в надежде, что хлеб впитает в себя водку, после чего его можно будет съесть. Но хлеб был чёрствый и ничего не впитывал. Тогда Ник выбрал кусочек помягче и просто накрошил в водочную лужу. Но есть этот хлеб почему-то никто не захотел, и кусочки хлеба так и остались лежать в луже жидкости, распространяющей притупляющий аромат.

Потом Нику захотелось курить. В комнате курить он не решился — табачный запах стойкий, потом его не выведешь. Ник взял из тумбочки пачку сигарет и пошёл к выходу. Сразу обнаружилось, что желающих курить много, что курить хотели все, кроме Кати и Судака. Про Сашу Ник знал, что в трезвом виде тот не курит, и слегка удивился — чего это его сейчас понесло. Но отказывать было как-то нехорошо.

Балкон, на котором можно покурить, довольно далеко. Чтобы до него добраться, нужно пройти весь коридор, миновать холл в середине этого коридора, и только там, на стыке корпусов, будет балкон.

- Да тише вы! Топчете как черти!

- Сам тише, нечего кричать!

Вскоре балкон заволокли клубы дыма. Если бы собравшиеся на балконе были потрезвее, они бы не стали курить одновременно. Дым от пяти сигарет очень сильно и издалека привлекает внимание.

Вскоре на том же балконе очутился Сан Саныч. Он тоже вышел покурить.

- Ну как ваша физика, подготовились? - серьёзным тоном произнёс он. Если бы не было так очевидно, что это насмешка — не догадались бы.

- Почти...

Все предпочли затянуться — когда рот чем-то занят, отвечать необязательно.

- Холодно тут, не замёрзнете?

- А мы быстро.

- Быстро — это правильно. Вот вы бы побыстрее и шли по комнатам.

Сан Саныч выкурил сигарету и скрылся у себя, а ребята остались на балконе. После душевной маленькой комнатки, где только что находились семеро, приятно было вдыхать свежий осенний воздух, пахнувший сыростью. Этот воздух прекрасно дополнял выпитую жидкость, опьяняя и отрезвляя одновременно.

Вскоре Маша распрощалась с остальными и ушла к себе. Потом пошли обратно Саша и Паф. Ник и Рыжий ещё посидели немного.

- Идём?

Они нестройно вышли в коридор. Алкоголь уже совсем притупил осторожность и внимание — Ник не смотрел больше по сторонам, а просто шёл прямо. И тут Рыжий отступил на шаг назад и быстро юркнул в туалет, как будто очень приспичило. Ник остался в коридоре один. Мгновение он поразмышлял о причине такого действия Рыжего, затем сфокусировал взгляд и с ужасом понял. Дверь воспитательской, находившейся в двух метрах далее, открылась, и на пороге появился человек. Только это был не Сан Саныч, а воспитательница из корпуса девушек, Жанна Геннадьевна, которую все по созвучию звали Жади́на-Говя́дина. Она пристально смотрела на Ника немигающим змеиным взглядом, и этот взгляд Жади́ны-Говя́дины не сулил ничего хорошего.

Ник решил пойти ва-банк. «Помирать так с музыкой, - подумал он. - А может, и ничего.»

- Добрый вечер, Жа... на...

Язык заплетается. Нельзя говорить длинные фразы, иначе она сразу поймёт, что я выпил. И её имя-отчество нельзя произносить, оно сложное, обязательно где-нибудь собоюсь. Хорошо хоть в лицо не назвал её Жади́ной-Говя́диной.

- Пьян, что ли? - спросила Жади́на-Говя́дина.

- Нет, нет, - Ник для пущей убедительности отчаянно замотал головой. Получилось жутко фальшиво — голова моталась как у тряпичной куклы, а не как у живого человека. Так не удалось бы убедить и слабоумного.

«Хорошо ещё, хоть я покурил, теперь от меня водкой не пахнет, - подумал Ник. - За курево тоже по шапке дадут, но не так сильно.»

Но Жадина-Говядина не собиралась отчитывать за курение. Она не отрываясь смотрела на Ника, зрачки которого превратились в две точки.

- А ну пройдишь! - скомандовала она.

Ник сконцентрировал усилия и пошёл по коридору к своей комнате. Жадина-Говядина по-прежнему не сводила с него глаз. Затем она чуть-чуть призадумалась.

Ловить на пьянке — большая ответственность для воспитателя. Цена вопроса — отчисление, так что Жадине-Говядине предстояло сейчас подписать смертный приговор — или не подписывать его. Чтобы подписывать, нужно иметь неопровержимые доказательства. Жадина-Говядина понимала, что Ник выпил, но такое понимание не является неопровержимой уликой. И теперь она размышляла, отпустить ли Ника с миром или ещё как-нибудь проверить его. Наконец решила, что связываться с ним она не хочет — пусть себе идёт куда шёл.

- Ладно, иди!

Ник понял, что спасён. Сердце у него совсем было замерло и почти перестало биться, а теперь воспрянуло и с новыми силами начало качать отравленную алкоголем кровь, доставляя её к мозгу и другим жизненно важным органам. Ник открыл дверь своей комнаты нараспашку и сделал шаг. В этот момент что-то ударило его по лбу, и он понял, что врезался в дверной косяк, а ещё он понял, что Жадина-Говядина с колючим взглядом быстро шагает в его сторону, и что дверь в комнату открыта, и что в той комнате Саша и Паф ждут Ника, и что на столе валяются пластиковые стаканчики, хлеб, масло, селёдка — всё с характерным запахом, а под столом, великолепно видимая отсюда, со стороны двери, стоит допитая бутылка с такой этикеткой, какую не спутаешь ни с чем другим, и эта бутылка является вещественным доказательством куда надёжнее нетвёрдой походки или заплетающегося языка.

9. Второй визит

Ирина Львовна Мартынова не могла уснуть всю ночь: только сомкнёт глаза — сразу же в голове начинают бродить какие-то смутные тревожные ощущения, обёрнутые в мрачные серые силуэты. Смысл этих силуэтов-ощущений был понятен только во сне, и смысл был зловещий; Ирина Львовна открывала глаза, чувствуя, как сильно колотится её сердце, пыталась вспомнить содержание посетившего её видения, но содержание куда-то уплывало, оставаясь по ту сторону сознания. Ближе к утру она всё же смогла провалиться на полтора часа в полное небытие, не снабжённое видениями, но потом снова открыла глаза. Усталость одолевала её, но сон ни за что не хотел приходить, и ей пришлось подниматься. Общее ощущение было такое, будто под каждым глазом висел кусок свинца на полкило. Ирина Львовна физически ощущала этот свинец, она уже чувствовала мировое господство свинца, представляла, как откроет шторы и увидит свинцовое небо, угрожающе нависшее над свинцовой землёй, и голые свинцовые скелеты тополей будут агрессивно размахивать тяжёлыми ветвями...

Мартынова оторвала свинцовую голову от подушки. Мысли вгрызались в голову подобно толстым дождевым червям-выползкам, буравили сквозные ходы и не оставляли после себя ничего, кроме боли. Она поняла, что в последние несколько месяцев слишком сильно

расслабилась. После того как муж настоял, что Павлику нужно поменять школу на какую-нибудь более престижную, и в качестве компромисса был выбран СУНЦ, она в сердцах сказала: «Хорошо, делайте как знаете!» - и не вмешивалась. Павлик писал какие-то экзамены, как-то поступил в эту школу. Потом водитель Сергея Степановича каждое утро отвозил Павлика, а потом привозил домой, и Мартынова вздохнула чуть посвободнее, потому что раньше Павлика всюду возила она. И вот теперь она поняла, что нельзя было расслабляться, нельзя было выпускать ситуацию из своих рук, ибо только мать может следить за ребёнком, чтобы с ним ничего дурного не случилось, только мать, которая выносила и вскормила, может чувствовать его так же хорошо, как и себя, только мать знает, что лучше для ребёнка, а что нет. Теперь ей предстояло разрешить накопившиеся из-за недосмотра проблемы. Сегодня она сама отвезёт Павлика в школу, а там попробует до чего-нибудь договориться с учителями. Вчера ещё она рассчитывала на помощь мужа, но теперь понимает, что никакой помощи от него не будет, он может только разглагольствовать о том, какая плохая у нас система образования, и что с ней нужно сделать. И это печально, потому что Сергей Степанович мог бы предложить школе какую-нибудь ощутимую финансовую помощь, а она нет, она сможет только нанять репетиторов. С той стороны зеркала на неё глянуло какое-то чужое лицо, страшное и за одну ночь постаревшее, со свинцовым взглядом. Такое лицо ей очень не понравилось, и следующие пятнадцать минут она колдовала, чтобы заретушировать образовавшиеся морщины и скрыть свинцовый оттенок. Результат получился совсем не тот, которого она хотела, с красноватыми глазами ничего было не поделать, но всё же лицо перестало быть таким пугающим. С чувством неудовлетворённости Мартынова пошла будить Павлика, если он ещё не проснулся самостоятельно.

Большая чёрная «Сузуки» неслась по городу, точно диковинный зверь. В салоне повисло неловкое молчание. Мартынова чувствовала, что надо поговорить с Павликом, надо его о чём-то спросить — и не знала как. Раньше она была в курсе всего, что с ним происходит, и ей не требовалось для этого что-то расспрашивать. А теперь она даже не знает, какие вопросы следует задать и в какой последовательности. Такая неловкость бывает после долгого расставания с некогда дорогим человеком. Это очень угнетало Мартынову, и она продолжала молчать. «Время уходит», - думала она, глядя на навигатор, отмечающий путь до интерната, который с каждой минутой становился всё короче и короче.

Павлик тоже чувствовал неловкость. Он понимал, что что-то изменилось, потому что раньше его вёз шофёр, а теперь мама, и выглядит мама очень озабоченной. Но что именно не так, он не осознавал, и тоже думал, что надо бы спросить у мамы про её беспокойства — и не мог. Не мог, потому что чувствовал, что каким-то косвенным образом он виноват в этих беспокойствах. Так они и молчали, пока из окон машины не показался квартал, заросший лесом.

- Меня обычно там высаживают, - нарушил молчание Павлик и указал на угол. - Дальше я пешком.

- Нет уж, доедем, - сквозь зубы процедила Мартынова. Она только что получила ещё одно подтверждение, что доверять ребёнка никому нельзя. Этот шофёр даже до школы Павлика не довозил!

Автомобиль припарковался у самого входа.

- Покажи мне кого-нибудь из учителей математики и физики, не твоих, а вообще, - сказала Мартынова, выходя из машины.

- А зачем?

- С тобой дополнительно позаниматься.

- Ааа... - равнодушно сказал Павлик. Он обернулся и увидел, как по дороге идут в ногу, точно вышколенные солдаты, Семёновы. - Ну вон, например. Она математик, он физик, кажется.

Павлик побежал на урок, а Мартынова осталась ждать, когда Семёновы подойдут поближе. Они явно не спешили и совершенно не смотрели под ноги, ибо эта дорожка была им известна до последнего бугорка. Казалось, что они увлечены беседой друг с другом, так отрешённо они выглядели, но никто из них не только не произносил ни слова, они даже не глядели друг на друга. Подошли к двери, Алексей привычным жестом отворил её и пропустил в дверь Надю, после чего зашёл сам. Тут-то их и поймала Мартынова.

- Доброе утро, - сказала она. - У меня мальчик здесь учится. Но у него возникли какие-то проблемы. Вы не позанимаетесь с ним дополнительно? Не поможете подтянуть материал?

- Это можно, - ответила Надя. - А по каким темам?

Вопрос застал Мартынову врасплох. Она совершенно не ожидала, что ей ещё придётся излагать содержание проблемы. Разве не они учителя, разве не они должны выявлять пробелы в обучении? У Мартыновой слегка поднялась левая бровь, но она тут же совладала с собой. Ругаться сейчас совершенно не годилось, это было бессмысленно и даже вредно. Надя, видя её замешательство, спросила:

- Ну хорошо, в каком он классе?

- В десятом «а», - ответила Мартынова.

- Я посмотрю. Сейчас пока ничего определённого сказать не могу.

- Давайте я вам позвоню вечером, - предложила Мартынова.

Они обменялись телефонными номерами. Мартынова повернулась к Алексею, который, как привязанный, стоял в метре от жены.

- А вы сможете помочь по физике?

- Вообще-то я этим не занимаюсь... - начал Семёнов. Репетиторством он действительно не занимался уже много лет, предпочитая тратить свободное время на ботанику. - А кто там ведёт?

И тут он вспомнил, что в десятом «а» физику ведёт Азаров. Если до этого момента он ещё колебался, то теперь понял, что не возьмётся. Надо только как-нибудь объяснить этот факт женщине. Но жёсткие формулировки Семёнов произносить не умеет. А Мартынова ждала от него ответа.

- Нет, не могу сейчас взяться, - ответил он.

- А кто может?

В этот момент в здание зашёл Горыныч, и Алексей понял, к кому следует переадресовать разговор. Горыныч подошёл поздороваться с Семёновыми.

- Борис Аронович, вот тут мальчика надо порепетировать...

Горыныч немного удивился, потому что репетиторством он тоже не занимался. Он являлся старшим научным сотрудником в институте ядерной физики, а преподавание в интернате расценивал как хобби. Но любопытство не позволило ему просто пройти мимо.

- Он из десятого «а»...

Горыныч обратился к женщине.

- У него Азаров ведёт физику, правильно я понимаю? - Женщина ничего не ответила, но Горыныч в ответе и не нуждался. Вопрос он задал исключительно для порядка. - Так вот послушайте мой добрый совет. Не надо искать человека, который будет заниматься с

учеником Азарова. Здесь вы его просто не найдёте. Здесь никто не согласится заниматься со школьником, у которого физику ведёт Михаил Анатольевич.

- Но почему?

- Потому что у него своя программа, - ответил Горыныч. - Потому что это слишком сложно. Это не стандартная школьная программа. Михаил Анатольевич смотрит на физику под совсем другим углом, это взгляд профессионального учёного. Я не возьмусь за это дело.

Горыныч несколько погрешил против истины: и он, и Польский, и многие другие сотрудники также являлись профессиональными учёными. Хотя, конечно, по сравнению с величиной Азарова их учёность меркнет. Но он залез в слишком высокие материи: Мартынова вообще не поняла, при чём тут взгляд профессионального учёного, если речь идёт о школьной программе. Она восприняла слова «слишком сложно».

- Я хорошо заплачу за эту работу.

Горыныч понял, что объяснять нужно как-то проще.

- Уважаемая, - ответил он, отводя её в сторонку, чтобы не мешать проходящим. - Понимаете, тут не всё меряется деньгами. Просто у Михаила Анатольевича нужно сидеть и слушать, и пытаться понять, или обращаться к Александру... - Горыныч мучительно пытался вспомнить отчество Фоминского, но так и не смог. - К Фоминскому. А если и это не помогает, то не надо учиться в классе, где ведёт физику Михаил Анатольевич. Вот и всё.

Опять оборот «не надо здесь учиться». Мартынова почувствовала, что скоро начнёт терять терпение — люди оказались какие-то непрошибаемые.

- Тогда я в городе найду репетитора. Есть сколько угодно людей, которые согласятся позаниматься с мальчиком и не будут разводить дискуссии.

- Верно, - ответил Горыныч. - Сколько угодно. Но воспримите мой добрый совет — бесплатно! — не надо этого делать. Они-то, конечно, согласятся, но кто из них сможет объяснять материал за Михаилом Анатольевичем? А вот кто знает Михаила Анатольевича, тот не согласится, и напрасно вы нас пытаетесь убедить в обратном.

Мартынова поняла, что разговаривать с этими людьми бесполезно. Михаил Анатольевич, наверное, какая-то большая шишка, что его учеников боятся брать другие учителя. И всё равно к этой шишке должен быть какой-то подход. Учатся же у него другие дети, и глупо думать, что у всех родители могли бы заплатить больше, чем она — даже без привлечения средств мужа. Нет, какой-то выход обязательно должен быть, но нужно выйти на правильных людей.

«Вот засекретили-то, - подумала она. - Ничего не понятно, к кому обращаться, как обращаться...»

Наталья Никаноровна Бабель стояла в коридоре, возле стенда с расписанием, и смотрела на приказ, который рано утром, ещё до её прихода, повесили секретари. Отчислить. За распитие спиртных напитков. Горкина Павла, Губаря Никиту и Подколесина Александра. Отчислить. За распитие спиртных напитков. Формулировка приказа возмущала её до глубины души. А ещё взрослые люди. И издают такие приказы. И быстро так издают, до её появления в здании. За распитие спиртных напитков.

Они не вхожи в ректорат и не знают, какие должны быть приказы и какие проблемы могут быть, если приказ составлен неправильно. Она знает, ибо видела много раз воочию, только все они почему-то отмахиваются от проблемы, как будто её не существует. Люди всегда не

верят. Не верят, что можно попасть под машину, пока кто-нибудь из их близких не попадёт. Не верят, что прививка помогает не заразиться. Не верят в беду, которая может произойти не сейчас. Люди живут сегодняшним днём.

Бабель вспомнила, сколько раз ей с коллегами приходилось смеяться над различными нелепыми приказами Польского. И каждый раз неясно: то ли смеяться, то ли плакать. Вот и сейчас всё повторяется. За распитие спиртных напитков. Отчислить. То есть из приказа прямо следует, что в интернате ученики распивают спиртные напитки. А если какая проверка? Как им это объяснять? Неужели же нельзя было подобрать формулировку получше?

А ведь её сюда и поставили следить за подобными вещами. Они, конечно, молодцы, хорошо учат детей, но всё это должно быть не только на высоком педагогическом, но и на высшем документальном уровне, чтобы комар носа не подточил. И с этим у Польского были очевидные проблемы.

За распитие спиртных напитков. В приказе. Неудивительно, что спиртные напитки появляются вновь и вновь. И вновь и вновь за это отчисляют. Как можно вообще такое писать в приказе? Спиртные напитки в интернате — страшное дело. Страшнее разве что наркотики. Но если есть спиртные напитки, то могут быть и наркотики, это очевидно любому здравомыслящему человеку. Они хотят, чтобы сюда пришла инспекция наркоконтроля и перерыла в интернате всё, до последнего фантика? Они же житья никакого не дадут, если придут, и хорошо, если вообще интернат не закроют.

Не должно быть никаких спиртных напитков. За этим должны следить воспитатели. Вот если бы при этом ещё увольнять воспитателей за халатность, потому что недоглядели — было бы правильно. Вот тогда и случаев употребления спиртных напитков не будет, если все будут качественно делать свою работу. А без этого несправедливо получается: учеников отчисляют, а воспитатели, которым, между прочим, зарплату платят, чтобы в интернате поддерживался порядок и не было нарушений, оказались все на своих местах, живут и здравствуют. И где тут справедливость?

И всё равно в приказе не должно быть упоминания про напитки. Не должно. А если они будут неприличными словами ругаться и за это получают выговор (никто, конечно, никогда за это выговор не получал, но всё-таки), что, и тогда в приказе будут перечислены все слова, за которые последовал выговор? Разумеется, нет, такое никому и в голову не придёт. Так почему же в этом случае причина отчисления излагается столь примитивно?

Откуда-то сверху — в школе всегда кажется, что отовсюду — раздался назойливый звонок, основательно проредивший коридор. Если раньше возле расписания хаотически сновали люди, создавая правдоподобную модель броуновского движения, то теперь, вопреки второму началу термодинамики, они вдруг куда-то устремились и разлетелись по боковым отсекам, именуемым кабинетами. Бабель почувствовала вокруг себя вакуум, в котором не распространяются никакие звуки — именно это стало причиной внезапно наступившей тишины.

Но одна молекула не исчезла, а продолжала оставаться на месте, еле заметно меняя своё положение — очевидно, её кинетической энергии просто не хватало для того, чтобы покинуть коридор. Бабель обернулась и каким-то неведомым чувством поняла, что нужно вмешаться.

- Я могу вам чем-нибудь помочь? - участливо спросила она.

- Да, - ответила Мартынова. Она чувствовала себя так, будто стоит не на паркете, а на идеально гладком льду, и потому самое важное в таком состоянии — найти хоть какую-нибудь точку опоры. - Мне нужен кто-нибудь из администрации школы.
- Пройдёмте в мой кабинет, - ласково сказала Бабель.

Обстановка кабинета Бабель сразу же понравилась Мартыновой. После атмосферы школы, которая сразу показалась Мартыновой удушающе-казённой и непригодной для жизни, после коридоров, освещённых нагоняющими тоску люминесцентными лампами, кабинетов, из которых веяло старыми одинаковыми полуразваливающимися партами с написанными на них номерами, не всегда соответствовавших реальным номерам кабинетов, после обезличенных звонков, скверно действующих на нервную систему, после всего того, что высасывает из человека всякую индивидуальность и превращает его в иссушенного заключённого, кабинет Бабель выглядел настоящим раем, таким маленьким уютным домашним мирком, и Мартынова наконец смогла вздохнуть с облегчением. От мебели этого кабинета веяло какой-то материнской заботой — и от кожаного диванчика в углу, и от стульев, которые разительно отличались от своих собратьев по ту сторону двери, и от стола в форме полумесяца со скруглёнными концами, на одном конце которого уютно примостился компьютер, и от мягкой игрушки, слегка свесившей лапки с монитора. Даже шкафы в углу, наполненные пузатыми деловыми папками, выглядели уютно. «Умеют же люди создавать уют и в такой казённой обстановке,» - подумала Мартынова. Она сразу почувствовала, что женщине, окликнувшей её в коридоре, можно доверять, и теперь, находясь в этом уютном кабинете, её чувство переросло в уверенность. Она уже знала, что здесь ей должны помочь.

- Итак...

- Я мама Павлика Мартынова, - проговорила Ирина. Уверенность в том, что здесь ей помогут, слегка пошатнулась. Ей уже осточертело раз за разом говорить эту фразу. Раньше нигде представляться не требовалось, а вот в этом бездушном заведении приходится на каждом шагу.

Бабель напряглась, словно лисица, почуявшая, что где-то поблизости шмыгает полёвка, но неизвестно точно, где именно. Фамилия явно знакомая, и от того, как быстро она вспомнит, с чем эта фамилия ассоциирована, должен зависеть дальнейший разговор. Бабель уже открыла рот, чтобы уточнить, откуда она знает фамилию, но тут же передумала. Свобода манёвра всегда больше, когда узнаёшь информацию не от собеседника, а каким-нибудь другим способом.

Бабель мягко указала на стул с плавно изогнутыми ножками на манер лебединой шеи. Сама же она прошла и села на своё рабочее место, и стало понятно, что она неотделима от этого места. Таким образом, женщин теперь разделял стол.

- И что же вас привело сюда?

- Хочу узнать, как у нас дела. - Мартынова тоже решила не раскрывать карты преждевременно.

- Так узнайте. - Бабель неопределённо махнула рукой в сторону учительской.

- К сожалению, я не очень понимаю, - сказала Мартынова. - В журнале написано не всё. Кроме того, у нас по некоторым предметам есть проблемы, и мы бы хотели их исправить.

- Это к учителям нужно, а не ко мне.

- К сожалению, мне пока не удалось договориться с учителями. Они почему-то не идут ни на какие контакты.

- Есть такая трудность, - улыбнулась Бабель. - Вы поймите их, они не привыкли общаться с родителями.

- Почему не привыкли?

- Потому что это университетские люди.

Мартынова злобно зыркнула, услышав такой же разговор, какой был вчера с директором. Но Бабель продолжала.

- Я понимаю, что они должны работать с родителями, должны заполнять журналы, и так далее. Я тоже считаю, что должны. Какой бы он ни был профессор — здесь не студенты, а дети, и вести себя нужно как в школе, а не как в институте. Но объяснить это учителям очень трудно.

- Тогда зачем здесь они работают? Наймите нормальных учителей, которые привыкли хорошо учить детей.

- Я понимаю, но где же найдёшь нормальных учителей? Хорошие учителя на дороге не валяются.

- Но у вас же, кажется, элитная школа? Как же у вас могут быть проблемы с учителями?

- Школа, конечно, элитная, а вот финансирование госбюджетное, а по некоторым пунктам даже меньше, чем в обычных школах.

- Почему?

- Потому что мы не подчиняемся отделу образования, и финансирование наше идёт не через район, а через Университет.

Бабель несколько поморщилась. Не то. Она вспомнила, кто такой Мартынов, и теперь чётко понимала, что финансовые вопросы обсуждать, конечно, нужно, но не с ней, а с её мужем, на которого ещё предстояло как-нибудь выйти. А этот разговор нужно было повернуть в другое русло.

- Но вы, кажется, хотели обсудить со мной вопросы обучения вашего сына?

- Да... Он нахватал каких-то двоек, и у меня вопрос, как их можно исправить?

- Исправить? - Бабель помедлила несколько секунд, как бы выбирая нужный ответ. - А почему бы вам не спросить про это у учителей?

- Я же говорю — с ними невозможно ни о чём договориться. Я пытаюсь что-то спросить, но они мне ничего не могут посоветовать. А некоторые и вовсе говорят, что нужно отчислить.

- Это не в их компетенции, - ответила Бабель. - Отчислить ли ученика, решает педсовет. Так что не нужно их слушать в этом вопросе.

- Ещё я спрашиваю, можно ли с Павликом дополнительно позаниматься, а они все говорят, что с учеником Азарова заниматься не будут.

В улыбке Бабель скользнула тонкая, еле заметная нотка торжества и удовлетворения.

- У него Азаров ведёт физику? Сочувствую...

Какая-то незримая искорка проскочила между женщинами. Они обе обрели тему для разговора и окончательно осознали, что друг друга поймут. Мартынова начала с жаром излагать свои проблемы.

- Главное, я не пойму — вот как можно наверстать, если что-то не понял? Учебников у них нет, да, говорят, они и не помогают, программа якобы авторская, заниматься с ним никто не желает...

- Да не один Павлик такой, у него почти весь класс ничего на уроках не понимает.

Мартынова прямо-таки расцвела. Прежде её тыкали носом в проблемы Павлика, но теперь оказывалось, что такие проблемы не только у него. Проблема обобществилась, теперь её

давление было распространено на большое количество незримых людей, а значит, на каждого в отдельности она стала давить меньше.

- Ужас какой! А почему он у вас вообще работает?

- Да вот держат его зачем-то, он вроде бы крупный учёный... А по-моему, занимался бы он своей наукой, а к детям не лез. Он ведь совершенно безалаберный, и я уверена, что он и не помнит вашего ребёнка.

Мартынова попыталась представить себе, как это возможно — не помнить её ребёнка. И не смогла. Но вчерашняя реакция Азарова вполне подтверждала слова Бабель.

На протяжении следующих десяти минут женщины обсуждали разные стороны жизни Азарова и, кажется, совершенно разложили его по атомам. Обсудили отсутствие у него семьи, и Мартынова всерьёз испугалась — не педофил ли? Бабель успокоила, сказав, что ни за чем таким Азаров замечен не был, но она ещё будет наблюдать за ним, потому что он ведёт себя подозрительно, а педофилия, как известно, не всегда проявляется явно и не всегда сразу. Вспомнили, что любой ключ, оказавшийся у Азарова, непременно терялся, и к послужному списку диагнозов добавилась kleptomania. За эти минуты Азаров из здорового человека превратился в ходячую энциклопедию психических заболеваний. Потом психические заболевания как-то исчерпали себя — то ли психиатры придумали слишком мало названий, то ли женщины не смогли вспомнить ещё что-то важное. Тема Азарова сошла на нет, и Мартынова снова вспомнила про положение Павлика. Она спросила, как быть с решением педсовета. Бабель ответила, что она сейчас не может этого сказать, что она на решения педсовета влиять не может, но что-нибудь постарается сделать. Наконец записала свой номер и сказала:

- Если будут возникать какие-нибудь вопросы — звоните.

Мартынова вышла из кабинета. Проблема, стоявшая перед ней, вроде бы никуда и не исчезла, но перестала быть страшной. А главное — появился человек, к которому можно обратиться за помощью.

«Ну вот, я всегда знала, что все вопросы решаются. Достаточно найти нужного человека.»

На секунду её взяла досада на себя — за то, что весь вчерашний день оказался потрачен впустую, что столько ценных слов сказано не тем, сказано людям, с которыми вообще не надо было разговаривать. А сколько нервов ей это стоило! Но, слава богу, сейчас всё это осталось позади — можно спокойно садиться в машину и ехать домой.

10. Лечим или калечим

Учительская, которую все здесь называли преподавательской, представляла собой просторный кабинет, одинаково пригодный как для работы, так и для релаксации. Большие шкафы перегораживали её на две примерно равные части. В одной части стояло пять компьютеров, чтобы преподаватели могли здесь же готовиться к урокам. В этой части обстановка царил строгая: на шкафах — книжки, в основном методические пособия и сборники задач, разложенные по темам; два принтера с постоянно заканчивающейся краской; под ними — несколько коробок бумаги, которая заканчивалась с такой фантастической скоростью, как будто её ели, ибо преподаватели в основном давали детям задачи, распечатанные на бумаге, а готовыми учебниками мало кто пользовался; между принтерами — коробка с односторонней бумагой, которую и рекомендовано брать для печати материалов детям; в углу — большая корзина, куда складывалась макулатура.

Какие-то бумаги постоянно лежали и на столах, между компьютеров, но эти бумаги периодически безжалостно выкидывались в макулатуру. Таким образом, у некоторых учителей пропадали материалы к следующему занятию, они поутру злились и возмущались, на что получали резонный ответ: «Сам виноват, нечего было оставлять.» Большую гору исписанных неизвестно чем бумаг оставлял Азаров, но он никогда не возмущался и не вспоминал о забытой бумаге — видимо, это всё были его черновики, потерявшие актуальность. Во всём этом круговороте бумаг чувствовалось что-то роковое — как будто бумаге было уготовано родиться белой и чистой, с тем чтобы на ней напечатали что-то сперва с одной стороны, потом с другой, после чего подержали с полгодика в корзине и отправили в переработку.

Вторая половина производила совершенно другое впечатление. Здесь все собирались и пили чай, поэтому в центре этой половины размещался средних размеров прямоугольный стол, обрамлённый по бокам одним стареньким диваном и несколькими стульями. Единственное кресло скромненько стояло в уголке и почти не использовалось — на переменах и после уроков здесь собиралось немало учителей, и свободное пространство оказывалось на вес золота; в этом смысле компактные стулья оказывались куда более практичными, нежели большое антикварное кресло с массивными подлокотниками, вмещающее всего одного человека. На столе стояло несколько кружек с остатками чая, пара использованных чайных пакетиков примостилась на обёртке из-под шоколадки; вокруг них растекалась маленькая чайная лужица; также на этом столе были рассыпаны крошки от печенья в количестве, которого вполне хватило бы, чтобы накормить пару воробьёв, и несколько чаинок — Семёнова совершенно не признаёт чай в пакетиках, называя его сеном, и постоянно покупает его в чайных лавках. В пластиковой вазе оставалось несколько печенюшек и три дольки шоколадки.

За преподавательской следит Аня Шлимович, преподающая здесь английский язык. Это она собирает в корзину использованную бумагу, сметает со стола крошки, заставляет всех мыть свои кружки. Последнее далось ценой многих нелёгких битв: преподаватели — народ рассеянный, они часто уходят домой, забывая помыть кружку. Что она только не делала с грязными кружками, чтобы приучить хозяев к порядку! Сперва она складировала их в специальный ящик, именуемый позорным, и возвращала хозяевам только после строгого внушения. Но это не очень помогало, особенно — в свете того что некоторые не имели своей кружки и пользовались той, которая первая попадётся. Тогда Аня попыталась ликвидировать бесхозные кружки. Каждому человеку, пьющему чай, ставилась в соответствие ровно одна кружка, за состояние которой он должен был следить. Эта мера несколько помогла — настолько, что даже Азаров иногда стал мыть свою кружку, хотя раньше он непременно забывал про такие пустяки. И всё равно какое-то количество кружек приходилось мыть Ане.

Аня делала всё, чтобы в учительской было уютно находиться. Она повесила на окна новые занавески, притащив их из дома; она принесла сюда несколько мягких игрушек и горшков с цветами и небрежно разложила по полочкам, в результате чего комната приобрела обжитой вид.

С цветами некогда получилась забавная история. Как только в преподавательской появились цветы, ими тут же начал интересоваться Семёнов. К тому моменту он уже закончил оформлять зимний сад, но ещё не начал превращать в джунгли собственный кабинет, а потому он настойчиво предложил свою помощь по декорированию кабинета комнатными растениями. На это Аня встала насмерть и заявила, что ни за что в жизни не

подпустит его близко к этой деятельности. Алексей обиделся и несколько месяцев вовсе не разговаривал с Аней. Потом они, конечно, помирились, хотя нотки напряжённости в их взаимоотношениях проскакивают и сейчас. Остальной коллектив взял сторону Ани — поначалу Семёнов злился, не понимая этого феномена, но потом всё стало просто и прозрачно. Семёнов оформлял слишком академично, его зимний сад напоминал какую-то картину в галерее или музейный экспонат — им можно любоваться, им можно восхищаться, но постоянно жить в музее не хочется, в картинной галерее не может быть домашнего уюта. К тому же слишком заметно было, что Семёнов старался для себя, а Аня — для всех.

Бороться пришлось и с курением в преподавательской. Особенно много хлопот доставила Александра Фёдоровна Толстая, дымившая как паровоз. Раньше она позволяла себе даже курить на уроках, но с годами её слегка удалось приучить к тому, что есть места, для курения не предназначенные. Один раз она из-за этого уволилась — со скандалом, переругавшись со всеми и громко хлопнув дверью, но через год снова попросилась в интернат, куда её снова взяли, потому что литератор она незаменимый. Биографии писателей и критиков она знала так, словно являлась как минимум хорошим другом и доверенным лицом писателей всех времён и народов — от Гомера до Павича, а начитанность её была такова, будто она проживала уже девятую жизнь, причём предыдущие восемь у неё были посвящены исключительно чтению. Того же она требовала и от детей, и при этом сильно негодовала, когда они не могли отличить стихотворение Брюсова от стихотворения Бальмонта, или когда они не догадывались по одному абзацу, из какой он взят сцены «Войны и мира» и с какими ещё эпизодами перекликается, или когда, разбирая начало «Мастера и Маргариты», выяснялось, что никто из класса не читал Канта, а половина учеников даже плохо представляет, кто это вообще такой. В какой-то момент выяснилось, что в интернате много школьников, которые писали стихи, и решили привлечь Толстую к изданию интернатского поэтического сборника. Но и из этой затеи ничего не получилось: Толстая настолько жёстко критиковала детские стихотворения, что ученики вскоре перестали показывать ей своё юношеское творчество. После того как Толстая перестала курить в своём кабинете, она решила, что преподавательская — самое удачное место, специально созданное для курения. Разубеждали её в этом долго, с привлечением директорского увещевания, пока наконец несколько курящих преподавателей не догадались приучить её к курению на балконе, после чего все наконец вздохнули свободно — в буквальном смысле.

Аня Шлимович вошла сразу же после звонка на перемену. Привычным жестом взяла в руку чайник и оценила его вес — лёгкий, значит, надо набрать воды и поставить кипятиться. По пути к ближайшему крану она ещё смахнула в салфетку крошки с половины стола и поправила занавеску, затем набрала воды, поставила чайник и выложила на стол пироги собственного приготовления. Она всегда готовила пироги и всегда их приносила сюда, и остальные уже привыкли, что, когда есть Аня, в преподавательской всегда чисто и всегда есть пироги. Некоторые не замечали, что в преподавательской завёлся такой ангел-хранитель, но большинство всё-таки понимало, откуда берутся чистота и еда, и сами старались не мусорить и приносить какую-нибудь еду, преимущественно купленную в ближайшем магазине.

Через пару минут с уроков пришли другие преподаватели — Горыныч, Илья Испайнов, Петя Сушков, Надя Семёнова. Чайник к тому времени ещё не вскипел, но был уже

довольно горячим. Надя критически оглядела запас чая на полках, презрительно пропустив коробочки с пакетированным чаем, добавила ещё пакет молочного оолонга, который, как она заметила в прошлый раз, заканчивается, сделала вывод, что в ближайшее время чая сюда покупать не надо, взяла кружку с изображением китайского дракона, которую она купила в той же чайной лавке, ещё раз оглядела чайные запасы, чтобы выбрать, что она сейчас будет пить.

- Вот был бы только один сорт чая — выбирать не пришлось бы, - съехидничал Илья.

- Зануда, - с улыбкой отмахнулась Надя.

Зануда — это самое меткое слово, которым можно охарактеризовать Илью Испайнова. Вёл он в интернате информатику, уроки считал своего рода хобби, а основным его занятием была разработка программного обеспечения для мобильных телефонов. Этим он зарабатывал вполне прилично, а поэтому отродясь не знал, сколько ему платят в школе. Когда-то, когда ещё зарплата выдавалась наличными, он целый год не приходил в бухгалтерию за деньгами, объясняя это тем, что зарплату выдавали не в его присутственные дни, а специально за ней ходить было делом невыгодным — день его работы программистом стоит дороже, чем месяц работы учителем. Сейчас, конечно, вся зарплата переводится на карточку, но карточку, как он утверждает, он уже года три как потерял, хотя большинство коллег считает, что карточку с его школьной зарплатой втихую взяла его жена. Говорить о компьютерах он мог сколь угодно долго, пока собеседник соглашался это терпеть, а вот переключить его на другие темы было проблематично, но иногда возможно. Голос у него был скрипучий, говорил он небыстро, преимущественно отдельными фразами, после каждой делая паузу, чтобы убедиться, что до собеседника дошёл смысл сказанного. Словом, классический зануда-программист. Он и выглядел так, как принято представлять себе зануду-программиста — небольшого роста, в протёртых джинсах и растянутом свитере, с бородой-лопатой и с длинным хаером, незнакомым с расчёской. В преподавательской он присматривал за компьютерами и проводил здесь пару ночей в году, когда считал, что нужно полностью переставить систему на всех машинах. Таким же образом его использовали многие знакомые, особенно девушки — Илью звали в гости, преимущественно когда требовалось поставить какую-нибудь программу или разобраться, почему что-то не работает или работает не так, как хотелось бы.

Пришёл и Алексей Семёнов. Растения, названия которых без запинки произносил он один, казалось, выгнали его из собственного кабинета: теперь, когда его кабинет стал напоминать ботанический сад, он предпочитал проводить перемены в преподавательской. Алексей ткнулся в первый попавшийся пакет с чаем из запасов жены, насыпал несколько гранул в свою чашку, тоже с драконом, но другой формы, с ситечком и крышкой. Чайник как раз вскипел и выключился; всем желающим налили кипятка, отчего воды в чайнике осталось меньше половины.

И в этот момент в преподавательскую заглянул Польский. Он развёл руками в знак приветствия, и спросил:

- В десятом «а» никто занятий не ведёт?

Из учителей десятого «а» присутствовали Аня, Сушков и Илья Испайнов. Ещё должна быть Толстая – наверняка сейчас пошла курить на балкон.

- Там есть такой ребёнок – Павел Мартынов, - продолжил Польский. – Так я хочу узнать, как он?

Слово взял Илья.

- Ни черта не знает, - ответил он. – Вообще ни черта. Не может отличить проц от видяхи. Удивительно, как он ещё различает мышь и монитор.

Илья сделал короткую паузу, чтобы убедиться, что до слушателей дошло содержание сказанной им хохмы.

- И ни одной программы не может написать. Какие циклы, какие массивы? Он даже квадратное уравнение написать не способен!

Ещё краткая пауза, чтобы слушатели мысленно написали программу для нахождения корней квадратного уравнения, отладили её и подивились тому, что кто-то с этим может не справиться. Но Польский не стал дожидаться конца паузы и перехватил инициативу.

- А ведёт он себя как?

- Ну, как? Как только отвернусь, сразу же пытается гамать. Только я удалённо стартанул скрипт, который на попытку погамать лочит систему. Так он пять раз пытался запустить игрушку. После каждого раза меня звал. Там анлок простецкий, две команды, любой бы на его месте выучил с двух повторов — я же при нём разлочивал. Нет, этому даже в голову не пришло!

- А что с ним? – спросила Аня, пока Илья не продолжил рассказывать. Если Илью не остановить, то он так и будет говорить, невзирая на остальных. – У меня к нему претензий нет. На свою тройку, даже тройку с плюсом, он наработал. Правда, его класс очень не любит. Павлик совершенно не умеет контактировать с коллективом. Он и сидит всё время один за партой. По-моему, он просто ещё не вышел из-под родительской опеки. Но ведь в каждом классе находится такой.

В кабинет вошла Толстая, распространяя вокруг себя запах дешёвого табака, чувствуемый на большом расстоянии.

- О ком это? – спросила она, хлопнув дверью.

- О Мартынове, - вздохнул Польский.

- Так его просто выгнать надо. Я ни разу в жизни не видела настолько безграмотного человека. Его даже читать толком не научили. Он читает медленно и ничего из прочитанного не понимает, про анализ текста я вообще молчу. Не прочитал ни одного программного произведения. Я только удивляюсь, как он вообще поступил сюда?

- Это и меня заинтересовало, - тихо вздохнул Польский. – Беда с ним. Я не знаю, что с этим товарищем делать.

- Я же сказала – выгнать надо! – продолжала настаивать Толстая.

- Не всё так просто! – под усами у Польского возникла грустная и незаметная улыбка. – История с ним почти детективная.

Все навестили уши, чтобы послушать эту почти детективную историю.

- Я как-то не придавал этому должного внимания, оно всё и проскакивало на авось, - продолжал директор. – Но сегодня я свёл все разрозненные факты воедино. Ну... пожалуй... Вот. Начну я с того, что вчера ко мне приходила его мама. Я ей тоже сказал, что мы обычно детей с таким количеством вырисовывающихся двоек выгоняем. Она не поняла. Похоже, она вообще не поняла, куда она попала.

- Но как он поступил?

- Об этом позже. И я отправился смотреть, что известно про этого ребёнка. Суть в том, что его не было в списке поступивших.

- А как же тогда?..

- Бывает такое, что Университет спускает к нам рекомендацию, а де-факто приказ, чтобы мы взяли того или иного ребёнка. Часто это бывают приличные дети, которые по каким-то

причинам не смогли добраться до наших вступительных экзаменов и у которых хорошие связи в ректорате. Но здесь не этот случай.

- Подожди, мы что, принимаем детей по блату?

- Не по блату, а по настойчивой рекомендации от начальства. Таких детей всегда немного, и до сих пор проблем с ними не было. Но, повторюсь, здесь не этот случай. Дело в том, что Мартынов провалил все экзамены. То есть сдал даже не на тройки, а на двойки. Все!

- И вы его взяли?!

- Ну, никто же не проверял...

- И ещё в «а» класс, самый сильный?

- Я же говорю – мы безответственно подошли к этому вопросу. Расслабились, потому что раньше таких проблем у нас просто не было. Тогда я решил выяснить, кто его родители. И оказалось, что папа у него депутат. Вот потому нас и заставили его принять, так сказать, через нашу голову.

- А, точно, Мартынов, есть такой депутат законодательного собрания...

- Законотворительного...

- Законродительного...

- Так, значит, это его сын и есть?

Польский снова развёл руки, показывая, что от него тут ничего не зависело. Остальные смотрели на него с плохо скрываемым ужасом, словно Мартынов был каким-нибудь вампиром или оборотнем.

- И боюсь, что выгнать его будет несколько проблематично. Мало того что папаша депутат, так ещё и мама у него совершенно невменяемая.

- Но он же вообще ничего не знает!

- Конечно! – продолжал Польский. – А откуда ему что-нибудь знать? Как я выяснил, раньше он учился в частной школе. А что такое частные школы, все мы понимаем. Там его, очевидно, не напрягали. А всю началку он был на семейном обучении. Как я понял, его учила мама. Только его мама сама нигде ни разу не работала и не училась и, похоже, не очень умна. Чему, по-вашему, она могла научить своего ребёнка!

- Так тем более надо выгнать! Мы же не можем терпеть у себя неучей!

- Я боюсь, что это у нас без скандала не получится. Судите сами: родители, видимо, нашли какой-то рычаг давления на Университет, так что нас заставили его взять. И достаточно безумны, чтобы настаивать, при том что ребёнок с треском провалил все экзамены.

- Жаль. Ребёнок-то, по-видимому, неплохой, - вмешалась Аня.

- Ребёнок не просто неплохой, ребёнок замечательный, - ответил Польский. – Вы же сами сейчас сказали, что у него нет никакой клиники в поведении. Он не мешает другим, не дерётся, не качает права, хотя при таких родителях мог бы...

- Качает-качает! – перебила Толстая.

- И мешает, - вставил Илья.

- Нет, - возразил Польский. – Если бы он действительно начал бы качать права, то мы бы от вас это узнали гораздо раньше. Да и не только от вас. Его бы уже все давно знали. И вот у меня остался вопрос: если закрыть глаза на то, что он ничего не знает – мог бы он учиться в наших классах?

- На что вы намекаете?

- Ни на что, просто вопрос.

- Наверное, мог бы, - ответила Аня. – Соображалка-то у него работает.

- Не знаю, - скрипнул Илья. — У меня не было возможности протестить его интеллект. Наверное, потому что нельзя протестить то, чего нет.

- Когда, говорите, его мама приходила? - вмешался Горыныч.

- Вчера.

- А точно не сегодня? Ко мне сегодня чья-то мама подходила, просила порепетировать Азаровского ребёнка. Уж не она ли?

- Может, и она, - ответил Польский. - Но до меня она сегодня не дошла.

Горыныч задумался. Что-то ему сильно не нравилось в происходящем, но что именно, он уловить не мог.

- В общем, будьте с ним поаккуратнее, - подытожил Польский. - Я вас предупредил, кто его родители.

Он ещё раз развёл руки, как бы намекая, что есть вещи, которые от него не зависят, и покинул помещение.

- Вот дерьмо! - в сердцах воскликнул Горыныч.

- Где дерьмо? - Илья подошёл к нему с таким видом, словно тот действительно обнаружил на полу кучу дерьма.

- Везде! Здесь! В СУНЦе!

- А, в СУНЦе... - разочарованно протянул Илья. - Ясно. Да, дерьмо.

- Нет, вы поняли? Сергей Юрьевич предлагает нам прогнаться под какого-то депутата. Да не надо было вообще таких зачислять!

- А что такого? - спросила Толстая. - Он у меня получит четвертную пару. Точнее, нет, не пару, пару ещё заработать надо — единицу получит.

У Толстой действительно двойку надо было ещё заработать, а двойка с плюсом вообще многими считалась хорошей оценкой.

- А в СУНЦе — да, действительно дерьмо, - с видом знатока продолжал рассуждение Илья.

- Где же? - Семёнов подошёл к нему почти вплотную.

- Да хотя бы тут. Вот только сегодня троих погнали за пьянку.

Остальные отодвинулись от Алексея и Ильи подальше. Схлестнулись два зануды. Один может часами говорить о компьютерах, другой — о растениях. Встревать в их разговор не хотелось никому. К счастью, прозвенел спасительный звонок, и все стали расползаться по кабинетам. Но Алексей с Ильёй остались. У первого было окно в расписании, а у второго на сегодня уроки закончились.

- А всё-таки жалко их, - раздался голос из закрывающейся двери. - Один из них очень умный, таких сейчас мало в интернате.

Илья проводил взглядом уходящих и повторил — на тот случай, если Алексей его не расслышал.

- Сегодня троих погнали за пьянку. Это означает, что в СУНЦе пьют.

Илья немного помолчал, потрясённый глубиной своей мысли, после чего продолжил.

- А это отвратительно, когда дети пьют и скипают уроки. И этому их научили в СУНЦе.

- Не вполне так, - возразил Алексей. - Вероятно, они этим баловались и раньше.

- Тогда зачем таких принимать в СУНЦ? Они только развращают остальных. Другие, глядя на них, тоже начинают пить и скипать. А потом продолжают пить и скипать в Универсе.

- Это не совсем правда, - возразил Семёнов. - Конечно, интернат со временем изменился, и не в лучшую сторону, но даже сейчас он держит марку. А в наши времена никто не пил и не прогуливал. Все прилежно учились.
- Я тоже учился в интернате. Кажется, на три года младше тебя. В моём классе было всё — и пьянки, и гулянки. И потом, в Универе, было. И я помню, как половину моего класса погнали на втором-третьем курсе. Потому что первый курс они как-то продержались на тех знаниях, что получили в интернате. Но эти знания их развратили. Они перестали учиться вовсе.
- Знания никогда никого развратить не могут. Развращает другое, например, нежелание получать знания дальше.
- Тем не менее выпускники СУНЦа вылетают из Универа пачками.
- Вовсе не пачками. Во-первых, бывают такие неудачные годы, когда, действительно, много наших выпускников выгоняют. Но обычно ситуация совсем не такая мрачная.
- Обычно ситуация такова, что на первом курсе предупреждают студентов так: «Внимание всем и особенно выпускникам СУНЦа!» И дальше начинают говорить про то, что не нужно повально на всё забивать. Потому что этим славятся именно выпускники СУНЦа.
- Так их и больше в процентном соотношении. Веди почти все наши выпускники идут в Универ. Ты не пробовал проводить статистику по другим школам?
- То есть ты признаёшь, что из нашего доблестного СУНЦа в Универ идёт одно фуфло, - подвёл итог Илья.
- Нет. Я признаю, что это фуфло есть, но оно идёт и из других школ. Много его или мало — это вопрос, на который ещё нужно ответить. Но мерить надо не по фуфлу. Мерить нужно по лучшим выпускникам. Один Азаров уже оправдал существование интерната.
- Азаров оправдал существование себя, - медленно и с расстановкой произнёс Илья. - Не нужно утверждать, что это СУНЦ сделал его крупным учёным. С тем же успехом он бы и без СУНЦа поступил в Универ, закончил его, и были бы те же результаты.
- Но так его интенсивное образование началось на два года раньше.
- Раньше не значит лучше. И потом, что означают эти два года? Если бы он стал доктором не в двадцать пять, а в двадцать семь, что-то изменилось бы?
- По твоей логике и Универ не нужен. Потому что многие, попадая в общежитие, пускаются во все тяжкие, многих выгоняют...
- Вылетают многие, но почему-то особенно это касается выпускников СУНЦа.
- Вероятно, потому что остальных не так жалко.
- Правильно. Итак, что мы имеем? Мы имеем умных и талантливых людей, которые после СУНЦа пачками летят из Универа. Именно поэтому их так жалко. Но ведь отсюда прямо следует, что СУНЦ их испортил.
- С тем же успехом они могли бы испортиться в другой школе. Но в этом случае они бы просто не поступили бы в Универ, потому что у них не было бы такого багажа знаний.
- Знаешь, вот я работаю программером. Мне иногда приходится брать кого-нибудь на работу. Выпускников или студентов. И я перестал брать на работу наших выпускников. Знаешь, почему? А потому что они ни черта не умеют, зато пальцы кидают будь здоров! И это очень обидно, потому что люди-то очень неглупые. Они могли бы решать задачи эффективнее остальных, но их приходится не принимать. Потому что они не будут работать. Потому что они будут втыкать в инет и халаявить.
- Но ведь ты только что сказал, что уровень наших выпускников выше, чем уровень других?

- В среднем да, выше, хотя смотря с кем сравнивать. Но кроме уровня, есть ещё много разных параметров. И вот по уровню обязательности наши выпускники — однозначные лузеры. Я помню, мы взяли Зелигера. Но он окончательно перестал учиться, у него образовались хвосты. Я тогда сказал ему, чтобы не появлялся на работе, пока не сдаст сессию. Он перестал появляться. Но и сессию не сдал. Пришлось его погнать. На кой мне нужен такой работник?

- А я слышал от разных людей другие отзывы. Что наши выпускники очень ценятся.

- Да, есть несколько кумовских структур, куда с удовольствием берут их, но не потому что они лучше, а потому что выпускники СУНЦа. Например, потому что директор некогда закончил СУНЦ.

- А не означает ли это, что наш интернат весьма неплох? Если среди его выпускников есть немало директоров? Крупных бизнесменов?

- Нет, не означает. Они бы все оказались на своих местах, если бы и не учились здесь.

- Любишь ты сослагательные наклонения, - вздохнул Алексей. - Если бы у бабушки была борода, она была бы дедушкой. Тем не менее, они-то считают, что интернат им здорово помог.

- Многие выпускники любят свою alma mater, и вовсе не потому что она им что-то дала, а просто так. Потому что они здесь учились.

- Интересная у тебя вещь получается. Как выгнали, так виноват интернат. А как вырос успешным, так и без него бы справился. Тебе не кажется, что здесь где-то противоречие?

- Нет, не кажется. К тому же сейчас с этим совсем беда. Ты вдумайся: в прошлом году — я подвёл статистику — в СУНЦе пофиксили за пьянку на одного человека больше, чем за двойки! И в этом году за двойки ещё никого не успели пофиксировать, а за пьянку — вот, пожалуйста! И это при том, что реально пьянок в СУНЦе гораздо больше. Ещё я в свои времена знал, что попасться на пьянке очень нелегко. Это нужно быть полным идиотом, чтобы попасться. Полным, понимаешь? Потому что если сидишь тихонечко в своей комнате, или даже не в своей — ты не попадёшься. Это нужно в коридор выйти и песни начать орать, чтобы этот баг кто-нибудь заметил.

- Ещё раз повторю: в моём классе пьянок не было.

- Алексей, а ты в своём классе вообще кого-нибудь замечал, кроме Нади? Если лично ты не пробовал в интернате алкоголь — во что я верю с трудом — то это не значит, что никто не пил. Просто про большинство пьянок никто не знает.

- Как ты помнишь, в наши времена это было проблематично. Это сейчас построили хорошие общежития, по два-три человека в комнате живут, а в наши времена в каждой комнате жило по десять-двенадцать человек. Как тут что-то могло пройти незамеченным?

- Я тебе говорю — было. И все знали, просто никто не закладывал.

Алексей пожал плечами. Слово на слово. Что-либо доказать тут невозможно.

- И всё-таки среди выпускников интерната много состоявшихся людей. Учёные с мировым именем, бизнесмены, директора крупных компаний... Да ты посмотри на Ассоциацию выпускников интерната, кто там есть!

- Знаешь, ещё бы этого не было. Всё-таки в СУНЦ собирали лучших детей. Ведь не могли их всех испортить! К тому же я признаю, что на стартапе, пока у всех был энтузиазм, всё было действительно неплохо. А потом, когда дело оказалось на мази, всё и съехало. К тому же, как я сказал, очень сомнительно, что именно СУНЦ способствовал этим результатам.

- А я сказал, что выпускники сюда возвращаются. И многие выпускники с удовольствием идут сюда преподавать. А ещё больше — и хотели бы, но деньги надо зарабатывать. Да

ведь почти все мы, кто здесь работает, оканчивали интернат! Разве только это ни о чём не говорит?

- Говорит. - Илья немного помедлил. По его выражению лица было видно, как в голове бродят мысли, складываясь в причудливые комбинации. Илья мучительно вылавливал нужную мысль, словно рыбак, желающий насадить на крючок самого вертлявого червяка, и, наконец, выловил. - Знаешь, есть такой роман Харуки Мураками - «Хроники заводной птицы». Там есть сцена про дерьмовый остров. Есть в океане остров. У него нет никакого названия. Он просто не стоит того, чтобы его называли. На этом острове растут дерьмовые пальмы, приносящие дерьмовые кокосы. На пальмах живут дерьмовые обезьяны, которые едят эти дерьмовые кокосы. Дерьмо этих обезьян падает вниз и удобряет почву, на которой вырастают ещё более дерьмовые пальмы. Круг замыкается. Ничего не напоминает? Мы выращиваем выпускников, а они в свою очередь идут преподавать сюда.

- Мне кажется, это неудивительно.

- Подожди, я ещё не закончил. - Илья молча нащупывал мысль, которую чуть не упустил из-за Семёнова. - И ещё один интересный феномен есть, который тоже иначе как дерьмовым островом не назовёшь. Ты знаешь статистику замужеств выпускниц СУНЦа восьмидесятых годов?

- Что ты имеешь в виду?

- Что девяносто процентов из них выскакивали замуж за выпускников же СУНЦа. О чём это говорит?

- О том, что в нашем интернате люди находят друзей на всю жизнь. И любовь тоже находят.

- Конечно, я и не ожидал услышать от тебя ничего другого. Только, по-моему, это говорит кое о чём другом. О полной неспособности общаться с остальными, кто не учился в СУНЦе.

- Это, конечно, неправда.

- Ты можешь говорить, что это неправда, но статистика — очень упрямая вещь. А истинную статистику почему-то игнорят, и совершенно понятно, почему. Так удобнее жить. Во-первых, согласно статистике, половина выпускников СУНЦа восьмидесятых — тех, которые мужского рода — так и остались неженатыми. Сильно? Половина, понимаешь? Не треть, не четверть, а целая половина! Им, видите ли, не досталось жён из выпускниц, а с другими девушками они оказались просто неспособны общаться. Вот он, дерьмовый остров в действии!

Семёнов молчал. Эта статистика, конечно, была ему известна. Позавчера о ней говорил и Либенталь, только истолковывал он её совершенно иначе. Илья помолчал немного вместе с ним, а потом продолжил.

- Это я называю физматовским инцестом, этот термин наиболее точен. Идём дальше. Ты, конечно, этого всего не замечал, потому что тебя оно не коснулось, но есть ещё одна статистика, совсем уж лузерская. Из браков между выпускниками СУНЦа восемьдесят процентов распадается в течение трёх лет. Восемьдесят, понимаешь? - Илья поднял обе руки, загнув два пальца и распрямив для наглядности остальные восемь.

- Я думаю, эта статистика преувеличена.

- Возможно, я бы тоже думал именно так, если бы не убедился лично. Когда я разводился со своей первой женой — она тоже была выпускницей СУНЦа, я заметил, что развожусь не я один. Почему-то в это же время распались ещё три брака, и все — между выпускниками СУНЦа. И тогда я понял, что это неслучайно. И прошерстил статистику. А

потом нашёл другую статистику, которую подвёл кто-то другой, и наши данные полностью совпали. Видишь, на каком дерьмовом острове мы находимся.

- Судя по результатам, остров очень даже не дерьмовый.

- Результаты вон там, - Илья махнул рукой в сторону доски объявлений, где висел приказ об отчислении.

- Ну и что ты меришь по всяким уродам? Это же понятно, в семье не без урода. Мерилом-то является максимальный результат! А ты мыслишь так же, как наше министерство образования. Удивительно только, зачем ты ещё здесь работаешь.

Но у Ильи на это есть стандартный и очень удобный ответ.

- А я здесь и не работаю, - ответил Илья. - Я здесь просто веду уроки.

В этот момент у него зазвонил телефон. Звонили то ли по работе, то ли кто-то просто консультировался — но Илья уже забыл про существование Алексея и рассказывал в трубку, в каком месте программы нужно искать ошибку.

Семёнов задумался. Он знал, что существуют выпускники интерната, которые интернат очень не любят, даже ненавидят. Он их никогда не понимал — для него интернат всегда был родным домом, а как можно не любить родной дом? Но такие люди есть, обычно они выпускаются отсюда и никогда не возвращаются. Тем более удивительно было, что Илья с такими взглядами — если, конечно, он отстаивал свои взгляды — пришёл сюда, чтобы вести в интернате уроки.

11. Сырые и убогие

В помещение вошла Валентина Ивановна Ровина. На её пальто явно посидела кошка в период линьки, после чего пальто было вычищено, но разбросанные кошачьи шерстинки оставались. Она поздоровалась, Семёнов кивнул ей в ответ.

- А вы котёнка не хотите взять? - спросила Ровина.

- Нет, не хочу.

- А может быть, кому-нибудь из ваших знакомых нужен котёнок?

Ровина довольно часто предлагала взять котёнка всем, кого видела, и Алексей привык к этому и обычно ничего не отвечал. Но теперь, после спора с Ильёй, ему было тяжело сдержаться.

- Нет, - ответил он, делая на лице как можно более спокойную и равнодушную мину, - я не буду предлагать это никому из своих знакомых.

- Но почему же?

- Потому что я считаю это неправильным действием.

- Что именно?

- Я считаю, что котят, щенков и прочих домашних животных следует брать в питомниках. Клубных. А с улицы животных брать не хочу, и другим советовать не буду.

Это высказывание до глубины души обидело Ровину.

- Вы неправы, - ответила она. - Из клуба животное и без вас возьмут. Они там сытые, ухоженные, им хорошо. А вот подбирая бездомное животное, вы даёте ему дом.

- Зато, подбирая бездомное животное, я лишаю дома тех, как вы выразились, сытых и ухоженных, животных.

- Не понимаю.

- Если я возьму бездомную кошку, я ведь не смогу взять клубную, так ведь?

- Почему?

- Потому что квартира у меня не резиновая. Хорошо, допустим, я могу завести дома трёх кошек. Если я подберу трёх котят со двора, я не смогу завести трёх кошек с хорошей родословной. Так ведь?

- Да кому нужна эта хорошая родословная? Главное, чтобы животное было счастливо!

Тут уже Алексея понесло.

- А вы уверены, что ваши звери при этом счастливы? Вот вы подобрали парализованную собаку, которая без вас бы не выжила. Вы подарили ей жизнь. Но какая она, эта жизнь? Верно ли, что эта собака живёт полноценной жизнью? Что она не страдает от постоянных болей? От того, что ей не пошевелить хвостом?

- Да, уверена. Я это вижу каждый день. Она всегда так радуется, когда видит меня...

- Вероятно, да. Вы являетесь единственным источником её радости. Потому что других радостей в её жизни просто нет.

- Это неправда, - тихо, но твёрдо возразила Ровина. - Это моя собака, и я лучше знаю, что она чувствует. Конечно же, она благодарит меня за то, что я её спасла. Такого преданного взгляда, как у неё, я ни у одной собаки никогда не видела.

- Не знаю. Если мне доведётся попасть в автокатастрофу, я бы предпочёл не выжить, чем выжить и остаться паралитиком.

- Как знать, - вздохнула Ровина. - Может быть, если дойдёт до дела, вы по-другому заговорите.

- Может быть, - согласился Семёнов. - Инстинкт самосохранения ещё никто не отменял. И это очень страшно. Поэтому сейчас, находясь в здравом уме и трезвой памяти, я бы очень предпочёл до такой ситуации не дожить. Уже не говоря о том, что парализованный человек является обузой для своих близких.

Ровину затрясло. «Что он знает про обузу для близких!» - подумала она, но эту мысль решила оставить при себе. Делиться своими переживаниями с этим бездушным человеком ей совершенно не хотелось.

- До свидания! - сказал Илья. Он закончил телефонный разговор, оделся и уже уходил. - И помни про дерьмовый остров.

Ровина посмотрела в спину уходящему, как бы оценивая, не предложить ли и ему котёнка, но, пока она оценивала, Илья уже вышел.

- Но котёнок, которого я предлагаю, совершенно здоровый. Я за ним давно наблюдаю, он очень хороший и ласковый.

- Я не сомневаюсь, что он очень хороший и ласковый. Проблема в другом. Мне совершенно неизвестна его генетика. Приобретая котёнка в клубе, я знаю его родословную, знаю, какие признаки культивировались в породе, а какие отбраковывались. Здесь же вылезет что угодно.

- Я не понимаю, - возразила Ровина. - Вы котёнка берёте или его родословную?

Семёнов задумался. Ответ он для себя уже давно сформулировал, но донести его до Ровиной может оказаться проблемой.

- Когда-то, когда ещё не появились в культуре диверсикофлоры, я активно занимался эхинодорусами. Это растения из семейства частуховых. Я мечтал собрать внушительную коллекцию этих растений. Обычно их выращивают в аквариумах, но можно и в цветочных горшках. Я предпочитаю горшки. В общем и целом, это у меня получилось, но потом эта затея с треском развалилась. Проблема была в том, что частуховые, в отличие от ароидных, очень легко опыляются. И этим воспользовались любители по всему миру.

Потому что природных видов эхинодорусов известно несколько десятков, и у некоторых есть ещё различные вариации. Оказалось, что почти все они очень легко скрещиваются, образуя гибриды. Лёгкость образования этих гибридов сыграла дурную службу. Каждому, кто умеет махать кисточкой над цветком, хотелось получить новый гибрид и назвать его — пусть не своим именем, но как-то, чтобы было известно, что вот этот человек и есть автор данного гибрида. Человек создавал иллюзию, что он тем самым увековечит своё имя. Когда этим занимались в основном солидные немецкие фирмы, один чех и ещё пара советских любителей, всё было ничего. У этих людей было честное отношение к делу: если получался стоящий гибрид, его пускали в оборот, если гибрид не представлял из себя никакой ценности — его безжалостно уничтожали. В итоге на рынки поступало два-три десятка сортов, но каждый из них был узнаваем. Но потом количество селекционеров и тех, кто считал себя селекционерами, сильно возросло. Ещё бы — помахал над цветочками кисточкой, и вот семена уже завязались. Соответственно, возросло и количество сортов, они перестали быть узнаваемыми. А если растение к тебе приходит не от автора, а через третьи руки — ты никогда не уверен, что это именно оно, что продавец не перепутал сорт. А путаница встречалась везде и всегда, и даже в солидных определителях встречались неправильные картинки. Там ещё хохма в том, что эхинодорусы — растения аквариумные, хотя я их выращивал только в тепличке. А подводные и надводные листья выглядят по-разному, что ещё более усиливало путаницу. В общем, когда путаница достигла чудовищных размеров, когда я уже не был уверен про половину своей коллекции, хотя я очень аккуратно её вёл — я сказал себе «стоп». Нельзя держать столько гибридов, про которые уже мало кто помнит, кто их вывел и из какого материала. Это совершенно неосмысленно. И поэтому я занялся теми растениями, которые тяжело опылять. Тут свои трудности, с диверсикофлорами — оказывается, природных вариаций их бесчисленное множество, и пока никто не знает, сколько они образуют видов...

- Я не понимаю, какое отношение это всё имеет к разговору.

- Безродные гибриды. Я достаточно повозился с ними — хватит. Теперь я предпочитаю знать, что именно приобретаю. Не хочу поощрять недобросовестность.

- При чём тут безродные гибриды? Я же говорю вам совершенно о другом. Почему вы предпочитаете брать сытого и довольного котёнка из клуба, который заведомо не останется без дома, а не дать счастье тому котёнку, который, может быть, погибнет, если его не возьмут?

- Во-первых, лично я не собираюсь брать никакого котёнка, ни из клуба, ни с улицы. Я занимаюсь другими вещами. А во-вторых, я говорю именно про это. Я достаточно много общался с разными разводчиками и селекционерами. Есть такое понятие — выбраковка. Это когда потомство не соответствует каким-либо критериям. Так вот у разводчиков есть чёткий признак добросовестности. Добросовестный разводчик выбраковку уничтожает или в крайнем случае стерилизует, но никогда — никогда! - не распространяет её. А вот недобросовестные разводчики свою выбраковку несут на базар и впаривают людям. А потом эти животные размножаются и в итоге вытесняют тех, кто вполне соответствует всем критериям. В конечном итоге торжествует серость: а аквариумах любителей плавают серые невзрачные рыбки, в квартирах вырастают какие-то помеси бульдога с носорогом...

- А вашим разводчикам никогда не приходило в голову, что это всё не выбраковка, а живые существа, которые тоже хотят жить, как и вы, что Бог дал им жизнь и что вы не вправе ей распоряжаться?

- Разводчики великолепно знают это. Но природа — или бог, что в данном случае одно и то же, помимо жизни дала ещё одну вещь — естественный отбор. Сейчас, когда судьбу домашних питомцев мы взяли в свои руки, естественный отбор работать перестал, но вместо него есть механизм искусственного отбора. Какой-то отбор быть должен, без этого никак. Вы же предлагаете ввести отрицательную селекцию — это если приютить не тех животных, потомство которых нужно сохранить, а тех, которых наиболее жалко, сирых и убогих. Это всё равно что вот в этот интернат принимать не тех, кто лучше знает математику и физику и кто лучше соображает, а сирот и инвалидов. Что станет при этом с интернатом? Я думаю, мы все просто уйдём отсюда преподавать в какое-нибудь другое место, где отбор детей делают по-другому. Хотя и вы правы, сирот и инвалидов жалко.

- Вы предлагаете искусственный отбор распространить на людей?

- Искусственный отбор для людей — это фашизм, - тихо и чётко сказал Семёнов. - По некоторым причинам мы не должны его допустить. Но без этого отбора человечество уже пожинаяет свои плоды. Взгляните на детей — они сплошь аллергики, а у половины есть разные хронические заболевания. Отсутствие отбора погубит человечество, это мина замедленного действия. Но отбор детей по школам мы делать можем. Пока можем. Ибо хорошо известны примеры, взять вот хотя бы пятьдесят третью школу у нас. Пока там был конкурсный отбор, там было хорошее образование, оттуда поступали и учились наравне с нашими выпускниками. Как только этот отбор делать запретили — уж не знаю, что там произошло, то ли обязали школу брать всех по приписке, и все ломанулись в эту школу с хорошей репутацией, то ли директриса стала сама распределять по классам — не по силе, а равномерно — но уровень тут же стал падать. Сначала оттуда ушёл Маргулис, потом Яров, а теперь и вовсе никого не осталось. Вот что происходит, когда мы убираем отбор.

Ровина покачала головой. Она уже давно жалела, что ввязалась в этот разговор. С самого начала было понятно, что он ни к чему не приведёт. Точно так же иногда она объясняет кому-нибудь, почему мясо есть бесполезно и безнравственно — бывают люди, которые понимают её доводы, а бывают те, кому бесполезно это объяснять, потому что у этих людей изначальное неприятие вегетарианства. Хотя кому оно могло помешать, это вегетарианство?

- Я уже пристроила двух котят, и они обрели дом, - сказала она. - И этого котёнка тоже пристрою.

- Новые народятся, - пожал плечами Семёнов. - Если вы пристраиваете этих, кошки с удовольствием нарожают вам ещё несколько десятков других.

- Вы бездушный человек. Разве можно так говорить, когда речь идёт о спасении животных?

Семёнов помедлил немного, пытаясь подобрать нужные слова.

- Спасение... Строго говоря, конкретные экземпляры спасти не нужно. Так устроена природа. Если погибнет данная кошка, или собака, или даже слон, на его место придёт новое животное. Точно так же как если я уволюсь со своей ставки, на моё место придёт новый учитель. Это не беда. Беда, если самой ставки не будет, тогда на это место никто прийти не сможет. Или же учителя полностью вымрут как класс, что в нашей стране частично и происходит. Вот что нужно спасать. Биотопы и виды.

- И вы что-нибудь сделали для этого?

- Да, - просто ответил Семёнов. - Если вы пройдёте в зимний сад и попытаетесь отыскать самое красивое растение... Не знаю, на вкус и цвет, конечно, но, пожалуй, самой красивой является диверсиколофлора спец Ghost Heart. Призрачное сердце. Она такая, с ярко-

красными листьями в форме сердца, перепутать её ни с чем невозможно. И ещё её цветы имеют очень специфический аромат, что вообще-то нетипично для диверсиколофлор. Но я не к этому. Крис Лу обнаружил её возле маленького ручейка, который даже не имеет никакого названия. У него было мало времени, а эти диверсиколофлоры встречались редко. Обычно диверсиколофлоры растут большими скоплениями, а вот эти — разрозненными кустиками, так что каждый следующий приходилось тщательно искать. Поэтому Крис Лу собрал три экземпляра и приметил место, чтобы потом вернуться сюда и исследовать этот ручеёк получше. Только через месяц, когда он вернулся, этого ручейка не стало. Тот участок леса был полностью вырублен — в Индонезии процветают незаконные порубки — а тропический ливень просто смыл оголившуюся почву. И больше гост хатов никто нигде в природе не видел. Потому они и призрачные, что появились и сразу же исчезли.

- А какое отношение к этому имеете вы?

- Так вот всего три растения оставались. Сейчас-то их, конечно, больше трёх, скорее всего, их в природе несколько десятков — точно не знаю, но вряд ли больше, уж очень они медленно растут. У меня сейчас два ростка — один здесь, другой дома. Так вот эта красавица сохранилась исключительно благодаря тому, что есть коллекционеры, такие как я. Хорошо, что Крис Лу собрал эти три растения, а если бы нет? Если бы прошёл мимо? А сколько таких видов, которые исчезли из природы незамеченными? Вот что нужно делать — не конкретные экземпляры спасать, а виды и биотопы. Опять-таки, переходя к нашему интернату: может что-то случиться со мной, или с вами, неважно. Пока есть когорта учителей как вид и пока стоит интернат как биотоп, жизнь будет продолжаться.

Ровина снова покачала головой. В теории, может, Семёнов и прав, но он, похоже, ни разу не заходил в приют для животных и не всматривался им в глаза. Да и не интересуют его совершенно животные, он любит только свои растения. Она живо нарисовала в голове картину, которую довольно часто лицезрела — Семёнов ходит по зимнему саду с ножницами в руках, затем зависает над каким-нибудь растением, долго разглядывает его — в этот момент он напоминает ястреба, высматривающего добычу — и потом одним резким движением располосовывает растение и рассаживает половинки. И эти же мерки, очевидно, он пытается перенести на животных, не понимая, что растения и животные устроены совершенно по-разному. Животное нельзя располосовать, от этого оно погибает. А Семёнов этого, конечно, не понимает.

От таких мыслей Ровину вернул в реальность звонок. Она вспомнила, что хотела повторить материал, что ей на повторение обычно требуется около двадцати минут, а эта перемена — всего десять, и что сейчас набегит толпа народа, и все будут шуметь, и ей будет не сосредоточиться.

В голове Семёнова промелькнуло одно воспоминание — краткое, как молния. Он вспомнил, как Валентина Ивановна пришла в интернат два года назад. До того момента она работала в сельской школе и там была заслуженным учителем, а потом переехала и пришла устраиваться на работу в СУНЦ. В расписании интерната тогда зияла значительная брешь — Рома Розенберг внезапно сообщил, что через три дня он улетает в Америку, и что возвращаться оттуда он не собирается. Эту брешь срочно нужно было закрывать, а ложиться грудью на амбразуру и брать дополнительную нагрузку никто уже не хотел. И именно в этот момент, когда решали, что же делать с неожиданно освободившейся нагрузкой, в интернат поступила заявка от Ровиной.

До появления Валентины Ивановны никаких заслуженных учителей в интернате не было. Все понимали, что настоящая заслуженность не измеряется званиями и регалиями. Есть гениальный Миша Азаров, который придумывает задачи из головы и никогда не повторяется. Есть ветеран Либенталь — пусть и на пенсии, но за свою трудовую жизнь он взрастил столько докторов наук, сколько не снилось многим университетским кафедрам. Рядом с ними всякая заслуженность будет выглядеть как стекляшка в Алмазном фонде.

Первую неделю Ровина вела себя как и полагалось заслуженной учительнице, попавшей в коллектив интерната — довольно надменно и глядя на остальных сверху вниз. В какой-то момент она высказала в качестве аргумента, что она заслуженный учитель, а они — нет, и потому к её мнению надо прислушиваться. Этим она восстановила против себя всех преподавателей, и стало понятно, что надолго она в интернате не останется. Она высказывала, как нужно учить детей физике, и всем становилось очевидно, что она никогда не работала с сильными классами и совершенно не представляет специфики работы в интернате.

Как-то она спросила, почему в интернате не ведётся методическая работа. На это Горыныч предложил ей заняться организацией методической работы. Мол, вы же тут заслуженный учитель, так вам и карты в руки. Следует походить на уроки к другим учителям, посмотреть, что именно они делают неправильно, ну и тогда научить нас, как правильно. А начать, конечно, лучше всего с уроков Азарова.

Не понимая, что над ней издеваются, Ровина восприняла этот совет всерьёз и посетила урок Азарова. Тема урока была — прямолинейное движение, и Ровина была уверена, что уж в этой теме она любую задачу с закрытыми глазами решит и любому дураку объяснит. Но когда Азаров показал, как решать задачи вообще безо всего, пользуясь лишь тем, что парабола с прямой пересекаются в двух точках, возможно, комплексных или совпадающих, Ровина поняла, что узнала что-то новое. И не просто что-то новое — за один урок она узнала по этой теме больше, чем знала до сих пор, и ещё далеко не всё поняла. Ей было непонятны задачи, которые придумывал Азаров, они разительно отличались от задач из учебника.

С урока Азарова Ровина вышла с возмущением.

- Это же не по программе! - заявила она, придя в преподавательскую.

Горыныч сел с ней рядом. В тот момент он был актёром, исполняющим звёздную роль, и отыграл он её блистательно. Он очень серьёзно начал интересоваться, что именно не понравилось Ровиной. Остальные, наблюдая этот спектакль, закрывали рты, чтобы не рассмеяться в голос. А Горыныч задавал вопросы, как будто действительно хотел узнать, что же происходит на занятиях у Азарова. Не по программе? А по какой именно программе должны были вестись занятия? А какова была тема конкретно этого занятия? А что такого ужасного рассказывал Азаров? А нельзя ли поподробнее и поконкретнее, а то он не вполне понял её объяснения? А какие были задачи? Верно ли, что дети эту задачу не решили?

Эти вопросы, выстроенные в правильном порядке, поставили Ровину в тупик. Потому что по её ответам становилось ясно, что дети-то задачи решали, а вот сама она, заслуженный учитель, не вполне поняла объяснения Азарова. И совсем сникла Валентина Ивановна, когда Горыныч объяснил ей, что имел в виду Азаров, говоря про комплексные корни, после чего задушевно поинтересовался, чей урок она хочет посетить в следующий раз. В этот-то момент Валентина Ивановна наконец догадалась, что над ней всё это время тонко и изощрённо издевались. Она обвела преподавательскую взглядом затравленного зверя,

ища у кого-нибудь поддержки — но поддержки ни у кого, конечно, не нашла. И именно этот взгляд — взгляд безнадёжности и безысходности — вспомнил сейчас Семёнов.

«Сама она как эти её звери, - подумал Семёнов. - Жалко её, конечно. Но наш интернат не для того создан, чтобы тут обучались или работали сирые и убогие. Наша цель и наш контингент несколько другие, и жалость не должна быть определяющим чувством.»

Как и на прошлой перемене, первой вбежала Аня, обнаружила почти пустой чайник, набрала воды и поставила кипятиться. Ровина уткнулась носом в учебник, иногда переводя взгляд на свои записи, явно обиженная тем, что значительная часть человечества до сих пор остаётся глуха к голосу сердца, без которого — она это точно знала — на земле так и будут процветать жестокость и насилие. Семёнов бросил взгляд на чайник, оценивающе посмотрел в свою пустую кружку, как бы изучая глубину возникшей там пустоты, перевёл взгляд снова на чайник, которому теперь требовалось три минуты для закипания, поставил кружку на стол, взял кусок Аниного пирога, откусил немного, прожевал, решил подождать, пока закипит чай, положил пирог на клеёнчатую скатерть стола. Вскоре вернулись и остальные. С деловитым видом человека, который осознаёт полезность того, что делает, вернулся Горыныч. Привыкший к тому, что посевы доброго-разумного-вечного дают какие-то очень жиденькие всходы, пришёл немногословный Сушков. Появилась Надя и сразу заняла привычное место в полуметре от мужа. Из рекреации доносились громкие детские голоса. Перемена заняла свой временной интервал.

Воцарившаяся было идиллия вскоре оказалась нарушена вторгшимся в помещение Польским. От его спокойствия, с которым он разговаривал час назад, не осталось и следа. Теперь он производил впечатление человека, который ждёт какой-то беды из-за угла, но не знает, из-за какого именно. Усы его нервно подрагивали.

- Вот и дождались, - по-прежнему тихо произнёс он, и все присутствующие оторвались от своих дел и обернулись к нему. Уж очень несвойственна Польскому эта напряжённая интонация в голосе. - Завтра у нас будет прокурорская проверка.

- Завтра?

- Да, завтра. Поэтому всем, слышите — всем! - сегодня заполнить все журналы. Заполнить как подобает, никаких единиц в журнале быть не должно.

Польский выразительно посмотрел на пустоту, где раньше сидела Толстая, затем перевёл взгляд на Горыныча, который тоже любил ставить единицы.

- Вы думаете, это он накликал?

- Я не знаю, - ответил Польский. - Но вы же понимаете, что просто так прокурорские проверки обычно не приходят, и они, как правило, имеют конкретную цель. Сейчас никакой цели нет — просто позвонили и предупредили. Похоже, они сами не понимают, что им у нас проверять надобно. Это и наводит на определённые размышления. К сожалению, я так и не выяснил, был ли сегодня кто-нибудь из родителей Мартынова, и если да, то что он делал. В общем, будьте наготове.

- Да, - заметил Семёнов. - Будь здесь Илья, он бы сказал, что законопредложное собрание становится законовинительным.

Польский вышел. Тягостное молчание повисло в преподавательской. Из-за стенки по-прежнему раздавались детские голоса, но здесь теперь был как будто другой мир. Было слышно, как перелистнула страницу Ровина, как почесал свои жёсткие кучерявые волосы Горыныч. Не горевшая прежде на потолке в углу лампа дневного света вдруг замерцала,

яркой звёздочкой засветился поджигающий её конденсатор. Какая-то тревога разливалась в атмосфере преподавательской, явно требуя разрядки. И эта разрядка выместилась в единственном слове, произнесённом Горынычем, которое повисло в гнетущей тишине, словно топор в сильно накуренной комнате:

- Дерьмо.

12. Мельницы и замки

Александр Евгеньевич Руцкий шёл по замысловатым коридорам главного здания Университета. Коридоры были длинные, переходящие один в другой, некоторые хорошо освещены, а другие полутёмные, похожие на какие-то закоулки. Где-то шёл вялотекущий ремонт, какой-то другой коридор с облупленным потолком и осыпающейся штукатуркой со всей очевидностью требовал, чтобы к нему приложили руку.

Руцкий свернул в хорошо освещённый проход с великолепным евроремонтом. Стены здесь были обиты пластиковой вагонкой, от пола до уровня шеи — тёмной, слегка напоминающей дерево, а выше — светлой, с хорошими отражающими свойствами, такая вагонка визуально расширяет помещение. Здесь, в этом проходе, находилась цель Руцкого — ректорат, а точнее — приёмная проректора по естественнонаучным направлениям.

Этот коридорчик уже начал надоедать Руцкому. Две недели назад он пришёл сюда с вопросом, что требуется для проведения олимпиады. Он смутно помнил, что для проведения требуется приказ Университета, а для подготовки этого приказа — ещё что-то, но что именно, Руцкий уже не знал. Тогда, две недели назад, его обрадовали тем, что у них в ректорате происходит борьба против бюрократии, и процедура подготовки приказа существенно упростилась, а потому он может ни о чём не беспокоиться, их отдел всё сделает. Ту неделю Руцкий действительно не беспокоился, а через неделю зашёл и спросил, сделан ли приказ. Оказалось, что про него благополучно забыли. «Но ничего, - уверили, - времени ещё много, так что всё сделать успеем.» Руцкий спросил, какие действия следует предпринять, чтобы про этот приказ не забыли и в следующий раз. Ему порекомендовали написать электронное письмо-напоминку. Он так и сделал, и процесс был запущен — на следующий день ему ответили, что теперь он может ни о чём не беспокоиться, потому что процесс запущен. И вот теперь они делали этот приказ, с кем-то его согласовывали, у кого-то что-то подписывали — подробностей Руцкий не знал. А времени становилось всё меньше и меньше, и от слов «не беспокойтесь» ему становилось не по себе. Пара телефонных звонков ничего не решила: «Делается. Согласовывается,» - уверяли его. И теперь он пришёл, чтобы лично проследить, что за это время сделано и каковы перспективы.

Перед дверью Руцкий несколько помедлил. Ему всегда было непонятно, стоит ли сюда стучаться, или же лучше войти без стука. Всё же он постучался и, не дожидаясь ответа, вошёл внутрь. Его встретил рабочий кабинет, по углам которого были разбросаны четыре рабочих места, занятых четырьмя помощниками проректора. Каждый из них делал что-то полезное: миловидная девушка слева с ангельской улыбкой принимала какого-то посетителя, молодой человек с чуть проклюнувшейся лысиной в дальнем правом углу звонил по телефону и что-то обсуждал, помощника в дальнем левом углу на месте не было. На всех четырёх столах были видны следы кипучей деятельности — жёлтая самоклеящаяся бумага, испещрённая номерами телефонов, электронными адресами и

прочей информацией, кипы бумаг в лотках, промаркированных «на подпись», «на доработку» и так далее. Вдоль стены стоял уничтожитель бумаг, почти доверху заполненный обрезками. Руцкому было несколько неловко входить в этот кабинет в верхней одежде, но гардероба для посетителей предусмотрено не было. Посетители в расстёгнутых тёплых куртках смотрелись здесь какими-то инопланетянами.

Руцкий остановился посреди кабинета. Скорее всего, нужно было обратиться к какому-то конкретному из секретарей, но к кому именно, он уже не помнил. Зато секретари вспомнили его. Молодой человек с зачатками лысины закончил разговор по мобильному,, приветливо кивнул ему и сказал: «Сейчас Олег вернётся». Руцкий присел в кресло, явно для посетителей, и стал ждать Олега. Через минуту тот вынырнул из двери, ведущей в смежный кабинет, в котором, как догадался Руцкий, и заседал сам проректор. Олег поздоровался, Руцкий напомнил ему про олимпиаду. Олег задумался и стал вспоминать, затем открыл что-то на компьютере и сказал: «К сожалению, этот приказ должен всё-таки готовить не наш отдел, а отдел приёма — именно он занимается олимпиадами.» «Но вы же говорили, что теперь это по вашей части», - недоуменно спросил Руцкий. «Да, мы тоже так думали, но Максимова упёрлась и сказала, что это должно быть по её части,» - ответил Олег. Он явно сочувствовал Руцкому, потому что Максимова придиралась ко всяким мелочам; Руцкому показалось, что Олег хотел подготовить приказ в обход подписи Максимовой, чтобы не создавать лишней мороки ни себе, ни ему, но именно сейчас эта идея сорвалась. «И что же мне делать?» - спросил Руцкий. «Сходить в отдел приёма».

Руцкий тяжело вздохнул. До начала олимпиады оставалось уже менее недели, а теперь этот процесс приходилось запускать заново. Он хотел было выразить беспокойство насчёт оставшегося времени, но решил в итоге промолчать. Не по адресу. «А где отдел приёма?» - спросил Руцкий. Олег объяснил, что нужно пройти по коридору, свернуть налево, спуститься, пройти ещё по первому этажу и выйти во внутренний дворик, где стоит ректорский флигель. Далее нужно подняться на второй этаж, а там сориентироваться.

Руцкий вышел, проклиная всё на свете. Когда сражаешься с гидрой, главное — не вообразить, будто это дракон. Дракона можно победить, отрубив ему все головы, у гидры же отрубленная голова немедленно отрастает, и хорошо если не в двух экземплярах. А иногда сражаешься с драконом, а выясняется, что противником выступает ветряная мельница, и это тоже не сулит ничего хорошего. Мельница циклична, её лопасти делают полный оборот и возвращаются на то же место, откуда начинали, а из жерновов тем временем вылезает мелко нарезанная бумага вперемежку с нервами посетителей, если они вздумают поиграть в донкихотство.

Руцкий вышел на улицу и увидел небольшое зелёное двухэтажное здание, скромно примостившееся между елей. Это был ректорский флигель. Руцкому рассказывали, как когда-то давно, лет десять назад, занимал весь ректорат второй этаж ректорского флигеля, а на первом этаже помещался профсоюз. Потом управление Университетом начали оптимизировать и систематизировать, и ректорат начал потихоньку расти. Сначала он выгнал профсоюз из ректорского флигеля, заполнив собой весь первый этаж, а потом, как злокачественная опухоль, которой некуда расширяться, дал метастазы в разных частях Университета. Говорят, что раньше, чтобы провести олимпиаду, достаточно было оказаться на приёме у проректора, и тот решал вопрос одним звонком, но Руцкому не очень верилось в такое простое решение вопроса.

Внутри в ректорском флигеле был сделан такой же евроремонт, как и в коридорчике, который посетил Руцкий чуть раньше. Пройдя на второй этаж, он сразу увидел

сверкающую золочёную табличку: «Отдел приёма», выглядящую так, чтобы ни у одного человека, который мог бы забрести сюда, не возникло и мысли, что Университет может быть несолидным учебным заведением.

Отдел приёма выглядел примерно так же — комната с несколькими рабочими местами, на которых развивалась буйная деятельность. Глядя на интенсивную работу множества людей, Руцкому показалась невероятной сама мысль, что эту всю гигантскую работу раньше мог выполнять один проректор.

Руцкого здесь уже ждали — очевидно, пока он шёл сюда, отделы созвонились и о чём-то договорились. «Да, олимпиада, - сразу, без предисловий, сказал ему толстенький и низенький молодой человек, до смешного напоминающий колобка в пиджаке. - Вам необходимо принести представление от проректора по естественнонаучному направлению, и мы тогда запустим процесс.» Руцкий понял, что его посылают туда, откуда он пришёл, и спросил, известно ли им, что олимпиада состоится в ближайшее воскресенье, до которого, если аккуратно посчитать, осталось три с половиной рабочих дня. Колобок в пиджаке чуть-чуть задумался и сказал: «Ну ничего страшного, успеем.» Руцкий уже совершенно не разделял оптимизма Колобка: для них-то, может быть, ничего страшного и не было, а вот для него, Руцкого, и его людей, срыв олимпиады был критичен. Но сейчас ему всё равно ничего не оставалось, кроме как делать что говорят. Руцкий пошёл обратно к маленькому метастазику-коридорчику.

В приёмной царила та же рабочая атмосфера. Олег вопросительно посмотрел на Руцкого, в его взгляде явно читался вопрос, зачем Руцкий сюда вернулся. «Мне сказали, что из вашего отдела нужно какое-то представление, но я не имею ни малейшего понятия, что это такое,» - сказал Руцкий. «А, представление! Сейчас сделаем!» Олег отложил все остальные дела и начал внимательно просматривать файлы, вглядываясь в бездну монитора. Наконец он нашёл нечто нужное и со словами «Вот сейчас переделаем», сказанными под нос, принялся за работу. Он спросил название олимпиады, дату, примерное количество участников, отразил эти сведения в представлении. Спросил, кто будет ответственным за ключи. Руцкий назвал себя. После этого вышла небольшая заминка, потому что выяснилось, что Руцкий не является штатным сотрудником Университета, и Олег сделал ещё два звонка, чтобы выяснить, имеет ли право Руцкий получать ключи в выходной день, и как это правильно оформить. Наконец оформление представления закончилось, из принтера вылезла страница. Руцкий просмотрел эту страницу, обнаружил опечатку в дате своего рождения — между днём и месяцем рождения стояла не точка, как полагается, а запятая. Он указал на эту неточность и добавил, что других опечаток он не видит, а эта, наверное, непринципиальна. Но Олег решил, что всё-таки принципиальна — этот лист он отправил на уничтожение, а вместо него распечатал новый, исправив недочёт. Убедившись, что больше опечаток нет, Олег положил этот документ в лоток с табличкой «На подпись». «Приходите завтра, будет подписано,» - сказал он. «А нельзя ли подписать сегодня?» - спросил Руцкий, на что Олег ответил, что сейчас никак нельзя, потому что проректора на месте нет, но вот завтра он появится и всё подпишет, и тогда можно будет передать эту бумагу в отдел приёма и уже начать оформление приказа. Руцкий снова напомнил, что олимпиада в воскресенье, до которого осталось уже совсем мало времени. Олег пообещал, что завтра первым же делом отнесёт это представление проректору и тут же передаст в отдел приёма.

Руцкий вышел из приёмной в бешенстве. Ни в какое «завтра» он уже не верил. Он уже не очень понимал, состоится ли вообще эта олимпиада. Одно было понятно: завтра ему

предстояло прийти сюда и проследить за судьбой представления. Он понимал, что без этого представление готово не будет.

«Как будто у меня других забот нет, кроме как бегать с этими бумагами,» - зло подумал он. Завтра. Завтра у него пары. Но эта бумажная возня, увы, оказывается важнее пар. «Отменить или попросить кого-нибудь заменить?» - мелькнуло у него в голове. Пожалуй, безопаснее будет заменить. Он вытащил мобильник и с усилием ткнул несколько кнопок, как будто они были повинны во всех земных бедствиях.

- Алло, Женя? Да, привет. Слушай, у меня тут беда. Да вот эти чудики из ректората решили, что мне делать больше нечего... В общем, у меня завтра вторая и третья пары, а я должен буду торчать здесь и следить, чтобы эти чудики всё-таки сделали нужные бумаги. Ты не объединишь наши группы? Ну ты знаешь, я же в соседней аудитории. Да, спасибо! А у тебя что будет? Производные? Я их уже дал на прошлой неделе... А ничего, пусть порешают ещё, производные лишними не будут. Да, спасибо! Да вот, здесь разные чудачества происходят... Какой осёл назвал Кафку сюрреалистом? Его «Замок» - это наиболее точное описание того, как устроен ректорат... Да-да. Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью. Ректорат лёгкого поведения, блин! Слов нет!

Руцкий ещё немного поругался в трубку, называя людей из ректората чудиками и волшебниками, явно подменяя ими более ёмкие, но менее цензурные эпитеты, прокомментировал на разные лады действия многочисленных сотрудников ректората, из-за которых ему придётся пропускать занятия, сказал, что он думает по поводу разведения бюрократии в учебном заведении. Но от его слов, по-видимому, документы не стали делаться быстрее и проще, и слова постепенно иссякли — вместе со злобой на то, что мир устроен так несправедливо. После этого разговор свернулся сам собой.

«Оркестр», - подумал Руцкий.

Оркестр. Тяжёлая медь духовиков-проректоров, разбавленная флейтами и гобоями бесчисленных замов и помощников. Следующим звеном идут скрипки — руководители разных отделов и начальники управлений. Отдельные голоса — ударные начальника по безопасности и охране и его управления, контрабасы отдела государственных тайн. И играют они какую-то чудовищную додекафонию, какая и в страшном сне не снилась Шёнбергу — каждый играет в своей тональности, в своём размере и темпе, и сочетание слаженности игры и жутких звуков вгоняет посетителей в жестокий когнитивный диссонанс.

Кафе «Старая мельница» привлекало к себе внимание за два квартала. На угловой дом, снаружи выложенный необработанным камнем, прикрепили огромные деревянные лопасти, а окна заботливо выложили пышными снопами пшеницы. Никаких неоновых реклам — резная деревянная вывеска над входом из букв, стилизованных под старославянский, подсвечиваемая в тёмное время суток неяркой лампочкой.

Внутри кафе создавало такое же впечатление. Массивные столы, словно грубо вытесанные топором, окаймлены такими же рублеными скамьями. Столы разделены свисающими с потолка сетями, похожими на рыбацкие, но сделанные из верёвок внушительной толщины, а на этих сетях — снопы соломы и разный крестьянский инструмент: серпы, вилы, грабли... Весь инвентарь производил впечатление какой-то старины — металлические части, чуть подёрнутые ржавчиной, скорее всего, ковали руками. Эти сети с соломой имели очень важную функцию — они отделяли один стол от другого, и посетители не видели и практически не слышали, что происходит за соседним столом. На подставках из

цельных растрескавшихся брёвен, разве что со снятой корой, красовались глиняные горшки и кувшины самой грубой работы. Шведский стол в виде телеги, над которым с потолка свисают гроздья лука, чеснока, перца. Сбоку уютно примостилось чучело петуха на огромной плетёной корзине, висящей на частоколе из жердей.

Александр Руцкий давно заприметил это кафе, оценил гуманные цены в нём и несколько раз в год пользовался им, когда надо было решить с коллегами какие-то вопросы.

«Надо бы в СУНЦе свою учительскую попросить», - мелькнуло у него в голове. Но эта просьба слишком наглая, по крайней мере на текущий момент. Во-первых, их слишком мало. Пятеро ведущих кружки, плюс ещё студенты-стажёры, которых принято называть неграми — в их обязанности входит приём задач. А во-вторых, не время для таких просьб. Да и нет у СУНЦа сейчас таких помещений, имеющиеся классы еле-еле лезут в это здание. А всё-таки как-то неудобно собираться в кафе.

Руцкий посмотрел вперёд и увидел бутафорские лопасти мельницы, олицетворяющие уменьшённую копию системы, с которой он только что сражался. Взглянул на часы — три минуты пятого. Это значит, что он уже опаздывает на три минуты. Наверняка кто-нибудь опоздает гораздо сильнее. Валера Рыжиков, скорее всего, минут на двадцать позже придёт, он просто не способен появиться вовремя. Сколько ни ругайся на него, сколько ни говори, что кружки должны начинаться по расписанию — бесполезно.

Руцкий вошёл в кафе и уверенно направился к угловому столу. Но угловой стол оказался занят какой-то довольно шумной компанией. Руцкий, не ожидавший такого поворота, оглянулся, чтобы найти своих. Это оказалось не очень просто, ибо столы просматривались плохо. Наконец он заметил, что ему машут из противоположного угла.

- Добрый день! - поздоровался он.

- Здравствуйте, Александр Евгеньевич!

Игорь Вернер привык обращаться по имени-отчеству ко всем, кто уже не является студентом. Интересно было наблюдать, как он разговаривал с людьми на два-три года старше. Пока они были студентами, Игорь обращался к ним на «ты» и по имени, но как только они заканчивали Университет, к имени сразу же прикреплялось отчество, а местоимение «ты» куда-то пропадало, уступая место дистанцированному «вы».

Руцкий поздоровался с Наташей Петровой — за руку, как с коллегой. Наташа была на десять лет старше Руцкого. Она всю жизнь работала в мужском коллективе и привыкла здороваться за руку.

- Ждём ещё Диму и Валеру, - подытожила она.

- Капитан Очевидность, - улыбнулся Руцкий и углубился в меню.

Через пару минут он выбрал себе борщ и жаркое в горшочке. Подошёл Дима Литвинский. Все четверо решили, что Валеру они ждать не будут, ибо его телефон, как всегда, выключен, и на сколько он опоздает на этот раз, непонятно.

- Ты договорился? - спросила Наташа.

- Смотря насчёт чего.

Руцкий смотрел не на собеседников, а куда-то в сторону, где к каменной стене был прислонён рогатый ухват.

- С Польским, конечно, договорился. Он очень милый мужик и понимает, что к чему. Правда, с оплатой наших кружков пока проблемы. Увеличить количество часов пока никак не получается.

Игорь пожал плечами с видом человека, который понимает, что без оплаты останется именно он, и согласен поработать на общественных началах, хотя эта идея ему не очень нравится. Ясно, что речь шла об оплате кружков, которые только будут стартовать.

- А с набором в класс?

- Ты же понимаешь, это ещё нужно согласовать. Но в целом разрешение получено. Польский даёт нам карт-бланш, он понимает, что мы приведём в СУНЦ кучу очень сильных детей.

Появился Валера Рыжиков, человек с цветущим взглядом и очень пышными кудрями, ореолом опоясывающими голову.

- Ты бы на экспоненту свою разделил, - рыкнула на него Наташа.

- Да-да, надо бы!

Валера был одним из лучших студентов-математиков, но, как это часто бывает, со странностями. Речь его была до предела насыщена математическими терминами и эпитетами, которыми он сыпал направо и налево. В прошлый раз, когда его отчитывали за опоздание, он заявил, что в его изображении засела неожиданная экспонента, которая при обратном преобразовании Фурье как раз и даёт запаздывающий эффект. Ему предложили поделить изображение на эту экспоненту и пригрозили, что, ежели ещё раз опоздает, поделят принудительно.

- Поделил, но с фазой не угадал, - последовал ответ. - И вообще, я же не гомотопическая последовательность расслоения, чтобы быть точным. Может же мой образ не совпадать с ядром из предыдущего места!

Вот так он и со школьниками разговаривает, разве что термины употребляет попроще. Вообще за ним нужен глаз да глаз, а не то начнёт семиклассников учить линейным операторам и объяснять, как строятся кватернионы из комплексных чисел. Однако идей у него не занимать, и самые интересные задачи на олимпиаду исходят от него.

Руцкий вкратце поведал, о чём договорился с Польским, и о чём надеется договориться в ближайшее время.

- И всё-таки нам нужно помещение, в котором мы могли бы собираться, - резко сказала Наташа. - Не дело каждый раз встречаться здесь.

- Я понимаю, я уже думал над этим вопросом. Пока что я не вижу такой возможности. Да и нас мало.

- Мало? Нас как минимум двадцать человек!

- Ты считаешь всех, кто хотя бы эпизодически приходит слушать задачи?

- Хорошо, а олимпиаду мы тоже будем составлять здесь?

Руцкий несколько помешкал.

- Олимпиаду всё равно надо составлять в кабинете, где есть доска. Никакая учительская для этого не нужна. Хотя, конечно, с ней наша свобода бы сильно возросла.

- Ага, будем свободны, как проективный модуль над кольцом многочленов, - вставил эпитет Рыжиков и ухмыльнулся.

- Кстати, ты с помещением договорился?

Договорился — как это оптимистично звучит. Руцкий помедлил, продолжая смотреть на ухват — прислонённый к стене из булыжника, он выглядел как военный трофей в средневековом замке.

- В процессе, - ответил он.

Что ещё сказать? Самая честная формулировка. Наташа исподлобья взглянула на него — сразу понятно, что догадалась, но ничего не сказала. Остальные восприняли за чистую

монету. В процессе. Молоды они ещё, зелены, верят, что всё произойдёт по мановению волшебной палочки. Ну и не надо их разочаровывать, пусть строят дальше свои воздушные замки. Главное, чтобы варианты олимпиады подготовили. Кстати, о вариантах.

- С вас к завтрашнему дню варианты.

- Так мы же их завтра будем обсуждать? - удивился Игорь.

Наивный. Когда эти зелёные молодцы составят вариант, тогда-то и потребуется обсуждение, долгое и тщательное.

Валера наверняка его безбожно загробит. Придётся его переубеждать, говорить, что если первую задачу поставить на пятое место (задачи в варианте традиционно идут по возрастанию сложности), то она будет на своём месте и хорошо смотреться. На такие разговоры уходит много сил, потому что Валера сильно обижается и говорит, что его не поняли, задача-то лёгкая, решается в две строчки. О том, что эти две строчки требуют получасового осмысления, Валера умалчивает. У него не требуют, он такие задачи щёлкает как орешки.

Дима честно сделает вариант, но в нём будет отсутствовать изюминка — красивая и нестандартная задача. А что составит Игорь, пока неизвестно.

Но главное — то, что каждый из них составит, наверняка будет всего лишь сырьём для варианта. В вариант оно превратится после нескольких часов обсуждения, после чего задачные формулировки необходимо будет тщательно вычитать и прилизать.

Руцкий выходил из «Старой мельницы» крайне недовольный. За этот день он набегался и устал, однако ничего полезного сделано не было. Мартышкин труд.

Бесполезное сражение с мельницами.

13. Нашествие

Где-то в пространстве, незримые для трёхмерных, сцепились между собой осень и зима за право владения временем. Зима сыпала снегом, предъявляя свои права, осень же не сдавалась и этот снег успешно превращала в дождь. Они ссорились, повизгивали друг на дружку, пытались подраться — но в основном понарошку, не всерьёз, словно сёстры-близнецы не поделили любимую игрушку. А город принимал на себя ошмётки этой склоки: заунывный ветер гнал большие стаи снежинок; часть из них таяла прямо в воздухе, а остальные меняли своё состояние, едва достигнув земли, остывающей после последних прикосновений солнца. Всю ночь продолжался этот диковинный поединок, и к утру зима почти сдалась, ветер утихомирился, и только лёгкая сизоватая дымка мороси повисла в охлаждённом воздухе. Тьма никак не хотела расходиться — толстая серая пелена, сыплющая на землю снег попеременно с дождём, отчаянно отказывалась пропускать из космоса любое излучение.

За этой серостью неба, которой вторила серость запылённых зданий города, помноженная на серость мышления их обитателей, никто не заметил появления двух людей, явно чужеродных интернату. Один из них был очень маленького роста, одетый в идеально подходящее ему пальто. Казалось, что никакая грязь не прилипает к его одежде. Второй был толстяком — такая комплекция обыкновенно бывает у любителей пива.

Они вошли в интернат. Обычно они входили в школы как хозяева, но сейчас был не совсем такой случай. Сейчас их обязали сделать проверку, но никто не сказал, какова должна быть цель этой проверки — найти ли какое-нибудь нарушение или же, наоборот, посмотреть

только для вида и уйти восвояси. От этой целевой неопределённости они чувствовали себя не в своей тарелке и теряли уверенность.

- Вона какая доска почёта! - сказал Толстяк, указав на коллекцию кубков и грамот.

В сущности, эта коллекция с виду ничем не отличалась от многих других, поставленных при входе в школу. Разве что кубки были вовсе не за районные соревнования по футболу.

Коротышка заинтересовался другим. Он посмотрел вправо и увидел горы, скалы, которые обильно покрывали цветы. Ничего подобного он раньше не видел. Он подошёл поближе, чтобы разглядеть это творение. Скалы были само совершенство, видно было, что этот уголок делал очень талантливый ландшафтный дизайнер.

«Несколько миллионов вложено, небось, - подумал Коротышка, оглядев зимний сад своим намётанным глазом. - Наверняка нецелевая растрата, только доказать это будет почти невозможно.»

Он не знал, насколько он был прав и одновременно неправ. На эти скалы было потрачено несколько десятков тысяч — Семёнов активно использовал разную списанную технику, и только на свет пришлось основательно раскошелиться, чтобы добиться цветового баланса. Причём около половины этих денег — это личные деньги Семёнова. Зато содержимое скал, если обратить в денежный эквивалент, составит миллионов десять — даже с учётом того, что диверсиколофлоры за последний год вдвое подешевели, ибо уже многие коллекционеры их активно размножали.

«Искусственные, что ли? - подумал Коротышка. - Как это они растут на голых скалах?»

Он подошёл поближе к зимнему саду. Скалы были мокрыми — с вершин повсюду стекали тоненькие ручейки. Они лавировали между камнями, скреплёнными цементом. Заодно Коротышка увидел, как крепились к скалам растения. В цемент были вмурованы тоненькие крючочки, на каждом таком крючочке красовалось незаметное ожерелье из трёх-четырёх бисеринок непонятного назначения, и уже на этих крючочках держалось корневище, активно пускавшее корни вглубь ручейков. Растения явно конкурировали за лучшие места — русла ручейков местами представляли собой сплошную косицу из переплетающихся друг с другом корней.

Ожерелья из бисера Семёнов использовал, чтобы маркировать названия сортов — это стандартная практика коллекционеров, когда невозможно запомнить, какой из нескольких сотен сортов на каком крючочке растёт.

«Похоже, натуральные», - подумал Коротышка.

В поле его зрения попал цветок, похожий на уменьшённую копию каллы или спатифиллума — такой же початок, обёрнутый одним лепестком. Коротышка остановился как вкопанный — лепесток имел довольно сильный металлический блеск. Цветы, насколько он понимал, так не блестят.

«Нет, искусственный...»

Он сделал шаг к цветку, и лепесток вдруг сменил цвет с жёлтого на голубоватый. Озадаченный увиденным, Коротышка ещё несколько раз сменил свою дислокацию, и на каждое его движение цветок откликался новыми оттенками. Коротышка знал, что есть машины цвета «хамелеон», меняющие свой цвет в зависимости от угла зрения, но никак не ожидал это свойство увидеть в цветах.

Любопытство наконец пересилило его, и он решился потрогать лист и определить на ощупь, натуральное это всё или искусственное. Но как только он протянул руку к листу, раздалось шипение, и все скалы в один момент заволокло густым непроглядным туманом. Коротышка почувствовал неприятную сырость в своей одежде и отпрянул от загадочных

скал. Туман постепенно оседал и рассеивался — это включилась система автоматического опрыскивания, работавшая по таймеру каждые пятнадцать минут.

«Странно это всё, - подумал Коротышка. - Но мне определённо это не нравится.»

Тем временем Толстяк подошёл к доске объявлений и стал смотреть на содержимое. Начал он с расписания — быстро пробежал глазами. Много, слишком много уроков. Проверки санпина на них нет, ну да это не наше дело. Математический анализ, экспериментальная физика, а в «д» классах — химлаб. Неужели это всё у них в учебном плане? Толстяк мысленно поставил галочку у себя в голове — надо бы выяснить соответствие расписания планированию.

Чуть правее расписания — объявление о спецкурсах.

«У них ещё и спецкурсы читаются», - подумал Толстяк.

«Спецкурс по средам будет проходить по средам,» - гласило одно объявление. Спецкурс назывался «Физика сплошных сред». Рядом были и другие объявления о спецкурсах, менее примечательные.

Толстяк перешёл ещё правее и увидел приказ об отчислении Горкина, Губаря и Подколесина. Ещё галочка. За распитие спиртных напитков? Толстяк не очень хорошо помнил, что должно быть за распитие спиртных напитков, но совершенно точно нужны сопроводительные документы. Медицинская экспертиза как минимум. Кстати, какое они имеют право отчислять школьников? У нас среднее образование пока ещё обязательно. Словом, галочка-галочка-галочка.

После звонка коридор стал наполняться детьми. В основном старшими, первоклашек нигде не было. Впрочем, и расписание тут только с девятого класса. Но почему в коридоре нет ни одного учителя? Дежурный педагог ведь должен следить на переменах. Толстяк подумал — стоит ли этот момент отмечать галочкой, потом плюнул и решил не отмечать, не засорять память всякой ерундой. Наверняка более интересные вещи обнаружатся.

Немного поколебавшись, Толстяк решил заглянуть в пару-тройку кабинетов. Обычно он этого не делал, чаще всего он просто заходил к директору и по уши зарывался в бумаги. Но эта школа казалась ему очень уж странной, хотя он толком не мог объяснить, чем. Казалось, что здесь учат инопланетян, и учителя тоже инопланетяне, а приняли они земной облик только для того, чтобы не травмировать посторонних.

Толстяк вошёл в первый попавшийся кабинет и оглянулся в поисках учителя. Сперва он видел только детей. На задней парте дети собрались кучкой и на что-то смотрели — не иначе как на чей-то планшет. Вторая кучка детей была возле доски, и один из них что-то объяснял остальным.

«Наверное, это и есть учитель,» - подумал Толстяк.

Он подошёл к обсуждавшим.

- Простите, вы — учитель? - спросил он у объясняющего.

- Не совсем, - ответил Фоминский. - Он сейчас на конференции, а я его замещаю.

- А кто должен вести урок?

- Михаил Анатольевич Азаров.

Если бы у Саши Фоминского было чуть больше опыта, он не стал бы говорить так.

«Значит, правильно определил, что учитель, - подумал Толстяк. - Надо же, какой молодой. Галочка. На конференции, значит, должен быть приказ о командировке.»

Толстяк не спеша отправился в другой кабинет. Учителя он увидел сразу же. Тут перепутать было невозможно — настолько естественно тот держался у доски. И тоже объяснял что-то школьнику.

- В этой задаче градиент направлен куда? А вы его куда направили? Вот у вас такая работа и получилась.

Вот что странного в этой школе. Оба случайно встреченных учителя — мужчины. И ещё оба разговаривают с учениками на «вы». Не бывает такого в обыкновенных школах. Эта школа была очень странная.

Толстяк поздоровался, учитель кивнул ему в ответ. Толстяку очень захотелось перекинуться с ним парой фраз — словно он никак не мог отделаться от ощущения инопланетян и хотел убедиться, что учителя тут говорят на нашем, человеческом языке.

- Это ведь ваш кабинет?

- Нет, - ответил учитель. - Точнее, так: это не только мой кабинет. - И, видя недоуменный взгляд Толстяка, продолжил: - У меня здесь всего десять часов учебной нагрузки, поэтому этот кабинет не может быть только моим.

У Толстяка сделалось такое выражение лица, будто он только что уличил в тунеядстве Бродского.

- А вы давно здесь работаете?

- Шесть лет.

- А где работали до этого?

- Там же, где работаю и сейчас. В ядерном институте.

- Значит, совмещаете?

- Да. Здесь у меня только два класса. И ещё спецкурс по ядерной физике.

- А скажите, где вы получали педагогическое образование?

- Нигде, - последовал ответ.

- Как же так? Вы пришли работать в школу, не имея педагогического образования?

Мужчина слегка нахмурился, недобрый огонёк пробежал у него в глазах. Большинство преподавателей интерната педагогику считали за лженауку, а само упоминание о педагогическом образовании коробило их до глубины души. Это коллективное настроение обострилось до психоза с приходом сюда Ровиной — появился живой пример человека с педагогическим образованием, даже заслуженного учителя, который еле-еле понимает школьную программу. Как только попадаете нестандартная задача, так сразу она впадает в ступор.

- А что вы закончили?

- Физический факультет Университета.

- А какие-нибудь педагогические курсы проходили? - не унимался Толстяк.

- Для чего мне педагогические курсы? Моя работа — физик, а СУНЦ у меня скорее в качестве хобби.

- Как же так? А как же вы учите детей?

- Я учу детей физике. Если угодно — по программе, утверждённой в нашем Университете. Ещё галочка. Имеет ли право Университет утверждать программы?

- И всё-таки. Все ваши слова хороши, пока вы имеете дело с обыкновенными детьми. А если попадётся трудный подросток? Или с умственными отклонениями?

- Простите, вы хотя бы поинтересовались, в какое учебное заведение пришли? Я не умею и не буду учить таких детей.

Тут прозвенел звонок. Учитель направился к двери с явным намерением начать урок.

- А что вы будете делать, если у вас в классе окажется такой подросток?

Это Толстяк уже перегнул. Будь перед ним Семёнов или хотя бы Азаров, разговор можно было бы продолжить. Но перед Толстяком стоял Горыныч, а он, хоть и сам иногда опаздывал на уроки, зато уж, когда приходил вовремя, опозданий и задержек урока не терпел. Горыныч награждал Толстяка взглядом, от которого вполне могла загореться бумага, и ответил, чеканя каждое слово:

- Я не привык повторять одни и те же слова дважды, но в этот раз сделаю исключение. Я не умею и не буду учить дебилов и прочих людей с умственными отклонениями. Даже если эти люди являются инспекторами прокуратуры.

В кабинете повисла такая тишина, что Толстяк услышал, как пульсирует его кровь в сосудах. Удар... второй удар... и тут воздух кабинета взорвался, как будто одновременно подожгли несколько сотен небольших шариков, наполненных водородом.. Толстяк совсем забыл, что с концом перемены в класс пришли дети, которые, несомненно, слышали конец их разговора, а теперь дружно зааплодировали. Толстяк повернулся к школьникам и зыркнул — те моментально перестали аплодировать и молча стояли, потупив взоры и отводя глаза. Лицо Толстяка приобрело сперва пурпурный оттенок, затем, начиная с кончика носа и ушей, окрасилось в густой фиолетовый цвет. Затем, ни слова не говоря, он развернулся и ушёл. Только дверь гулко хлопнула, закрывшись за ним.

А Горыныч посмотрел на дверь, повернулся к классу и, взглядываясь в учеников, сказал:

- Есть ли ещё желающие задерживать уроки?

Толстяк и Коротышка снова встретились около кабинета директора. После прогулок по школе каждый из них чувствовал себя неуютно, словно крупная рыба, схватившая блесну — вроде бы и в своей среде, и жжение во рту обусловлено колючей добычей, да только не такая она, эта добыча, и, может быть, лучше бы её выплюнуть подобру-поздорову, но рефлекс хищника мешает, не даёт разомкнуть челюсти.

Вдобавок у Толстяка сильно разболелась голова, и он хорошо понимал, что виной этому был тот хам-учитель, у которого он даже не спросил фамилии. Никогда прежде не сталкивался Толстяк ни с чем подобным — учителя при его виде всегда вели себя подобострастно и с должным уважением. Конечно, узнать фамилию было нетрудно, достаточно спросить у директора, а потом можно будет и вызвать этого хама, пусть даст показания под запись в протокол, пусть понервничает немного, это сойдёт с него спесь — но каждый раз, когда у Толстяка мелькала такая мысль, его голова чувствовала новый болевой укол, и в конце концов ему пришлось свернуть все подобные размышления.

Так они и вошли в кабинет директора.

Не в лучшем состоянии находился и Польский. В этом кабинете он походил на птицу, запертую в тесную клетушку, и сейчас он выглядел в своём кабинете особенно диссонансно — кабинет казался таким маленьким, а Польский в своём необъятном свитере — непропорционально огромным, так что стены собственного кабинета, казалось, давили на него со страшной силой. Волосы, как всегда, взъерошены, огромные усищи безвольно опустились, глаза совсем спрятались под бровями где-то в глубине черепной коробки. Сказывалось, что СУНЦ являлся подразделением Университета и не подчинялся районной администрации, а потому избежал обычных проверок, обыкновенно сваливающихся на школы. Потому здесь и процветала невиданная вольница, но с другой стороны Польский просто не знал, как вести себя в подобной ситуации.

Недалеко от него уютно примостилась на стуле Наталья Никаноровна Бабель. Она настолько сливалась с фоном кабинета, что поначалу была совершенно незаметна. Но как только взгляд останавливался на ней, становилось ясно, кто тут является хозяином положения. Бабель напоминала пуму, лежащую на песчанике в ожидании добычи — её можно заметить только тогда, когда она уже кидается на добычу. Её невозмутимость делала из неё полноценную хозяйку.

- Здравствуйте!

Польский пробурчал что-то невнятное, что при большой фантазии можно было счесть за приветствие.

- Мы бы хотели проверить документы.

- Разумеется, - ответил Польский уже более понятно. - Наталья Никаноровна, покажете нашим гостям, что они хотят?

- Разумеется, - протяжно мяукнула Бабель и улыбнулась. Улыбка получилась деловая и в общем довольно фальшивая, но даже при этом она оказалась самым натуральным объектом во всей этой декорации. - Прошу в мой кабинет.

Напряжение куда-то улетучилось. Польский вздохнул. Усы его распрямились, как распрямиляются складки при глажке белья, и зажили собственной жизнью. Он был рад, что удалось скинуть гнетущую его проблему на плечи человека, который гораздо лучше сможет её разгрузить. Но одновременно напряжение спало и с плеч Коротышки с Толстяком, и они, воспрянув, снова почувствовали себя хозяевами положения. И только Бабель бровью не повела — её приклеенная улыбка продолжала плыть по коридору. Это был её выход, её бенефис, её козырь. Если раньше она была бревном в глазу, незваной нахлебницей, то теперь она стала персоной номер один, без которой школа обойтись уже не может.

Облако хмурого молчания повисло где-то под потолком преподавательской и никак не расходилось. Вероятно, её как-то могла бы развеять Аня Шлимович, но сегодня её не было в интернате. Не было и Семёновой, а потому стол в преподавательской выглядел пустынно и уныло. Некому сегодня приносить пряники и печенье, некому наливать в чайник воду в начале перемены, и потому обезлюдевший стол сиротливо стоял в углу, а на нём, словно остатки какой-то предыдущей жизни, стояли только две упаковки с пакетированным чаем. Никто даже не подходил к ним. Одну попытку налить чаю сделал математик Баргузин, взвесил на ладони чайник — почти пустой, надо идти набирать воду, глянул на пустынный стол — и отказался от своей идеи. И может быть, Горыныч встал и набрал бы чайник, но мешало ощущение некоторой неловкости и тревоги. Он хорошо понимал, что своей выходкой, скорее всего, сильно разозлил инспектора. А значит, жди серьёзных проблем, причём, как водится, эти проблемы будут не у него, а у других, ни в чём не повинных людей. Но с другой стороны, иначе он поступить не мог, он был полностью прав и показал правильный пример ученикам, поэтому совесть его не грызла. Но никому из коллег рассказывать про это происшествие тоже нельзя. Одно дело — быть участником или хотя бы очевидцем, и совсем другое — слушать рассказ от непосредственного участника. Рассказ будет похож на рыбацкую байку, в нём неизменно будет выступать бравада, лихачество и мальчишество — словом, те качества, которых на самом деле не было и в помине.

«Всё равно ученики расскажут, и поползут сплетни,» - подумал Горыныч.

Впрочем, сплетни из чужих уст звучат совсем не так, как собственный рассказ. Да и мало ли легенд про него ходит. Хотя бы про то, как по пять-семь раз школьники у него работы переписывают, да и высказываний его немало. Один его ученик, кажется, Алёша Смирнов, два года за ним записывал разные экспромты. Афоризмов там мало, а вот в нужное время сказанных острых фраз предостаточно, за два года восемнадцатилистовая тетрадка накопилась. Наверняка много кто записывает за преподавателями разные перлы, но редко кто находит в себе смелость их показывать автору. Смирнов нашёл.

А всё равно перед коллегами неудобно.

В преподавательскую вошёл Польский — усы по-прежнему опущены, но глаза слегка выступают из-под бровей, а в них читается облегчение.

- Ну как? - все взгляды тут же уставились на директора.

- Ушли. Могло бы быть хуже. Я опасался, что они будут журналы смотреть. Наверняка наши журналы не заполнены.

- И как, всё благополучно?

- Не совсем. Выдали одно фантастическое замечание. Дали на исправление две недели.

- То есть они вернутся?

- Кто же их знает! Может, вернутся, может, нет. Может, попросят документы донести. Они же теперь решать будут, есть ли нарушения, и если есть, то какое — административное или уголовное, это всё небыстро делается. Но готовиться надо к худшему.

Польский развёл руками, одновременно чуть присев — он это часто делал, когда хотел показать, что на свете много дураков, и он не может нести ответственность за действия некоторых из них.

- И какое это замечание?

- Постановили уволить университетских преподавателей и нанять вместо них школьных учителей. То есть вместо нас.

- Это же полностью убивает концепцию интерната.

- Спасибо, я тоже знаю, что такое интернат.

- Так подожди... СУНЦ же не школа, у него есть совершенно особенное положение, это же подразделение Университета...

- Да, я знаю.

- Поэтому сотрудники СУНЦа автоматически являются сотрудниками Университета. Это же бред получается.

- Я знаю, - повторил Польский.

- А ты их познакомил с этими документами?

- Я с ними практически не общался.

- Как это? А кто же?

- У нас есть специально обученный человек для этого. Наталья Никаноровна.

- Бабель? Ты допустил её до этого?

- Ну да, допустил. А что ещё делать?

- Ты доверил Бабель эти важные дела? Уж лучше козла в огород...

- Не кипятись, Борис.

- Ну я не знаю...

Горыныч сделал удивлённое лицо и обвёл взглядом потолок в преподавательской, словно хотел всем показать, как именно он не знает.

- Ты ей доверил? Доверил эти дела?

Польский развёл руками.

- Да дело не в том, что я ей как-то доверяю. Ну а кто с этим лучше справится? Тут ведь не в доверии дело.

- Ну хорошо. И что ты с этим собираешься делать?

- Ничего. Это же только устное замечание, а не решение суда. Я уверен, что они так и не разобрались, куда попали.

Польский улыбнулся одними усами и произнёс:

- Будем работать здесь до тех пор, пока всех нас не выведут отсюда в наручниках.

Настроение у Натальи Никаноровны Бабель было самое что ни на есть ликующее. Если она хоть что-нибудь понимала в этой жизни, то только что она спасла СУНЦ от многомиллионного штрафа.

Придя в свой кабинет., она сама начала мило беседовать с инспекторами, периодически вытаскивая то одну, то другую папку и с мастерством фокусника демонстрируя нужный документ. Делалось всё это для того, чтобы у инспекторов даже мысли не возникло, что здесь может быть что-нибудь нечисто. Идеально оформленные инвентаризационные документы усилили уверенность в этом. Коротышка спросил про бюджет зимнего сада, и Бабель моментально выудила нужные бумаги. Смета расходов? Пожалуйста. Оплачивали это всё выпускники, вот договор дарения. А вот договор обслуживания. Коротышка очень удивился, увидев эти договоры. Бабель была очень горда собой. Без неё, конечно же, никаких документов на зимний сад не было бы. А хорошо известно, что наличие незадокументированного имущества иногда бывает хуже, чем исчезновение задокументированного. В последнем случае речь идёт о пропаже, и сумма этой пропажи понятна. Неучтённое же имущество, с точки зрения контролирующих органов, может возникнуть только вследствие нецелевой растраты. В этом случае необходимо найти источник этих денег и обязательно выяснить, куда и на что потрачены остальные.

Потом Коротышка захотел посмотреть компьютерные классы. Бабель оставила Толстяка за бумагами, которые тот смотрел с жадностью ищейки, а сама отправилась провожать Коротышку. Ей и в голову не приходило, что они уже где-то побывали до визита к директору.

Коротышка пересчитал компьютеры, убедился, что их количество совпадает с заявленным в инвентаризации. Потом подошёл к одному из них, открыл браузер, набрал в поисковике слово «порно». Экран немедленно погас, а через несколько секунд на чёрном экране высветилась следующая надпись: «Вы пытались организовать запрос по слову «порно» (слово «порно» - крупным шрифтом и ярким цветом). Вероятно, Вы знаете, что этого делать не следует. Теперь экран Вашего компьютера заблокирован. Для того, чтобы его разблокировать, обратитесь к администратору. Искреннее раскаяние, возможно, поможет Вам.» Ни на какие кнопки экран больше не реагировал.

Так развлекался Илья Испайнов. Он наотрез отказался ставить интернет-цензор, заявив, что по всем заявленным параметрам его однозначно можно отнести к компьютерным вирусам. Тогда Илью попросили придумать какую-нибудь другую защиту от нецелевого поиска. Илья придумал, и теперь Коротышка видел реализацию его идеи. Введи Коротышка какой-нибудь другой запрос, не содержащий явно запретного слова, отсутствие цензора тут же обнаружилось бы. Но этот компьютер уже был заблокирован, неубираемое слово «порно» занимало полмонитора, выдавая всем позорное занятие того, кто находился за этим компьютером, и Коротышка поспешно ретировался из кабинета. Бабель с дежурной улыбкой ожидала его у дверей.

От многих вопросов удалось отбиться Наталье Никаноровне, удалось и пресечь попытки походить по школе. Всё же три замечания остались, причём про два первых Бабель великолепно знала — это были те вещи, которые ей самой ужасно не нравились и которые были сделаны без учёта её мнения. Первая — отсутствие на работе Азарова. Никакой командировки он, естественно, не оформлял. Второе — отчисление за пьянку. «Как в воду глядела,» - подумала она.

А третьим замечанием, подлежавшем немедленному исправлению, были как раз преподаватели Университета вместо учителей. Напрасно она показывала им Положение о СУНЦ, Устав Университета и разные другие документы — Толстяка они почему-то мало интересовали. Бабель была обижена таким предписанием, совершенно несправедливым, с её точки зрения — но, в конце концов, это было существенно лучше, чем многомиллионные штрафы, которые, как она была уверена, обязательно свалились бы на СУНЦ без её стараний.

14. Шишки как обучающий элемент

Александр Евгеньевич Руцкий был в ректорате в половину одиннадцатого. Он очень сильно нервничал по поводу несделанных документов, и потому последнюю ночь дурно спал. В середине ночи просыпался и подолгу прокручивал в голове различные сценарии — как эти бумаги оформить, куда его ещё пошлют за печатями да за подписями, сколько это займёт времени. «Что тревожиться? - сказал он сам себе. - Делай то, что от тебя зависит. Делай что должно, и будь как будет.» Но тревога не ушла, а только разрасталась, вытесняя из уставшего организма последний сон. А если они так и не оформят? Что тогда? Новое помещение на триста человек искать уже поздно. И почему он сам взялся за это, почему не перепоручил это кому-нибудь более опытному? «Брось, - подумал он. - Ну кому ты это мог поручить? Разве что Наташе, но ты же сам знаешь, что она бы сделала это ничуть не лучше. Она бы точно так же искала подход к ректорату, да ещё бы наверняка сорвалась и нахамила кому-нибудь, испортив отношения с людьми, с которыми надлежит быть вежливыми. Точно бы сорвалась, она плохо умеет держать себя в руках.» И от этих мыслей появлялась какая-то обречённость — да, бумагами должен заниматься он, и причёсыванием олимпиадных вариантов тоже он, и если вдруг на самой олимпиаде будет какая-нибудь заморочка, она тоже ляжет на его плечи. Ты взялся за это дело, сказал он себе. Вот и делай. Но безотчётная тревога не уходила, и вместо сна Руцкого преследовали холодные видения.

Он понимал, что половина одиннадцатого — слишком раннее время, но ничего поделать с собой не мог. Единственное место, где он мог находиться без ощущения какой-то упущенной возможности — это в коридоре с великолепным евроремонтом.

Приёмная проректора была уже открыта, кто-то из секретарей появился, но Олега ещё не было. Руцкий заглянул внутрь и спросил про документы. «Проректор будет в двенадцать, и тогда он подпишет представление,» - ответили ему. Руцкий вышел в коридор и стал ждать. Ожидание долгое, и это время можно и нужно употребить на что-то полезное, что давно надо было бы сделать. Он вытащил из чемодана ворох студенческих работ, которые надо проверить. Студенты уже две недели ждут результатов, а эти непроверенные работы занимают в чемодане место и немного утяжеляют его. Руцкий открыл одну работу. Там были пределы различных функций, и первый же предел занимал полстраницы

вычислений, на которые было тошно смотреть: дробные черты громоздились, будто слоистая горная порода, буквы рябили в глазах, восьмёрка была написана криво и очень напоминала бесконечность, выражения с переменными многократно преобразовывались почём зря, и проверять это было совершенно невозможно. «Не сейчас», - подумал Руцкий и убрал пачку работ обратно. Время ожидания оказалось пустым, его невозможно было использовать с какой-либо пользой.

Минут через пятнадцать появился Олег. Нисколько не удивившись, сказал то же самое — проректор будет в двенадцать, и он сразу же всё подпишет. Руцкому осталось ждать.

Затем он вспомнил, что на олимпиаду надо придумать каких-нибудь задач, а у него в голове только эти глупые мысли по поводу ректората и их дурацких приказов и представлений. Он попробовал обратить эти мысли в конструктивное русло, и вскоре они приняли облик задачи.

Проректор разложил по кругу шесть приказов, занумерованных буквами А, Б, В, Г, Д, Е (именно в таком порядке). Оказалось, что углы АВГ, БВД и АЕД равны. Докажите, что все они тупые.

Руцкий не был изобретателем этого каламбура. Он уже относился к фольклору математических кружков. Началось всё с такой задачи.

На доске нарисован равносторонний пятиугольник, все углы которого меньше 120° . Докажите, что все они тупые.

Затем кому-то пришло в голову добавить ещё одно предложение, и получилось вот что.

Учитель нарисовал на доске равносторонний пятиугольник, все углы которого меньше 120° . Дети не поняли, как такое может быть. Докажите, что все они тупые.

«Нет, не годится как олимпиадная задача, - подумал Руцкий. - Во-первых, она не для тех классов. Во-вторых, слишком стандартное упражнение на вписанные углы. Такое можно ставить в контрольную работу, но никак не в олимпиаду. Задача такая же тупая, как и то, про что она придумывается.»

К сожалению, ничего путного в такой обстановке не придумывалось. Руцкий пожалел, что не взял с собой никакой книжки, но потом подумал, что книжка бы тоже не помогла. В таком состоянии он бы не смог читать что-нибудь новое и содержательное. Разве что перечитывать.

В половину первого проректор появился. К часу его представление было подписано. Руцкий радостно вошёл в приёмную. «Сейчас я зарегистрирую это представление,» - сказал Олег. С регистрацией он возился довольно долго, на совесть: вписывал какие-то номера, отыскивал, в каком месте оно должно быть в электронной базе. Наконец, представление оказалось добавлено в базу. «Желаю удачи,» - сказал Олег на прощание, отдавая Руцкому представление.

Половина второго. Руцкий снова пошёл в ректорский флигель — пошёл с предельной скоростью, но не переходя на бег. От непривычно быстрой ходьбы сразу же стали ныть ноги. «Ничего, всё равно сидеть-ожидать,» - подумал он.

Оказалось, что Колобка на месте не было — он находился на каком-то совещании. Через полчаса он появился, поздоровался с Руцким, взял у него представление. «Хорошо, - сказал он. - Завтра или послезавтра я подготовлю приказ, и тогда всё будет сделано.» Руцкий напомнил, что олимпиада состоится в ближайшее воскресенье, и потому «послезавтра» может оказаться поздневато. «Ну хорошо, - ответил Колобок. - Сейчас я

этим заняться не могу, но завтра с утра обязательно сделаю, и тогда отправим приказ Максимовой на подпись.»

Руцкий обречённо вздохнул. Значит, завтра с утра снова нужно быть здесь. Что ж, ни на что другое он и не рассчитывал. Насколько Руцкий понимал ситуацию, Максимова была чрезвычайно стервозная тётка, и её подпись была краеугольным камнем во всей этой эпопее. Недаром этой подписи все так старались избежать.

До начала кружка было ещё два часа. Руцкий почувствовал, что его организм возвращается в привычную реальность, то есть хочет есть и спать. Он вспомнил, что сегодня ночью почти не спал, а утром практически не позавтракал — заглянул в холодильник, с отвращением посмотрел на то, что там лежит — либо еда не для завтрака, либо её нужно готовить, а готовить очень не хотелось. Взял один хлебец и запил его стаканом воды — вот и весь завтрак.

С желанием спать ничего делать не надо. Как только он займётся следующим делом, это желание пройдёт самостоятельно. Только надо будет попытаться всё-таки сегодня лечь пораньше и выкинуть эту ерунду из головы. А вот поесть лучше бы сейчас. К сожалению, все кафе в окрестностях Университета продают редкостную дрянь вместо еды. Здоровой конкуренции нет: всё равно на большом перерыве студенты прибегут и образуют большую очередь. Руцкий подумал, где бы ему пообедать, и вспомнил про университетскую столовую. Во времена его студенчества эта столовая переживала несколько взлётов и падений. В дурные времена есть там было совершенно невозможно — алюминиевые вилки гнулись и ломались о котлеты, а саму посуду приходилось тщательно выбирать, ибо помыта она была прескверно. Потом вдруг происходило что-то невидимое, и столовая начинала вкусно готовить и следить за чистотой приборов. Интересно, какой период она переживает сейчас.

Большой перерыв уже закончился, и народу в столовой было немного. Но вместе с очередями заканчивалась и еда. Руцкий посмотрел в меню и попросил гречу со свиной. Оказалось, что ни гречи, ни свиной нет. Тогда он заказал рис с курицей, но выяснилось, что курицы тоже нет. «А что вообще есть?» - спросил он, покосившись на меню, декоративно стоявшее на раздаче. Ему предложили рыбу и котлеты. Рыбу он не любил, поэтому пришлось выбрать котлеты, а на гарнир — макароны: сочетание риса с котлетами ему очень не нравилось. В итоге он получил типично столовскую порцию — тарелку слипшихся макарон мертвенно-белого цвета, явно сваренных в огромном котле, и сероватую котлету, обильно политую мутной подливой, по которой невозможно догадаться, из чего она могла быть сделана. Руцкий взял тарелку на свой поднос, добавил туда же два компота и хлеб, посмотрел на салаты, расфасованные по пластиковым контейнерам, и решил их не брать. Пока он размышлял, кассирша моментально сосчитала стоимость и назвала цену. Руцкий прикинул в уме — многовато, затем посмотрел в меню стоимость котлеты и решил, что перепроверять не будет. Здесь никто и никогда не проверяет способность кассирши считать в уме. Кассирша выбила чек и тут же сама положила его в коробочку с несколькими сотнями аналогичных чеков — положенные одной рукой, они лежали практически ровной стопочкой. Каждый из них состоял лишь из финальной суммы, а что именно покупалось, в чеке отражено не было.

Руцкий пошёл мимо столиков очень казённого вида, выискивая место почище. Почти на каждом столике были крошки. Пара сонных мух медленно летала по столовой. Крошки их не интересовали.

Руцкий приземлился за одним из столиков, где, как ему показалось, крошек почти не было. Столик немного шатался, но это было не страшно. Он уже приготовился к еде, как вдруг сообразил, что забыл взять вилку. Пришлось возвращаться. О, в столовой появились ножи! И вилки были не алюминиевые, как раньше, а нормальные, блестящие и серебряного цвета. Качество еды, конечно, не поменялось. Макароны оказались совершенно несолёными.

Сколько же лет прошло, с тоской подумал Руцкий. Университет меняется очень слабо, вот только чиновников в нём стало сильно больше, а их уголки — красивые и дорогие. А сами аудитории хранят в себе пыль прошедших десятилетий, да и преподаватели в основном те же, что учили и меня. Да, время неумолимо берёт своё — некоторые умирают, на их место приходят молодые. Или же не приходят. Некоторые кафедры стареют вместе со своими сотрудниками, их разработки тоже дряхлеют, сметённые информационной революцией.

Руцкий вспомнил те времена, когда он ещё учился в Университете, вспомнил Надю, с которой он встречался три года. Некоторые влюблённые ходят на дискотеку, другие на пикники или в путешествия, а они с Надей ходили на спецкурсы, а после этого вместе обсуждали лекции, и им было хорошо. А всё-таки жаль, что они так никуда вместе не съездили. А потом Надя поступила в аспирантуру во Франции, не совсем по специальности, но за границу, с неплохой стипендией и хорошими перспективами, и уехала. А Руцкий остался здесь.

Времени на жизнь не хватает, с тоской думал он. Вот сейчас надо будет идти на кружок, стучать Валере по голове за какую-нибудь очередную выходку, а потом до ночи обсуждать олимпиаду, потому что сама собой она не составит, а завтра опять воевать с этими волшебниками. И так постоянно: закончится эта олимпиада — надо будет хлопотать о награждении и одновременно думать о зимнем лагере, а потом будет ещё что-нибудь. И некогда даже вздохнуть и подумать, не о чём-то конкретном, а просто подумать. Что-то в этой жизни проходит мимо, иногда кажется, что сама жизнь. А ведь Валера, Дима и Игорь — мои выпускники, мои и Наташины, и мы их привлекаем к тому же, то есть заниматься чужими жизнями и не иметь свою собственную. Это ли то, к чему надо стремиться? Нужно ли было сейчас выдавать кружок Игорю, а потом, когда дети из этого кружка вырастут и выпустятся из школы — приглядываться, кому из них можно выдать новый кружок? Не является ли это всё порочным кругом?

Нет, сказал он себе. Если своя жизнь заключается в том, чтобы предаваться пустым воспоминаниям и мыслям о пропущенных возможностях, то лучше и не иметь такой жизни. А у меня есть работа, которую я люблю, и если моя жизнь так тесно связана с этой работой, то это счастье, которое мало кто может себе позволить. Конечно, встречаются и очень неприятные моменты, вроде тех мельниц, с которыми постоянно приходится сражаться, но куда же без этого. Музыкантам приходится играть гаммы и этюды, постоянно оттачивая свою технику — это ведь тоже не самое приятное занятие. Альпинист находится на вершине только миг, подъём и спуск тоже занимают немного времени, а всё остальное — это усиленная подготовка. Учёный, ухватив основную идею, торжествует, но для реализации этой идеи требуется титанический труд, часто неприятный и малопродуктивный. Рутинные и неприятные моменты есть в любой работе, и от них никуда не деться.

Руцкий вспомнил один давнишний разговор с профессором Смирновым, который у них читал методы приближённых вычислений. Как-то его однокурсник Егор Ильин после лекции подошёл к Смирнову и спросил, не кажется ли тому, что его наука в свете развития

компьютеров несколько устарела. Вопрос был явно провокационный, но профессор Смирнов блестяще на него ответил, и этот ответ надолго запомнился как Егору, так и всем случайным свидетелям этого разговора, в числе которых был и Руцкий. «Мне не кажется, - отвечал профессор, - я это точно знаю, что моя наука устарела. И я не вижу в этом ничего плохого. В своё время методы, которыми мы занимались, были совершенно необходимы. Когда в Сарове строили атомную бомбу, двух лучших людей с нашей кафедры отрядили туда, и это было самым лучшим свидетельством нашей нужности. Так что мы своё уже сделали. А теперь, конечно, настали другие времена, и я уже стар, чтобы приспособливаться к современной науке. И я не вижу ничего дурного, если эти методы уйдут вместе со мной, потому что молодёжь этим не занимается. И вы тоже — занимайтесь тем, что современно, и не жалейте, когда ваше дело устареет и будет списано на свалку.»

Вот и я тоже, думал Руцкий, занимаюсь тем же, чем этот профессор Смирнов, который два года назад умер. Занимаюсь тем, что умею делать, а уже время пускай рассудит, правильно это или неправильно, нужно это было или нет. А поэтому хватит раскисать, вставай и иди работать. А сейчас твоя работа заключается в том, чтобы воспитывать уже взрослых людей и обеспечивать нужный процесс.

Ровно в четыре часа, когда должен был начинаться кружок, Валеры Рыжикова не было. Был Руцкий, была Наташа Петрова, и пришли ещё два стажёра-первокурсника, Глеб и Коля, и было человек пятнадцать семиклассников, но руководителя — Валеры — не было. Руцкий глянул на часы, вспомнил свои недавние мысли и, не произнеся ни слова, пошёл проводить кружок, на ходу думая, с чего начинать.

А начинать надо было с разминки. Например, порезать какую-нибудь фигуру на определённые части, или доказать, что это невозможно. Пусть повторяют признаки делимости, решил Руцкий. Напишу им из головы какое-нибудь десятизначное число, а они будут говорить, на что оно делится.

Через минуту прибежал Валера. Вероятно, он очень спешил, потому что он был взмыленный, с разлохмаченной шевелюрой. Он очень часто дышал и поначалу не мог сказать ни слова.

- Ты какого снова опоздал? - накинулась на него Наташа.

- Простите, Наталья Валентиновна. Я думал, что успею.

- Где серия?

На каждом занятии кружка детям принято выдавать серию задач — она составляется заранее и имеет цель обучить детей какому-нибудь приёму, или же, наоборот, состоит из разносортных задач, связанных какой-то общей тематикой.

- Есть. - Валера кивнул и достал флешку.

- Ты хочешь сказать, что ты её не распечатал? Ну и где мы сейчас будем её распечатывать?

- Ой. Я об этом не подумал.

- А хоть о чём-нибудь ты подумал? Как хоть файл называется, и какой он папке лежит?

Валера назвал.

- Иди меняй Сашу, он вместо тебя пошёл проводить разминку.

- Ой.

- Не «ой». Всё, пошёл!

Наташа чуть прикрикнула на Валеру, и он исчез. Вскоре появился Руцкий.

- У этого остолопа не распечатана серия.

- Ну давай схожу, попрошу распечатать.

Руцкий ожидал, что всё именно так и будет. Он взял флешку и пошёл в преподавательскую. Распечатать удалось без труда. Хорошо и это, а могла бы флешка не прочитаться или бумага застрять в принтере. Он на ходу бросил взгляд на серию. Просто набор задач. О том, что задачи нужно как-то компановать, Валера, разумеется, не подумал. Надо было вместе с ним посидеть и посоставлять серию, но как это сделаешь, если Валера всегда опаздывает. И по сложности, конечно, загнул, ну да ладно, не исправлять же теперь. В конце концов, каждый человек должен сам набить свои шишки. Только уж очень долго Валера их набивает, наступая на одни и те же грабли многократно. Никаких выводов не делает.

А ведь будь я помоложе, подумал Руцкий, я бы давно уже отстранил Валеру от ведения кружка и взялся бы за кружок сам. С годами становлюсь более терпеливым. Каждому человеку необходимо время, чтобы осознать свои ошибки. Некоторым нужно больше времени, некоторым меньше. Но одно известно точно: абсолютно всем нужно больше времени, чем ты им предоставляешь. Ждёшь от человека, что он не повторит во второй раз свою ошибку, а он её делает раз за разом. И так пока не придёт время, когда он наконец начнёт что-либо понимать. И я тоже много ошибок по молодости совершил, да и сейчас наверняка продолжаю их совершать, только кто же мне про них скажет...

Руцкий раздал распечатки Наташе и стажёрам. С Наташей не страшно, а вот со стажёрами, студентами-первокурсниками, стоило обговорить заранее — что в каждой задаче хотеть от семиклассника, и какие наиболее типичные ошибки будут допускаться. Но времени на это уже нет, да и разговоры эти должен вести Валера. А он и свою функцию не осознал, не говоря уже про функции стажёров.

- Кажется, пора раздавать.

Валера закончил разминку. Теперь требовалось раздать детям серии, которые принёс Руцкий. На минуту дети уткнулись в листочки, читая задачи, но вскоре тишина была нарушена. Кто-то шептался с соседом, кто-то громко щёлкал ручкой. Два человека подняли руки. Глеб и Коля позвали их и отвели в коридор, чтобы там послушать их решения и поставить плюс или минус. Оба ребёнка вернулись с минусами и отправились исправлять ошибки.

- Загробил серию, - произнёс Руцкий, увидев, что Глеб и Коля ставят минусы.

Между тем шёпот в кабинете нарастал.

- Ну что, ответил?

- Нет пока. А ты?

- А я думаю.

- А в третьей задаче медведь с дедом Морозом играет, хи-хи-хи...

Шум потихоньку перерос в гул, который мешает работать. Кто-то вскочил со своего места и пошёл поделиться своими мыслями в противоположный угол, чей-то портфель оказался за две парты от хозяина — стандартная игра «укради чужой портфель». Тогда Руцкий вошёл в кабинет и скомандовал:

- Тихо!

- А они мой портфель утащили...

На несколько секунд в кабинете воцарилась тишина. Портфель моментально вернулся на место. Кто-то захотел ответить задачу. Затем снова по классу пошёл шепоток. На кружке железную дисциплину держать почти невозможно, да это обычно и не требуется. Главное — обеспечить рабочую атмосферу.

В конце занятия — разбор задач, но не сегодняшних (над ними ещё следовало бы подумать, лучше дома), а выданных в прошлый раз. Руцкий видел, что Валера объяснял слишком сложно и заумно, что дети не понимают и теряют интерес. Очень хотелось вмешаться, и будь он помоложе — вмешался бы обязательно, но он хорошо понимал, что сейчас ничего делать не надо. А нужно после занятия подойти к Валере и объяснить его ошибки.

Наконец Валера закончил разбор. Дети с громкими криками радостно разбежались. Руцкий начал расписывать Валере его ошибки. Но Валера не соглашался. «Тут же всё просто, как неразложимый элемент в факториальном кольце,» - ответил он. С ощущением, граничащим с полной безнадёжностью Руцкий всё-таки закончил свои доводы. Он уже понимал, что Валера пропустит их мимо ушей.

- Нам можно идти? - спросил Глеб.

- Нет, мы же должны олимпиаду обсудить.

Руцкий понял, что сейчас ему предстоит ещё один раз объяснять Валере то же самое. Но олимпиада — это уже не то место, где можно позволить Валере набивать свои шишки. Нужно как-то изменить вариант, подготовленный Валерой, на более приемлемый, и при этом не обидеть Валеру.

«Смогу ли я?» - спросил себя Руцкий. И тут же ответил: «Нет. Не смогу. Но должен.»

15. Яблочко от яблоньки

Сергей Юрьевич Польский отдыхал в кресле, периодически отхлёбывая чай из своей огромной кружки и после каждого глотка вытирая усы, на которых оседала значительная часть жидкости. Он пытался привести в порядок свои мысли, и он знал, что это ему удастся, если у него будет хотя бы полчаса свободного времени.

Не удалось. Мобильный телефон зазвонил, настойчиво призывая его к ответу. Польский взял его в руки и посмотрел, кто звонит.

- Ну что тут сделаешь? Придётся отвечать, - пробормотал он.

Звонила его бывшая жена, и Польскому не требовалось снимать трубку, чтобы понять, что обещает этот разговор. Таня звонит только тогда, когда ей от него что-нибудь нужно. Как правило, денег.

«Никогда не женитесь на пятикурсниках,» - многократно повторял Польский своим коллегам. Если кто-нибудь собирался жениться на пятикурснице, Польский уговаривал его подождать годик. В основном безуспешно.

С Таней он познакомился, когда она была студенткой, а сам он работал в астрономическом институте. Теперь, с высоты своего возраста и опыта, Польский понимал, что не следовало с ней встречаться, но тогда не понимал. Он помогал ей сдавать экзамены, рассказывая заново практически все университетские курсы. Он делал вместе с ней курсовые — одну наполовину, другую сделал полностью за неё. Она была ему очень благодарна.

Когда она была на пятом курсе, Польский сделал Тане предложение. Таня согласилась, и они сыграли скромную свадьбу.

Позже, анализируя свои неудачи, Польский посмотрел, сколько студенток на каком курсе учится, и про каждую попытался узнать, зачем она пошла в Университет, да ещё на физический факультет. Он искренне поразился тому, какой высокий процент младшекурсниц в открытую отвечают, что они пошли сюда, чтобы найти себе мужа. А

сколько ещё думает так же, но не признаётся вслух! И это младшекурсницы, а ведь с годами люди становятся только циничнее.

Итак, Таня, скорее всего, относилась к той же категории студенток. Она бы, может быть, и не вышла за Польского, но срок её обучения подходил к концу, и надо было думать, что же делать дальше. Можно, конечно, поступить в аспирантуру, но для этого нужно было написать хороший диплом. Кроме того, аспирантура не снимает проблему, а лишь оттягивает её на три года. После аспирантуры всё равно встанет вопрос, чем заниматься дальше. Поэтому замужество было наиболее привлекательным вариантом.

Весной пятого курса она стала жаловаться на боли в животе и говорить, что, похоже, она беременна. Потом, правда, беременность не подтвердилась, но за это время Польский успел написать ей значительную часть диплома. В итоге Таня выпустилась из Университета, положила диплом на полочку и никогда о нём больше не вспоминала.

Следующий год она занималась поиском подходящей работы, но почему-то ничего, что бы её привлекало, не нашла. Один раз она даже устроилась официанткой в кафе. Две недели говорила, что эта работа на самом деле очень интересная, ибо здесь можно пообщаться с разными людьми и узнать много нового, чему никогда не научат в университетах, а потом просто уволилась без объяснения причин — вероятно, интересные люди в кафе внезапно закончились. К лету ей уже основательно промывали мозги — и сам Польский, и его родители — что поступает она нехорошо, и что нужно заняться чем-нибудь полезным. И вот тогда она забеременела по-настоящему.

Теперь она поступала хорошо. По дому, правда, у неё почти ничего делать не получалось. Сперва она очень скверно себя чувствовала, у неё кружилась голова, стоило ей нагнуться, поэтому основную работу по дому делал Польский. А потом не давал покоя ребёнок, которого назвали Толиком.

Через полтора года после рождения Толика Тане осточертело сидеть дома. На няню денег не было, да и вообще денег было мало и ни на что толком не хватало. Поэтому Таня просто-напросто сбежала из дома с Толиком, как только появилась такая возможность. А возможность появилась — как раз тогда она познакомилась с предпринимателем, у которого деньги водились — хоть и не миллионами, но их всё равно было побольше, чем у Польского. «Ну что я буду с этим астрономом делать — звёздочки считать? - объясняла она тогда своё решение. - Он же гол как сокол, а ребёнка нужно обеспечивать.»

Они развелись. Следующие два года Польский не видел Толика совершенно, потому что Таня с её новым мужем, Евгением, переехала в другой город. Его многочисленные попытки забрать на время Толика или хотя бы увидеться с сыном оканчивались неудачей. Таня была согласна отпустить Толика, но в последний момент всё срывалось: или Толик заболел, да так, что приходится ложиться с ним в больницу, или просто планы резко менялись, потому что приезжала Танина мама и забирала Толика себе.

У Евгения начались какие-то проблемы с бизнесом. То ли он кому-то не понравился, то ли кто-то по его вине пострадал — неизвестно, но через два года Таня с Евгением переехали обратно. Теперь у Польского была возможность видеть сына, и эту возможность ему щедро предоставляли. Но он с ужасом осознал, что за эти два года сын очень сильно изменился. Он больше не был любознательным. Его интересовало только то, что стоит денег. И ещё Польский понял, что с Толиком ему совершенно неинтересно. Смысл видеть своего сына пропал напрочь.

Один раз Польский съездил с сыном в Италию. Италия Толику была неинтересна. Море ему было неинтересно. Венеция с её каналами и гондолами, само собой, тоже

неинтересна. Ему были интересны только магазины с игрушками и с мороженым, рестораны и прочие ярко-кричащие места. Больше Польский не предпринимал попыток съездить куда-нибудь с сыном или забрать его на какое-нибудь длительное время. Таня тоже не жаждала отдавать Толика, а в разговоре со своими знакомыми иногда попрекала его за это. «Ну что за отец такой — не хочет даже с сыном общаться,» - говорила она.

Но Толик рос, и его нужно было обеспечивать. Ему нужно было покупать одежду, ему нужно было лечить зубы — само собой, не в бесплатной клинике, нужен был компьютер, нужна мебель в его комнату, нужен велосипед, нужно было отправить его куда-нибудь в тёплое место, чтобы подлечить его хронический насморк. А Польский за это время превратился из рядового младшего сотрудника в известного учёного, защитил докторскую и стал директором интерната — словом, какие-то деньги у него были. И если Таня звонит ему, то она с него хочет ещё каких-нибудь денег, это наверняка. Польский со вздохом снял трубку, гадая, что же Толику нужно на этот раз.

- Алло!

- Алло, здравствуй! - раздался женский голос на том конце трубки. Польский с грустью подумал, как этот голос его волновал до рождения Толика, как продолжал волновать ещё год после развода. А теперь совершенно не волнует. Голос как голос. Разве что заставляет сразу представить, во что обойдётся этот звонок. Вся любовь к Тане была давным-давно выжжена.

- Я слушаю. - Польский взял деловой тон, потому что был уверен, что сейчас речь пойдёт о деньгах.

- Я про Толика. Ты же знаешь, что он сейчас в девятом классе.

- Да, знаю.

- Так вот у него есть проблемы в школе. Они были и раньше, если тебе интересно, хотя ты никогда этим не интересовался.

- Какие проблемы? - Польский произнёс эту фразу, подразумевая «Сколько нужно?»

- У него в конце года экзамены.

- Да, логично.

- И он рискует завалить математику.

- Как завалить?

- Очень просто, не сдать.

У Польского не нашлось слов. Он как-то не представлял себе, что экзамен в девятом классе можно не сдать. Теоретически он знал, что есть некоторый процент детей, не сдающих этот экзамен, и что этот процент не такой уж маленький, но никак не думал, что всё это коснётся его самого. В трубке повисла пауза.

- И... что ты предлагаешь?

- Я думала, это ты что-нибудь предложишь. Ты ведь директор этого, физико-математического как его там... Очевидно, с ним нужно позаниматься математикой.

- Хорошо. Давай я побеседую с ним и оценю масштаб бедствия.

- Давай. Давай я его привезу к тебе часа через два.

Такого радикального решения Польский никак не ожидал. Он не нашёл ответа.

- Ну хорошо, - ответил он.

- Тогда до встречи!

Таня положила трубку, не давая Польскому опомниться.

Польский начал думать про сложившуюся ситуацию. Проще всего найти ему репетитора, благо он является директором этого заведения. Конечно, в интернате не каждый бы взялся

репетировать ребёнка, способного завалить экзамен — все привыкли иметь дело с контингентом попроще. Но найти репетитора в принципе нетрудно. Надя Семёнова, например, не привередничает и берётся за каждое репетиторство, если у неё есть свободное время. Но в этом случае придётся объяснять, кем ему приходится Толик. Польский представил себе такое объяснение, и ему стало невыносимо стыдно. Польский вдруг осознал, что ему всегда было стыдно — стыдно перед Таней, перед самим Толиком, стыдно перед собой. Он чувствовал себя виноватым в том, что у него нет никакого желания общаться с собственным сыном, а желания не было только потому, что он вырос совсем не таким, каким его хотел бы видеть Польский. Виноватым, потому что он пытается откупиться от сына деньгами, да ещё и недоволен, что дорого получается. Стыдно — но уже перед коллегами — потому что у него такой сын. И в воскресенье было стыдно, когда говорили про преемственность поколений в интернате. У него эта преемственность явно нарушилась. Чувство стыда за своего сына смешалось с чувством вины за свой стыд.

А как было бы хорошо, если бы Толик поступил в СУНЦ! Может быть, подготовить его, и пусть поступит? Да нет, ему это будет совершенно неинтересно. Вот он летает отдыхать в Турцию, а между тем знать не знает, где на карте находится та Турция — заходил у них как-то такой разговор. Нет, не будет он поступать сюда, хотя бы потому что здесь сложно учиться и нужно прикладывать усилия. Не будет.

Хотя зачем за него решать?

Польский посмотрел на часы. Нужно ехать домой, чтобы не привезли Толика раньше него. Вот это будет нехорошо. Пока ещё он должен успевать, но если вдруг в городе возникнет очень сильная пробка, может и опоздать. Хотя тогда и Толика не привезут через обещанные два часа. Он спустился вниз и вышел из здания.

Снова звонок. Может быть, Таня сейчас скажет, что она сама уже решила эту проблему? Да нет, конечно, так она не скажет. «И вообще с чего ты решил, что это звонит именно она?» - подумал Польский.

Он посмотрел на экран мобильного. Час от часа не легче. Теперь звонил первый проректор Университета Михаил Михайлович Ягунов. И, учитывая сегодняшнюю проверку, вряд ли с мирными целями.

- Здравствуйте, Сергей Юрьевич! Вы бы не могли заехать ко мне сейчас?

Без предисловий, без дежурного «как дела».

- Сейчас?

- Да, лучше сейчас.

- Но я должен быть скоро в другом месте...

- Я не займу у вас много времени.

- Хорошо, попробую сейчас подъехать...

В трубке раздались короткие гудки. «Интересно, в каком из этих двух мест мне меньше не хочется быть? - подумал Польский, подходя к машине. - Как-то много становится таких мест. Хоть не выходи из интерната.»

В Университет он приехал через полчаса. Зашёл через главный вход, кивнул охраннику. Вертушка турникета сейчас свободно вращалась, пропуская всех желающих. Польский прошёл во внутренний дворик, поднялся на второй этаж ректорского флигеля. Привычным жестом распахнул дверь, на которой было написано золочёными буквами: «Первый проректор Университета Михаил Михайлович Ягунов». Первое помещение — маленькая

прихожая, которую посетители даже не всегда замечали. Во втором работали помощники проректора. Польский безлично поздоровался с ними, но никто из них не поднял головы — наверное, он поприветствовал их слишком тихо. Да и не им был нужен Польский, а человеку за деревянной дверью. Польский направился к этой двери. Один из помощников вскинул на него взгляд, явно собираясь сказать «Вы куда?» или «Туда нельзя», узнал Польского и ничего не сказал. Польский вошёл в следующий кабинет, куда простые смертные уже доступа не имели. В кабинете находился высокий брюнет в полном расцвете сил.

- Добрый вечер! - вежливо сказал брюнет. Обычно таким тоном желают доброго вечера, когда хотят этот вечер испортить.

Польский кивнул в ответ.

- Как прошла сегодняшняя проверка?

«Это он вызвал меня, чтобы спросить про проверку? Или это вопрос для затравки?» - подумал Польский.

- Прошла.

- Это я знаю, что прошла. Итоги-то каковы?

- Нам выдали указание уволить преподавателей и нанять вместо них учителей.

Ягунов кивнул в ответ. Совершенно очевидно, что он уже знал об итогах этой проверки.

- И что вы собираетесь с этим делать?

- Ничего. Мы же являемся подразделением Университета, так что это требование не может быть законным.

- Тем не менее оно поступило. Как получилось, что это указание поступило?

- Я не знаю, им были показаны все документы...

- А что вы сделали для того, чтобы этого указания не было?

Польский почувствовал себя зажатым в угол. Разумеется, Наталья Никаноровна с ним уже пообщалась.

- А как вы думаете, - продолжил Ягунов, выдержав небольшую паузу, чтобы стало ясно, что ответа на предыдущий вопрос не последует, - что было причиной этой проверки? Ведь она явно была внеплановая.

Этот вопрос также звучал как утверждение.

- Я думаю, его спровоцировали родители одного из детей, обучающихся у нас.

- Стало быть, вы плохо работаете с родителями, если возникают такие ситуации.

- Там родители совершенно безумны...

Польский смолк под пристальным взглядом Ягунова, поняв, что сморозил глупость. Называть безумным депутата законодательного собрания в официальном месте никак не годилось.

- Одним словом, я очень недоволен вашей работой как директором СУНЦ. Я обещал вас не задерживать, поэтому ничего более говорить не буду. Выводы делайте сами. Идите.

Польский вышел из кабинета, гадая, как трактовать слова Ягунова. Буркнул что-то сквозь усы секретарям, вышел в коридор. Там он столкнулся почти нос к носу с Натальей Никаноровной Бабель. Она выглядела как с иголки, словно у неё не было никакого общения с инспекторами. Бабель сделала вид, будто не замечает Польского; одно лёгкое движение — и она уже проскользнула в кабинет.

«Почему-то всё не слава богу,» - подумал Польский и вспомнил, что его ждёт следующая встреча. Посмотрел на часы, понял, что может и не успеть. Вдохнул, поправил усы и поехал к своему дому, который вдруг стал каким-то холодным и отталкивающим.

Толика привезли не через два, а через четыре часа. Машина приехала, высадила его возле подъезда и скрылась в извилистом проезде. Польский впустил сына в квартиру.

- Ну, здравствуй, - сказал он.

- Здравствуй, папа, - ответил Толик.

Ужасно фальшиво вышло у него это приветствие. Вероятно, потому что все сознательные годы словом «папа» он называет совсем другого человека.

- Ну проходи.

Польский давным-давно не занимался репетиторством и скорее знал понаслышке, что это такое. Наверное, надо сразу начать заниматься. Хотя родного сына нужно бы накормить. Или чаю предложить хотя бы.

- Ты есть будешь?

- Нет, папа, я не голодный.

- Ну тогда давай хотя бы чаю выпьем.

Польский поставил чайник.

- Ты какой чай пьёшь? Чёрный, зелёный?

Он снова поймал себя на мысли, что о своём сыне он не знает ничегошеньки — даже какой чай он предпочитает. И снова ему стало совестно.

- Всё равно. Я чай почти не пью.

Польский всё же налил ему чёрного чая.

- Ну рассказывай, в какие у тебя проблемы.

- Мне в школе сказали, что я не сдам ГИА.

- А ты сам-то как считаешь?

- Ну папа, откуда я знаю? Я же его ещё не сдавал.

Разговор явно шёл в тупик. Польский предложил ему задачу — определить, до какой высоты долетит камень, если его подбросить вверх со скоростью 20 м/с.

- Папа, это физика, а физику я не сдаю, - объяснил Толик.

- Вообще-то это математика. Движение-то у нас какое?

- Да откуда я знаю, какое движение?

Толик явно начал раздражаться от того, что отец у него такой непонятливый.

- Ну хорошо. - Польский вынул лист бумаги и ручку. - Реши тогда квадратное уравнение.

Толик посмотрел на квадратное уравнение и начал вспоминать формулу для его корней. Вспомнил он её, конечно же, неправильно, забыл двойку в знаменателе.

- Ну хорошо. Вот ты получил ответ. Как понять, правильный он или нет?

- А как это вообще можно понять?

- А ты подумай.

- Я не могу этого понять. Скажи, пожалуйста, правильно я решил или нет.

- Нужно, чтобы ты сам понимал, правильно ли твой решение.

- Как я это могу понимать?

- Вот и подумай, как это можно понять.

Польский понял, что они оказались в заколдованном круге. Надо как-то искать выход из него.

- А ты подставь.

- Куда подставить?

Польский уже хотел было сказать: «А ты подумай,» но вовремя спохватился. Эта фраза действовала на Толика примерно как красная тряпка на быка. Польский раньше не представлял, что предложение подумать для кого-то может являться оскорблением.

- В это уравнение.

Толик подставил. Польский увидел, что Толик неправильно возвёл сумму в квадрат, и отметил, что надо бы с ним сперва посмотреть формулы сокращённого умножения. Наверняка он их тоже не знает. Но сначала надо закончить с этой задачей. Толик получил какое-то длинное выражение и остановился.

- Так, что ли?

- А если сократить?

Толик сократил.

- И что получилось?

Толик ткнул Польского в свой ответ.

- И что этот ответ означает?

- Папа, ну откуда я знаю, что он означает? Я же говорю, что у меня проблемы по математике, а ты, вместо того чтобы что-то мне объяснить, наоборот, спрашиваешь меня. Зачем спрашиваешь? Я же тебе уже сказал: не знаю!

Польский задумался. Это был очень тяжёлый случай. Толик действительно не хотел думать. В интернате тоже хватает детей, которые не желают думать, но не до такой же степени. Толик сейчас больше напоминал слишком долго прослужившего солдата, наполовину превращённого в робота. Скажешь ему выкопать окоп чайной ложкой, и он радостно примется за дело. А подведёшь к сараю с инструментами, чтобы выбрал себе лопату — не сможет выбрать, слишком трудная задача.

- Куда ты потом собираешься поступать?

- В Академию управления.

- И кем там учат управлять?

- Да не знаю пока. Сперва нужно школу закончить.

Польский вспомнил про формулы сокращённого умножения. Естественно, Толик не знал ни одной. Тогда Польский попытался объяснить ему, как раскрываются скобки в выражении, и сказал, что если Толик это знает, то он может легко вывести любую формулу сокращённого умножения. Толик в ответ посмотрел на него так, будто Польский предложил съесть живого паука.

- Папа, мне к ГИА нужно подготовиться, а не скобочки раскрывать.

- Как же ты подготовишься к ГИА, если ты не умеешь ничего? Ты хотя бы смотрел задания ГИА?

- Нет, но они есть в книжечке.

- А у тебя есть такая книжечка?

- Надо купить.

- Давай ты купишь и сперва сам порешаешь что-нибудь, а потом уже обсудим, что конкретно у тебя не получается.

Толик замялся. Ему очень не хотелось самому, без присмотра отца что-то решать.

- Да у меня ничего не получается. Иначе бы разве я к тебе обратился?

Польский отхлебнул чаю и вытер усы. Он не знал, что делать дальше и как продолжать этот разговор, давно уже зашедший в тупик. Про поступление в интернат, конечно, тут речи не идёт. Мартынов покажется гением по сравнению с ним. Не говоря уже про вопрос,

лежащий на поверхности: каково будет коллегам учить этого охلامона, зная, что он директорский сынок?

Но Толик и сам готов был сменить тему для разговора.

- В остальном-то у тебя всё в порядке?

- Да, папа, только стол для компьютера совсем сломался, надо бы купить новый...

Это означало — надо дать на него денег. Польский прикинул в уме, сколько должен стоять компьютерный стол. Ладно, если только это, то ничего страшного.

А дальше разговор совсем скис, потому что оказалось, что спрашивать-то и нечего. И Толику не хотелось ничего говорить о том, как он живёт. Например, потому что тогда нужно рассказать что-нибудь про его семью, а тогда слово «папа» будет обозначать сразу двоих, а это очень неудобно. Не хотелось расспрашивать и Польскому — причина была аналогичной. И ещё он понял, что каждая фраза Толика его огорчает, а огорчаться сильнее ужасно не хотелось. И без того огорчений на сегодня выше крыши.

Польский выдал сыну пятитысячную купюру и распрощался с ним, сказав, чтобы он купил компьютерный стол и не забыл про книжечку для подготовки к ГИА. Толик пообещал не забыть.

Польский вздохнул с некоторым облегчением, когда Толик покинул его квартиру. Но облегчение было мнимым: проблема была отложена, но совершенно не была решена. Польский поймал себя на мысли, что ему, в сущности, всё равно, сдаст Толик ГИА или нет, и что если Толик больше не обратится к нему с просьбой, то он и не напомнит про подготовку. Польскому снова стало стыдно за собственный эгоизм. Плохой из меня отец, подумал он. Но что тут сделаешь.

16. Клетка для невзлетевших птиц

Выйдя из подъезда, Толик остановился возле змеящейся полосы из припаркованных автомобилей. Было около половины девятого, и это было как раз то время, когда появляться дома не стоило совершенно. Приходить домой надо либо раньше, когда отец ещё на работе, либо позже, когда уже всё неважно. «Вот мама, - подумал он с некоторой злостью. - Привезла в самый неподходящий момент. Ну что ей стоило привезти меня пораньше? А теперь вот придётся думать, куда идти.»

Об отце, который родной биологический, он забыл практически сразу. Он стыдился своего отца не меньше, чем Польский — сына; стыдился, как обыкновенно стыдятся отцов-алкоголиков. Отец в его понимании и выглядел как самый настоящий алкоголик: нечёсанный, нестриженный, бурчит непонятно что, глаза заплавленные, ходит в каком-то старом засаленном свитере — так ходят обыкновенно бомжи или алкоголики. Разве можно в приличной компании сказать кому-нибудь, что у него такой отец? Его же сразу засмеют. Да и характер у него под стать свитеру — разношенная тряпка. Нет в нём ни одного качества, которое стоило бы уважать в мужчине. Нет ни твёрдости, ни хватки, и весь он какой-то мягкотелый, беспозвоночный. За что вообще его можно уважать?

А ещё правила приличия заставляют называть этого человека папой. Хотя какой он папа? Отцом должен называться человек, который воспитывает ребёнка и заботится о нём, а не тот, который биологический, и который видит своего отпрыска раз в два-три месяца.

Толик почувствовал вибрацию в кармане. «Только бы не мама», - подумал он, доставая телефон. Но через секунду вспомнил, что мама навряд ли будет звонить сейчас — она наверняка считает, что Толик занимается математикой.

Звонил его одноклассник.

- Здорово, Данил! - радостно произнёс Толик.

- Привет! А мы тут в кваку собрались играть. С нами пойдёшь?

- Да, конечно! Только... я сейчас не совсем дома.

- А где ты?

Толик лихорадочно прикидывал, сколько ему потребуется времени, чтобы добраться до компьютерного клуба.

- Могу минут через сорок подъехать, - сказал он.

- Ну мы тогда без тебя начнём, а ты потом присоединишься, лады?

- Ну ладно, - вздохнул Толик. В трубке раздались короткие гудки.

Ситуация поменялась подобно карте в руках опытного шулера: только что Толик тянул время, двигаясь мелкими и неторопливыми шажками и мучительно думая, куда податься, а теперь на счету оказалась каждая минута. Толик прикинул в уме, какая остановка ближе, и пошёл направо, вдоль длинного изогнутого дома.

«Вот делают такие длинные дома, - подумал он со злостью, - а арок в них не делают, приходится обходить.»

По проспекту гулял сильный северный ветер. Очевидно, он считал проспект своей собственностью — на длинном открытом участке, напоминавшем аэродинамическую трубу, ему ничто не мешало разгоняться и шалить как угодно. Ветер баловался с объявлениями, аляповато наклеенными на все столбы, пытался содрать с них номера телефонов, как будто собирался воспользоваться предлагаемыми услугами. Объявления яростно шелестели, словно у столбов внезапно выросла белая прямоугольная листва. Поднимал в воздух брошенные обёртки и полиэтиленовые пакеты, один из которых уже парил на уровне третьего этажа; но находящиеся на проспекте люди не видели летящего пакета — ветер задирали их, хватал за волосы, вынуждая поднимать капюшоны и смотреть только вниз, в землю, а особенно донимал тех, кто стоял на остановке и ждал автобуса. Выйдя на остановку, Толик зябко поёжился и спрятался за столбом, но от ветра это совершенно не спасало.

«Хоть бы маршрутка сейчас пришла, - подумал он. - Интересно, с чего это они собрались сейчас, когда уже так поздно? Ведь не получится нормально поиграть. Особенно мне, - с некоторой обидой добавил он. - Обычно же если собирались, то сразу после школы. Но в любом случае это здорово, что сейчас собрались.»

Фары вдалеке, более габаритные, чем стандартные автомобильные. Может быть, это и есть та маршрутка? Да, машина выглядит в точности как маршрутка; Толик уже посигналил ей рукой, но машина подъехала ближе, и на ней явственно вырисовался красный крест и нехарактерный для маршруток номер «03». Останавливаться она, естественно, не пожелала.

Колючий ветер загнал Толика с открытого пространства под навес остановки, где, как в клетке, находились ещё четыре человека, но решетчатые стены продувались насквозь, как будто они специально были сделаны для того, чтобы не мешать ветру хозяйничать. Маршрутка всё не появлялась, и Толик уже начинал злиться. Злился он и на мать, которая привезла его сюда, и на отца, потому что визит к нему оказался бестолковым и бесполезным, и на тех, кто придумал этот чёртов ГИА, из-за которого Толика теперь

терроризируют в школе, и на конструкторов остановки, и на мерзкую погоду, и на маршрутку, которую не дождёшься, когда она нужна, и на весь мир, который совершенно не желает понимать, чего же хочет Толик. Сейчас дорога каждая минута, а он стоит, как дурак, и ждёт, а маршрутка совершенно не желает появляться.

В этот момент, словно почувствовав его мысли, к остановке подъехала маршрутка — увы, идущая не туда. Толик коротко ругнулся, провожая её взглядом. Полез в карман куртки, инстинктивно оглядываясь по сторонам — нет ли знакомых. Знакомых, конечно, не было, но не было в кармане и сигарет — закончились днём. Толик ещё раз оглянулся, на этот раз в поисках какого-нибудь ларька, где можно было бы пополнить запас курева. Ларёк оказался неподалёку, но на противоположной стороне проспекта. Толик поколебался, идти туда или нет — очень бы не хотелось пропустить маршрутку и снова стоять на этом ветродуе. Он вытряхнул содержимое карманов куртки и обнаружил, что денег у него осталось совсем мало — на два часа компьютерного клуба хватит, пожалуй, а больше ни на что не останется. И значит, деньги нужно откуда-нибудь добыть.

Минуты через три подъехала маршрутка с нужным номером. Толик прыгнул в неё, заплатил за проезд, сунул руку в карман брюк и нащупал там пятитысячную купюру, о которой он уже успел позабыть.

Кухонька в небольшой двухкомнатной квартире больше всего напоминала клетку. Всё, что своей прямоугольной формой могло хоть как-то могло имитировать окно, старательно зарешечивалось. Забрано решёткой, намертво приваренной к несущей стене, само окно, потому что квартира помещалась на первом этаже. Деревянная дверь содержала полупрозрачное стекло с металлической сеточкой внутри. Причудливая решётка венчала параллелепипед газовой плиты, а мягкая пластиковая сетка стелилась по дну прямоугольника раковины, препятствуя побегу мусора через сливное отверстие. И даже кухонная утварь — шумовки и половники, параллельно свисавшие с крючков на стене, походили на вертикальную решётку, а симметрично плите свисала аналогичная решётка из кухонных ножей.

Татьяна с тряпкой в руках медленно перемещалась по кухне, делая вид, что стирает с мебели пыль. Никакой пыли на мебели, разумеется, не было — Татьяна прошла уже полкухни, а тряпка в её руках и не подумала менять свой цвет с ярко-зелёного на сероватый. Протереть мебель можно было гораздо быстрее, но Татьяна знала размеры кухни как никто другой, и в быстром выполнении этой работы она никак не была заинтересована.

Она уже не помнила, что явилось причиной очередного скандала с мужем. В последнее время эти скандалы стали частыми, по несколько раз в неделю. Все они вспыхивали из-за каких-то пустяков, на которые обычно никто не обращает и внимания, и через несколько часов сами собой рассасывались. Но эти часы они с мужем проводили в разных помещениях. Евгений занимал комнату, вторая комната принадлежала Толику, а Татьяне не оставалось никакого другого места, кроме кухни, и эти несколько часов она проводила здесь. Поначалу тут бывает много работы — нужно приготовить еду на завтра, помыть посуду, устроить ревизию холодильника... Но потом работа заканчивалась — заканчивалась раньше, чем запал для ссоры, и приходилось неспешно имитировать хоть какую-нибудь деятельность.

Татьяна в очередной раз провела тряпкой по ножке стола, отполированной почти до блеска, и новый порыв злости окутал её всю, с ног до головы. Она посмотрела на часы.

Шёл уже одиннадцатый час, а Толик всё не возвращался домой. В последний год он постоянно приходит домой поздно, нередко за полночь, и она знает, из-за чего. Он просто не хочет возвращаться в этот дом. А Евгений живёт своей жизнью, и не то чтобы совсем не заботится о Толике — нет, какую-то заботу проявляет: даёт ему денег, как-то с ним общается, но по большому счёту на Толика ему наплевать. Вот и вчера он никак не отреагировал на то, что Толик рискует не сдать экзамен. Просто усмехнулся и ни слова не сказал. И пальцем о палец не ударил, чтобы что-то исправить — нет, ей самой пришлось звонить бывшему мужу и о чём-то просить. И так происходит с большинством проблем.

Татьяна уже давным-давно не вспоминала, что она сама, когда была в возрасте Толика, страстно мечтала сбежать из своего дома. Её отец частенько возвращался домой пьяным, и попадаться под его горячую руку в эти вечера совершенно не следовало. А как не попасться, если квартира маленькая и однокомнатная? Её мечта осуществилась, как только она окончила школу и поступила в Университет.

Первого сентября, придя на факультет узнать расписание, Татьяна поняла, что ненавидит все предметы, ненавидит заочно, ещё не посетив ни одной пары. Что её абсолютно не привлекает общая физика, что высшая алгебра вызывает у неё лишь ужас, а математический анализ больше всего на свете она бы хотела видеть в гробу. Но квартира, в которой она выросла, была ей ненавистна ещё больше, поэтому она осталась учиться. Впоследствии ненависть к Университету несколько поубавилась. Статфизика ей даже нравилась, потому что её вёл симпатичный аспирант, ставивший девушкам зачёты просто так — тем быстрее, чем короче у девушки была юбка. Но больше всего нравились дискотеки, еженедельно проходившие в студгородке.

Сбежала из дома, сбежала замуж, сбежала от мужа — и всё это затем, чтобы сейчас находиться в крошечной кухне, забранной со всех сторон решётками. Поначалу, после первых скандалов с Евгением, Татьяна очень переживала, потому что теперь сбежать было уже некуда, да и сил на это не оставалось. А теперь она уже привыкла, а то, что было раньше, подёрнулось какой-то дымкой и осталось в прошлой, уже нереальной, жизни. А реальная жизнь — это кухня и Толик, до сих пор не вернувшийся домой.

Дверь в кухню открылась, и на пороге оказался Евгений — глазки маленькие, лицо ухмыляется. То, что по его вине Толик до сих пор не пришёл и шляется неизвестно где, очевидно, его не волновало. Он спокойно вторгся на её территорию, как на свою собственную, а вот она не могла попасть в комнату, где, между прочим, находилась её постель — никаких запретов на то не было, но она просто не могла находиться в помещении, где релаксировал этот самодовольный тип. Морда его так и светится, так бы и хрястнула по этой наглой морде со всей силы...

Она сама не поняла, как это получилось. Стакан, который только что стоял на столе, внезапно приобрёл горизонтальное ускорение и разбился об косяк двери в кухню, в полуметре от ног Евгения. Тот флегматично посмотрел на осколки стакана, оценил взглядом, насколько далеко они разлетелись, переступил через них и уверенно проложил путь к холодильнику, оттуда достал бутылку пива и вернулся в комнату — очевидно, смотреть телевизор, расслабляться. Эта его невозмутимость бесила больше всего.

«А ведь всего неделю назад, когда я задела его за живое, он сам кидался тарелками, - подумала Татьяна. - А сейчас, ишь, флегматик нашёлся!»

Татьяна почувствовала укол в груди. Слабый, еле заметный. Она отложила тряпку в сторону, открыла аптечку в ящике стола. На поверхности лежала скляночка с

нитроглицерином, используемая как раз по таким случаям. Несколько крупинок — и всё проходит.

«Сердце барахлит, - подумала она. - С такой собачьей жизнью точно помрёшь раньше времени.»

Татьяна взялась за веник. Пыль может и подождать, а вот стеклянные осколки ждать не будут. Хорошо ещё, если Евгений их по комнате не разнёс. Ему же всё равно, разнёс или нет, не он прибирает. Нет, вроде бы только на кухне. Сметая осколки в совок, она прислушалась — не происходит ли что за пределами кухни, но услышала только телевизор, вещавший футбольный матч. По ту сторону экрана двадцать два человека бегали, наслаждаясь свободой открытого пространства, и огромная разница между тем, что происходило по разные стороны экрана, навевала лишь новое раздражение, смешанное с бессилием.

Толик пришёл домой около половины двенадцатого. Практически беззвучно открыл ключом дверь, перехватил её осторожно, чтобы не скрипнула, и медленно закрыл. Его уши превратились в два локатора — по звуку он пытался уловить дислокацию родителей. Но ничего, кроме телевизора, не услышал.

Дверь на кухню была закрыта, и это почти наверняка означало, что родители поссорились и не разговаривают. «Рано пришёл,» - мелькнуло у Толика в голове. Для верности он заглянул в комнату — это было намного безопаснее, чем открывать дверь в кухню. Отец — тот, которого он больше привык называть отцом — смотрел футбольный матч и на внешние раздражители не реагировал. Перед ним стояло несколько пивных бутылок, преимущественно пустых, и полуобъеденный вяленый лещ. Толик прошёл в комнату и встал так, что телевизор отцу не загораживал, но и не заметить его было невозможно.

- Привет, - сказал Евгений.

Толик пожал ему руку, отметив про себя, что у настоящего мужчины рука должна быть твёрдой, а рукопожатие — крепким. А не как у того отца — жмёшь ему руку и кажется, что держишь медузу.

- Где был?

Евгений указал на место рядом с собой. Его совершенно не устраивало, что Толик одним шагом может перекрыть ему экран. Тем более что момент был довольно опасный — бразильцы успешно атаковали ворота противника, но гол забить им пока не удавалось.

- Да так.

Евгений показал на пиво, не желая произносить слова, которые могла бы услышать Татьяна. Она совершенно не одобряла, что Евгений угощает сына пивом. Несколько раз она устраивала из-за этого скандалы, утверждая, что Евгений спаивает ребёнка.

- Да я же немножко ему предлагаю, - парировал он. - А иначе Толик будет пить в подворотнях, оно тебе надо?

Но на это он получал очередную серию упрёков — если, мол, Толик пьёт в подворотне, то виноват в этом он, Евгений, потому что спаивает мальчика; без этого Толик нипочём бы не пил в подворотне, и вообще в том, что Толик шляется по подворотням, виноват тоже он.

Толик отхлебнул глоток и поставил бутылку на место.

- У папы был, - ответил Толик на давно уже заданный вопрос.

Евгений недовольно кивнул.

- Папа мне компьютерный стол обещал купить.

Евгений немного помолчал, отхлебнул из той же бутылки. Затем отвлёкся на очередной опасный момент.

- А тебе нужен компьютерный стол? - наконец спросил он.

- Ну да, на письменном-то неудобно, да и шатается он.

Толик устремил взгляд в телевизор — то ли его заинтересовал пас, то ли просто взгляд некуда было девать.

- А борщ ещё остался? - спросил он.

- Мама много вчера сварила, должен остаться. Посмотри сам в холодильнике.

- Ладно, - вздохнул Толик и, помолчав, добавил: - Папа, мне там в школу нужно денежку принести...

- Хорошо, я тебе завтра оставлю сам знаешь где, - ответил Евгений. На такие просьбы он никогда не спрашивал, на что и сколько. Если Толик не говорил точную сумму, Евгений выдавал ему столько, сколько считал нужным. Иногда не выдавал, ссылаясь на отсутствие денег. Толику не очень нравилась такая непредсказуемость — никогда не знаешь, увидишь ли на следующий день сто рублей или три тысячи. А уточнить сумму означало уточнить и цель этих трат. Но сейчас Толик был почему-то уверен, что завтрашняя сумма будет не слишком маленькой, хотя и никак не мог объяснить свою уверенность.

Толик открыл кухонную дверь и вошёл, всем своим существом стараясь сделать вид, что он и не догадывается о ссоре родителей. Он посмотрел на маму, которая не спеша мыла кастрюлю. Толику стало её жалко — в такие часы она выглядела немногим лучше затравленного зверя. У него даже возникла мысль подойти к ней и сказать ей что-нибудь ласковое, но он подавил эту мысль в зародыше. Во-первых, телячьи нежности не для мужчин. А во-вторых, это просто небезопасно. Хотя мама и выглядит грустной, но на самом деле она скорее сердитая, и попасться ей под руку значило получить большую порцию ругани — и бездельник он, и лодырь, и домой приходит неизвестно когда. Судя по поведению родителей, в сегодняшней ссоре была виновата она.

- Привет, ма, - бросил он и направился к холодильнику.

- Руки! - резко скомандовала Татьяна.

Пришлось Толику идти в ванную мыть руки. Внезапно он вспомнил, что за весь день ни разу содержательно не поел, и почувствовал себя очень голодным, а оттого что его не пустили к холодильнику сразу, чувство голода многократно усилилось и обострилось. Толик моментально сполоснул руки, работая ими со скоростью хорошего гребного винта, провёл ими по полотенцу, подумал мгновение и помыл их ещё раз, уже гораздо медленнее, особенно тщательно намылив указательный и средний пальцы правой руки. «На всякий случай,» - подумал он.

Толик вернулся на кухню, открыл холодильник, достал оттуда кастрюлю борща и стал наливать в тарелку. Жидкость и овощи не были проблемой, а вот с большим куском говядины на кости пришлось повозиться. Толик взял в руки кость и стал отрезать мясо краем половника, но половник явно не был приспособлен для этих целей. В итоге кость осталась у Толика в руках, а растерзанное мясо, распушив свою волокнистую бахрому, осталось плавать в кастрюле, напоминая диковинного спрута. Толик поставил тарелку в микроволновку.

- Встретился с ним? - спросила его мать.

Толик сначала даже не понял, что обращались к нему — Татьяна процедила эту фразу, не повернувшись к нему и не отрываясь от раковины. Через несколько секунд он догадался,

что мать, по-видимому, обращалась к нему и теперь настойчиво ждёт ответа. Но было уже поздно.

- Я спросила, встретился с ним?

Уже громче, чётче и более грозно. Толик посмотрел на решетчатое стекло двери и понял, что незаметно юркнуть в свою комнату сейчас уже не удастся. Как минимум он должен дожидаться, пока борщ согреется в микроволновке.

- Да.

- Ну и?

- Сказал, чтобы купили компьютерный стол.

Он полез в карман брюк, выудил оттуда три тысячные купюры и отдал их матери. Та приняла деньги и не глядя сунула в кармашек фартука, висевшего на стене.

- Хорошо, в пятницу поедem, купим тебе стол, - уже мягче сказала она.

- Подвинься, ма!

Татьяна молча подвинулась и освободила подход к мусорному ведру. Толик выкинул кость, которая звякнула о разбитый стакан. От этого звука лицо мамы снова стало суровым, и Толик понял, что стакан разбила она.

А мама проворчала в раковину, ни к кому не обращаясь:

- Пока не скажешь, что сыну что-то надо, сам-то не догадается. А у него и кровать уже старая стала, да и вообще бы ремонт в комнате сделать.

В прошлый раз она так же, ни к кому не обращаясь, проворчала про компьютерный стол.

Микроволновка запищала, обозначив конец разогревания. Толик потрогал тарелку — очень горячая, руками её брать нельзя. Толик поискал глазами прихватку — он чувствовал приближение бури и старался как можно быстрее исчезнуть с территории матери. Каждое его движение, каждый взгляд сердили мать. Наконец он обнаружил прихватку — она была примагничена к холодильнику. Толик вытащил из шкафа поднос, поставил на него тарелку, ложку и два куска хлеба. «Сока бы,» - подумал он, но коробки с соком на видных местах не было, и ему пришлось удовлетвориться водой в кружке. Он уже поднял поднос и сделал два шага по направлению к своей комнате.

- Стоять! - скомандовала мама, уже минуту как прекратившая свою деятельность и неотрывно смотревшая на сына.

Толик послушно поставил поднос на стол. Надежда отделаться дежурными фразами и исчезнуть с кухни улетучилась, словно газ из открытого баллона.

- Чего, ма?

- Что тебе отец сказал?

- Я же тебе ответил...

- Я тебя туда не для того возила. Стол мы и сами можем купить. Я спрашиваю, что вы решили, как ты будешь готовиться к экзамену?

- Книжку нужно купить для подготовки...

- Это и дураку ясно, что книжку купить. Вот сходи завтра и купи. Когда вы в следующий раз встречаетесь?

- Да не знаю я, ма. У меня борщ остывает. Сока нет?

Он подумал, что надо бы попросить на книжку каких-нибудь денег, но сейчас для этого совершенно неподходящий момент. Лучше это сделать завтра, когда мама будет более добрая.

- Дебил, - отрезала Татьяна. - Только и знает что пиво пить и в экран пялиться.

Толик почувствовал некоторую разрядку. Не теряя ни секунды, он схватил поднос. Татьяна смотрела ему вслед, грудь её вздымалась от гнева, но момент был упущен: Толик вышел с территории кухни.

Татьяна всхлипнула и снова взялась за нитроглицерин. От Польского она ничего другого и не ожидала, а вот Толику надо было всыпать по первое число за то, что не настоял на следующей встрече. И она как всегда упустила момент.

«Что за дебила я ращу? - подумала она. - Ну почему у всех дети как дети, а мой вообще ничего не хочет? Лучше бы была девочка.»

Мысль о том, что все мужики — козлы, внушила Татьяне мать. Она это делала ненавязчиво, но методично и в течение длительного времени. А отец своими действиями исправно подтверждал это. Как и мать, Татьяна никогда не говорила эту фразу прямо, а только исходила из этой нехитрой формулы в своих действиях и оценках. И ей было очень обидно, что сын у неё растёт такой же, как и все прочие мужики.

«Хоть бы деньги научился зарабатывать. Так нет же, только тратить умеет.»

Дверь в комнату Толика захлопнулась, и оттуда было сначала слышно, как он торопливо хлебает борщ, а потом стало раздаваться азартное клацанье клавиш.

17. Свисток, смена состава

Польский так и не смог собраться и привести свои мысли в порядок. Какие-то обрывки, словно козявки, скакали в голове. Из них можно было собрать нечто более цельное, но эта работа была подобна собиранию пазла, то есть требовала времени и спокойствия. Вот последнего как раз и не хватало Польскому.

Старый уже стал, вот и не могу успокоиться, думал он. Что тут сделаешь...

Проснувшись, он выглянул в окно и увидел, что осенняя суета, сопровождаемая моросью, наконец-то закончилась. Земля была тронута сединой, словно старуха, и вместо мороси с небес плавно падали редкие снежинки. Их траектории были особенно чётко видны в лучах фонарей, освещавших тёмный город.

«Вот и учи их ускорению свободного падения, - подумал Польский. - А снежинки падают безо всякого ускорения, да ещё кружатся, как будто не знают, куда направлена сила тяжести.»

На часах было шесть пятнадцать. Польский почувствовал, что больше не заснёт. Умывание прохладной водой несколько освежило его, но голова чувствовала себя так, будто в ней устроили футбольный матч.

«Это оттого, что я вчера не привёл в порядок мысли,» - подумал он.

Польский поставил чайник, взял кружку и положил туда ложку кофе с горкой. Потом подумал и сыпанул ещё одну. Сахара положил только одну ложку, чтобы чувствовалась горечь напитка.

Он теперь думал, что делать со вчерашним визитом инспекторов. Самое логичное решение, которое он принял вчера — перепоручить это дело Бабель, сегодня уже не казалось ему верным. Правильно вчера Горыныч сказал — не надо ей доверять, даже в тех вещах, в которых она знает толк. И ещё одной вещи он не сказал — нельзя снимать с себя ответственность. На то он и директор, чтобы все подобные вещи контролировать. А теперь инициатива оказалась в руках Бабель, а она эту инициативу уже не упустит. Да ещё он вчера перед Ягуновым сплеховал. Надо бы самому разобраться в этих документах.

Только вот в чём разбираться? Инспектора ушли, и интернат ещё легко отделался. Нужно только придумать, что делать с этим дурацким указанием. Можно, конечно, его проигнорировать, но это не лучший вариант — скорее всего, они ещё напомнят о себе. Если этот вопрос всплыл вчера, он может всплыть и впредь. А от разборок с сумасшедшими родителями не застрахован никто. Надо бы написать об этом в Ассоциацию выпускников интерната. Среди них самые разные специалисты есть. Есть и юристы, они наверняка подскажут, как нужно поступать. Удивительно, что мне это не пришло в голову вчера. А ещё лучше — позавчера, тогда бы, возможно, не пришлось перекладывать всё на Бабель. Хотя всё равно пришлось бы, для того она сюда и поставлена...

А всё-таки неважный из тебя директор, сказал он сам себе. Неважный директор, плохой отец, и учёный тоже так себе — астрофизик-теоретик. Ты ведь сам не веришь в существование этих кротовых нор. Конечно, интересно было бы их обнаружить, и если они есть, то наша вселенная в топологическом смысле устроена очень любопытно. Но чудес не бывает, и, скорее всего, наш мир устроен не так красочно, как мог бы быть устроен. Точнее, даже не так: для меня кротовые норы, безусловно, существуют как забавные геометрические объекты, но они не имеют никакого отношения к реальной вселенной. Люди всегда пытаются придумать что-то, что украсило бы наш мир. Кстати, я в институте уже неделю не был, подумал он. Нехорошо, очень плохо. Я же ещё диссертацию обещал посмотреть и отзыв на неё написать, и тоже до этого руки не дошли. Время, конечно, ещё есть, и, возможно, на каникулах удастся вздохнуть посвободнее... Ну вот ты и опять думаешь то, во что сам не веришь. Нехорошо так думать, и плохо поступать не по совести. Но что делать, если совесть молчит и не даёт никаких подсказок и советов?

Глоток кофе провалился вниз, в желудок, а должен был проникнуть в голову и освежить мысли. Либо кофе попался какой-то неправильный, либо неправильными были мысли.

А ведь верно — мысли-то неправильные. Не надо заниматься самоуничтожением, не надо думать про свою никчёмность. Надо просто делать то, что надо делать. Сейчас твоё место — интернат. Ты должен быть там, как капитан на мостике. Сейчас явно не штиль, и, быть может, от твоих решений будет зависеть, выживет судно или же пойдёт ко дну.

Польский оделся и вышел на улицу. Газоны покрывал слой снега толщиной в одну снежинку, отчего они напоминали лист графена. Асфальт тоже был глазированным тоненькой корочкой, будто кто-то позаботился о том, чтобы защитить асфальт от излишнего истирания. Корочка была тоненькая и очень скользкая.

«Хорошо хоть я переобул машину неделю назад, - подумал Польский. - А ведь половина машин ещё на летней резине ездит. Ох, будет сегодня день жестянщика. Наверняка куча уроков пропадёт.»

Польский стал вспоминать, кто из преподавателей приезжает на машине, и кто из них должен быть сегодня. Сменили ли они резину на зимнюю? Даже если да, это их не спасёт от пробок, созданных ДТП. Хоть бы никто из них сегодня не вляпался. А впрочем, у каждого свои мозги должны быть.

Метрах в пятидесяти кто-то пытался выехать с места парковки. Передние колёса вмерзли в асфальт, и задние отчаянно буксовали по льду, но сцепления не было. Машина взвизгивала и рычала, но сдвинуться с места не могла.

Польский завёл свою «Короллу». Через минуту он решил, что мотор уже немного прогрелся, и тронулся с места. Дорога была скользкая, но зимняя резина справлялась хорошо.

«Главное — чтобы в меня никто не въехал, - думал Польский. - Окажешься тут без вины виноватым.»

Машины уже начали выезжать, но до часа пик ещё далеко. Если бы не эти машины, то покрытый ледяной корочкой город напоминал бы гигантскую муху, застывшую в куске янтаря.

По дороге Польский видел две аварии — обе несерьёзные, и их легко было объехать. Редкие троллейбусы бороздили город, словно катера, и от усов каждого рассыпались обильные снопы искр.

Польский оставил машину за воротами и пошёл по дорожке. Многочисленные лужи, оставшиеся от предыдущих дождей, были подёрнуты коростой льда, под которой скрывалась их истинная жидкая сущность. Вскоре перед ним вырос интернат. Польский почувствовал себя каким-то маленьким по сравнению с интернатом. Он отметил, что раньше такого ощущения не возникало. Он прошёл мимо слов «Интернату viva!».

Здание казалось пустым и вымершим. Подъёма ещё не было, и голоса детей не оглашали интернат. Вахтёр, прочно вросший в интерьер будочки, мирно посапывал в уголке. Только из столовой доносились приглушённые звуки — это повара готовили завтрак.

Польскому почему-то стало неловко появляться в интернате в такое мёртвое время. Что он тут забыл, зачем приехал настолько рано, что выгнало его из дома в такой час? Польский прошёл в свой кабинет, гася в себе желание никому не показываться на глаза.

«Теперь и интернат становится каким-то неродным,» - подумал он с тоской.

В кабинете было очень холодно, Польский это почувствовал сразу, как только разделся. Он приложил руку к батарее — она была чуть тёплая. Видно, ещё не начали нормально топить.

«Надо бы сказать Рыжкову, - мелькнуло у него в голове. - Хотя что тут говорить, и так понятно.»

Александр Васильевич Рыжков был завхозом интерната. Его жена преподавала здесь географию и по совместительству была завучем по непрофильным предметам. Ещё она пробивала идею открыть в интернате отделение страноведения, но пока безуспешно — этот гипотетический класс называли «страноведами» и идею отклонили. Особенно в штыки восприняла эту идею Ассоциация выпускников интерната. И хотя никакого формального статуса Ассоциация не имеет, к её коллективному мнению в интернате очень прислушиваются, потому что в ней состоят лучшие выпускники, среди которых есть не только маститые учёные, но и директора крупных компаний. К тому же Ассоциация нередко даёт финансовую помощь — каждый раз разовую и под какую-нибудь конкретную цель. Например, если требуется послать команду учеников на школьную конференцию. Для этого требуется, чтобы кто-нибудь из Ассоциации сказал, что это дело нужное, что работу школьники сделали достойную и что выставить её на конференцию не стыдно. Польский и Азаров тоже были членами Ассоциации. Наверное, приняли бы туда и Семёновых, но они не просились, а вступить туда им никто не предлагал.

Кажется, в интернате наступил подъём. Громких криков воспитателя не слышно, сегодня дежурит не Арес, зато из жилых корпусов слышна массовая возня — ребята встают, умываются, заправляют кровати... Эта возня несколько успокоила Польского, он наконец почувствовал себя на своём месте.

«А всё-таки нервы у меня сдают, - подумал он. - Возраст, что тут сделаешь...»

Хотя Польский и приехал в интернат ни свет ни заря, но к работе он ещё не приступал. Он подумал, что ему следует такого сделать, что отличается от его стандартных обязанностей. И не придумал. Да, нужно написать в Ассоциацию про неприятный визит прокуратуры, но это не то, что требуется сделать очень срочно. А срочных дел, как оказалось, не было. Надо бы проконтролировать, что именно делает Бабель с документами, но совершенно непонятно, с чего начинать. Кроме того, это невозможно до её прихода.

В итоге Польский решил пролистать диссертацию Гавриша и написать на неё отзыв. Начал с автореферата; насколько ему объяснил научный руководитель, саму диссертацию читать вовсе не стоило.

Актуальность темы и постановка задачи его заинтересовали, хотя, как ему казалось, руководитель поставил слишком общую цель, которую неплохо было конкретизировать. Эта общая цель, разумеется, достигнута не была, численное моделирование не давало ответа в такой общности. А то, что было получено, в основном подтверждало исследования пятнадцатилетней давности; таким образом, с научной новизной были некоторые проблемы.

«Вот так всегда, - подумал Польский. - Задача-то красивая, да вот продвижение по ней не очень.»

Видимо, Гавриш выжал из темы всё, что возможно. Формально есть и новые результаты; хотя они были уже известны Польскому, но он поднапрягся, чтобы вспомнить, где они опубликованы — и не смог. Видимо, они были фольклорным достоянием специалистов.

Саму диссертацию читать и в самом деле не следовало. С отзывом, очевидно, стоило поступить так: взять какой-нибудь стандартный отзыв и изменить фамилии, название тем и т. д. Да, это, наверное, лучшее, что можно сделать. Работа эта противная, и ещё от неё отдавало какой-то профанацией науки. Одни пишут диссертации ни о чём, а другие дают им положительные отзывы. И вот так устроена большая часть диссертаций, и такова большая часть научной работы. Институты требуют от сотрудников статьи, и сотрудники пишут их, а потом сами же редактируют и издают в журналах — получается замкнутый круг, порочный круг. Хорошо ещё, что наша редколлегия не опускается ниже некоторого критического уровня, этот уровень невозможно формализовать, но его тонко чувствуют все, кто в теме. Диссертацию Гавриша надо принять и одобрить, а вот три года назад прислали нам диссертацию какой-то девочки из Рязани, и мы её завернули. Там было полное незнание терминологии, девочка была совершенно не в курсе современной науки — но это не её вина, а её руководителя — и ещё в работе содержались ошибки. Так что не надо думать про низкий уровень, какую-то планку мы всё-таки держим и защищать диссертации по астрологии не дадим.

И потом, разве на Гавриша и ему подобных нам нужно равняться? Даже если три четверти работ ни о чём, остаётся одна четверть хороших, из которых несколько процентов — блестящие работы. Именно на них нам и нужно ориентироваться. В конце концов, можно под тем же углом посмотреть и на человечество — можно увидеть лишь свалки мусора как основной продукт человеческой жизнедеятельности, но мы ведь привыкли мерить человеческую мысль не количеством произведённого мусора.

А вот твоя работа, задал себе вопрос Польский, к какой категории относится? Мусор это или же блестящее достижение? Не знаю. Но одно могу сказать совершенно точно: мне за

неё не стыдно. Остальные могут относиться к ней как угодно, и я сам могу верить или нет в существование кротовых нор, но за эту диссертацию мне не стыдно.

Кстати, занятия уже начались. Хорошо бы проверить, все ли преподаватели доехали до интерната. Сейчас должны быть у Незлобина занятия. Наверняка он опять не пришёл, а это уже плохо.

Послать, что ли, кого-нибудь проверить? Нет, решил Польский, нет, мне надо самому сходить и убедиться. Негоже перекладывать это на кого-то.

Незлобина, разумеется, не было, и дети уже разбежались.

Плохо-то как. Увольнять придётся, но кому выдать его классы? И как ставить четвертные, если он не приходит? А ведь у него ещё вторая пара...

Надо попросить Семёнову заменить его — у неё как раз дырка на второй паре. Надо будет подойти к ней на перемене. Сейчас урок, и отвлекать её не стоит.

Польский вернулся в свой кабинет и уже почти приготовился клепать стандартный отзыв, как вдруг в его кабинет почти ворвалась Надюша, работающая секретарём. Лицо у неё было белое, губы поджаты и дрожали.

- Там... письмо пришло, - пролепетала она. Дрожащими руками подала Польскому лист бумаги, сорвалась с места и убежала, ни слова не сказав.

«Что это с ней? - удивился Польский. - Надо бы пойти её успокоить...»

Он глянул в бумагу, которую отдала ему Надюша, и мысль пойти успокоить моментально выветрилась у него из головы, а заодно стал понятен итог вчерашнего общения с Ягуновым.

«Приказ номер такой-то, - прочитал Польский. - Директора специализированного учебно-научного центра Университета Польского Сергея Юрьевича уволить за несоответствие занимаемой должности. Исполняющим обязанности директора специализированного учебно-научного центра Университета назначить Бабель Наталью Никаноровну.»

Гербовая печать, подпись ректора.

Ну вот и всё, подумал Польский. Свисток, смена состава. Как это просто и как это противно.

Поначалу он не почувствовал ничего, кроме какой-то гадливости. За его спиной разворачивалась какая-то подковерная борьба, и он оказался невольно замешан в ней.

Комбинация, подумал он. Просто и понятно. Самая простая комбинация, чтобы избавиться от неугодного человека. Он уже видел — издавека, естественно — какими комбинациями меняли в Университете неугодных деканов, которые выступали против политики ректора. На декана медицинского факультета просто завели уголовное дело. Говорят, дело дутое и совершенно липовое. Он обвинялся в хищении университетских средств, хотя никто так и не смог внятно сказать, какой именно ущерб он нанёс. Выходило, будто бы он похитил пятьдесят миллионов, но пострадавших не было, как не было и внятного объяснения, что это за пятьдесят миллионов и на какие цели они предназначались.

Декана факультета менеджмента назначили проректором. Он сильно упирался и не хотел такого повышения по службе, но против приказа что-либо сделать трудно. А через полгода в ректорате произошли какие-то перетасовки и эту должность проректора упразднили.

Один преподаватель факультета журналистики публиковал фельетоны, в которых без труда угадывался весь ректорат. Потом у него закончился контракт с Университетом. Новый контракт с ним заключать не стали.

От скольких ещё людей избавились точно так же, по-тихому? Неизвестно. Да и кто скажет, почему не заключили новый контракт — из-за каких-то высказываний, или просто сотрудник плохо работал? Вот Незлобина нужно увольнять — не найдёт ли кто-нибудь в этом политическую подоплёку?

Но ведь он, Польский, никогда не занимался политическими играми. Не высказывал громких возражений, не критиковал позицию ректора. Не то чтобы она ему нравилась или не нравилась. Может быть, зря не критиковал? - мелькнуло у него в голове. И тут же он себе ответил: нет, не зря. Я выполнял свою работу и не лез в то, что мне неинтересно или в чём я не имею достаточной квалификации. Многие обвинили бы меня, что я не исполняю гражданский долг и тем самым способствую укоренению зла, но это не так. Когда какой-то придурок-плоскоземельщик, свихнувшийся на православии, стал громко кричать, что космоса не существует, ибо в Писании явно сказано про твердь небесную, и стал писать на эту тему статьи и книги, претендуя при этом на какую-то научность, мы не молчали, а писали опровержения и просвещающие статьи. Хотя это смешно, конечно — опровергать тех, кто не видит в этом мире ничего, кроме книги двухтысячелетней давности... А может, и не смешно — в последнее время всё больше становится таких, кто больше поверит астрологам, чем астрономам. И совсем не смешно, когда они начинают требовать убрать из школьной программы всё, что им не нравится. И когда вылез этот псевдоучёный Хитрук, представлявший себя академиком многочисленных академий, о которых никто никогда не слышал, со своими идеями излечения от всех болезней при помощи реликтового излучения — мы не молчали. Эта задача была потруднее, чем развеять бредни религиозного фанатика, потому что Хитрук выражался умными словами (мы-то знали, что за ними не стоит никакого содержания) и выбивал на свои исследования огромные гранты. Один грант он успел даже получить, но потом наши объединённые усилия его остановили. Кажется, теперь он предпочитает решать вопрос о своей научной правоте в суде — лучший диагноз и одновременно приговор для учёного. Да, я участвовал в борьбе с мракобесием, и именно в этом заключается мой гражданский долг. Но вот в политические игры, в которых я ничего не понимаю, я не лез.

И тем не менее от меня решили избавиться. Почему, интересно? Кому я перешёл дорогу, или же кому я не угодил?

Неправильная постановка вопроса, сказал он сам себе. Это не меня уволили, я никому там не мешал. Это поставили на моё место нужного им человека. Наталью Никаноровну Бабель.

И вот тут Польскому стало страшно. Картинка проступила яркая и чёткая, словно куски пазла внезапно собрались в нужной комбинации. В ней уже не было места разным неточностям и случайностям — эта комбинация была просчитана с гроссмейстерской точностью.

Очень просто. Любовница первого проректора, как утверждают злые языки. Ей выделяют тёпленькое место, и все думали, что просто выделили специальное место, на котором ничего не надо делать, для женщины, которая ничего не умеет. Постепенно она берёт в свои руки документооборот. Это слабое моё место, а она, напротив, именно в этом и сильна. А потом остаётся просто подсидеть меня. Легко? Легко.

Что же теперь делать? Я собирался написать в Ассоциацию выпускников...

Ассоциация. Интернат. Меня для чего на это место поставили? - для того, чтобы я охранял этот уникальный микромир, сложившийся здесь, от внешнего воздействия. Это был уединённый уголок, затерянный остров в океане, плодородная долина, окружённая

непроходимыми горами. Да, у нас дела шли не блестяще, были большие проблемы, есть они и сейчас, и мы их постоянно видим. Но мы их пытаемся решить в меру сил, мы не сидим сложа руки, мы работаем, и моей задачей было сберечь этот заповедник. Не сберёг. Я безмерно виноват перед Ассоциацией, перед учителями, перед учениками. Перед интернатом. Как теперь смотреть в глаза своим коллегам, если директором у них будет Бабель? А ведь они предупреждали меня, вот только вчера Горыныч говорил, чтобы я не доверял этой бабеле вести дела интерната...

И даже вчерашний очень непрозрачный намёк Ягунова я не понял с первого раза. Ведь он же ясно мне дал понять, что в моих услугах они больше не нуждаются. Но я даже этого не смог понять. Хотя какой в этом смысл, если решение было принято уже вчера?

И вот этот вчерашний визит сына — тоже урок мне. Чтобы я не забывал, что не весь мир устроен как наш интернат, что существует и другой — злобный, жадный мир, желающий всё прикарманить и всё ополшить. Не желающий знать, как устроена природа и почему. Желающий идти только в Академию управления. Желающий управлять. Интернат — только островок, заповедник в том огромном, невежественном, лживом мире. И этот мир может подобраться к нам сколь угодно близко. Забрать сына. Забрать интернат. Это был мне урок. Не извлёк. Не сберёг...

Польский почувствовал лёгкий укол где-то в глубине груди, затем укол посильнее. Будто какой-то папуас, случайно выйдя в четвёртое измерение, осторожно трогал остриём копья его внутренние органы, не протыкая кожу. Польский прислушался к своему состоянию. Уколы вроде бы прошли.

«Кажется, ничего,» - подумал он.

Хотел вздохнуть с облегчением, но вдоха не получилось. Воздух был какой-то вязкий, как патока, дышать им стало невероятно тяжело. И снова закололо в груди, теперь уже основательно. Невидимый туземец перестал осторожничать и принялся за работу.

«Надо бы дойти до медкабинета,» - мелькнуло у него в голове.

Он почувствовал своё сердце — оно напоминало музыканта, который отстал от оркестра на полтакта и, вместо того чтобы подстроиться, пытался отчаянно догнать, но забывал ноты, которые ему полагалось играть, затем снова вспоминал их и снова начинал играть с удвоенной силой. Как будто сила могла компенсировать задержку во времени.

Аритмия.

Надо бы позвать кого-нибудь на помощь, дело принимало уже очень серьёзный оборот. Польский встал со своего кресла, хватая воздух. Но воздуха почему-то не было, как на Меркурии, или же в нём не было кислорода, как на Венере, или же и воздух был, и кислород содержался в достаточном количестве, но сердцу не хватало мощности, чтобы донести этот кислород до мозга. Мир вокруг потерял свою уютную евклидовость и стал каким-то гиперболическим, и внезапно Польский увидел все свои мысли, свободно висящие в пространстве — все, которые у него были раньше и все, которые ещё будут. Тревога за интернат была наиболее близкой, мысли о судьбе науки и тревога за сына — чуть дальше. Вчерашние мысли были уже подёрнуты лёгким туманом, а более далёкие выступали неясными контурами, очертания которых еле-еле можно было разобрать. Но хотя все эти мысли были видны одновременно, обдумать их не было никакой возможности — в новом мире времени уже не существовало. И была одна доминирующая мысль, которую Польский не сразу заметил, потому что она оказалась в той же точке пространства, что и он. «Кротовая нора. Я попал в кротовую нору. Вот оно —

экспериментальное подтверждение теории! Очень надеюсь, что она будет хотя бы проходимой.»

Окружающий мир начал темнеть, висящие мысли - гаснуть, горизонт стал сужаться, словно Вселенная внезапно сжалась до размера планеты Маленького Принца. Польский закашлялся, его тело обмякло и сползло вниз, сперва на кресло, а потом и на пол. Лишь на экране компьютера остались два незакрытых документа — автореферат Гавриша и ненаписанное письмо в Ассоциацию выпускников интерната.

Через несколько минут Надюша, движимая какой-то неведомой интуицией, открыла без стука кабинет Польского и вызвала «Скорую». Польский уже приходил в себя, но не мог произнести ни слова. Только безучастно смотрел остекленевшим взглядом — на Надюшу, на приехавших врачей, на интернат, откуда его бережно вынесли на носилках.

Ядовито-жёлтая карета с красным крестом и с надписью отзеркаленными буквами «реанимация» погрузила безучастное тело бывшего директора и увезла в неизвестном направлении.

18. Эхо свистка

Информация о случившемся медленно расплывалась, словно клякса на листе бумаги. Учителя ещё ничего не знали, зато в бухгалтерии уже перемывали косточки всем участникам этой истории.

Бухгалтерия представляла собой кабинет на первом этаже, находящийся перед входом в столовую; не тем, где перед едой вечно толпятся ученики, а другим, почти всегда наглухо закрытым. В интернате этот кабинет выглядел чем-то инородным, как будто посетители попадали совсем в другой мир. Вместо каменного пола первого этажа в бухгалтерии был постелен ламинат, стены, зеленоватые снаружи, внутри были покрашены в мягкий персиковый цвет. Пожалуй, больше всего этот кабинет напоминал приёмные проректоров в Университете — хотя он сильно не дотягивал по уровню ремонта, но всё смотрелось новым и каким-то удивительно чистым, словно на уровне двери стоял диковинный фильтр, не пропускавший сюда никакую грязь.

Но информацию этот фильтр всё-таки пропускал, и пропускал неплохо.

- К этому давно всё шло, - говорила Татьяна Петровна, главный бухгалтер. - Не в этот раз, так в следующий. Просто Серёже везло всё это время, что никаких проверок не было.

Когда-то Татьяна Петровна знала весь интернат, потому что она выдавала зарплату сотрудникам и принимала родительскую плату от учеников. Ей полагалось знать, что у десятиклассника Зайцева погиб отец, и потому Зайцев освобождён от родительской платы по потере кормильца, что Пирогов имеет диплом Всероссийской олимпиады, и ему полагается скидка, а подготовившего его Либенталя — в тот момент он ещё работал в интернате — необходимо премировать, и т. д. Теперь Татьяна Петровна тоже знает всё, что ей полагается, но знания эти больше не ассоциированы с конкретными людьми. Зарплата теперь переводилась на карты, оплата за интернат — тоже безналичным способом, и теперь она виделась с сотрудниками или учениками гораздо реже — только если кому-то нужна справка о доходах.

- Сергея Юрьевича всё-таки жаль, - ответила ей Татьяна Владиславовна, которую для краткости все звали Владиславна. Всего же Татьян в этой части интерната было три —

кроме Татьяны Петровны и Владиславны ещё Татьяна Ивановна из отдела кадров, что напротив. Различали по отчествам, и имена частенько опускали.

- Ну, как это его любимая фраза - «что уж тут сделаешь». Жалко, конечно, но, в конце концов, его же спасли. Если бы Надюша вовремя не вызвала «Скорую», всё было бы намного хуже.

- А что с ним?

- Да я же не знаю, не видела. Я думаю, что инсульт. У моего отца когда-то инсульт был, тоже вызывали скорую. У него тогда половину лица парализовало, и он полгода говорить не мог.

Владиславна представила это и содрогнулась.

- А всё-таки это правильно — вступила в разговор Оля — что директором теперь Наталья Никаноровна будет. Что ни говори, а после её прихода порядок появился. Сергей Юрьевич, конечно, хороший мужик, но не было в нём директорской хватки, уж очень мягкотелый был.

Петровна промолчала. Она знала Польского очень давно. Внутренне она была согласна с мнением Оли, но давнее знакомство мешало ей принять эту мысль.

- Всё-таки управлять должны люди, которые умеют управлять, - продолжала Оля. - Каждому своё. Учёные пусть занимаются наукой, учителя пусть учат, а управлять должны те, кто это умеет делать.

Оля избежала слова «чиновник», просившееся в её рассуждение. Слово «чиновник» - это не просто термин, это слово ещё несёт отрицательный эмоциональный окрас, связанный с коррупцией и тунеядством.

- Наташа-то и пришла сюда управлять, - сказала Петровна. - Когда её сюда назначили, она уже была хозяйкой интерната. То есть, её назначили хозяйкой. Только мало кто это понимал тогда. Наверное, в интернате только я одна и понимала это.

- Ну, теперь она наведёт здесь порядок.

- Поэтому я и говорю — всё давно к тому шло, - продолжала Петровна. - Рано или поздно её бы назначили директором. Просто раньше всем не до того было, а тут проверка, и эта проверка спровоцировала.

Из отдела кадров заглянула Ивановна.

- Пойдём в курилку, - поманила она Петровну.

Курилкой они называли соседнее помещение, на котором было написано «служебный туалет».

- А у тебя новая блузка? Где купила?

Первой из учителей узнала Надя Семёнова. Во время урока она случайно выглянула в окно и увидела реанимационную машину. Санитары выносили кого-то на носилках, но кого именно, она не увидела. На секунду у неё пересохло в горле — вдруг плохо стало её мужу или сыну — но через мгновение она почувствовала, что с ними всё в порядке — то ли необъяснимой женской интуицией, то ли, что более вероятно, тело на носилках выглядело намного более грузным. Такие факты не осмысляются и воспринимаются бессознательно.

Детям говорить она ничего не стала, так как знала, что урок при этом будет сорван как минимум на пять минут. К концу урока она уже почти забыла про этот инцидент, но, выходя из класса, вспомнила, и тревога вернулась к ней. Хотя она и знала, что с мужем и

сыном всё в порядке, но многие другие люди в интернате тоже были ей небезразличны. Она пошла вниз, к вахте — вахтёр ведь наверняка знает.

Петрович, маленький человек с постной физиономией, увидел её из своей будки.

- Директора нашего увезли, - сказал он, не дожидаясь вопроса.

- Как увезли?

- На «Скорой», как. Плохо, видать, ему стало. А большего я и не знаю.

Надя заметалась на месте. Информации было явно недостаточно. Через несколько секунд она сообразила, что всю информацию можно почерпнуть в преподавательской.

Как и во всём интернате, в преподавательской было очень холодно. Аня уже наполнила чайник, и он еле слышно ворчал, изображая кипучую деятельность. Алексей Семёнов стоял недалеко от входа и ждал жену. За столом, уронив голову на скрещенные руки, сидел Саша Миногин, учитель литературы. По-видимому, вчера он выпил лишнего, и сегодня ему было нехорошо.

- А что с нашим директором? - спросило Надя.

- А что с ним?

- Вот его на «Скорой» увезли...

Миногин оторвал замученное красное лицо от стола, но потом снова опустил его. Проблемы директора его взволновали, но куда меньше своих собственных.

- Да ты что!

Аня Шлимович выскользнула из кабинета.

- И что же с ним случилось?

- Понятия не имею.

Чайник щёлкнул и выключился. Миногин потянулся к нему, но его опередил Семёнов. Видя, что тот рискует пролить, если руки у него начнут дрожать, Алексей сам взял чайник и разлил кипяток по кружкам.

- Спасибо, - пробормотал Миногин.

- Ты бы с вечера пил поменьше, когда на работу.

Миногин — следующий кандидат на увольнение после Незлобина. Когда-то у него был бурный роман с Толстой, но потом они разругались вусмерть. После этого Толстая в ультимативном порядке потребовала, чтобы их с Миногиным никогда и ни за что не ставили в один день. Это добавило головной боли тем, кто составлял расписание, потому что Толстая появлялась три дня в неделю, и у Миногина тоже было три рабочих дня, и обойтись без пересечений было очень трудно. А Миногин с тех пор запил. Занятия, правда, почти не пропускал, но частенько появлялся в не вполне адекватном виде.

Вернулась Аня. На лицо у неё навернулись слёзы, нижняя губа еле заметно подрагивала. Она прикладывала большие усилия, чтобы не разреветься.

- Что такое? - спросила у неё Надя.

- Да вот Сергей Юрьевич... - она всё-таки не сдержала себя и разрыдалась.

Секунд тридцать она рыдала, закрыв лицо руками, а у остальных в голове бродили самые чёрные мысли.

- Умер, что ли? - спросил Семёнов.

Аня часто всхлипывала и не могла ничего ответить, но покачала головой. У Семёновых отлегло от сердца.

Через минуту она взяла себя в руки и прекратила рыдать. Слёзы всё ещё катились по её щекам, но она не обращала на них никакого внимания.

- Что с ним?

- Подозрение на инфаркт. Не знаю, ведь ещё ничего не известно.
Аня замолчала. Внутри неё происходила упорная борьба, ей было невероятно трудно озвучить следующую новость.
- В общем... его сняли с директорского поста.
Семёнов засвистел какую-то мелодию. Надя взяла его за руку, и он замолчал. Руки тотчас же разжались, и Надя отступила на положенные тридцать сантиметров.
- Как это получилось?
- Я не знаю, не знаю... спросите у Надюши, я только что к ней заходила. Приказ из Университета...
- И кто у нас теперь директор?
Аня моргнула, смахнув слезу ресницами, и посмотрела на Семёновых, вложив в свой взгляд изрядное количество яда, как будто когда-то училась у василисков.
- Наталья Никаноровна Бабель.
Тут уже оторвался от стола Миногин.
- Что? Вот эта вот?.. Теперь у нас директором будет няша?
- Ты ей это скажи.
- Она уже говорила.
Словом «она» Миногин называл Толстую.
Звонок избавил всех от дальнейшего продолжения разговора.
Семёнова пошла дальше проводить урок. Немного поколебавшись, решила детям ничего не говорить. Они, конечно, всё равно узнают, но совсем необязательно что-либо говорить именно сейчас. Лучше немного успокоиться, проверить информацию, выработать взвешенную позицию и только после этого доносить что-либо до детей. Урок у Семёновой получился скомканный и сумбурный.
Аня после звонка ещё несколько минут успокаивалась, потом умылась, убедилась, что выглядит не очень заплаканной, пошла к детям и сразу же рассказала им всю информацию, которую знала. Дети тут же начали задавать разные вопросы, и Аня поняла, что урок не состоится. В попытке спасти хоть что-нибудь она предложила всё обсуждение вести на английском, но у неё в этот момент была слабая группа, плохо знавшая английский, и нормального обсуждения не получилось.
А у Алексея дети уже каким-то образом знали о том, что директору стало внезапно плохо. Вероятно, они уже успели обсудить эту новость на перемене, и говорить ничего не пришлось.

Валентина Ивановна Ровина пришла в интернат чуть позже начала второй пары. У неё были третья и четвёртая пары, но она хотела получше подготовиться к ним..
К этому моменту весь интернат в разных подробностях уже знал о случившемся. Вслух произносили мало, в основном шептались по углам.
Преподавательская показала Ровиной какой-то пустой и неудобной, хотя и глупо ожидать, что в течение пары там будет много народа. Но всё-таки обычно кто-нибудь сидел там. Возможно, общий холод добавлял свою долю к ощущению пустоты.
Ровина открыла свой конспект, полистала его. Глаза фиксировали какой-то набор символов. В целом всё было понятно, но дьявол, как известно, крылся в деталях. Наконец она плюнула на подготовку и отложила конспект.
Затем она решила проверить контрольные работы. Проверить их нужно к завтрашнему дню, и сейчас было самое подходящее время заняться этим.

- Ах, Марфа-пакостница! - пробормотала она. В уголке пачки отчётливо угадывались следы кошачьих зубов — не иначе как Марфа их решила попробовать на зуб.

Следующие полчаса Ровина сидела, зарывшись в работы. Наконец, оценки оказались поставленными. Ровина ещё минут десять помедитировала над тем, кому какие выходят четвертные, взяла классный журнал, выставила оценки за работу.

Звонок. Сейчас кто-нибудь должен прийти.

Почему всё-таки здесь так пусто? Где Аня, которая всегда прилетала первой?

Вошла Семёнова. Женщины поздоровались взглядами, кивнули друг другу. Спустя несколько секунд появился её муж. Алексей и Надя переговаривались полушёпотом, очень тихо, как будто речь шла о каком-то секрете.

- Надо всех наших обзвонить...

- Надо. Они ведь должны знать, что случилось. Ты уже кому-нибудь звонила?

- Нет пока...

- И я нет. Очень это тяжело...

Что-то явно произошло, только Ровина не понимала, что именно. Может быть, сейчас кто-то из них расскажет? Или позвонит кому-нибудь, и она всё узнает?

Но звонить никто не торопился. Видимо, речь шла о каком-то секрете, потому что никто не хотел говорить в присутствии остальных.

Ровина решила, что лучше спросить самой.

- Что-то случилось?

Семёновы посмотрели на неё с удивлением.

- А вы не знаете?

- Нет.

- Совсем не знаете?

Алексей объяснил, что произошло. Ему было неприятно говорить это, и вдвойне неприятно говорить это Ровиной, поэтому он ограничился самым кратким набором фраз.

У Ровиной промелькнуло было воспоминание — онкологический диспансер, где медленно и со страшными мучениями умирала её мама. О, как бы она хотела, чтобы мама умерла от инфаркта — тихо, внезапно и без мучений! И как стыдливо отгоняла эти мысли прочь! А теперь она привычно отогнала это воспоминание.

Внешне она казалась совершенно спокойной. Спросила, появилась ли уже Бабель в интернате. Семёнов ответил, что не знает. Внутри у него всё кипело.

«Эх, случись что с какой-нибудь из твоих кошек, она бы мигом отреагировала. Кошки — это для неё всё. А тут хоть бы хны. Случилось что с человеком, и с каким человеком! - но ей ни капельки не жаль,» - со злобой подумал он.

Борис Аронович Цукерман воспользовался выходным днём, чтобы вывезти родителей с дачи. Он тоже проснулся очень рано, чтобы успеть выехать из города до возникновения пробок. И сразу же увидел наступившую зиму.

«Ну кто их просил оставаться,» - подумал он.

Он подумал, стоит ли ехать вообще. Перспектива провести целый день в пробках на ледяном катке его не привлекала. Но дом не был зимним, и уже сейчас, наверное, там невыносимо. Это в городе корочка льда, а за городом наверняка уже всю зиму. Горыныч представил себе, как родители топят хилую печку. Если хоть чуть прикрыть заслонку, то печка начинает яростно чадить прямо в дом, отчего воздух становится сизым, и дышать в доме совершенно невозможно. А если держать заслонку полностью открытой, то всё тепло

улетает через дымоход, и печка обогревает разве что окружающее пространство. Необходимо было сперва основательно растопить печку, и только потом можно было прикрывать заслонку и пускать тепло в дом. Дров при этом расходуется несметное количество, а ведь их надо приносить из поленицы. Это родителям уже не под силу, каждое полено отнимает у них частичку здоровья. Наверняка отец после этого долго лежал с больной спиной и не мог ничего делать, а мать стояла над ним, кудахтала и охала. И что их понесло на дачу?

Нет ведь, надо было. Разве же можно переубедить пожилых людей? «Пока погода хорошая, - говорили они, - надо подготовить дом к зиме, всё законопатить, всё убрать.» Хотя убирать-то там практически нечего: посуда из разных наборов, в большинстве своём со сколами, на которую вряд ли кто позарится, садовый инвентарь, которому уже полвека, плёнка для парника, уже несколько раз латаная, и ещё много разного хлама и рухляди, которые родители всё считали нужными вещами. Погода-то точно стояла хорошая, пока Горыныч сам был на даче, а вот как в воскресенье уехал, так сразу же зарядили дожди и стало холодать. И вот, пожалуйста, дождались зимы.

Он вырулил на объездную, стараясь сдерживать себя и не превышать скорость. Машин было мало, и вся дорога отливала янтарём, отражая свет фонарей.

«В следующий раз, если будут упрямиться, пусть едут на электричке,» - подумал он. Но хорошо понимал, что на электричке родители не поедут, потому что кучу вещей, нужных на их взгляд, нужно привезти домой, и для этого требуется машина.

Вскоре Горыныч свернул на загородную трассу. Он помнил, что там был ремонт, и в воскресенье ему пришлось изрядно постоять в пробке. Дорога сейчас была в таком же состоянии, только земля в разрытых участках смёрзлась. Покрытый инеем, на обочине сиротливо стоял экскаватор, опираясь на ковш. Вид у него был такой, как будто его бросили тут до весны, и как будто он пытается показать эту вселенскую несправедливость всем, кто проезжает мимо. Пробки в обратную сторону пока не было.

Вокруг него был безмолвный лес. Время от времени показывался опустевший дачный посёлок, и дома-призраки палили на него свои окна. Некоторые окна были незрячие.

К девяти утра Горыныч подъехал к даче родителей. Повозился с навесным замком, который заклинило о мороза, с усилиями открыл ворота. «Смазать бы,» - подумал он. Но на это уже не было времени. Времени не было вообще ни на что, если требовалось что-то сделать по даче. Максимум — привезти-отвезти родителей, и это уже подвиг. «Ты вот нам ничем не хочешь помочь по даче,» - говорила ему мама. И он мысленно отвечал: «Да. Не хочу. Провалилась бы к чертям эта дача.» Но вслух ничего не говорил. Потому что мама.

Родители не спали. Они уже сложили всё, что нужно вывезти, в огромные пакеты. Оставалось их только вынести из дома и погрузить в машину. Горыныч не стал интересоваться, что там, в пакетах. Нужное — значит, нужное. Не ему нужное, родителям. Горыныч зашвырнул все пакеты в машину. Пакеты заняли практически весь багажник и ещё одно заднее место. В дом входить не стал, ожидал родителей в машине со включённым мотором.

- Корыто-то, корыто возьми...

- Какое корыто, мама?

- Вот это, большое...

- Куда же я его возьму? У меня место в машине закончилось. Давай я его на чердак закину.

Но оказалось, что чердак уже закрыт. Горыныч предложил его открыть и поставить корыто туда, но встретил яростное иррациональное сопротивление.

«Наверняка там куча хлама, и его не хотят показывать мне,» - решил он. А вслух сказал:

- Ну, как хотите.

Горыныч увидел, что его отец никак не может закрыть дверь сарая. Дверь была старая и покосившаяся, и собачка замка никак не хотела входить в предназначенный ей паз.

- Давай я закрою, папа, - предложил Горыныч.

Он поднажал на дверь, замок звякнул и закрылся. Для надёжности на этот сарай навесили ещё один замок, амбарный. Затем Горыныч закрыл дом — сначала внутреннюю дверь, ведущую в комнату, а ключ от неё положил в прихожей под половичок, как всегда делалось летом. Затем настал черёд внешней двери. Замок два раза заедало, но на третий он всё-таки закрылся.

- Всё, можно ехать?

Он подошёл к машине и увидел, что его мама умудрилась затащить корыто в машину и села сама. Корыто почти вытеснило маму с заднего сидения, и та сидела скрючившись. Горыныч плюнул и не стал спорить.

Звонок застал его на обратном пути. Горыныч снял трубку. Правило, запрещающее разговаривать по мобильнику за рулём, он игнорировал.

- Алло! Лёша? Ну привет! Как у вас? Что-что?

Он вдруг остановил машину и съехал на обочину. Видимо, дальнейший разговор он счёл несовместимым с поездкой.

- Чёрт побери! Как же это так?

Его лицо всё больше и больше мрачнело.

- Так. Я предлагаю сегодня собраться всей кафедрой и обсудить, что с этим будем делать. Миша, правда, в отъезде... ну и чёрт с ним! Остальных свистни, хорошо? Котельникову не забудь позвонить, Фоминскому... Да, конечно, ну как же мы без Валентины Ивановны, куда же мы без неё... Хорошо. Да за шкурку их всех тащите, если скажут, что заняты. Тут дело такое — занят, не занят... Значит, до вечера!

Мама из-за корыта не видела перемену на лице у сына. Отец спросил:

- Что у тебя там стряслось?

Но Горыныч не стал отвечать — молчал до самого дома.

19. Хозяйка

Блестящая чёрная «Мазда 6» заложила крутой вираж возле интерната, остановилась, высадила женщину с коротким каре и ядовитой улыбкой и растворилась в морозном воздухе. Женщина вошла в здание, гордо подняв голову. Она была хозяйкой этого здания, и она знала об этом. Интернат напоминал пустыню — ни одного человека не встретилось ей на пути. Она в гордом одиночестве дошла до углового кабинета административного закутка.

«Надо бы сменить табличку, - подумала она. - Заказать новую. Сегодня и закажу.»

Два оборота ключа — и она в своём кабинете. Сняла пальто, отправила его в шкаф, на вешалку. Она чувствовала, что её ждут великие свершения.

- Пусть подождут немного, - сказала она сама себе. - Сейчас отдохну минут десять — и за работу.

Но отдыхала она от силы две минуты. Затем ей не понравилось, что одна папка на полке стоит не вровень с остальными. «Наверное, вчера торопилась, неровно поставила,» -

подумала она. Пришлось встать и поставить папку ровно. Потом решила передвинуть на полстола статуэтку танцующей женщины.

«Вчера пришлось много папок доставать, вот и не всё переставила на место. В следующий раз надо будет всё доделывать до конца. Нехорошо, когда прямо с утра приходится заниматься уборкой.»

Затем она призадумалась над другим важным вопросом. Где будет её кабинет? Есть этот кабинет, он уютный и обжитой, но тут хранится слишком много бумаг. Ведь нехорошо, если в кабинете директора хранится столько бумаг. А есть в интернате специальное место — кабинет директора, и все привыкли видеть именно тот кабинет кабинетом директора, потому, может быть, менять его не следует. Польскому теперь, конечно, свой кабинет не нужен. Но кабинет Польского очень дурно спроектирован, там стоит ужасная мебель, там страшный беспорядок, и вообще там для начала стоило бы сделать хороший ремонт. Мебель бы всю вышвырнуть из этого кабинета вон, заново отштукатурить стены, обшить их вагонкой, заменить подвесной потолок, а мебель закупить новую — вот тогда в этом кабинете будет приятно находиться, не то что сейчас. Но на это уйдёт много времени.

Наталья Никаноровна решила, что потом, когда директорский кабинет будет отремонтирован и приведён в человеческий вид, она переселится туда, а этот кабинет пусть будет приёмной. Или ещё чем-нибудь — об этом она ещё успеет подумать.

«Правильная организация пространства для работы — первое, с чего всегда надо начинать. Удивительно, что многие люди этого не понимают. Оттого у них и порядка никогда нет, ни в делах, ни в головах. А потом эти люди начинают учить детей — неудивительно, что и у детей нет никакого порядка в голове, знания плохо укладываются, и от этого они начинают пить водку. Кстати, и с этой проблемой что-то надо делать.»

Бабель немного помедитировала, сидя на уютном диване. Дел ей предстояло сделать великое множество, и необходимо было грамотно распределить, в какой последовательности за эти дела браться.

Первым делом, очевидно, надо нанести визит Польскому. Он уже давно всё должен знать. Он должен передать все дела Наталье Никаноровне, и если он не совсем идиот, то он уже готов их передавать.

- Хотя какие там дела у него принимать? Чего я ещё не знаю? Я и без того в курсе всех дел в СУНЦе. Неприятно, конечно, идти к Польскому, нехорошо вот так прийти к человеку и сказать: «Теперь я здесь директор. Потрудитесь сдать все дела.» Но это необходимо, и без этого никак нельзя. Приказ послан по электронной почте, и он уже должен был подготовиться.

Бабель ещё немного помедлила, затем решительным шагом вышла из кабинета и пошла принимать дела.

Бабель постучала. Реакции не последовало. Она постучала ещё раз.

«Может быть, он ещё не появился? - подумала она. - А придёт позже, или вовсе сегодня не придёт? Тогда он может ещё и не знать. А если не придёт? Что тогда сейчас делать?»

Она взглядела в проём между дверью и косяком. Одна металлическая полоска. А когда кабинеты закрываются, их обычно две — от ручки и от замка. Из этого она заключила, что кабинет, должно быть, открыт.

«Ну как так можно — оставить открытым кабинет и уйти куда-то! И если бы просто кабинет, но кабинет директора! Неудивительно, что здесь процветает хаос и злоупотребления!»

Бабель повернула ручку. В нос ей ударил резкий запах нашатыря. Её чуткое обоняние улавливало даже слабые запахи, а этот резкий запах подействовал так же, как вспышка от сварки действует на зрение, или удар гонга прямо над ухом — на слух. И ещё из кабинета веяло холодом. Бабель поморщилась.

«Ужасный запах, придётся его долго вытравливать. Как он мог сидеть в таком кабинете, принимать посетителей? Этот запах... Стоп. Но вчера этого запаха не было. Да и не может этот запах быть всегда. Наверняка здесь что-то разлили.»

Она крайне редко заходила в кабинет директора и плохо помнила обстановку. Мысль о том, что в кабинете что-то разлили, показалась ей наиболее правдоподобной. Она идеально сочеталась с общим представлением творящегося в интернате беспорядка.

В кабинете царил хаос, превосходивший все её ожидания. Один стул опрокинут, окно распахнуто, и холодный ветер с улицы похозяйничал в бумагах — сдул некоторые на пол и перемешал. Какие-то листы на полу оказались смяты и затоптаны, на одном из них отчётливо проступал отпечаток обуви — женской обуви. Это зрелище подействовало на неё ещё сильнее, чем нашатырь. Ну разве можно так обращаться с бумагами? Ведь это наверняка документы.

Осторожно обходя все бумажные листы, она приблизилась к столу. И тут же нашла источник тошнотворного запаха. Им оказался бумажный носовой платок, смятый, щедро пропитанный нашатырём и оставленный на столе. Она брезгливо отшатнулась от стола.

Бывшего директора, очевидно, здесь не было. Ещё более очевидно, что кто-то сегодня побывал здесь — может, директор, а может, и нет. И ещё здесь была женщина — в летних туфлях, как определила по отпечатку Бабель.

«Да я сама сейчас в летних туфлях, - подумала она. - Это просто сменная обувь. Не будет же никто ходить в таких по улице, а здесь — самое дело. Наверное, это секретутка его, которую они все Надюшей зовут.»

Бабель вышла из кабинета, затворила дверь и несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь проветрить лёгкие и вывести из них аммиак.

«Надо сказать уборщице, чтобы срочно прибрала здесь. Иначе этот жуткий запах распространится на всю школу. Нет, надо сперва самой собрать все бумаги, а то уборщица ещё отправит их в мусорку, а я даже не знаю, что это. Но сперва надо выяснить, что здесь произошло. Нехорошо, что моё директорство начинается с такого беспорядка. Дурной знак.»

Она отправилась в кабинет, где сидела Надюша. Не постучавшись, открыла дверь. Надюша сидела за столом, закрыв лицо руками. В таком положении она казалась какой-то маленькой и жалкой. Услышав звук открывающейся двери, она вся как-то вскинулась, посмотрела на Бабель, которая ответила ей улыбкой, вскочила, как неумелый солдат — руки по швам, ладони врасстырку, и застыла.

- Что здесь произошло? - спросила Бабель, стараясь сделать как можно более любезный голос.

«Неприветливый тон получился, - подумала она. - Так нельзя, мне ведь с этими людьми ещё работать. Впрочем, Надюшу и уволить можно, но вообще сегодня нужно говорить другим тоном. Более ласково, хотя и по-деловому.»

- Вы... сами... знаете... - выдавила из себя Надюша, всячески отводя от неё глаза, точно Наталья Никаноровна была василиском и могла убить своим взглядом.

- Что же я знаю? Я ничего не знаю. Я пришла, а тут погром какой-то.

- Ему плохо стало... Я открыла окна, дала нашатырь... Приехала скорая, увезли его... Говорят, похоже на инфаркт, не знаю... Сердце у него давно уже барахлило...

Она говорила судорожно, отдельными предложениями, и после каждого предложения делала глубокий вздох, похожий на всхлипывание.

- Он жив?

- Когда приехала скорая, был жив... Не знаю... Я не знаю, куда они его увезли...

Она плюхнулась на стул и снова закрыла лицо руками, не обращая на Бабель никакого внимания. У Бабель шевельнулась внутри нотка самолюбия — эта пигалица позволяет себе её игнорировать! - но она подавила в себе нотки возмущения. Не время, не место.

Значит, Польского здесь нет и, вероятно, в ближайшее время не будет. Это одновременно хорошо и плохо. Хорошо, потому что ни с кем не придётся объясняться. Хотя она полностью права, хотя она в полном праве, но она понимала, что смотреть Польскому в полускрытые за бровями глаза было бы неловко. Теперь этой неловкости не будет. Заодно можно поступать с кабинетом как заблагорассудится. А плохо, потому что какие-нибудь документы могли оказаться неизвестно где.

- Ладно, - сказала Бабель, не глядя на Надюшу. - Скажи уборщице, пусть там приберётся. Сейчас там так воняет нашатырём, что совершенно невозможно находиться.

Бабель развернулась и вышла. Как ни противно, но надо было пойти и собрать бумаги. Большинство этих бумаг, конечно, можно выкинуть — при первом же взгляде было понятно, что это какие-то научные статьи с длинными формулами — но среди этих статей вполне могли попасться и документы. От этого профессора всего можно ожидать.

Двумя широкими движениями Бабель сгребла всё, что было на полу, положила на стол и придавила первым попавшимся тяжёлым предметом, оказавшимся дыроколом. Подумала, не взять ли всю эту пачку себе, но решила не брать. Успеется. Сейчас есть куда более срочные дела, чем просматривать статьи в поисках чего-нибудь полезного.

Через час Наталья Никаноровна Бабель уже смогла войти в кабинет директора. Запах нашатыря там ещё, конечно, стоял, но он уже не был настолько тошнотворным. Но в кабинете было невообразимо холодно, и он ещё проветривался. Бабель пошла к себе, накинула пальто и вернулась обратно. Ей было противно сидеть в помещении в пальто, но иного выхода не оставалось. В конце концов, ей предстояло сделать ещё много вещей, которые делать противно. Она ощущала себя настоящим ассенизатором. Но это всё необходимо, уговаривала она сама себя. Необходимо вычистить из интерната всю мерзость, оставив в нём самое лучшее. Ведь именно в этом и должно состоять мудрое руководство. И ни в коем случае нельзя всё оставлять на самотёк, как делали предыдущие директора. Именно они, оставляя все дела на самотёк, и довели интернат до того состояния, в котором он находится сейчас. Она, конечно, не видела, каким был интернат ранее, но хорошо наслышана об этом. Знала, что интернат сейчас совсем не тот, что раньше, и что очень много его выпускников вылетает из Университета, и что это является серьёзной проблемой. Раньше, насколько она слышала, этой проблемы не стояло вообще. А всё потому что сейчас нет никакого порядка. Придётся его наводить, и придётся принимать не вполне популярные меры, которые наверняка будут осуждать учителя, привыкшие к вольнице предыдущих директоров. Но это необходимо. Противно, конечно, но необходимо.

«Надо сходить к Рыжковой и попросить обогреватель, - подумала она. - У неё в кабинете, я знаю, два обогревателя находится.»

Кабинет Рыжковой располагался на третьем этаже. Это был угловой кабинет, а в таких кабинетах всегда бывает очень холодно, потому что помещение охлаждается с двух сторон. Бабель знала это по себе — её кабинет тоже был угловым, и пока там не был сделан ремонт, спасали лишь обогреватели, поставленные на полную мощность. Бабель поёжилась, вспоминая те неуютные времена, когда она ютилась в этом кабинете с отвратительным цветом стен, когда ветер продувал большие щели в окнах с рассохшимися рамами, и их приходилось заклеивать крепом, и этот креп раздувался при сильном ветре и вибрировал. Конечно, в первое же лето нужно было отремонтировать этот кабинет.

Бабель достала телефон.

- Алло, Оля? Да, огромное спасибо за поздравления.

С той стороны трубки лились поздравления с назначением вперемежку с пожеланиями успехов в этой новой должности.

- Ну, буду стараться, - ответила Бабель. - Конечно, ведь так много всего ещё предстоит сделать... Да, она мне пригодится... Я вот почему звоню. Мне обогреватель нужен, так скажи Саше, пусть принесёт... Нет, не в мой кабинет, а в директорскую. Там сейчас очень холодно, он проветривается, и температура как на улице... Скажешь? Нет, пока не зайду к тебе, сейчас работы невпроворот... Не знаю... А, вот что ещё. Сегодня после уроков всем нам надо собраться... Всем нам — это вообще всем сотрудникам, которые сегодня здесь. Я хочу сделать несколько объявлений... Да, да, знаю, что завтра педсовет, его никто не отменяет, завтра соберёмся полным коллективом, но я хочу ещё сегодня, работать надо... Хорошо? Передашь Саше? Ну пока.

Бабель отбила звонок. Через две минуты пришёл Рыжков и принёс два обогревателя.

- Лучшие взял, - произнёс он с улыбкой. - Один у жены родной отнял, она даже отдавать его не хотела.

- Да, я ценю ваше усердие, - ответила Бабель.

Кабинет начинал обогреваться. Бабель постояла несколько секунд под струёй горячего воздуха, ощущая, как тепло начало возвращаться в этот мёртвый кабинет. Потом занялась делами.

Сначала она заглянула в монитор. Диссертацию она закрыла моментально. Второе окно её заинтересовало значительно больше. Письмо в Ассоциацию выпускников. Польский не успел написать ни строчки, но форму, чтобы писать это письмо, он открыл.

О чём он думал, когда собирался это писать? Наверняка он уже знал тогда. Скорее всего, об этом и хотел написать, да не успел. И бессмысленно, потому что Ассоциация наверняка сегодня всё равно узнает. Слишком много источников. Хорошо бы посмотреть за её реакцией. Наверняка большая истерика будет. Ну и неважно, это же чисто декоративный орган, никакого формального права что-то решать Ассоциация не имеет. Строго говоря, её вообще нет на свете. Нет такого юридического лица, как Ассоциация выпускников интерната. Это она уже давно выяснила, когда в первый раз оформляла какие-то бумаги на поездки, которые финансировала Ассоциация. Её тогда очень сильно удивило, что они дали денег и не потребовали ничего взамен. Ни финансового отчёта, ни даже благодарственного письма. Ей тогда пришлось поломать голову, как эту поездку оформлять. Придумала, и с тех пор немало поездок были оформлены таким же образом.

Она закрыла ненаписанное письмо, перейдя к списку входящих. Поколебалась — закрыть ли сразу всю почту Польского, или же посмотреть его переписку? Смотреть личную переписку ей совершенно не хотелось, но среди писем могло встретиться какое-нибудь важное, касающееся интерната. Если уж не получается лично поговорить с Польским, то,

может быть, поможет его переписка? Пробежала глазами по заголовкам — в основном это был и письма из астрономического института, которые её не интересовали. Деловых писем, касающихся интерната, на первой странице «Входящих» не было. Она свернула окно с почтой Польского, так и не закрыв его.

«Читать тут нечего, - подумала она. - Но на всякий случай электронный ящик закрывать не буду. Вдруг пригодится.»

Она вспомнила, что хотела устроить сбор учителей сегодня, а для этого надо как-то всех оповестить. Кажется, сейчас в этом кабинете больше делать нечего. Надо бы его закрыть, только где ключ? Если он остался у Польского, в каком-нибудь кармане, то придётся снова вызывать Рыжкова, чтобы он переставил замок.

На виду ключа не было. Бабель начала открывать все подряд шкафы, брезгливо заглядывая внутрь. В шкафах была пыль, и были кипы каких-то бумаг, и были книги. Но ключей не было, и она тут же закрывала дверцы.

Одна дверца, задекорированная под шкаф, оказалась дверцей холодильника. Наталье Никаноровне понравилась эта идея — в своём кабинете она холодильника не предусмотрела. Холодильник был маленький, и там стояла початая бутылка коньяка, бутерброды в пакете, которые давно просились на помойку, и ещё несколько неразборчиво подписанных скляночек, содержимое которых она определить не смогла.

«Антисанитарию развели,» - подумала она.

Она посмотрела на подписи в скляночках. Буквы были латинские, слова явно сокращались, и прочитав в этой мешанине букв ничего не получалось. Так иногда врачи пишут диагнозы — чтобы ни один больной не понял.

«Анализы, что ли? - подумала она. - Явно что-то медицинское.»

С чувством омерзения Бабель сгребла эти скляночки вместе с бутербродами и швырнула в мусорное ведро. На руках, как ей показалась, сразу осела какая-то зараза, которую необходимо срочно смыть. Но крана поблизости не было.

Наконец, ей пришлось в голову встать на стул и поискать ключ на верхних полках. Там тоже в углах притаилась всепроникающая пыль, но свою цель она нашла сразу. Ключ покоился на полке прямо над холодильником; Польскому с его ростом, наверное, было удобно доставать его оттуда, а вот ей — не очень.

Она закрыла кабинет, снова зашла к Надюше и сказала:

- Я хочу собрать после уроков всех сотрудников, кто сегодня будет в школе. Передай эту информацию учителям.

Надюша сидела в той же позе, словно статуя. Не отрывая рук от лица, она еле слышно пролепетала:

- Я тоже нужна на этом сборе?

- Я сказала, всем сотрудникам.

- Хорошо, - ответила Надюша сквозь пальцы.

Семёнов спустился в зимний сад и придирчиво рассматривал, как растут его диверсиколофлоры. Две недели назад растение с коммерческим названием «Адамант», от которого Алексей страстно хотел получить семена, выпустило цветонос. Теперь его необходимо было опылить. Это дело непростое, потому что у диверсиколофлор есть простая защита от самоопыления — женские части цветка созревают на несколько дней позже мужских. Эта схема замечательно работает, если имеются густые заросли растений одного вида, как в природе — тогда пыльцу с одного цветка на другой переносят

насекомые. В случае с диверсиколофлорами переносчики пыльцы ещё точно не выявлены, но, по всей вероятности, это жуки — цветок устроен так, что бабочки просто не способны его опылить. Но если имеется единичный кустик, то приходится идти на ухищрения. Два дня назад Семёнов срезал мужскую часть цветка и вытряс из неё пыльцу. И теперь он смотрел, не созрела ли женская часть.

Кажется, созрела. Цена ошибки очень высока. Если Семёнову удастся получить семена, а потом прорастить их, то ростки моментально уйдут по семьдесят долларов штука — это довольно редкая и дорогая диверсиколофлора. Ну хорошо, не по семьдесят, подумал Семёнов — ведь эти ростки появятся как минимум через полгода, а за эти полгода цена их снизится. Пусть по пятьдесят. Всё равно много, можно будет купить ещё несколько видов, на которые я давно облизываюсь.

А теперь нужно сходить за пылью...

- Ах чёрт! - сказал он и хлопнул себя по лбу. - Пыльца-то...

Да, пыльца хранилась в холодильнике, в кабинете Польского. Только теперь этот кабинет сменил хозяина. Навряд ли Бабель так же благосклонно отнесётся к его хобби.

Семёнов почти бегом поднялся на второй этаж. Кабинет Польского был закрыт.

«Так я и думал...»

Но пыльцу нужно было как-то вызволять, и он пошёл в кабинет Бабель, не представляя до конца, что ей сказать. Она открыла кабинет, используя улыбку вместо приветствия.

- Что вам нужно? - спросила она.

- Я бы хотел взять ключи от кабинета директора...

«Не то, - подумал Семёнов. - Ещё чего захотел — ключ от директорской. Наверное, её это только разозлит.»

Улыбка на лице Бабель не исчезла полностью, но сократилась вдвое, словно шагреневая кожа, отмеряющая его жизнь.

- Для чего вам это нужно?

- Я хотел бы забрать оттуда свои вещи... у меня там в холодильнике лежат...

- Я выкинула то, что лежало в холодильнике, - сказала Бабель, поморщившись.

- Как выкинули?

- В помойку. А что, я буду тут разводить антисанитарию? Чтобы проверка СЭС у нас нашла каких-нибудь тараканов?

Семёнов почувствовал, что внутри у него что-то перевернулось, и почва начала уходить из-под ног.

- Вообще-то это для опытов... Чтобы зимний сад... - он начал бормотать что-то совсем невнятное.

- Кстати, имейте в виду, что зимний сад не ваш. Он на балансе школы, - Бабель мгновенно выхватила одну из папок, открыла на нужной странице, найдя её за две секунды, и ткнула пальцем. - Видите? И если бы не этот документ, школу бы оштрафовали при вчерашней проверке.

У Семёнова перед глазами всё плыло, и он не видел ничего из того, что Бабель ему показывала. Он видел бумагу, много бумаги, и видел за ней, как эта бумага была когда-то деревьями, целым лесом, а потом этот лес срубили и пустили на целлюлозный комбинат — и вот теперь вместо живого и шумящего когда-то леса, огромной экосистемы, имеются приказы с какими-то непонятными буквами.

«Вот так и в Индонезии вырубает леса, - подумал он. - И исчезают ценнейшие диверсиколофлоры, а всё для чего?»

- Я не говорю, чтобы вы не трогали его — нет, вы можете сажать растения как вам вздумается. Хотя ваш класс не помешало бы проверить на предмет соответствия нормам СЭС. Просто чтобы вы знали, что это не ваша собственность. Строго говоря, у вас не может быть в школе никакой собственности, потому что это ваше место работы.

Семёнов вышел из кабинета. В висках у него стучало, и голове стало так холодно, будто к ней приложили несколько кусков льда. Его кропотливая работа, занимавшая несколько последних лет и уже приносящая кое-какие результаты, пошла насмарку. Коллекционеры ожидают от него семян, ожидают гибридов, но семян здесь больше получить не удастся. Да, оставалась ещё его квартира, где тоже было немало видов, но всё-таки большую часть коллекции он хранил здесь.

Он не помнил, как дошёл до преподавательской. Плюхнулся там на диван и сидел неподвижно. Так его и застала жена.

- Что с тобой? - спросила Надя. В таком состоянии она уже много лет не видела Алексея.

- Ничего.

Помолчал немного и добавил:

- Помнишь, мы с тобой мечтали поехать на Байкал? Несколько лет планировали эту поездку, купили билеты, всё снаряжение, а потом перед самой поездкой я упал и сломал ногу?

Супруги помолчали — их разговор перетёк в немую фазу.

«Бедный ты мой!» - говорили глаза Нади. Но вслух она не сказала ни слова.

20. Что делать

В четыре пятнадцать в интернате закончились занятия, и все потихоньку стали собираться в двести двадцать шестом кабинете. Номер кабинета был выбран случайно — с тем же успехом сгодился бы и любой другой.

Миногин принципиально проигнорировал указание устроить сбор. Провёл занятия, не спеша оделся, долго примерял перед зеркалом шапку, как бы призывая своим примером всех поступить так же, и ушёл. Уходя, сказал:

- Ну что, слушайте внимательно, что скажет наша няша.

Но он оказался в меньшинстве. Остальные предпочли сходить и послушать, что же она хочет умного сказать.

- Нужно же оценить масштаб бедствия, - сказал Семёнов.

Неожиданно пришла в почти полном составе кафедра физики, даже те, у кого сегодняшний день не был рабочим. Пришли экспериментальщики Котельников и Котенко, пришёл Горыныч со словами: «Что-то зачастил я здесь», пришёл Фоминский. Не хватало только Азарова и Польского. Физики оккупировали заднюю часть ряда у окна и сели. В этот момент они больше всего напоминали стаю волков.

Семёновы оказались на том же ряду за третьей партой. Они сидели смирно, переглядываясь друг с другом, как много лет назад, когда сами были школьниками. Разница была в том, что в школьном возрасте они неизменно держались за руки, а сейчас их разделяли тридцать сантиметров. И ещё отличались их взгляды — если раньше они смотрели друг на друга как классическая влюблённая парочка, то теперь сразу можно было бы сказать, что взгляды померкли и потухли, и только понаблюдав некоторое время,

можно было бы заметить, что в их переглядываниях есть ещё что-то, кроме жалких остатков былой влюблённости.

Пришли супруги Рыжковы — тонкая и стройная Ольга Николаевна и широкий, с седеющей растущей отдельными волосками бородкой Александр Васильевич, и сели справа, тоже за задние парты, где уже расположились рядом Петровна, Владиславна, Ивановна и Оля из бухгалтерии. Они то и дело переговаривались о чём-то и тихонько хихикали.

Пришли воспитатели, дежурившие сегодня — Светочка и Олег, отчества которого никто не знал, потому что он представлялся исключительно по имени. Пришло ещё несколько учителей, сели на свободные места. Надюша сидела где-то сзади, пытаясь слиться с партией и быть незаметной, как мышка.

Бабель не опаздывала — она задерживалась. И это было понятно и очевидно всем: она могла бы появиться и раньше, но не верила в то, что остальные соберутся вовремя. И не без оснований.

Она появилась внезапно, просто взяла и возникла в классе, вооружённая улыбкой, несколько уменьшённой по сравнению с обычным видом. Элегантно-деловая, в идеально сидевшем на нём костюме, с подкрашенными глазами и губами, но неярко, чтобы не выделялись.

- Здравствуйте, - начала она, обведя взглядом класс, будто опытный учитель, собирающийся провести урок юным шалопаем. - Как вы знаете, сегодня в нашем интернате произошли некоторые изменения...

С задних рядов зашумели. Ивановна что-то шепнула Рыжковой, и та тихо, но звонко засмеялась, на неё зашикали. Несколько фраз волной прошли в среде физиков.

- Я прошу тишины, - громко сказала Бабель. - Завтра у нас состоится педсовет, но я решила вас собрать ещё и сегодня, чтобы сказать вам некоторые вещи. Как вы знаете, вчера была проверка интерната, вызвавшая несколько замечаний и нареканий. Как вы знаете, с сегодняшнего дня я исполняю обязанности директора СУНЦ вместо Сергея Юрьевича, которого, к сожалению, сейчас нет с нами — надеюсь, что временно.

Среди физиков поднимался шум — пока тихий, но он уже был предвестником бури. Бабель продолжала.

- Нам очень много предстоит сделать, чтобы возродить интернат в его былом величии. Вы все знаете, что сейчас СУНЦ переживает не самые лучшие времена. И я очень надеюсь на вашу поддержку, потому что нам предстоит работать вместе, рука об руку.

Бабель сделала паузу, которая выглядела бы выразительно, если бы не шум с левого ряда.

- Я ещё раз прошу тишины.

Шум уменьшился.

- Все мы должны ответственно подходить к нашей работе. К сожалению, в наших рядах есть те, кто относится к своим обязанностям спустя рукава. Например, некоторые без уважительной причины пропускают занятия. Как вы понимаете, я не могу мириться с таким положением. Занятия должны проходить по расписанию. И мне пришлось сегодня уволить одного из сотрудников, который неоднократно нарушал трудовую дисциплину.

Снова поднялся шум, содержащий радостные нотки. Все понимали, куда ведёт Бабель. Этого Незлобина давно пора было уволить, но чрезмерно мягкий Польский не делал этого и всегда пытался замять дело или подыскать замену, если тот запил. Но Бабель более жёсткая, и уж такого она, конечно, не потерпит.

- Мне очень жаль, что приходится начинать свою работу с грустных вещей, и что первым же приказом приходится увольнять сотрудников. Но иного выхода у меня нет. И сегодняшним приказом увольняется Михаил Анатольевич Азаров.

Если бы в коридоре рванула граната, это едва ли произвело бы больший фурор, чем последняя фраза Бабель. Поднялся такой шум, что дальнейшая речь стала временно бессмысленной — всё равно никто бы не слушал.

- Как-как?

- Я точно не ослышался?

- Кого она назвала?

- А-за-ро-ва.

- Это как же?

- Тихо, господа! - Бабель попыталась перекрычать остальных, но безуспешно. Галдёж стоял страшный. Хихиканье Ивановны потонуло в шуме, когда говорит буквально каждый, а не слушает никто. Бабель понимала, что её слова должны вызвать бурную и неадекватную реакцию, но никак не предполагала, что не сможет с лёгкостью справиться с этой реакцией.

Ситуацию спас Горыныч. Он набрал в лёгкие воздух и зычно, словно паровозный свисток, прогудел:

- Да тише вы! Может, она нам ещё что-нибудь интересное скажет!

Эта фраза сделала то, чего не смогла добиться Бабель: шум прекратился, уступив место тишине. Атмосфера была как после разрядки молнии, и никто бы не удивился, если бы в помещении запахло озоном. Бабель зло посмотрела на Горыныча, но в её глазах явно читалась растерянность. Хотелось, очень хотелось обидеться на Горыныча, но надо было, наоборот, поблагодарить его за восстановление тишины. Несколько секунд Бабель боролась с собой, но потом пошла на компромисс — сделала вид, будто ничего не случилось.

- Это первое. Второе... Пьянство я считаю совершенно недопустимой вещью и буду с ним бороться нещадно. К сожалению, у нас сейчас есть ученики, отчисленные за распитие спиртных напитков. Как это произошло? Кто в этом виноват? Я ещё подумаю, что делать с той историей, но желаю, чтобы больше такого в СУНЦ не повторялось.

- Все желают...

- Я про всё это ещё раз скажу завтра на педсовете. Но я понимаю, что в нынешних бедах виноваты не только дети, но и воспитатели. Дети, как известно, берут пример с нас. Поэтому мы должны быть им примером. Далее... ну, это я скажу завтра... А, вот. К сожалению, вчерашняя проверка оставила ещё одно замечание: уволить преподавателей Университета и нанять школьных учителей. И на устранение недостатков нам дано две недели. Я ещё подумаю, что с этим можно сделать, но одно точно скажу: лучшие наши кадры, конечно, должны остаться работать. За это можете даже не беспокоиться. А как лучше всего устранить эти недостатки, я подумаю. Возможно, вам нужно будет пройти переподготовку, посетить педагогические курсы. А может быть, эти курсы можно будет устроить прямо здесь, благо в наших рядах есть заслуженный учитель. Пока не знаю, но надеюсь, завтра я с этим вопросом определюсь. А сейчас — спасибо за внимание. И очень надеюсь, что мы с вами создадим здоровую рабочую атмосферу в интернате.

Вопросы, судя по тону лектора, не предполагались. Их и не возникло. Бабель постояла ещё несколько секунд, как бы выжидая этих вопросов, потом одарила улыбкой всех присутствующих и исчезла. Остальные начали потихоньку расходиться.

Рыжкова что-то рассказывала Ивановне. Они уходили вместе, оживлённо беседуя.

- И представляешь, тогда мой Тоха сказал Гоше, с таким возмущением, ну, ты помнишь, как он всегда возмущается...

Из коридора донёсся смех Ивановны, уже ничем не сдерживаемый.

Надюша, Аня Шлимович и Сушков испарлись как можно быстрее и незаметнее. Они бы предпочли вовсе не присутствовать на этом собрании.

- Я что-то не понял, что она сказала, - говорил Олег Светочке. - Она хочет записать воспитателей в соучастники?

- Сан Саныч точно соучастник, это давно известно. Я думаю, она Сан Саныча имела в виду. Наверное, она имела в виду, что за детьми нужно лучше следить, только и всего. И это правильно. Если за ними не следить, то девочки начнут спать вповалку с мальчиками.

- Хорошо хоть не мальчики с мальчиками.

- А у Сан Саныча и мальчики с мальчиками начнут...

Ушёл Рыжков — чинно, парадно, точно из гостей вышел.

Осталась в кабинете только кафедра физики и Семёнова — как бесплатное приложение к Алексею.

Компания физиков напоминала растревоженный пчелиный улей — примерно такой же шум, в котором говорящих значительно больше, чем слушающих, и такая же нервная обстановка. Все делились друг с другом впечатлениями от объявления Бабель. Это продолжалось минут пять, после чего Горыныч решил сыграть роль вожака и громко спросил:

- Ну, господа, и что мы теперь будем делать?

- Надо потребовать отставки Бабель и возвращения Серёжи!

- Надо, только у кого? Во-первых, Серёжа быстро, наверное, вернуться не сможет, если вообще сможет. Кстати, знает ли кто-нибудь, что с ним?

Молчание. Это та ситуация, когда все отводят друг от друга взоры. Никто не знает, в каком состоянии Польский, где он и что с ним, и всем от этого стыдно.

- Ну хорошо, я думаю, завтра утром мы все об этом узнаем. Но ситуация весьма плоха. Мы сейчас потеряли двух бойцов.

- Двух лучших бойцов!

- Да. Возвращаемся к вопросу: у кого мы должны требовать отставки Бабель?

- У Университета!

- Это замечательно, но, боюсь, не очень реально. Все мы знаем, кто такая Бабель и какими ресурсами она обладает. Я думаю, один доступ к телу будет весить больше, чем все наши требования.

- Надо написать в Ассоциацию, - сказал Семёнов. - Пусть Ассоциация напишет письмо протеста...

- Которое и будет проигнорировано. Это для нас Ассоциация значит очень много, а для Ягунова она наверняка как дырка от бублика.

- Кстати, а кто-нибудь уже написал в Ассоциацию?

- Я позвонил Либенталю. Но, конечно, только насчёт Сергея Юрьевича, а про Мишу мы узнали только что.

- Ну, если Либенталь знает, то он расскажет ещё нескольким людям. Он-то молчать не будет. Надо только ещё раз позвонить ему и сказать про Мишу.

- И кто будет звонить? Я ему рассказал про то, что случилось утром, а он так ядовито: «Ну что, просрали интернат?» Звонить и сообщать про увольнение Миши как-то не хочется.

- Но ведь он прав — интернат мы действительно это, хм...

- Тем не менее пусть Ассоциация выразит ноту протеста. Там ведь очень видные люди есть.

- Это, конечно, пусть. Но рассчитывать на то, что Бабель вдруг возьмут и уберут...

- Вот что, - сказал Горыныч. - У меня есть другой вариант действий. Она что сказала? - надо уволить всех нас и нанять школьных учителей? Так вот давайте мы все отсюда поувольняемся к чёртовой матери. Если интернат останется совсем без учителей физики, то это будет серьёзным ударом по репутации Бабель, и главное — ей же надо будет как-то разруливать эту проблему. Я предлагаю завтра всем нам написать заявления об увольнении из солидарности к Мише.

- Я сейчас не смогу уволиться, - внезапно сказал Семёнов.

- Это почему?

- Потому что здесь большая часть моей коллекции диверсиколофлор.

- А унести её к себе за каникулы ты не сможешь?

- У меня она просто не поместится. Кроме того... - Семёнов медлил, прикидывая, рассказать ли коллегам про свою беду или нет. - Кроме того, она по бумагам числится собственностью интерната.

- У, сука... - присвистнул Горыныч. - Простите за мой французский.

Все они понимали, сколько труда вложил Семёнов в зимний сад.

- Так она тебя этим шантажировать может. Ей-то что, она может впустить кого-нибудь в твой кабинет проводить уроки, а он возьмёт и устроит проветривание.

Семёнов вспомнил сегодняшний разговор с Бабель, и лицо у него позеленело. Надя пристально взглянула на него, оценивая, упадёт он сейчас в обморок или же всё обойдётся. Её рука потянулась к нему, но так и осталась висеть в воздухе. Семёнов глубоко вздохнул, нездоровый цвет медленно сходил с его лица.

- Я думаю, свою коллекцию действительно придётся куда-нибудь переносить. Она в растениях не разбирается, поэтому диверсиколофлоры на горке можно будет заменить какими-нибудь другими ароидными, способными расти на скалах — анубиасами, например. Но это процесс небыстрый, и, главное, нужно найти место, куда эту коллекцию перенести.

- Ну хорошо, - сказал Горыныч. - Этот аргумент я понял. А что думают остальные?

- Я вот чего не понимаю, - подала голос Ровина. Было видно, что ей очень нелегко даются эти слова, но высказать их она считала своим долгом. - Вы предлагаете всем нам уволиться. А куда мы пойдём? Вот у вас, Борис Аронович, есть и другое место работы, так что вы при этом почти не пострадаете. А остальные? Где мы будем устраиваться на работу в середине учебного года?

Остальные промолчали, но подумали самые разные вещи.

«Да вас-то никто отсюда не выгонит, вы же у нас заслуженный учитель,» - подумал Горыныч.

«Видимо, это только её и коснётся, - думал Семёнов. - Я-то выживу — придётся, конечно, чуть-чуть распродать деток диверсиколофлор, благо на них пока очередь. А у остальных это не единственное место работы, насколько знаю.»

«А я бы её и сам уволил, - думал Котенко. - Дети после неё способны мыслить только стандартами.»

- Ясно, - сказал Горыныч. И обратился к Фоминскому: - Саша, а ты что думаешь?

- Я пока не знаю, что думать. Вообще-то я только ассистирую на уроках Михаила Анатольевича. А теперь...

- А теперь вас бросят на самый сильный класс одного, закрывать грудью амбразуру.

- Да, - ответил Саша. - И я с такой задачей не справлюсь.

- Ну, это ты скромничаешь. Ты-то справишься!

- Но согласитесь, что мои уроки будут выглядеть после Михаила Анатольевича, ммм... бледновато.

- Я более того скажу — наверное, после Азарова вообще никто не возьмёт его класс. Это же никто не понимает, чему Азаров их научил!

- Да, только для Бабель это не аргумент. Сошлётся на трудовой кодекс и всучит кому-нибудь этот класс. Вот вы, Валентина Ивановна, что вы будете делать, если десятый «а» очень настойчиво будут предлагать вам?

- Не знаю, - ответила Ровина, слегка прикрывая рот, и по этому произвольному жесту все поняли: если её заставят взять этот класс, то она возьмёт его.

- Ладно, господа, - подытожил Горыныч. - Вы как хотите, а я считаю, что моя дальнейшая работа в этих стенах не имеет ни малейшего смысла. Поэтому завтра же я напишу заявление об увольнении по собственному. Чего и вам советую.

- Заметно, что ты не выпускник интерната, - ответил Семёнов.

- Я бы сделал это, если бы был и выпускником. Для меня нет понятия *alma mater*, есть понятия «хорошая работа» и «плохая работа». Если я не могу качественно выполнять свои обязанности, то такая работа является плохой.

- А кто тебе мешает выполнять её качественно?

- Тебе мало того, что произошло сегодня?

- О детях никто из нас не подумал, - подала голос Семёнова. - Вот вы спорите — увольняться, оставаться... А дети, которых вы учите, ни в чём ведь не виноваты. И неужели вы к ним не привязались нисколько? Вот так просто сможете уйти от них?

- Да, - сказал Котенко. - Если бы не такие дети, я бы давно уволился.

- О детях мы, как всегда, забыли.

- Нет, - возразил Горыныч. Он находился на взводе, фразы говорил на два тона выше, чем обычно, и размашисто жестикулировал. - Нет, о детях мы все помним. Но тут, к сожалению, ситуация куда более серьёзная. Сейчас нам объявили войну, вы это понимаете? Это война, самая настоящая, и тут не до сантиментов. Сейчас счёт два-ноль — заметьте, не в нашу пользу.

- Дети-то всё равно ни в чём не виноваты.

- Да, не виноваты. Но на войне разве не страдают мирные жители? И разве кто-нибудь смотрит на потери гражданского населения, если нужно уничтожить стратегически важный объект противника?

- Только мы такими действиями ничего не уничтожим.

- И потом, про привязанности, - продолжал Горыныч, уже никого не слушая. - Война есть война, это штука противная и обоюдомерзкая. Если ваших близких при боевых действиях захватили в заложники — попрощайтесь мысленно с вашими близкими. Вы их всё равно не спасёте. А если будете постоянно про них думать, то и свою задачу выполнить не сможете.

«Были бы у тебя свои дети — ни за что не говорил бы так,» - подумала Надя, но вслух, конечно, эту мысль не озвучила.

- А по-моему, нужно поступать так, как велит совесть.
 - Вот я и поступаю, как велит совесть. Совесть мне велит разделить компанию Польского и Азарова. А вы как хотите.
 - А правильно ли я понимаю, что учить детей ты при этом больше не будешь?
 - Пока не знаю. В городе есть ещё несколько неплохих физматов. Тридцать вторая школа, например. Если меня куда-нибудь позовут, я буду думать. Я не привык искать работу, до сих пор работа сама находила меня. Думаю, что если я вдруг перейду в тридцать вторую, то её результаты быстро сравняются, а затем и перегонят результаты СУНЦ. Можно, кстати, и детей подбить перейти туда, если уж заговорили о детях.
 - Ага, особенно иногородних, - заметил Семёнов.
 - С иногородними проблема, - согласился Горыныч. - Но ведь сейчас треть, а то и половина учеников — городские.
 - Не перейдёт эта половина.
 - Почему же? Если вдруг окажется, что мы все — в том числе и математики, и программисты — работаем в одном и том же месте, то можно будет и часть детей за собой перетащить. Дети и сами разбегутся кто куда, если всех нас тут не будет.
 - Вообще мысль перейти всем в какое-нибудь другое место заманчивая, - сказал Котельников. - Только делать это надо в мае, а никак не в октябре. Я бы, пожалуй, рассмотрел эту возможность. Заодно станет лучше понятно, где пределы административной дурости Бабель.
 - А разве сейчас непонятно? Нет никаких пределов, есть лишь беспредел!
 - Я бы тоже перешёл в какое-нибудь другое место позже, - сказал Семёнов. - Когда решу проблемы с растениями.
- Видно было, что эта мысль понравилась многим. Несколько взглядов легло на Ровину.
- Детей вам не жаль, - тихо повторила она слова Семёновой. Но в выражении, с которым она сказала эту фразу, легко можно было прочесть другую, невысказываемую: «Всё равно вы меня с собой не позовёте». Те, кто на неё смотрел, смутились и отвели взоры, потому что это была правда.
- «Тем более интернату конец, - подумал Горыныч. - Если останутся только такие, как она... И ведь она, наверное, будет на хорошем счету у Бабель.» А вслух сказал:
- Выходит, я остаюсь в меньшинстве. Хорошо. Но своего мнения не меняю. Думайте, господа.
 - Ты тоже подумай. И детей не сбрасывай со счетов. Они всё-таки живые, и они ни в чём не виноваты.
- Тема исчерпала себя. Все начали расходиться — медленно, как сонные мухи. Было уже поздно, и было темно, и снаружи было видно, что свет во всём учебном корпусе был выключен, а в жилых, напротив, жизнь била ключом. Так было всегда по вечерам, но в этот вечер горело ещё одно окно. Прямоугольник света был единственным во всём корпусе. Он сразу привлёк внимание.
- Что там за свет? - спросил Семёнов. - Может, не выключил кто?
 - Может, там вахтёр сейчас сидит?
 - Нет, мы же проходили, он на месте.
 - Точно...
- Пять серых теней остановились перед интернатом. На фоне снега, мягко ложащегося на мёрзлую землю, они казались серебристыми.
- Кажется, я знаю, что это за кабинет. Это же...

И все сразу поняли — коллективная мысль посетила одновременно пятеро голов. Да, освещённый прямоугольник был кабинетом Натальи Никаноровны Бабель, исполняющей обязанности директора.

- Что-то она засиделась тут.

- Говорят, она часто по ночам работает.

- Это точно. Все мы знаем, как она это место получила.

- По ночам у неё лучше получается работать, чем днём. Только мне кажется, что свет при этом не нужен. Или я ошибаюсь? Может, она предпочитает при свете?

- Получила и не покидает, даже ночью.

- Воистину, страшнее дурака только дурак с инициативой.

- Не понимаю. Я-то думал, что её пристроили на непыльное место, на котором ничего не надо делать. Зачем ей становиться директором?

- Так мы все считали, что от неё вреда особого не будет. Вон и Серёжа думал так же. А получилось...

- Карьеру делает баба...

- Да разве же здесь карьеру сделаешь? Карьеру надо в другом месте делать. В ректорат, например, пролезть, там знаете какие зарплаты у этих бездельников?

- Зарплатой она и тут себя не обидит...

А в кабинете, не ведая, что обсуждают за её спиной, Наталья Никаноровна Бабель работала в поте лица и не покладая рук. Изменений предстояло сделать великое множество, а времени до конца четверти оставалось два дня, а до педсовета — менее суток. Наталья Никаноровна Бабель понимала, что эту ночь она проведёт без сна, но она выполняла очень важную работу, и ощущение особенной важности дела придавало ей сил.

21. Козыри в прикупе

Снег всё падал и падал, и к утру на земле скопились уже целые пушистые сугробы. Выглянув в окно, Горыныч понял, что ему понадобится щётка, чтобы очистить машину от снега и, возможно, размораживатель замков.

Перед кладовкой он споткнулся о корыто, привезённое вчера с дачи. Тут же вспомнил, что вещей в кладовке наверняка прибавилось, а это значит, что щётку он может быстро не найти.

«А хорошо хоть не сегодня их везти пришлось,» - подумал он.

Горыныч представил себе, как бы он ехал на дачу по этому снегу. Дороги наверняка ещё не убраны, и трасса, скорее всего, представляет из себя роскошный каток. Экскаватор, запорошенный снегом, будет выглядеть как мамонт в вечной мерзлоте.

Покопавшись, он достал из кладовки метровую щётку. Посмотрел на её щетину — растрепалась, конечно, но сметать снег вполне можно. С другой стороны щётки был скребок. Горыныч провёл по нему рукой — мелкие зазубрины, но в целом ничего критичного.

Родители ещё спали, поэтому кофе нужно было варить только на себя. Он стоял над плитой, готовый убрать кофеварку при первой же попытке кофе убежать, и размышлял над тем, что ему сейчас предстоит сделать.

Сказать коллегам, что он увольняется, было легко, но гораздо тяжелее осуществить своё намерение. Прав ли ты? - спросил он себя. И ответил: нет, не прав. Был бы ты более прав,

оставшись? Не, не был. Есть высокопарное слово «предательство», которое сегодня наверняка кто-нибудь к нему применит. Как ни крути, а с детьми он свыкся. Хоть он и называл их периодически дураками и идиотами, когда они не могли написать контрольную и потом до семи раз её переписывали, а всё же они молодцы. Скольких из одиннадцатого «а» я выгнал? Трёх или четверых, наверное. Многовато. Зато остальные уже не стали проверять, можно ли похалавить на моих уроках. Миногин, правда, жалуется, что они на литературе делают физику, но так ему и надо. Интересно, они расстроятся, узнав, что я ухожу? По идее должны обрадоваться, потому что мне уже много раз говорили, что я уж очень строгий. Но здесь эта идея не работает. Чем более строгий учитель — нет, не надо себя называть учителем, — чем более строгий преподаватель, тем больше жалеют дети, если он уйдёт. Потому что здесь стирается грань между положительными и отрицательными эмоциями, и остаётся одно — сила этих эмоций.

Кукушкин, пожалуй, рад будет. Ну и хрен с ним. Его бы тоже по-хорошему выгнать, но он постоянно проскакивает на нижней границе планки. А вот Савина наверняка расстроится. Она, кажется, слегка влюблена в меня, но я делаю вид, будто не замечаю. Приходится делать вид. Иначе работать совершенно невозможно.

Яркая вспышка в голове, подобная разрыву гранаты. Лимонина. Сегодня же годовщина, обязательно помянуть. Не забыть по этому поводу взять в школу коньяк. Хе-хе, пусть Бабель борется с пьянством. А я возьму на работу коньяк. И значит, сегодня я без машины. Щётку можно засунуть обратно.

Вообще не очень хорошо вспоминать человека только по поводу годовщины его гибели. Получается какая-то формальность вместо памяти. Но вспоминать иногда надо. И не вспоминать тоже надо, иначе вся память окажется забитой этими воспоминаниями, и работать будет совершенно невозможно. Так что сегодняшний день ничем не лучше и не хуже остальных.

И хватит сейчас думать про учеников и учениц. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Горыныч открыл бар, пригляделся к рядам стоящих пузатых бутылок с разноцветными этикетками. Надо бы устроить тут ревизию, — подумал он. Вот что бывает, когда практически не пьёшь. Наверняка это вино — ну да, оно же с июня открыто — выдохлось и скисло, его надо вылить. А вот и коньяк.

Горыныч взял бутылку, подумал, взял ещё одну. Обе бутылки были подарками, но от кого, он уже не помнил.

И всё-таки подумай, как тебе вчера рекомендовали коллеги: правильно ли ты поступаешь? В научном подходе есть критерий Поппера, который хорошо определяет научность той или иной теории. Фальсифицируемость. Принимая теорию, подумай, в каком случае ты будешь готов от неё отказаться, и только тогда она может считаться научной. Если никакие факты, никакие результаты экспериментов не могут противоречить твоей теории, то она не является научной. Про это знают все, но почему-то мало кто применяет этот критерий в жизненных ситуациях, когда нужно сделать какой-нибудь выбор. Так примени же его теперь и ответь: при каком стечении обстоятельств ты откажешься от своего выбора? Многие люди, желающие показать твёрдость своего характера, говорят — ни при каком. Но если ты ни за что не поменяешь своего решения, если ты ни при каких обстоятельствах не сможешь его фальсифицировать, значит, согласно критерию Поппера, это заведомо плохое решение.

Если вернётся Польский? Если Бабель отменит приказ об увольнении Азарова? Нет, это не фальсификация, и ты об этом прекрасно знаешь. Потому что твоё решение — разделить участь Польского и Азарова, и если они останутся, то не уходить и будет твоим решением. Итак, подумай, пока будешь ехать в интернат: что хорошего должна сделать Бабель, чтобы ты изменил своё решение? И пока не придумаешь, не смей приступать к действиям.

Дороги в городе были нечищеными, и снежинки мягко скрипели под колёсами автобуса. По дороге в интернат Горыныч придумал много фальсификаций, но все они были какими-то ненастоящими. Например, если Бабель вдруг сама уйдёт со своего поста и предложит его кому-нибудь, или если с ней что-нибудь случится — попадёт под машину, например. Но эти фальсификации его не удовлетворяли, потому что также подходили под его решение — не работать под началом той, которая в один день уничтожила на корню физику в интернате.

Пойдём с другой стороны, - сказал он себе. Если тебя кто-нибудь попросит не уходить — переменишь ли ты своё решение? Кто же может попросить? Об учениках мы договорились не думать. Ассоциация? Но я же не выпускник интерната. Польский? Что, если Польский прямо скажет, чтобы я оставался на месте и не делал резких движений?

Не знаю, - сказал он себе. Может, и перемену решение, а может, и нет. Не знаю.

Горыныч поднялся на второй этаж, чтобы раздеться в преподавательской. По пути он остановился перед доской объявлений, чувствуя, что на ней должны быть какие-то обновления.

Он не ошибся. Обновления действительно были.

«Приказываю считать недействительным приказ об отчислении Горкина Павла, Губаря Никиту и Подколесина Александра. Указанных учеников продолжать числить в 10а классе. И.о. директора Н.Н.Бабель.»

Горыныч с удовольствием отметил, что в приказ вкралась ошибка — следовало писать «Никиты» вместо «Никиту». Такое бывает, когда количество издаваемых бумаг начинает зашкаливать.

- Сплошная верификация, - с тоской подумал он. - Ну а теперь-то возможна ли фальсификация? Что же должно случиться теперь, чтобы я поменял своё решение?

Нет, так не годится, иначе мы попадём в условие апории Зенона. Прошла условно половина времени до момента, когда я напишу и отнесу в отдел кадров заявление. И я снова спрашиваю себя о возможности фальсификации. Пройдёт половина от оставшегося времени — и я снова смогу задать себе тот же вопрос. И так далее... Но апория Зенона глупа, ибо считает, что бесконечная сумма должна равняться бесконечности. Конечно, бесконечная сумма убывающих величин может быть конечной величиной. Но в данном случае мы имеем не это — мы имеем алгоритм с бесконечным количеством шагов, который должен работать за конечное время — и это уже заведомо неосуществимо. Поэтому хватит задавать себе этот вопрос до бесконечности. Ты получил на него ответ. Фальсификация была возможна, но её не было в действительности. И значит, иди в преподавательскую и пиши своё заявление.

Через несколько минут Горыныч предстал перед Татьяной Ивановной. Их разделял лишь письменный стол.

- Возьмите, пожалуйста, - сказал он, протягивая заявление.

- Что это такое?

- Заявление. Если угодно, могу прочесть вслух и с выражением.

Ивановна пробежала глазами заявление.

- Почему вы хотите уйти? - спросила она.

- Вы действительно хотите, чтобы я ответил, почему?

- И что вы этим действием хотите сказать?

- Я многое хочу сказать, но, пожалуй, лучше сейчас промолчу.

- Вы знаете, что по Трудовому кодексу мы имеем право требовать, чтобы вы работали ещё две недели?

- Из которых одна неделя — каникулы? Пожалуйста, как вам угодно.

Ивановна сдалась. Эту перепалку пора было прекращать.

- Я не могу в одиночку принимать такие решения. Мне нужно посоветоваться с Натальей Никаноровной. На это нужна её виза.

- Как вам угодно, - повторил Горыныч.

Ивановна встала и ушла, взяв его заявление — не иначе как действительно советоваться.

«Интересно, неужели сейчас сама Бабель придёт сюда и начнёт мне объяснять, что я неправ? Пожалуй, это будет шоу. Ради такого шоу стоит жить.»

Горыныч начал придумывать, что бы такого сказать Бабель, если она здесь появится. Но его мысли сменили курс, когда он бросил взгляд на стол. Там лежали бумаги, и верхняя сразу завладела вниманием Горыныча.

«Ну конечно! - подумал он. - Её же теперь переоформляют, вот и документы на столе.»

Горыныч посмотрел внимательнее на верхний лист. Это была копия кандидатского диплома. И тут он понял, что пропустил что-то важное в своих рассуждениях.

Значит, если верить верхнему документу, Бабель является кандидатом наук. Ну конечно, как же я сразу не подумал — директором интерната ведь должен становиться учёный. Этого нигде не написано, но так всегда было. И, говоря откровенно, Польский был более слабым учёным, чем предыдущие директора интерната. Докторскую он защитил позже, чем стал директором. Кстати, отметил Горыныч не без удовольствия, теория существования кротовых нор не фальсифицируется по Попперу. Вообще любая теория о существовании чего-либо, не противоречащего законам природы, не может быть фальсифицирована, и это основной недостаток критерия Поппера. Чайник Рассела тоже не противоречит законам физики, но это ведь не значит, что он существует. И математику Поппер не отнёс к научному методу, поставив в один ряд с философией, хотя в современных реалиях это уже смешно. В нашей науке абстрактная математика настолько тесно переплетена с физикой, что иногда невозможно сказать, где кончается одна и начинается другая. Но всё-таки Польский — настоящий учёный, а вот что в этом плане представляет из себя Бабель, я выяснить забыл.

Горыныч достал телефон и сфотографировал верхнюю страницу.

Итак, Бабель является кандидатом исторических наук. Прекрасно. Теперь совершенно необходимо выяснить, что она представляет собой как учёный. Или, что гораздо вероятнее, как бывший учёный.

Зачем это тебе? - спросил себя Горыныч. - Ты же уходишь отсюда, ну так и уходи, уходя, а они без тебя разберутся сами. Зачем тебе теперь копаться в чужих вещах?

И тут же себе ответил: надо. Во-первых, интернат для меня не пустое место. И если появилось интересное обстоятельство, способное на что-то повлиять, то это обстоятельство надо как следует рассмотреть. Во-вторых, простое любопытство учёного. Судьба мне сейчас подкинула ещё одну карту, очень интересную карту, и её непременно нужно разыграть.

А всё-таки это диагноз, подумал Горыныч. Даже если Бабель является действующим учёным-историком, во что я ни капельки не верию, всё равно это является диагнозом и одновременно приговором интернату. До сих пор интернат, как ведущую физико-математическую школу, возглавляли учёные-физики или математики. Но чаще физики. А сейчас её главой стал историк. И это диагноз. Всё равно как если бы институт ядерной физики возглавлял повар. Или президентом нашей страны стал бразилец. Хотя нашу национальную сборную по футболу тренировал голландец, и ничего. Нет, это из другого жанра. А всё равно диагноз.

Горынычу очень хотелось взять в руки всю пачку и посмотреть, не найдётся ли в ней ещё чего-нибудь интересного. Очень хотелось найти где-нибудь название этой диссертации. Он с трудом удержал себя от такого соблазна. Руки чесались проверить, но через несколько секунд размышлений он понял, что названия диссертации здесь, конечно же, не будет. Его нужно искать по другим источникам.

Вскоре вошла Татьяна Ивановна с его заявлением в руках. Наталья Никаноровна, по-видимому, решила не приходить сюда и не устраивать душеспасительные беседы.

«Жаль, что не пришла. Такой бы спектакль получился, - подумал он. - Нет, имей совесть: ты сейчас и без того получил в руки великолепный материал.»

- Наталья Никаноровна сейчас не поставила свою визу. Сказала, что вы делаете неверный шаг. И я с ней согласна.

- Что ж, ваше право. Пусть я делаю неверный шаг. Но я всё-таки его делаю.

- Нам будет очень жаль, если вы действительно уйдёте отсюда. Так и Наталья Никаноровна сказала.

«Вот сволочь! - подумал Горыныч. - Жаль ей...»

- Вчера ей почему-то не было жаль.

- Было. Она не хотела, чтобы так вышло.

- Хорошо, вот и я не хочу, чтобы так вышло. А всё-таки заявление перед вами, и подписано оно сегодняшней датой, так что ваши две недели пошли.

- Наталья Никаноровна сказала, чтобы вы подумали ещё на каникулах. И если не передумаете, просто ещё раз придите и скажите об этом. Но она очень надеется, что вы передумаете.

Ещё бы не надеялась, усмехнулся про себя Горыныч. Даже если она распоследняя дура, то и тогда она не может не понимать, что ещё два класса остаются без физики. И у Польского был один класс — итого три класса. И это в радужном предположении, что Фоминский возьмёт на себя десятый «а». А впрочем, наша незабвенная Валентина Ивановна наверняка все эти амбразуры закроет.

- Почему же она сама мне этого не сказала?

- Пройдите в её кабинет, и она вам скажет то же самое.

- Хорошо, я приму это к сведению. До свидания.

Горыныча уже раздирало любопытство, поэтому он поспешил закончить этот разговор.

В кабинет Бабель Горыныч, естественно, не пошёл. Цель у него была другая, и эта цель спокойно и с достоинством сидела в преподавательской, осторожно окуная ложку в горячий чай.

Юрий Антонович Полозов выглядел как настоящий профессор. Высокий, в меру толстый, с окладистой бородой, чёрной как смоль, и густыми волосами того же цвета, закрывающими шею до половины, он всегда держался невозмутимо и с достоинством. Он

и в самом деле был профессором исторического факультета, и Сушков когда-то был его аспирантом, но так и не защитился.

- Вас-то я и ищу! - обрадовался Горыныч.

Полозов посмотрел на него, не спеша опустил ложку в чай, кивнул, затем поднялся со стула и подал Горынычу руку.

- Правильно ли я помню, что вы состоите членом диссертационного совета?

- Правильно, - подтвердил Полозов. - А вам какая печаль?

- Наш новый директор — незабвенная Наталья Никаноровна — имеет степень кандидата исторических наук. Я бы хотел понять, что она представляет из себя как учёный.

- Я не знаю ни одной её статьи, - ответил Полозов. - Но это, конечно, ни о чём не говорит. А разве она в нашем совете защищалась?

- Я сфотографировал ксерокопию кандидатского диплома, - сказал Горыныч.

Они принялись рассматривать фотографию. На маленьком экране это было непросто, тем более что на фотографии имелись блики. Пришлось приблизить и разглядывать по кусочкам.

- Наверное, все данные как-то восстанавливаются по номеру, - произнёс Полозов. - Но я плохо представляю, как. Наверняка нужно слать какие-то запросы в ВАК. Давай я запишу номер на всякий случай, но не понимаю, что с ним делать.

Другая часть фотографии.

- А вот это дело! Диссертация защищалась в институте Новейшей истории. Тут и дата защиты стоит — 15 мая 2007 года. Сейчас мы это быстренько выясним. У меня в том институте есть знакомые. Сейчас позвоню Славе, попрошу посмотреть его данные и прислать автореферат. Очень интересно будет почитать автореферат. Я и не знал, что она историк.

- А мне будет интересно ваше заключение как эксперта.

- Я не эксперт по новейшей истории. Но я профессионал, и, наверное, что-нибудь сказать, прочитав автореферат, смогу.

Полозов ушёл звонить коллеге. Горыныч, заложив руки за спину, прошёл коридор слева направо, затем справа налево. Томительное ожидание было невыносимым, голова требовала действий. Горыныч зашёл в преподавательскую и сел за ближайший компьютер. «Наталья Никаноровна Бабель» - набрал он в строке поисковика. Поисковик несколько мгновений обрабатывал его запрос, потом выдал ответ.

Творчество Зощенко в контексте русской литературы. Не то.

Сборник радиоспектаклей.

Творчество М.Зощенко.

Полный перечень российских фамилий.

Всё не то. Нет, по такому запросу ничего не выйдет. Нужно искать по содержанию.

Горыныч вбил в поисковик фразу «институт Новейшей истории». Сайт нашёлся сразу. Из любопытства Горыныч почитал главную страницу, потом перешёл к странице диссертационного совета. Диссертации там защищались в среднем раз в полтора месяца, иногда по две-три за один раз. Он листал список, погружаясь в прошлое. Как будто едешь на машине времени. Сперва листаешь список защитившихся в этом году, затем — в прошлом... Везде даются ссылки на авторефераты. Горыныч ткнул в одну такую ссылку. Компьютер предложил ему сохранить автореферат некоего Корзуна на диск. Горыныч отказался и снова стал листать список.

В 2008 году ссылки на авторефераты исчезли. Видимо, в том году какую-то процедуру перевели в электронный вид.

«Словно палеонтологическая летопись,» - мелькнуло в голове у Горыныча.

На 2005 году список заканчивался. Вероятно, до этого времени на сайте просто не делалось объявлений про защиты.

Никакой Натальи Никаноровны Бабель в этом списке не было.

«Пропустил, что ли?» - подумал Горыныч и принялся снова листать список — теперь уже от 2005 года к текущему времени.

Вот он, 2007 год. Горыныч удвоил внимание. Нужно не пропустить дату — 15 мая. Действительно, на эту дату стоит защита одной-единственной диссертации. Аверьянов Н.В. «Патриотическое воспитание молодёжи в Российской Федерации в 90-х годах XX века». Горыныча слегка покорило такое название. Чувствовался в этом какой-то политический заказ, и было противно, что политика лезла в науку.

«Неужели по таким темам защищаются?» - подумал Горыныч.

Но никакой диссертации Бабель не было и в помине.

Озадаченный результатом, Горыныч ещё раз внимательно пролистал список диссертаций. Вдруг в ленте новостей какой-то сбой, и объявление о защите Бабель следует искать, скажем, среди 2006 года. Но ничего подобного не было.

Вернулся Полозов, степенно подошёл к Горынычу.

- Вы тоже изучаете историю этого вопроса?

- Да, решил посмотреть в интернете.

- И к каким же выводам вы пришли?

- А вы к каким?

Горыныч уже знал, что ему ответит Полозов. Выводы были одинаковыми.

- Нет такой диссертации. Слава обещал ещё пробить по номеру, но в целом всё ясно.

Никакой диссертации Бабель не защищала, а её кандидатский диплом является фальшивкой.

Горыныч вспомнил, что он как-то наткнулся на сайт, предлагавший купить диплом. На главной странице следовало подробное объяснение, поразившее Горыныча своим бесстыдством, почему этот способ получения высшего образования является наиболее правильным. «Не секрет, - говорилось на сайте, - что наша система высшего образования переживает не лучшие времена. Для того чтобы закончить высшее учебное заведение, вам всё равно придётся давать взятки за сдачу зачётов. Поэтому наш способ получится не только быстрее, но и дешевле.» На другой странице предлагалось купить диплом о среднем специальном образовании — для тех, кому эта ступень карьеры необходима, «чтобы впоследствии, когда вы приобретёте опыт и навыки работы, вы могли задуматься и о том, чтобы купить диплом о высшем образовании». Наконец, сравнительно недорого стоили и дипломы кандидата или доктора наук. «Если вы занимаетесь наукой и являетесь профессионалом в своей специальности, то, скорее всего, у вас не будет времени на бумажную волокиту, связанную с защитой диссертации. Мы предлагаем надёжное решение вопроса.»

- Как вы думаете, диплом купленный? - спросил Горыныч.

- Не знаю, но на ум напрашивается именно это.

- Тогда почему бы сразу не докторский?

- Наверное, потому что никто не поверит в то, что она доктор. По-моему, ей не больше тридцати. Лет через пять-десять, возможно, станет и доктором.

У Полозова зазвонил телефон. Вместо стандартной мелодии, встраиваемой в большинство телефонов, зазвучало быстрое арпеджио.

- Что вы себе поставили в качестве мелодии?

- «Революционный этюд» Шопена.

Полозов поднял трубку.

- Алло! Слава, да... слушаю! Да, спасибо, мы так и подумали. Кто, Аверьянов? Ясно... Ну, извини за беспокойство.

- Пробыли диплом по базе, - невозмутимо ответил Полозов. - Диплом с этим номером выдан Аверьянову. Так что ксерокопия, что вы увидели, совершенно точно является подделкой.

- А вот смотрите.

Они склонились над монитором, напоминая двух детективов, раскрывающих запутанное преступление.

- Вот, видите? Всё сходится. И дата, и место, и человек. В самом деле 15 мая 2007 года защищался Аверьянов. Похоже, Бабель просто взяла его диплом и применила фотешоп.

- Да, очень грубая подделка получилась.

- Кстати, что вы думаете по поводу такой темы — патриотическое воспитание молодёжи?

- А что думать? Я слышал про эту диссертацию немного, рассказывали коллеги. Аверьянов — чиновник, а не учёный. Диссертацию ему писали другие люди, даже известно кто, только тут ничего не докажешь. Сама работа — переливание из пустого в порожнее. Довольно много плагиата, примерно треть диссертации просто списана из другой, такой же пустой. В общем, работа ни о чём. Проблема в том, что процентов восемьдесят всех диссертаций, по крайней мере по моей тематике, не сильно лучше. Толку-то от того, что один написал самостоятельно, а другой скопировал. И то и другое — научный ноль. Ну а с Бабель, думаю, всё понятно. Тут и в помине диссертации нет.

Горыныч улыбнулся. В этот момент он напоминал преферансиста, которому в прикупе неожиданно пришли две карты той масти, которую он собирался разыграть. Теперь в его руках была надёжная улика. Подделка документов — преступление весьма серьёзное, тут не только директорского места можно лишиться, и не помогут никакие связи в ректорате.

Не это ли то обстоятельство, при котором не следует уходить? - спросил он себя. Может быть. Но у меня есть время, чтобы поменять решение. Бабель сказала, что я до конца каникул могу передумать. Значит, у меня есть время до конца каникул. Правда, если она узнает про то, что сейчас знаю я, возможно, она меняет своё мнение. Возможно, меняет... Но к тому моменту об её подлоге буду знать уже не только я. И останется ли она к концу каникул и.о. - большой вопрос.

22. Укрощение мельниц

«Последний рабочий день», - со злобой думал Александр Евгеньевич Руцкий, спеша в ректорат, уже третий день заменяющий ему дом — мачехин, неродной, неудобный. Он уже не честил ректорат разными словами. Слова давно закончились, слова меркли по сравнению с тем, что преподносила реальность.

Вчерашний день преподнёс ему массу сюрпризов. Он появился к десяти, полчаса ждал Колобка. Тот появился внезапно, сказал: «У меня сейчас будет совещание, но я постараюсь оттуда поскорее выбраться и сделать вам приказ», и снова исчез. Руцкий, уже

настроившийся сидеть над душой до тех пор, пока приказ не будет сделан, обречённо сел в коридоре. Души, над которой можно было сидеть, в ректорате не было, а была лишь суета. То и дело в кабинет входили и выходили помощники проректора, иногда порожняком, иногда с какой-то бумагой. Ректорат жил собственной жизнью, отличной от жизни Университета. Руцкий вспомнил сон Геши из «Бриллиантовой руки» - отрезанная рука оживает, начинает шевелить пальцами и наконец вцепляется в горло тому, кто в этот момент находится рядом. Казалось, ректорат превратился вот в такую отрезанную руку, которая живёт сама по себе. Только один раз грудастая накрашенная блондинка в идеально белой блузке вышла из кабинета помыть кружку из-под чая, и вид у неё был затравленный и виноватый, как будто она украла не пять минут рабочего времени, а как минимум миллион долларов. «Дорогое здесь время,» - подумал Руцкий. Наконец, Колобок появился. Руцкий украдкой посмотрел на часы — без пяти одиннадцать; Колобок, очевидно, сдержал слово появиться как можно раньше. Он пригласил Руцкого в кабинет и начал готовить приказ.

«Кто проводит эту олимпиаду?» - спросил Колобок. Руцкий сперва не понимал, как отвечать. Группа энтузиастов? Он, Наташа, Валера, Игорь, Дима? Не годится, это он понимал. Вскоре выплыла верная формулировка - «Математическое общество». Это было полуправдой — математическое общество пообещало дать немного денег на призы победителям, но к самому проведению отношения не имело. «Тогда при чём здесь Университет?» - спросил Колобок, испытываяюще глядя на Руцкого. И потом сам же ответил: «Давайте напишем так. Олимпиаду проводит Математическое общество совместно с Университетом. Вы же приносили мне представление, так что Университет можно считать одним из организаторов.» Такая формулировка вполне устроила Руцкого — его устроила бы любая формулировка — и процесс пошёл быстрее. Колобок спросил, сколько предполагается участников и сколько членов жюри, кто будет ответственным за ключи. Вскоре приказ был готов, и оставалось только его подписать. «Ждём Максимова,» - вздохнул Колобок.

Приказ был готов и ждал подписи Максимовой. Руцкий ещё около часа гулял вокруг да около. Коридор ему надоел, и он вышел во дворик, где по периметру росли высоченные голубые ели. От нечего делать он начал их пересчитывать — получилось двадцать три штуки. «По кругу стояли двадцать три ели, - придумалась задача. - Могло ли на каждой из них быть либо вдвое больше, либо на тысячу меньше иголок, чем на соседней справа ели?» Простая задача, надо будет предложить на пятый класс.

Руцкий вернулся в коридор. Максимова уже вернулась на своё рабочее место, но к чтению его приказа ещё не приступала. Руцкий подождал ещё полчаса. Минуты ожидания текли медленно, как патока, и самое ужасное — в эти минуты невозможно было ни на чём сконцентрироваться. Ни работы проверить, ни ещё одну задачу для олимпиады придумать. Руцкий барахтался в этих вязких минутах, точно муха в куске застывающей смолы, становящейся янтарём.

Наконец, Колобок позвал его в приёмную, и унылый его вид не внушал особого оптимизма. Руцкий уже знал, что подпись Максимовой — это всегда краеугольный камень, и потому не удивился, что подписи ещё нет. «Марина Григорьевна сделала несколько замечаний. Во-первых, она категорически против слова «олимпиада», потому что она считает, что олимпиады бывают только те, которые в министерском Перечне. Вы ведь не подавали туда заявку?» «Нет, - ответил Руцкий. - У нас нет олимпиады для выпускных классов, а Перечень — это ведь список олимпиад, дающих какие-то льготы

при поступлении. Поэтому, конечно, нас в этом Перечне нет.» «Тогда название придётся исправить, - сказал Колобок. - Вас не смутит, если мы это мероприятие назовём конкурсом, а не олимпиадой?» Руцкий ответил, что ему всё равно, как они назовут это мероприятие, лишь бы только оно состоялось. «Вот и хорошо, - сказал Колобок. - Тогда первая проблема разрешилась. А второе — раз уж основным организатором у вас выступает Математическое общество, то необходимо принести ксерокопию положения и регламента с подписью президента Общества и печатью.» «Подождите, - сказал Руцкий, - Я же в самом начале приносил вам положение и регламент.» «Да, только без печати Общества, а нужна печать. Кроме того, теперь эта олимпиада называется конкурсом, так что в положении нужно всюду слово «олимпиада» заменить на слово «конкурс». И ещё нужно принести составы оргкомитета, методкомиссии и жюри, тоже утверждённые президентом Общества.» «Когда же я это буду делать? Завтра ведь последний рабочий день перед олимпиадой!» «К сожалению, тут я вам помочь не могу. Марина Григорьевна затребовала эти документы.»

В этот момент Руцкий понял, почему уныние является смертным грехом. Он не представлял, как это всё получить, да ещё и мгновенно. Олимпиада накрывалась медным тазом, и всё из-за того, что в этом огромном механизме какая-то шестерёнка отказывается вертеться как положено, а шестерёнка эта была важной и неизбежной. Руцкий представил себе, что дети уже получили приглашения и придут, а у него тут всё срывается. «А ведь это будет отрицательная репутация Университету, - подумал он. - Если дети придут, и окажется, что помещения в Университете нет, потому что приказ не подписан... да, конечно, мы при этом будем плохо выглядеть, но при этом в дураках останется и Университет. Всё-таки будущие абитуриенты...»

Руцкий позвонил Наташе и пожаловался на новую напасть. Но та не столь глубоко погрузилась в университетскую бюрократию, и потому оптимизма не потеряла. «Ну так позвони Загребу или Ястребову и выясни, как это получить. Или у тебя их телефонов нет?» Телефон Ястребова у Руцкого нашёлся. Он минут пять собирался с духом, потому что уже не верил в какой-нибудь успех своего мероприятия, потом всё-таки позвонил.

Александр Иванович Ястребов, моложавый блондин с чуть появляющейся лысиной, был секретарём матобщества. Он выслушал Руцкого, посочувствовал и сказал, что сам он помочь в этом не может, что он может дать телефон Загреба, с которым и стоит разговаривать. Только Иван Петрович сейчас в командировке и прилетит нынче вечером, так что нужно звонить позже. Потом пожелал удачи и положил трубку.

Через несколько секунд на телефон пришло сообщение — это Ястребов переслал телефон Загреба. Миссия невыполнима, - с отчаянием думал Руцкий. - Иван Петрович Загреб в командировке, приедет только вечером. Наверняка будет уставший с дороги. Как его беспокоить? Появится ли где-нибудь он завтра? Пожалуй, надо будет вечером позвонить ему.

Руцкий долго набирался наглости. Беспокоить крупного учёного, члена-корреспондента РАН и просто пожилого человека в день приезда ему казалось некорректным. С другой стороны, иного выхода у него не было.

«Абонент не отвечает или временно недоступен,» - услышал он в трубке. По-видимому, Загреб ещё не прилетел. Придётся звонить позже.

«А если он прилетит совсем поздно, когда звонить уже неприлично будет?» - мелькнуло у Руцкого в голове. С большим трудом он выждал полчаса и позвонил снова. На этот раз Загреб был в зоне доступа.

- Слушаю! - прозвучал ответ на той стороне трубки.

Руцкий сбивчиво объяснил свою проблему.

- Я прошу прощения, раньше до меня дозвониться было невозможно, - сказал Загреб. - Только вот прилетел из Италии. У вас готовы бумаги, которые нужно подписывать? Вам, наверное, придётся ко мне домой заехать, я страшно устал и никуда сегодня уже не выйду... Вы знаете мой адрес?

Руцкий ответил, что не знает. Загреб продиктовал свой адрес и добавил:

- До одиннадцати смело можете приезжать. Ну, жду вас!

Через час у Руцкого были все бумаги, которые потребовала Максимова.

И вот теперь Руцкий снова стучался в приёмную. Не дожидаясь ответа, он отворил дверь. Было ещё рано, и в кабинете была только та грудастая блондинка, которая вчера мыла чайную кружку. «Вы к Максимовой?» - спросила она. «Да, я принёс то, что она сказала,» - Руцкий с большим трудом сохранял спокойствие. «Ну хорошо, подождите, Саша скоро должен появиться.»

И снова ожидание. Через десять минут появился Колобок, поправил пиджак, и без того сидевший идеально. Руцкий протянул ему пачку — в том самом виде, в котором он протягивал её вечером Загребу. Слов, чтобы при этом что-то произносить, уже не было. Колобок улыбнулся, взял пачку, просмотрел глазами документы. «Отлично! Надеюсь, теперь всё будет в порядке,» - сказал он. Похоже, у Колобка не было и тени сомнений, что Руцкий сможет получить нужные подписи менее чем за день.

«И что делать теперь?» - спросил Руцкий. «Ждать, - ответил Колобок. - Надеюсь, Марина Григорьевна вскоре это подпишет.» «А когда? Олимпиада ведь уже послезавтра.» «Надеюсь, сегодня всё образуется. Должно образоваться.» «И когда подойти?» «Подойдите через час.»

Руцкому ничего не оставалось, кроме как ждать. За час он сходил в студенческую столовую. Заказал там себе чай и булочку с маком, но булочка вставала поперёк горла, будто чай был сухим. Он старался жевать эту булочку медленно и вдумчиво, чтобы убить время. Вспомнил свои уроки биологии, когда учительница объясняла про пищеварение и говорила, как нужно правильно пережёвывать пищу. Досадно, но этот урок вспоминается только сейчас, и жую я так тщательно не потому что это полезно, а лишь чтобы убить время. А самое досадное, что булочка всё равно не желает проваливаться в желудок, и нынешний перекус едва ли способствует правильному пищеварению.

Вот так и я студентов учу, - подумал он. - А потом они вспомнят меня в лучшем случае в подобные моменты. Как в анекдоте, когда старый профессор математики спросил на встрече выпускников группы: «Ну что, пригодилась кому-нибудь в жизни высшая математика?» Все сидят, потупив взоры, и тут один нашёлся: «Да, пригодилась! Вчера с меня ветер шляпу сорвал, и она улетела в пруд. Так я нашёл проволоку, вспомнил ваши лекции, согнул её в форме интеграла и вытащил шляпу.» Так вот и учим...

Так учим или не так, а времени прошло всего двадцать минут, и, значит, оставалось всего сорок. А учитывая весь опыт общения с ректоратом, через час подходить было бессмысленно. Если сказали, что через час, то смело можно уходить на полтора.

Руцкий ещё побродил по коридорам Университета. Со стен на него уныло смотрели портреты учёных — от Ньютона до Ломоносова. Лица на портретах были какие-то неживые, будто художник рисовал не человека, а статую. Их потухшие взгляды словно предостерегали всех, кто осмелился прийти в Университет. Белоснежные парики на

головах подчёркивали безжизненность портретов. «Странно, мне казалось, что они выглядели более живыми, - подумал Руцкий. - Или они только сейчас такие? То ли их убил Университет, то ли это влияние поздней осени. Но скорее всего, просто причуды освещения.»

Руцкий ещё раз вышел во дворик, обошёл все двадцать три ели. Во дворике было чуть теплее, чем в городе, и снег, ложившийся на тротуарную плитку, частично таял и стекал на землю, под ели. «Наслежу я там,» - подумал Руцкий, глядя на свои ботинки. Он снова зашёл в здание, тщательно вытер ноги об коврик. Следы на паркете ему оставлять совершенно не хотелось.

Он вошёл в приёмную без стука. Грудастая блондинка улыбнулась ему как старому знакомому. Колобка на месте не было. Через минуту он появился, кивнул Руцкому и сказал: «Я вас поздравляю, Максимова подписала приказ.» «Могу ли я получить копию этого приказа?» - спросил Руцкий. «Подождите, сейчас он согласовывается, на него ещё нужна виза первого проректора, Ягунова. Но вы можете уже ни о чём не беспокоиться, я вам пришлю копию по электронной почте.» Руцкий почему-то предпочёл побеспокоиться и остаться, пока приказ не будет готов. Колобок не возражал.

Михаил Михайлович Ягунов, представительный мужчина средних лет, получил приказ о проведении конкурса и стал бегло его читать. «Математическое общество, - проворчал он про себя. - Нет такого юрлица — Математическое общество. Не могут они ничего проводить.» Хотел отправить приказ на доработку, но решил дочитать до конца. Ещё ему не понравилось, что ответственным за ключи назначили Руцкого. «Не могли кого-то из сотрудников назначить?» - подумал он. Он ещё несколько секунд колебался — подписать этот приказ или отправить на доработку, но увидел дату олимпиады и решил подписать как есть. «Послезавтра... Вечно они дотянут до последнего момента, а приказ сварганят кое-как. Ну ладно уж, не отменять же конкурс.»

Ягунов щёлкнул блестящим золотистым «Паркером» и приготовился изображать подпись, но телефонный звонок отвлёк его. Звонила Наталья Никаноровна Бабель.

- Да, дорогая! - сказал он.

- Ух, я кажется, закончила переписывать Положение. Такая морока вышла... Всю ночь сидела, а мне ещё педсовет проводить.

- Ну хорошо, умница. А что там пришлось переделывать?

- Я подняла документы — там много нестыковок было. Во-первых, пришлось убрать саму аббревиатуру «СУНЦ». Теперь это заведение будет называться лицеем при Университете.

- Не самое лучшее название. Лицеев по городу полно, а нам нужно как-то выделяться среди остальных. Это же одно из лучших учебных заведений по стране!

- Ты можешь предложить более подходящее название?

- Например, назвать его Академическим лицеем Университета. Или ещё какую-нибудь приставку применить. Подумай сама. А почему от СУНЦ пришлось отказаться?

- Во-первых, в правоустанавливающих документах Университета не оказалось такой аббревиатуры. А во-вторых, нам нужно выполнять предписание. Преподавателей теперь нужно будет увольнять и оформлять как учителей. Тоже ещё морока. То есть нужно, чтобы на бумаге это была школа, хоть и являющаяся подразделением Университета. Все слова про научность следует убрать из Положения.

- Хорошо. Это всё?..

- Мне ещё пришлось уволить нескольких сотрудников, которые не соответствовали занимаемой должности.

- Это замечательно. Дорогая, займись вплотную кадровой политикой. Ты же знаешь, как нас будут бить за среднюю зарплату.

- Обязательно. Я сегодня обо всём скажу на педсовете. Но у меня ещё есть одна просьба. Ты же знаешь, что эти меры, которые приходится применять — они не очень популярны.

- Подозреваю, что кому-то из учителей они могут сильно не понравиться. Им же теперь работать придётся, а не делать вид.

- Вот я об этом же. Я боюсь, что ещё кто-нибудь из учителей захочет уйти из этой школы.

- Ты думаешь?

- Строго говоря, я уже получила одно заявление об уходе... и это ценный сотрудник, я его не хочу отпускать.

- Скорее всего, передумает и вернётся. Ты, главное, пока не подписывай это заявление, дай ему возможность передумать.

- Я так и сказала. Тоже надеюсь, что передумает. Но можно ли с этой ситуацией что-нибудь сделать?

- Ты же понимаешь, что насильно держать его мы не можем. Так что чисто теоретически — ничего. Серьёзных надбавок мы предложить сейчас не можем. Можем, конечно, намекнуть, что это нехорошо, что они подставляют Университет, и что у них могут возникнуть проблемы на своих кафедрах... только это нехорошо, мы получим протест заведующих кафедрами. Юридически они, конечно, никто, но реально, к сожалению, могут нам нервы попортить. Я подумаю, что можно сделать. А ты держи руку на пульсе.

Они обменялись дежурными любезностями и прекратили разговор. Ягунов вспомнил, что у него под рукой приказ о проведении конкурса. Он ещё раз пробежался по нему глазами и поставил подпись.

«Пусть ребята проводят свой конкурс, - подумал он. - Они полезное дело делают, и мы не будем вставлять им палки в колёса. Пусть приказ не очень корректно оформлен, это можно пережить.»

Потом он вспомнил разговор с Бабель.

«Хорошо, что теперь интернатом занимаются, - подумал он с удовольствием. - Теперь он не будет бесхозным, как раньше. Главное — кадровая политика. Кадры, как говорится, решают всё. И очень правильно, что я отправил туда Наташу, теперь там идёт активная работа.»

Ягунов широко улыбнулся, представив себе, как быстро теперь будет возрождаться интернат.

«Нет, быстро ничего не бывает. Только долгая и кропотливая работа. Но она будет делаться. И я в этом совершенно уверен.»

Колобок поздравил Руцкого с успешным завершением миссии, пожал ему руку и выдал копию приказа.

Руцкий чувствовал себя так, будто из его тела удалили все внутренние органы. Удалили мозг, чтобы не засорять душу лишними мыслями. Удалили сердце, чтобы не переживать по пустякам. Удалили желудок, чтобы не требовал пищи. Удалили печень, чтобы не производила желчи. Удалили всё. Оставили только пустую оболочку, и эта пустая оболочка теперь может только ходить и радоваться. Лёгкость в теле была необычайной.

Он позвонил Наташе и отчитался о проделанной работе. «Молодец,» - сказала она, но, похоже, не оценила его титанических трудов. Он позвонил Игорю Вернеру и поинтересовался, сможет ли тот провести сегодняшний кружок самостоятельно. «Да, - ответил Игорь. - Сегодня будем мы с Ксюшей, и ещё обещали прийти Даня и Марк. Так что справимся сами. А в интернате, если что, я всех знаю, я же его оканчивал.» «Хорошо, - думал Руцкий. - Теперь хотя бы этот вечер свободен.»

Он вышел на улицу. Ощущение реальности постепенно возвращалось к нему, как будто его внутренние органы медленно устанавливали на свои места — конечно, всё под местной анестезией.

На всякий случай он решил пройти в межфакультетский центр, где должна проходить олимпиада, и согласовать пропуск детей с вахтёром. Вахтёр, конечно, за два дня поменяется, но для очистки совести известить вахту надо. Заодно зайти к коменданту и спросить, помнит ли он договорённости насчёт гардероба.

Но на вахте его ожидал очередной сюрприз.

- Мне ваша Максимова не указ, - сказала ему бабка с вредным лицом, очень давно работающая на вахте и потому привыкшая считать себя самым главным человеком в здании, который должен присматривать за тем, чтобы ключи от аудиторий не попадали в чужие руки.

Руцкий растерялся.

- Вот видите, приказ. С печатью Университета и подписью двух проректоров.

- Я не знаю, что это за люди, - невозмутимо ответила та. - Мне эта бумажка не указ.

- А какая бумага вам указ?

- Я пропускаю, только если есть виза отдела охраны. Видите? - она извлекла из недр своей кабинки другой приказ, касающийся подготовительных курсов. - Вот здесь в уголке стоит виза отдела охраны и подпись Дубова. А у вас на приказе стоит подпись Дубова? Нет, не стоит. Поэтому пока нет этой подписи, я сюда никого не пущу.

Руцкий почувствовал себя круглым дураком. Сколько раз он давал себе обещание не верить фразе «всё сделаем, можете ни о чём не беспокоиться», и вот в последний момент всё-таки снова поверил. Расслабился, увидев копию заветного приказа. А рано. Верить, что теперь-то уж всё хорошо, нельзя было ни в коем случае.

«Хорошо ещё, что я зашёл сюда, - мелькнуло у него в голове. - Мог бы и не зайти.»

Пришлось возвращаться в отдел приёма. Колобок выслушал его и сказал: «Ах да. Надо представление Дубову написать. Это к Сонину надо, он проректор по естественнонаучным направлениям.» «Зачем к Сонину?» - спросил Руцкий. «Нужно представление Дубову, чтобы поставил в приказе свою визу.» «А почему тогда к Сонину?» «Ну не вы же будете представление писать.»

Руцкий напомнил о том, что олимпиада, то есть конкурс, состоится уже послезавтра, а подписи проректора иногда приходится ждать несколько дней. «Нет, - сказал Колобок. - Вы идите туда сейчас, а я позвоню и попрошу, чтобы представление сделали побыстрее.»

Руцкому пришлось покорно отправиться туда, куда его послали. Однако он не мог не отметить одну особенность, которая бросилась ему в глаза — впервые за всё время проблема решалась не кучей бумажек, а простым телефонным звонком.

«И зачем эти все мытарства, если всё равно всё решается телефонным звонком?» - подумал он.

В приёмной его уже ждали — видимо, Колобок оперативно позвонил. Олег улыбнулся ему как старому знакомому, которого всегда приятно видеть, и сказал, что сейчас сделает

представление. Снова спросил всю информацию — сколько детей, сколько взрослых, кто получает ключи. Руцкий отвечал как заученное стихотворение.

«Подождите минут десять,» - сказал Олег и ушёл в кабинет Сонины.

Руцкий просто сидел и ни о чём не думал. Кабинет он уже не рассматривал, все эти кабинеты с их почти одинаковым интерьером сидели у него в печёнках.

Минут через пять Олег вернулся и отдал представление Руцкому. На представлении красовалась размашистая подпись Сонины.

«Вот что значит последний момент, - подумал Руцкий. - Будь это не пятница, а, скажем, вторник, не видать мне этой подписи так скоро. А в последний момент они расторопны.»

Олег послал Руцкого в отдел охраны. «Где это?» - спросил Руцкий. «А вот идёте по этому коридору, затем спускаетесь на первый этаж и налево, в закуточек. Там ещё турникеты стоят и охранник, скажете ему, что в приёмную Дубова.»

Руцкому уже было всё равно, куда идти, лишь бы это поскорее кончилось. Отдел охраны он нашёл сразу же; как и описывал Олег, этот отдел отгородился от остального Университета дополнительным турникетом и охранником. Турникет, правда, оказался свободным, а охранник не спросил ничего, только с приветливым видом кивнул ему.

В отделе охраны Руцкого миловидная девушка спросила про количество детей и взрослых, а потом попросила полные списки. Полных списков у Руцкого с собой не оказалось. «Ну как принесёте, так вам и будет виза,» - ответила ему девушка. «Да, только конкурс будет уже послезавтра,» - сказал Руцкий.

«Интересно, сколько раз за сегодня я уже произносил эту фразу? - подумал он. - И сколько раз она мне помогала?»

Девушка прочитала приказ, долго всматривалась в подписи Ягунова и Максимовой и наконец сказала: «Ну хорошо. Пошлёте сегодня списки по электронной почте. Только не забудьте, потому что это под мою ответственность.»

Система, казавшаяся каменной, незыблемой и неумолимой, уже второй раз за сегодня давала слабину.

Девушка забрала представление и сказала: «Дубов сегодня это подпишет, и завтра эта бумага будет на вахте межфакультетского центра.» Руцкий насторожился. Сейчас ему предлагалось снова ни о чём не беспокоиться. «А нельзя ли мне её отнести?» - спросил он. «Нельзя, - ответила девушка. - Мы сами разносим все бумаги по вахтам.» «А если вдруг завтра этой бумаги на вахте не окажется?» «Окажется, это я вам обещаю.»

Руцкий понял, что завтра ему предстоит снова ехать сюда и проверять, оказалась ли бумага с визой Дубова на вахте. Никаким обещаниям он уже не верил. Но что делать, если её не окажется?

«А завтра вы работаете?» - спросил он без особенной надежды. Девушка улыбнулась и ответила, что работают.

«Значит, завтра, если что, я смогу снова обратиться сюда,» - подумал он.

Руцкий вышел из главного корпуса. Голые липы, полуприсяпанные снегом, взглянули на него, словно стражники. Небо было такое низкое, что эти липы, казалось, подметали облака своими голыми ветвями.

Руцкий понимал, что это сражение с мельницами ещё не закончилось, но теперь эти мельницы вели себя по-другому. Отсутствие времени, которое можно было потратить на бюрократию, сделало их сговорчивыми.

Он подумал, что эта олимпиада, скорее всего, не последняя. А значит, надо подумать и о том, как и когда подавать документы в следующий раз. С одной стороны, логичнее всего

было подавать их заранее, месяца за полтора, чтобы они были своевременно сделаны. С другой стороны, опыт последних дней показал, что, сколь рано ни подавай заявку, всё равно всё будет делаться в самый последний момент, когда уже не отвертеться.

«Интересная штука время, - подумал Руцкий. - Я всегда считал, что отсутствие времени — это плохо, но теперь увидел, что так бывает не всегда. Наверное, дело вот в чём: что одному плохо, то другому замечательно.»

А там, за его спиной, продолжали вертеться ветряные мельницы. Им не было дела до собственных ошибок и сбоев.

23. Эволюционные процессы и глобальные катаклизмы

Звонок поставил Горынычу на повестку дня очередной вопрос. Он понимал, что сейчас в преподавательской окажется много народа. Надо ли им сейчас рассказывать про подделку диплома у Бабель, или оставить это в тайне? Конечно, о таких вещах следует кричать: гласность является лучшей защитой от злоупотреблений. С другой стороны, он лишится тогда дополнительного козыря — сейчас Бабель даже не догадывается о том, что он раскопал, и можно разыграть эффект внезапности. Только как его лучше разыгрывать, Горыныч не понимал.

Как обычно, в кабинет влетела Аня, кинула на стол кучу плюшек, взяла чайник и убежала наливать воду. Хотя такой срочности сейчас и не требовалось — наступил большой перерыв, во время которого учеников кормят обедом, и который продолжается пятьдесят минут. Ровина сидела на своём привычном месте и безучастно проверяла работы. Пришёл Илья Испайнов, на ходу объясняющий кому-то по мобильнику, как лучше пофиксить очередной баг. Появилась Надя, поискала глазами мужа, не нашла, решила подождать его здесь. Потом появились Семёнов с Алёной Сидоровой, ведущей в интернате биологию. Алексей поймал свою жертву и терзал её рассказами.

- Понимаешь, это ерунда, что там написано. Исчезающие животные вовсе не будут моментально восстанавливать свою популяцию, если люди внезапно исчезнут с лица земли. А скорее всего, они довольно быстро вымрут. Например, тигры. Их популяция состоит из множества островков, и на большинстве проживает отсилы несколько экземпляров. Если всё оставить на самотёк, то инбридинг быстро сделает своё дело. Близкородственное размножение очень быстро вырождает популяцию. Несколько животных — это не популяция, слишком бедный генофонд.

Алёна лениво слушала и кивала. Вступать с ним в спор она явно не хотела, иначе этот разговор затянется надолго.

- Нет, конечно, есть бенгальские тигры, которых вроде как немало, но это я привёл для примера. Или вот ещё пример, про который я недавно прочитал. Несколько лет назад в Украине приняли полный запрет вылова осетровых. Логичная ведь природоохранная мера? Да чёрта с два. Браконьеров это не остановило — как ловили, так и ловят дальше. Зато ихтиологи, искусственно разводящие осетровых, словили на этом большую проблему — им ведь нужно выловить рыбу и выдоить из неё икру и молоки. Рыба при этом не страдает, остаётся живой и отпускается на волю. Только эти действия стали незаконными, ловля-то запрещена. А естественным образом осетровые размножаться уже не могут, ибо они должны подняться в верховья рек, а все реки сейчас перегорожены плотинами, отрезающими нерестилища. Да, и ещё корабли размывают берега маленьких ериков,

являющихся нерестилищами осетровых. В общем, нужно сперва биотопы спасать, а пассивная охрана ни к чему не приведёт.

- А, биотопы? - раздался скрипучий голос Ильи, который как раз закончил телефонный разговор. - Биотопы — это хорошо. - Илья помолчал немного, чтобы убедиться, что собеседник его услышал. - И что ты скажешь про биотоп, в который превратился СУНЦ?

- Про какой?

- Не кажется ли тебе, что мои слова про дерьмовый остров начали подтверждаться?

- Ты про что?

- По-моему, от СУНЦа осталось только вонючее болото.

- Болото. Но это произошло, потому что к власти пришла Бабель.

- То есть ты согласен, что осталось болото? - Илья дождался, пока мысль о том, что осталось болото, не укоренится достаточно прочно, чтобы можно было высказывать свежие мысли поверх той. - Ну и что же произошло с твоим биотопом?

- В интернате сменился директор.

- А тебе не кажется, что он сменился только вчера?

- Да. Но с тех пор произошло много изменений.

- И какие же эти изменения?

- Хотя бы то, что она уволила Азарова.

- Замечательно. Честно говоря, я бы и сам его близко не подпускал к детям, кроме самого топа. Но Азаров вёл один класс, тебе не кажется? Один, понимаешь? - для верности Илья поднял вверх указательный палец — вдруг собеседник не различает единственное и множественное числа. - А классов у нас пятнадцать.

- Ещё Польского надо учесть. За один день интернат потерял, хотя бы временно, двух лучших людей. Это сродни глобальной катастрофе, метеориту, который вызвал вымирание динозавров, или излиянию Сибирских траппов, вызвавших великое Пермское вымирание.

- Ну, с Польским Бабель ни при чём...

- Как это ни при чём! - вмешался Горыныч. - Ничего себе ни при чём!

- Это был несчастный случай. Вот если я завтра попаду под машину, - Илья замолчал и выразительно оглядел всех, чтобы слушатели прониклись трагизмом этой гипотетической ситуации, - может ведь такое быть? Может. И что, будем говорить, что СУНЦ от этого рухнет? Если рухнет, то грош ему цена.

- Это глобальный катаклизм. Если бы в прежние времена из интерната ушли Либенталь и Смирнов, то...

- Университет нашёл бы им замену, - отпарировал Илья. - А сейчас Университет нашёл замену Польскому.

- Поганую замену.

- Какой СУНЦ, такая и замена.

- Кстати, а где Польский сейчас? И что с ним?

- Инфаркт, - ответил внезапно вошедший Котельников. - С ним сейчас всё в порядке, то есть его жизни ничто не угрожает. А находится он сейчас в клинике Марии Магдалины.

- Надо бы навестить его...

- Бабель только расставила всё по местам, - резюмировал Илья. - Сама она ничего такого не сделала. Просто посыпались скрытые баги.

Горыныч рывком вытащил из сумки бутылку коньяка и плюхнул на стол. Бутылка врезалась в поверхность стола подобно метеориту, и звук удара привлёк всеобщее внимание.

- Будем бороться с пьянством? - спросил Семёнов.

- Нет, - резанул Илья. - Пьянство мы будем здесь культивировать. Всё согласно общей концепции. Вон там троих восстановили в правах, хотя недавно зарепортили пьянку.

- Да, - ответил Семёнов. - Раньше бы никогда такого не было. Выпил — вон из интерната. Было такое правило, и оно не нарушалось.

- Не «выпил», а «выпил и попался». Это разные вещи. - Илья дождался, пока все осознают, что это действительно разные вещи, и продолжил. - Если ты такой дурак, что не просто пьёшь, но ещё и попадаешься на этом, тогда да, фейл. А пьянство здесь культивируется уже давно, и преподаватели этому активно способствуют.

- А теперь это ещё и не будет наказуемо.

- Вот я и сказал — посыпались скрытые баги.

- А тебе не кажется, что функция руководства заключается именно в том, чтобы все эти баги таились по углам и не высывались?

- Нет, не кажется. Я всего лишь про баги конструкции говорил. А твоей функцией руководства должен заниматься отдел рекламы. Представить товар так, чтобы он выглядел лучше, чем он есть. Завернуть кусок дерьма в красивый фантик и всем рассказывать, какая это вкусная конфетка. Сейчас мы просто содрали с него обёртку. И вся суть стала видна.

- Плохие вещи всегда присутствуют. В любом человеке есть что-то плохое и есть что-то хорошее. Вопрос в том, чему из этого нужно потворствовать, а что затыкать. Ровно то же происходит и в обществе. Если принимать на работу специалистов и смотреть именно на то, какой человек специалист...

- То такая команда будет не работоспособна, - закончил Илья. - Я как-то работал в такой команде, где каждый мнил себя большим спецом. В итоге просто все намертво переругались, задачи никто так и не распределил, и получился эпический фейл. Потому что каждый считал, что он бы мог вытянуть проект в одиночку.

- На это есть руководство. Руководитель проекта должен распределять обязанности, а остальные его слушаться.

- Хватит, - прервал разговор Горыныч. На лице у него сделалось целое хмурое небо — низкие слоистые облака лба и кучевые тучи щёк приобрели сердитый вид. - Я не для того принёс коньяк, чтобы вы рассуждали о том, какие качества тут культивируются, а какие нет. Это всё — предмет для отдельного разговора, но сейчас я не об этом. В этой суматохе мы забыли ещё одно важное событие, которое забывать ни в коем случае нельзя. Сегодня годовщина. Четыре года назад погибла Нина Лимонина. Сейчас бы она училась на третьем курсе. Наверняка кто-то из вас помнит её.

Горыныч хотел сказать что-нибудь ещё, но слова не шли наружу. Остальные попритихли и придвинулись к столу. Обычно Горыныч за словом в карман не лезет, а сейчас он замолчал, оборвав речь на полужае, и значит, ситуация совершенно необычная. В полнейшей тишине он разлил коньяк по рюмкам, раздал всем присутствующим. Даже Ровина взяла рюмку, хотя известно, что она спиртное вообще не употребляет. Горыныч молча посмотрел на остальных, поднял рюмку, немного подержал её поднятой, будто собирался чокаться с невидимым человеком, после чего открыл рот и вылил содержимое внутрь. Другие последовали его примеру. Ровина подержала рюмку в руках и положила на стол.

- Ты всё ещё считаешь, что это было самоубийство? - спросил его Семёнов почти шёпотом.

Горыныч утвердительно кивнул.

- А почему?

- Нипочему. Просто так считаю. У меня нет никаких аргументов.

- Всё-таки ты с ней общался больше остальных.

- Да. Поэтому так считаю. Но, повторю, никаких аргументов у меня нет. Пусть каждый считает как хочет.

Семёнов понял, что разговор про Нину Лимонину окончен. «Зря я его завёл,» - подумал он. Вспомнил, что ровно год назад Горыныч тоже принёс коньяк, и он, Семёнов, спросил то же самое. И разговор был точно таким же — кратким и бессодержательным. У Семёнова возникло ощущение, будто Горыныч тщательно законсервировал все болезненные воспоминания, и эти консервы старых времён не имеют срока давности.

Котельников отвёл в сторону Надю Семёнову. Разговор у них шёл шёпотом.

- Надя, напomini, пожалуйста: Нина Лимонина ведь была его ученицей?

- Да. Он тогда у них был классным руководителем. С тех пор классное руководство не берёт, хотя ему предлагали.

- А что тогда произошло с Ниной? А то я почти ничего не знаю.

- Попала под поезд. Они с подругами переходили через железную дорогу — ту, что рядом со станцией. И в это время как раз проходила электричка. Подруги успели перебежать, а Нина нет.

- А почему Горыныч считает, что это было самоубийство?

- Спроси чего полегче. Возможно, что она тоже вполне могла бы успеть, но почему-то не успела. Не знаю. Там какие-то тёмные обстоятельства. Кажется, её подруга оступилась и упала, а Нина стала её поднимать. И успела спасти подругу, а вот сама осталась на путях и погибла.

- А при чём здесь самоубийство?

- А может, всё по-другому было... Горыныч наверняка знает, но не говорит. Он же этим классом очень много занимался: и на выезды в лес их возил, чего у нас больше никто не делает, и по музеям, и просто в интернате оставался до позднего вечера, и вечно полкласса торчало у него в кабинете.

- Ну, так и сейчас вечно полкласса у него в кабинете.

- Да, но только сейчас они контрольные переписывают, а тогда... Тоже, конечно, по многу раз переписывали, он же не спустит ничего, но и просто сидели-общались. Но ты же видишь, он не говорит ничего.

- Понятно...

Горыныч держал в руке пустую рюмку. Морщины на его лбу несколько раз поменяли свою геометрию. Внутри, очевидно, шла какая-то эмоциональная борьба. Наконец он поставил рюмку. Лицо его приняло прежние очертания, точно небо, освободившееся от туч.

- Спасибо. Можете снова говорить о вреде пьянства и о том, как мы его культивируем. Впрочем, я к этому перестаю иметь какое-либо отношение.

- Ты всё-таки уходишь?

- Да, сегодня написал заявление.

- А если бы в твоём институте сменилось руководство — тоже ушёл бы?

- Руководство в институте сменилось ещё год назад. Министерство своего человека назначило... Порядки поменялись, верно. Количество ненужной бюрократии возросло

невероятно. Статьи требуют, а на качество этих статей начальству плевать. У меня-то проблем со статьями никогда не было, но две штуки в год, как они хотят — это уже чересчур. Много там такого, от чего хочется уйти.

- Но ты не уходишь?

- Пока не уйду. Пока что руководство института занимается отмыванием денег, а нас, рядовых сотрудников, не очень трогает. Денег до лабораторий, правда, почти никаких не доходит, а ведь выделяются какие-то миллиарды. Но это меня не очень трогает. Пока в институте можно работать, я буду работать там. Как только и там сделают условия, при которых невозможно работать — придётся уйти и отсюда.

- А куда уйдёшь? Из страны уедешь?

- Не знаю. Если не найду работы здесь, придётся уезжать. Но пока работа есть.

- Вот видишь, даже не двоих, а троих людей мы лишились, - сказал Семёнов, повернувшись к Илье. - А давай теперь посчитаем, сколько теперь из пятнадцати классов остались без физики? Четыре. Но это не просто четыре класса, а лучшие физико-математические классы. Лучшие, понимаешь?

- Понимаю. Вчера было замечено, что на нашем корабле оказалась большая-большая течь. Только эта течь не вчера образовалась, а значительно раньше.

- Ты хочешь назвать меня крысой? - обернулся к Илье Горыныч.

Илья смутился.

- Я ничего такого не имел в виду.

- Ничего страшного, можешь называть, - бросил ему Горыныч. - Я не из тех капитанов, кто гибнет вместе со своим кораблём. Точнее сказать, я вовсе не капитан, и капитаном никогда не был и быть не хотел. Так что твоя правда — крыса.

- Правда, Илья сам всегда говорит, что не работает в интернате, - сказал Семёнов.

- Не работаю. Это у меня хобби.

- В этом смысле ты сбежал отсюда ещё давно.

- В этом смысле меня здесь вообще никогда не было. Я не поднимался на этот борт, понимаешь?

- Не понимаю. Ты можешь считать себя кем хочешь, однако официально ты оформлен, ты заполняешь журнал, ты выставляешь четвертные и получаешь зарплату. А то, что ты её никогда не видел, так интернат тут ни при чём.

- Ты говоришь, как сказала бы Бабель. Она любит такой язык. С чем я тебя и поздравляю.

- Я боюсь, вы всё равно не сойдётесь, когда именно образовалась эта течь, - произнёс Котельников. - Потому что ни у одной из сторон нет аргументов, есть лишь метафоры.

- Но, кажется, Алексей признал, что прежний интернат мы потеряли, и потеряли безвозвратно.

- Всё-таки я не понимаю, - спросила Алёна Сидорова. - Вот объясните мне, дуре, такую вещь. Да, Бабель, конечно, интернат развалила за один день...

- Она не первый день в интернате, - заметил Илья.

- Она здесь уже два года. Но вот какой вопрос: а как же она появилась здесь? Почему её сюда пустили?

- А вот потому что наш директор относился к сотрудникам именно по такому принципу, как только что говорил Алексей. Главное, чтобы специалист был хороший.

Горыныч бросил презрительный взгляд в сторону Ровиной, которая никакого участия в разговоре не принимала и вообще занималась своими делами.

- И Бабель весьма хороший специалист по канцеляриту и бюрократизмам, - продолжал Илья. - Только Польскому почему-то не приходило в голову, что этот высококлассный специалист возьмёт и подсидит его.

- Да, она наверняка не допустит этой ошибки, - сказала Аня. - Уж эта-то оставит только тех, кто верен ей, от остальных легко избавиться. Ей же плевать на преподавателей. Что Азаров, что Толстая — чем меньше проблем, тем лучше. Да и сама она — ставленница дражайшего Ягунова. Так что сплетничество и стукачество, думаю, быстро войдут в моду.

- У нас тут некому.

- Тут некому, да только этим кабинетом интернат не ограничивается. Сюда, заметим, приходят-то далеко не все. Вот почему, например, сюда никогда не заглянет Рыжкова? Потому что у неё свой кабинет есть. И тёплый, а не как здесь. Это нам не допроситься обогревателя, а у неё их две штуки стоит.

- У меня в кабинете тоже обогреватель, - сказал Семёнов. - И я тоже его никому не даю.

- Да с тобой-то всё понятно, у тебя же там раритетная коллекция. Ты этот обогреватель наверняка из дома принёс, так ведь?

- Нет, просто купил.

- Тем более. И, кстати, неправда, что не давал, на полугодовую контрольную вполне дал, только потом обратно забрал, не дожидаясь конца контрольной.

Семёнов смутился.

- Там температура стала падать, а при резком охлаждении диверсиколофлоры могут поскидывать листья. А растут они очень медленно.

- Да неважно, не оправдывайся. С этими твоими язык-сломаешь-чем ты без обогревателя не можешь.

- Всё-таки я одного не понимаю, - Алёна терпеливо выслушала этот набор реплик и решила продолжить. - Ведь Польский был плохим администратором, так? Ну, хорошего директора ведь просто так не подсидишь.

- Это верно, администратор из него был никакой.

- Так почему именно он стал директором? Как это получилось?

- А кого ставить-то? - ответил Горыныч. - Вот посмотри, кто у нас вообще есть. После того как ушёл Марк Смирнов, математики у нас считай что нет. Надя, прости, но ведь правда нет. Из физиков кто котируется в научных кругах? Польский и Азаров, и всё.

- Ты ещё котируешься, - сказал Котельников.

- Ну, я интернат не оканчивал и даже никогда тесно с ним не сотрудничал, так что меня вообще считать не надо.

- Бабель тоже не оканчивала...

- Так вот ставить-то особенно было некого. Ну не Мишу же директором делать. Так что Серёжу поставили скорее от безысходности. Я так понимаю.

- А сейчас и вовсе никого не осталось...

- Да. Поэтому я и предлагаю считать, что интернат мёртв. И подходить к этому соответствующим образом.

- Есть же ещё Полозов, Холмский...

- Есть, но Полозов историк, Холмский — лингвист, да ещё и не ведёт сейчас ничего, кроме факультатива, а интернат физико-математический.

- А почему директором интерната непременно должен быть учёный, и при том физик или математик?

Семёнов взял слово.

- Традиция такая. Она завелась со дня основания этого интерната. Теперь эту традицию сломали. И с ней, кажется, сломали ещё многое. Но раньше директором интерната мог быть только человек, который имеет большой вес в науке. Первые два вообще академиками были. Просто раньше наука была на первом месте в интернате. Либенталь любит подолгу говорить про это. Тогда из школьников целенаправленно делали учёных.

- Точнее, отбирали тех, кто склонен к науке, - заметил Илья.

- Да, их и отбирали. Вступительные испытания тогда каждый год готовили с чистого листа. Да и не было тогда никакой базы задач для подобных экзаменов. А потом... потом всё вошло в колею. Постепенно сформировалось представление о том, как должен выглядеть вступительный экзамен, а с ним и представление о том, что должен знать и уметь поступающий. И именно это убило науку в интернате. В первые годы был письменный экзамен, и ещё было собеседование, где с детьми говорили на научные темы, о которых они, конечно, ничего не слыхали в своих школах. И принимали по итогам собеседования, то есть фактически — кто понравился экзаменатору.

- И не было злоупотреблений?

- Да были, конечно. Начальству одно время очень не нравилось, что слишком много евреев принимают. Сочли это за злоупотребление, отстранили Марка Смирнова на два года от приёмной комиссии. Но евреев в науке объективно много, это такой факт. И ещё потом за нас заступились. Но об этом лучше Либенталь спросить, он там в самой гуще событий был, сам чуть не полетел из интерната, когда за Марка Смирнова заступаться начал. Там отдельная история была, она с лёгкой руки Марка Смирнова теперь еврейским погромом называется, только я не об этом... Так вот из первых выпусков более половины стали докторами наук. Более половины, представьте! Вот это была работа! Это значит, что, как бы субъективно ни оценивали способности при приёме, но они почти не ошибались.

- А что произошло потом?

- Потом? Ещё раз, об этом Либенталь лучше расскажет... Это его субъективное мнение, но в целом я с ним согласен. Потом накопилась порядочная база вступительных задач. И сделался соблазн использовать старые задачи для новых вступительных экзаменов. С другой стороны, а как их не использовать? Как Либенталью или Смирнову не использовать собственный опыт, собственные наработки? В итоге они стали просто менять уже отработанные задачи. Это ухудшило приём, потому что если раньше каждая задача была тщательно обдумана, то теперь всё пошло как по накатанному. С одной стороны это хорошо, потому что не приходилось тратить несколько дней на то, чтобы мучительно придумывать задачи для очередных экзаменов. Но это только внешне, а на самом деле такое упрощение очень сильно ухудшает ситуацию, потому что они перестали чувствовать задачи, перестали чувствовать поступающих... А потом приёмную комиссию стали прессовать, мол, необъективно они оценивают. Пришлось выработать критерии, что должен знать и уметь ученик, поступающий в интернат. И это напрочь сгубило интернат. Да, было необъективно, но вот вам полностью объективная статистика: при старом «необъективном» приёме почти весь класс уходил в науку, а при новом «объективном» эти показатели упали в разы. Потому что никакие критерии — что должен знать и уметь учёный — не могут отражать суть. Процесс обучения, настоящего обучения — это всегда диалог учителя с учеником, и этот диалог невозможно заформализовать, хотя чиновники пытаются сделать именно это. Причём в этом диалоге иногда непонятно, кто из двоих учитель, а кто ученик — Либенталь говорил, что на каждом занятии, которое он проводил, он учился чему-то новому. На каждом занятии, представляете? Да и мы тоже учимся у

своих учеников, и это нормально и естественно. Только в этом случае — если мы сами можем чему-то научиться на своих же занятиях — идёт настоящее обучение. Ну а теперь мы должны готовить учеников к ЕГЭ, а это уже совсем стандартизация, когда образование превращается в сплошное натаскивание. При таком натаскивании учитель уже не может научиться ничему новому, потому что все задачи, которые нужно обсудить, и все методы их решений стандартны и известны заранее. Повторюсь, обучиться на этом чему-либо невозможно, остаётся только дрессировать учеников. Дрессура и обучение — совершенно разные вещи, и очень даль, что многие этого не понимают. А когда человек не учится — он не развивается. А если учитель на своей работе не развивается, он не может вкладывать в свою работу душу, и работа оказывается мертва.

- Так это только в плюс нашим чиновникам — они же привыкли видеть по-другому. Если учитель вкладывает душу в свою работу — взять на заметку такого учителя, наверняка он педофил.

- Правильно, вот мы и получили в школах поколение учителей, которым стандарты мешают развиваться. При такой системе учёных нет и быть не может. Потому что нестандартные мысли уже не допускаются.

- Да и вообще мыслящих людей не будет...

- Так ведь именно это и является целью нашего государства, нет? Оболванивание населения. Иначе зачем вообще ввели этот ЕГЭ?

- Это и в науке делается, - подал голос Горыныч. - Спустили нам сверху: младшему научному сотруднику — не менее одной статьи в год, старшему — не менее двух. Кто не удовлетворяет этим формальным критериям — тот не учёный, типа. А какого качества эти статьи, наших экспертов науки это не интересует. Вынь да положь статью. Ну, теперь так статьи и пишутся — в соавторы берут чуть не всю лабораторию, чтобы у каждого было нужное количество публикаций. А если статья длинная, её просто делят на части — тоже для количества. Качество от этого, сами понимаете, не улучшается. Противно. Просто противно.

- Только я думаю, Либенталь всё-таки не вполне прав, - продолжал Горыныч. - Дело в том, что в пятидесятые-шестидесятые был настоящий культ науки в стране. Наша физика была на передовой. Атомная, водородная бомба и дальше, дальше... А послевоенные успехи в науке имели большой резонанс. Многие ребята тогда просто мечтали стать физиками-химиками, потому что эти физики-химики были настоящими героями. Про них снимали фильмы, про них писали книги, они выступали на радио... Каждый ребёнок в детстве мечтал стать космонавтом, и очень многие, когда перерастали эти детские мечты, хотели конструировать самолёты и космические корабли, хотели копаться в микромире и изучать, как устроена наша вселенная...

- Так это же слова самого Либенталья!

- Да, я повторяю его слова, но выводы-то будут другие. И так, был настоящий научный бум. А потом просто угас интерес. Он угас уже в семидесятые, а в восьмидесятые учёным было становиться уже совсем не модно. Ну а в девяностые годы наука почти голодала, так что сейчас, если человек желает заниматься наукой и при этом не валит за границу, его знакомые просто крутят пальцем у виска — и, если ещё закрутят гайки, я к этим многим вынужден буду присоединиться. В учёные стало идти позорно, а модно в бизнесмены. Сейчас, правда, и эта парадигма сменилась — теперь модно быть программистами, потому что работа не пыльная и ответственности меньше. Бизнесменов ведь и стреляют иногда, а программистов — только в голливудских фильмах, когда они взламывают финансовые

схемы. Я думаю, именно с этим связано угасание интерната. А также то, что в последние годы с набором проблем нет — точнее, есть проблемы с качеством, а вот конкурс весьма высокий. Чтобы быть программистом, нужно приличное образование, и многие это понимают. Вот мы и получили высокий конкурс — три человека на место, пять человек на место. Да хоть десять человек на место, всё равно это не тот контингент, который был в первые годы интерната.

- Не согласна, - ответила Семёнова. - Мы с Андрюшей хлебнули проблем, когда он шёл в начальную школу, а потом и в среднюю. Дело в том, что в большинстве школ не учат вообще ничему, а родители используют школы как хранилища детей. И те, кто понимает, что учиться всё-таки нужно... не все, конечно, это понимают, но такие есть — ищут ребёнку школу поприличнее. А где её взять, эту школу поприличнее? И есть ещё один момент. Вы посмотрите, какие требования предъявляются сейчас к поступающим. Виртуозное раскрытие и закрытие скобочек, знание коллекции тригонометрических формул, десятки типовых задач...

- Это и в ЕГЭ есть.

- Конечно. Но в наши времена не требовалось знать столько.

- Зато занятия были содержательнее, - ответил Семёнов. - В сущности, произошёл стандартный эволюционный процесс. Развитие специализации, обрастание разными мелкими деталями и подробностями... Сначала плавники преобразуются в лапы, затем на концах лап начинают формироваться пальцы, потом на этих пальцах образуются когти, и у всех разные — у кого плоские, для ходьбы, у кого крючковатые и острые, для хватания. Вот и наши экзамены обросли многими деталями.

- И теперь этот эволюционный процесс привёл на вершину Бабель. Так, по-твоему? - спросил Илья.

- Нет. Бабель — это глобальная катастрофа.

- А почему нет? Ну вот почему? Ты же сам сказал, что сперва директора были академиками. Потом выяснилось, это для управления проектом этого не нужно, стали просто доктора наук. А теперь оказывается, что и вовсе учёная степень не нужна. Чтобы управлять, нужен управленец.

Горыныч еле сдержал себя, чтобы не возразить про учёную степень. «Не сейчас. Успеется,» - подумал он.

- Пусть так, - ответил Семёнов. - Но это регресс, а не прогресс.

- А в твоей эволюции никогда не было регресса? Разве киты не утратили конечности?

- Был, конечно. Были глобальные катаклизмы, были вымирания...

- А бывает и медленное угасание. Например, озеро потихоньку превращается в пруд, а пруд в болото.

- Но тогда получившаяся экосистема служит совсем другим целям. Это не то место, где я бы хотел работать.

- Она уже давно служит другим целям. Просто произошёл ещё один эволюционный скачок. И вы наконец-то заметили, что за биотоп этот СУНЦ.

- Очень немаленький этот эволюционный скачок. Да и вымирание началось.

- Когда пруд окончательно превращается в болото, вымирание неизбежно.

- Правильно. Был пруд, стало болото. Вот и вся разница.

- Было уже наполовину болото, просто там ещё могли жить какие-то рыбы.

- Так по-твоему, это вполне естественный процесс — угасание и превращение в болото?

- Да, конечно.

- Нет, это вмешательство извне.

- Только глобальная катастрофа в чём-то тоже естественный процесс. В эволюции такие катастрофы случались регулярно, а значит, они являются неизбежным фактором эволюции. Так и в СУНЦе. То, что произошло сейчас — должно было рано или поздно произойти. Разве не так?

Семёнов задумался. С одной стороны, рассуждение оказалось вполне в его стиле, и он не мог не признать эти аргументы. Но признать их означало признать, что интернат и должна была постигнуть такая участь, а этого ему очень не хотелось.

- А вообще-то это нормальное явление — когда пруд превращается в болото. Чтобы этого не происходило, пруд приходится расчищать, - подал голос Котельников.

- Вот именно, - ответил Семёнов, почувствовав в этой фразе логическую уловку, которая могла бы спасти его рассуждения от краха. - Хотя озёра, особенно достаточно крупные, не заболачиваются. В случае нашего интерната никакого заболачивания не было, это именно катастрофа, фазовый переход.

- Я что хочу сказать? - продолжил Котельников. - Обратный процесс — превращение болота обратно в пруд и в озеро — сам собой невозможен. Болото нужно расчистить, а пруд углубить. Это должен сделать кто-то, и для этого нужна какая-то идея.

- Это ты к чему?

- Мы ведь ведём разговор о том, как и почему появился этот интернат, так ведь? Так вот подобные проекты появляются, когда у кого-то — разумеется, там, наверху, - возникает какая-то цель. Разумеется, эта цель во все времена была военная. Нужна большая пушка. И когда бывает нужна большая пушка, образование начинает подниматься. Потому что сделать большую пушку, не имея в стране достаточных мозгов, просто невозможно. В первый раз пушка понадобилась Петру Первому — и мы хорошо видим результаты его усилий. А в двадцатом веке эта пушка была позарез нужна Сталину.

- Интернат появился уже после Сталина.

- Правильно, уже после. Но импульс, основной толчок, шёл ещё с тех времён — неспроста тут только что вспоминали про создание водородной бомбы. И только в этом случае уровень образования может повышаться. Это как энтропия. В остальных же случаях, когда повышение уровня образования никому из руководства страны не нужно, мы имеем естественный процесс дебилизации населения. Грамотность резко падает — вы посмотрите, сколько ошибок делает нынешняя молодёжь, ведь это позорище. А скоро все разучатся читать и писать, ибо станет незачем. Аудиокниги заменяют обычные бумажные, ток-шоу — вместо фильмов, и так далее. И пока кому-нибудь не понадобится вновь большая пушка, наше образование так и будет скатываться по наклонной. Цель нужна, вот что. И этой цели у нас как раз нет.

В этот момент раздался звонок, чётко обозначив цель следующих сорока пяти минут.

24. Вектор развития

Наталья Никаноровна Бабель стояла перед зеркалом в своём кабинете. Ей предстояло провести педсовет, на который она обязала прийти всех сотрудников. Она волновалась, потому что чувствовала себя недостаточно хорошо, чтобы провести педсовет блестяще. А от этого, она понимала, зависит многое. Сейчас всё должно быть безупречно, и в первую очередь безупречно должна выглядеть она сама. От бессонной ночи, проведённой за

монитором, глаза стали красными и слезились, а под ними образовались синие круги. Утро тоже не принесло облегчения. Она хотела поспать хоть часик, но бумаг было слишком много, исправлять надо было решительно всё, и только к обеду эта работа была закончена. А сейчас уже надо было приводить в порядок себя.

Сперва внешность. Бабель очень не любила, когда косметика лежит слоями. Косметика должна лишь подчёркивать черты лица, а не скрывать их. Но сейчас нужно было изменить слишком многое. «Для дела ведь,» - подумала она.

Минут пятнадцать она колдовала над тушами и карандашами, пока наконец зеркало не показало ей удовлетворительную картинку. Лицо в зеркале ей не вполне понравилось — это было не совсем её лицо, из зеркала на неё смотрели чьи-то чужие глаза — но по крайней мере с этим лицом можно показываться приличным людям. Она вспомнила Польского и содрогнулась. Ну как мог быть директором такой человек, который запросто может прийти на работу в растянутом свитере? И при этом ещё и принимать посетителей? Неудивительно, что всё пошло наперекосяк.

Работа над внешностью заодно успокоила её нервы, которые, как она чувствовала, тоже не в порядке. Нужно было сохранять полное спокойствие, а она вместо этого раздражалась на всякие пустяки. На педсовете этого допускать категорически нельзя, многие там настроены будут недружелюбно — она понимала это — и каждый из них будет потенциальным раздражителем. Нет, сейчас надо будет иметь даже не стальные нервы, ибо и сталь иногда рвётся, а как минимум титановые.

На очереди — мысли. Это самое главное, и Наталья Никаноровна оставила их на потом. Программу педсовета необходимо чётко распланировать, и ещё надо продумать, в какой последовательности освещать вопросы. От последовательности зависит многое, потому что вопросы друг с другом связаны. Ошибёшься с последовательностью — получишь гору возмущения, а возмущённые люди плохо слушают и потом будут плохо выполнять указания. Поэтому сперва необходимо привести в порядок себя, и только потом начинать планировать.

Доверять такое важное дело голове и, тем более, оставлять всё на самотёк — говорить что вспомнится — самое худшее, что может быть. План педсовета нужно написать. Некоторые проводят всяческие совещания без написанного плана. Неудивительно, что у них выпадают из рассмотрения многие важные вопросы. Нет, только бумага способна зафиксировать всё, что нужно будет сказать. Начинаем с общего — какие пункты обсуждаем? Миша говорил про важность кадровой политики, и я понимаю, насколько это важно. Кадровый вопрос — это главное. Видимо, придётся провести сокращение штатов, без этого никак. Этот вопрос необходимо разбить на несколько подвопросов. Каких?..

Бабель подошла к компьютеру, создала файл, сразу же, пока он ещё пустой, сохранила его, набросала несколько вопросов, которые непременно следовало донести до педсостава. Потом минуты две сосредоточенно думала, один вопрос разбила на два...

Через полчаса сосредоточенной работы план был готов. Наталья Никаноровна ещё раз перечитала его и отправила на печать. Хорошо. Потом можно будет только слегка задержаться и подправить этот файл — и протокол педсовета готов. Она улыбнулась, вспомнив, как раньше педсоветы проходили без протокола, и несколько протоколов педсоветов ей пришлось придумывать буквально с чистого листа — она абсолютно не знала, что на них происходило, а протоколы были нужны для обоснования важных приказов. Как хорошо, что теперь не будет такого безобразия. Конечно, в дальнейшем всё это нужно будет поручить секретарям — кстати, надо бы завести ещё двух помощников,

не забыть бы на это требовать у Миши ставки, - но сейчас, в такой важный и ответственный момент, всё приходится делать самой. Отделу кадров можно доверять, бухгалтерии — на две трети, а вот остальная школа похожа на зоопарк с дикими зверями: ты их кормишь, клетку за ними чистишь и убираешь, а они тебя за это норовят укунить за палец, а кто покрупнее — и вовсе убить и сожрать. С ними надо держать ухо востро.

Наталья Никаноровна снова подошла к зеркалу. Для деловой встречи внешность, пожалуй, ярковата, но это лучшее, что можно было сделать в этой ситуации. Она ещё раз провела гребнем по волосам, хотя в этом не было особой необходимости. Так. Неплохо. Теперь можно и идти.

Педсовет было решено проводить в актовом зале. Чаще всего для педсоветов хватало и большого кабинета, потому что приходили далеко не все преподаватели, а лишь те, кому было удобно прийти в этот день, а также те, кто как-либо был заинтересован в исходе этого педсовета. Обычно на них обсуждались итоги четверти. Людей с тремя четвертными двойками отчисляли сразу, если только кто-нибудь из преподавателей не вступится и не объяснит, что у такого-то тяжёлая семейная ситуация, а его двойки не являются непролазными, и он их, скорее всего, исправит. В этом случае вопрос ставили на голосование. Дело затягивалось, если находились педагоги с диаметрально противоположными взглядами на ученика — такое не очень часто, но случалось. Тогда перед голосованием разгорались жаркие дебаты, как в игре «Мафия» - каждый пытался убедить остальных, что его точка зрения самая правильная. Нередко, если ученика большинством голосов оставляли, за дверью слышался громкий возглас «Ура!!!» или «Yesss!» - это ученик, судьба которого решалась сейчас, подслушивал за дверью. Судьбу учеников с двумя двойками решали голосованием, с одной обычно оставляли, если только она не тянулась уже несколько четвертей без шанса на исправление.

Горыныч иногда ехидничал про такую лояльность. «Ещё немного, - говорил он, - и в Университете тоже будут оставлять студентов с хвостами. Ну подумаешь, не сдал матфизику или кванты — в следующем семестре сдаст. Что? В следующем семестре этого предмета нет? Ай-ай-ай, давайте ему пальчиком погрозим.» Но с тех пор как в Университете действительно стали оставлять студентов с одним долгом, он немного поумерил свои остроты.

За пьянку или другое грубое нарушение режима обычно выгоняли, не вынося обсуждение на педсовет. Один раз это сыграло злую шутку — ученика Алеутова выгнали одновременно дважды — за пьянку и за неуспеваемость. Сказания про Алеутова ещё долго будут ходить как один из многочисленных мифов интерната.

Все обсуждения обычно занимали от пятнадцати минут до часа — в зависимости от того, сколько возникнет нетривиальных ситуаций, когда у разных преподавателей оказываются разные мнения. Дольше не затягивались — всегда находился тот, кто говорил: «Стоп. Дискуссия заиклилась, пора голосовать.»

Если весь класс очень плохо писал срезовую контрольную работу, то это тоже становилось предметом обсуждения. Надо было выяснить — то ли преподаватель делает с классом что-то не то, и тогда ему нужно указать на проблему и взять его под наблюдение, то ли класс набрали очень слабый, и требовать от них что-то сверх их способностей довольно глупо. Когда-то здесь обсуждали и деятельность Азарова, но ни к чему на том педсовете не пришли. Но Азаров, конечно, был исключением, а вот нескольких пришедших преподавать аспирантов пришлось реально учить, как должны проходить занятия, что стоит и чего не

стоит делать на уроках. Загубив один класс, аспирант обычно понимал свои ошибки и следующий класс уже вёл гораздо лучше. Или же не понимал ошибок и просто уходил из интерната.

Один раз возникло обсуждение противоположного характера — ученики Елены Сергеевны Лисанюк, преподавателя геометрии, все как один писали контрольную замечательно, тогда как на других уроках не блистали. В первый раз все порадовались, на второй закрались серьёзные подозрения, а на третий её раскусили. Оказалось, что она сообщала ученикам условия вместе с решениями за день до самой контрольной. Секрет успеха оказался весьма прост.

Тем не менее она и сейчас работает в интернате, хотя нагрузку ей стараются давать поменьше и к ответственным вещам не допускать. «Не нравится она мне, - говорил Петров, который до этого года заведовал кафедрой математики в интернате. - Но у нас нет замены, у нас преподавателей математики, особенно геометрии, просто нет. Приводите человека, который будет работать лучше, и мы его возьмём.» Так и сошло ей это с рук, как сходят с рук ставшие постоянными прогулы Незлобина.

В актовом зале собралось человек тридцать. Слишком много для обычного педсовета и слишком мало — для текущего, на который Бабель хотела созвать всех педагогов и пригрозила санкциями тем, кто не придёт. «Санкции, санкции, - ворчал Котенко. - А у меня в это время пары в Университете, так что пусть сперва согласует время с ректоратом, благо ей это легко сделать.» Часть преподавателей, очевидно, подумала так же и не пришла. Не пришла и Толстая, потому что пятница являлась присутственным днём Миногина, а пересекаться друг с другом они никак не могли. Никто не понимал, а что же такого плохого произойдёт, если они посидят в разных концах актового зала, но с Толстой предпочитали не связываться.

- Ну что, может, начнём без неё? - спросил Горыныч. - По-моему, она нам только помешает.

Но на него только зашикали за такую идею.

«Эх, люди подневольные, - подумал он. - Вот уже и боятся её. А кто она такая, чтобы её бояться?»

Она вошла в актовый зал. Мгновение поколебалась и решила на сцену не лезть. То ли решила быть на одном уровне с преподавателями, то ли просто не захотела, чтобы её было видно полностью, с головы до ног. Внимательно оглядела зал. Горыныч заметил в её улыбке пренебрежительно-презрительную нотку. «Как посетитель в зоопарке, - подумал он. - Некоторые так же смотрят на диких зверей.» Но Бабель не собиралась демонстрировать своё отношение к кому-либо. Она просто прикидывала, какой процент педсостава присутствует, и что делать с теми, кого нет. Наконец, решила пустить листок по залу, попросив записать в него присутствующих.

«Решила оторваться на тех, кого нет,» - подумал Семёнов.

«Осталось вписать присутствующих, и протокол педсовета готов,» - подумала Бабель.

- Добрый вечер, - начала Наталья Никаноровна, и многие из присутствующих по её улыбке поняли, что вечер предстоит какой угодно, но только не добрый. Бабель подождала, пока утихнет шепоток — это заняло у неё не более полуминуты — и продолжила. - Я собрала всех вас, чтобы донести важную информацию. Конечно, мало кому нравится жить в эпоху перемен, но к сожалению... к сожалению, перемены иногда необходимы. И сейчас многое в этой школе должно измениться.

- Да уж, мы заметили...

Наталья Никаноровна зыркнула на сказавшего, и в зале снова установилась тишина.

- Многое должно измениться. Прежде всего должно измениться название школы. Как вы знаете, школа-интернат создана по решению Учёного совета Университета сорок семь лет назад. Сейчас, впрочем, решения Учёного совета не могут определять действия Университета, поскольку Учёный совет не обладает такими полномочиями. Но это неважно... Потом школа была преобразована в структурное подразделение Университета, ещё позже ей был придан статус специализированного учебно-научного центра — решением всё того же Учёного совета. Однако последнее решение совета не является законным, потому что вступает в противоречие с пунктом пять точка шесть тогдашнего Положения об Университете, структурным подразделением которого являлась школа-интернат. У меня есть с собой все документы, желающие могут ознакомиться с ними. Краткая суть в том, что Устав — ни тогдашний, ни текущий — не предусматривает создание средней школы с научным комплексом, поэтому слово «научный» приходится убирать. Сегодня я подготовила новый проект Устава школы. Думаю, в ближайшие дни он будет утверждён юридическим отделом. Новое название этого учебного заведения — Академический лицей Университета. Думаю, это название и выглядит гораздо симпатичнее, чем СУНЦ или школа-интернат, и с буквой закона не создаёт никаких противоречий. Вопросы есть?

Шепоток по залу.

- Как старательно-то убирает всё, что содержит науку...

- Да, если такое начало, какой же будет конец...

- А какая разница, как называться, лишь бы работать не мешали...

- А ты всерьёз веришь, что она не будет мешать работать?

- Есть ли вопросы? - повторила Наталья Никаноровна. - Вопросов нет. Отлично. Идём дальше, глубокоуважаемые коллеги. Как я уже говорила вчера, правда, не все это слышали, в нашей школе была прокурорская проверка, которая постановила уволить всех преподавателей Университета и нанять учителей. Это указание надлежит выполнить. Разумеется, за годы работы школы-интерната, а потом СУНЦ, в этих стенах сложился замечательный коллектив, который мы никак не можем растерять. Поэтому вы можете не беспокоиться и работать дальше. Единственное, что вам всем предстоит сделать — зайти в отдел кадров и написать два заявления. Первое — прошу уволить меня с должности преподавателя и так далее — Татьяна Ивановна подскажет точную формулировку. Второе — прошу принять меня на работу в должности учителя.

- Красивый ход, - шепнул Котельников сидящему рядом Горынычу. - Например, я пишу эти два заявления, первое она подписывает, а второе нет. И всё, гуляй. Абсолютно любого так можно уволить.

Горыныч кивнул. Наталья Никаноровна, словно угадав его направление мыслей, продолжила.

- Вы не бойтесь, сейчас ни один из тех, кто здесь присутствует, не будет уволен. Вы просто перейдёте на другую должность. Есть ли вопросы по этому пункту?

- Есть вопрос, - поднялся Котельников. - Как это отразится на заработной плате?

- Сейчас это никак не отразится на заработной плате. Мы живём этот год так же, как начали. А со следующего года заработная плата будет начисляться по-другому. Я пока не готова ответить на вопрос, как именно, но могу сказать совершенно точно, что средняя заработная плата не упадёт, это я вам гарантирую.

- Тут я вижу один подвох, - шепнул Горыныч. - В Университете ставка какая? От шести до двенадцати часов, у профессоров ещё меньше. А у учителей сколько — восемнадцать часов на ставку?

- Да, получается, зарплата в полтора раза снизится. Или в два.

- Заметь, она обещает, что в этом году ничего не будет. Я легко верю, что этот год она закроет какими-нибудь надбавками. Самое интересное начнётся в следующем году. Вот я уже предвижу, что в следующем году все, кто останутся здесь, получают жирный кукиш.

- Кстати, а за учёную степень при этом будут доплачивать?

- Не знаю. Вроде бы в школах за степень что-то дают, какой-то повышающий коэффициент в тарификации. Можно посмотреть, но так лень в этом всё копаться...

- С этим пунктом тоже разобрались, - продолжала Бабель. - Я спросила Татьяну Ивановну, и оказалось, что большинство из вас работать учителем не могут — точнее, могут, но по очень низкой тарификации. Это, разумеется, ни вас, ни меня не устраивает, потому что в нашей школе замечательные и очень опытные учителя. У меня пока что не было времени придумать, как можно решить эту проблему, но уверяю вас, что она будет решена. Причём будет решена так, чтобы всем вам было удобно. Самый простой способ, конечно, отправить многих из вас на курсы повышения квалификации, но это занимает много дополнительного времени, и не всем они будут удобны. Повторяю: мы придумаем, как решить эту проблему. Скорее всего, мы устроим педагогические курсы прямо в стенах школы, чтобы вы могли их посещать без отрыва от основной деятельности. Возможно, будет какое-нибудь альтернативное решение, но этот вопрос обязательно будет решён.

Теперь о средней заработной плате. Вы прекрасно знаете, какая борьба идёт в нашей стране, чтобы вывести заработную плату на приемлемый уровень. Наша школа очень сильно отстаёт по этому показателю, и внешнему человеку может совершенно несправедливо показаться, что уровень сотрудников здесь также невысок.

- Это она к чему? К тому, чтобы установить себе такую зарплату, чтобы средняя существенно выросла?

- Да, себя она, конечно, не обидит...

- А то знаешь же, как в Университете лихо отчитались по средней зарплате? Шестьдесят тысяч у них получилось. Конечно, ректорат миллионы получает, а простые преподаватели гроши, а в среднем шестьдесят тысяч и выходит...

- Средняя температура по палате...

- Мы тоже будем бороться за высокую среднюю зарплату. Сейчас средняя зарплата очень низка, потому что многие учителя ленятся и берут себе по шесть, по четыре, а то и по два часа в неделю — да, всего по два, и таких учителей немало! Этот год, повторяю, дорабатываем как есть, а на следующий такой ужасной ситуации быть не должно. Каждый должен получать достойную зарплату, но при этом иметь соответствующую нагрузку.

- Как же этого она добьётся?

- Она что, вообще не учитывает, что здесь половина совмещает интернат с Университетом?

- А уволит всех совместителей, и дело с концом.

- А, понятно. Так здесь вообще никого не останется.

- А здесь уже никого не осталось.

- Кстати, возможно, она будет считать суммарную нагрузку, здесь и в Университете...

- Ты серьёзно в это веришь?

- Так было бы разумнее...

- Ты веришь в наличие разума у неё?

- Ну мало ли...
- И потом, вот я работаю не в Университете, а в ядерном институте. Это как считать будем?
- А ты же отсюда уходить собрался...
- Это я к примеру...
- Следующий вопрос — календарные планы и рабочие программы. Я успела только краем глаза посмотреть на них, но мне сразу же стало понятно, что они никуда не годятся. Во-первых, многие программы уже просрочены, нужно заменить их более современными. Все написанные программы — все! - написаны в жанре отписки. Может быть, кто-то из вас думает, что этого не видно проверяющим, так я вас уверяю, что вы ошибаетесь. Это видно моментально. Поэтому каждому преподавателю необходимо будет написать рабочую программу и поурочно-тематическое планирование. Обращаю особенное внимание для любителей писать липу: это планирование должно совпадать с тем, что вы будете вести. Не надо никакой отсебятины, всё должно соответствовать действительности. Тема каждого урока должна быть прописана заранее. У вас как раз будет свободная неделя, чтобы заняться приведением программ в надлежащий вид.
- Снова шепоток.
- Она вообще, что ли, сбрендила?
- Она думает, что на каникулах мы отдыхаем?
- А у меня студенты...
- Тут почти у всех студенты.
- А откуда я знаю, сколько у меня займёт та или иная тема? Это ведь от детей очень сильно зависит...
- Вообще-то ты должен знать это ещё до начала года.
- Особенно если класс только что набран, и никто ещё не знает уровня детей.
- В средних школах именно так...
- А мы что, средняя школа?
- А ты не слышал? Мы больше не СУНЦ...
- А я принимал участие в написании старых программ. Это несколько суток почти непрерывной работы. Сделать это всё за каникулы — почти утопия.
- Господа, тишина! Я понимаю, что вам не хочется писать программы, но сейчас это необходимо. Переходим к следующему... В Университете вовсю идёт сокращение штатов, потому что штаты и без того очень раздуты. Скорее всего, это коснётся и нас. Три года назад соотношение штатных единиц к количеству обучающихся было чуть больше единицы — точные цифры есть у меня в бумагах. Это значит, что каждый сотрудник мог взять за руку одного ученика, и при этом все ученики были задействованы. Сейчас это соотношение не такое весёлое, около 0,8. Возможно, после следующего сокращения будет 0,6, но я приложу все усилия, чтобы оно уменьшилось не слишком сильно. Но и в этом случае каждый из нас мог бы взять двух учеников и следить за ними. За двумя учениками следить совсем нетрудно, правильно? Это я плавно перехожу к следующему пункту повестки. Вопросы есть?
- Есть. Когда мы начнём обсуждать итоги четверти?
- Сейчас я как раз перехожу к этому вопросу. Мы многое обсудили, но всё-таки главным звеном нашей школы являются дети. Теперь переходим к детям. Как вы видите, в школе в самом конце четверти произошли серьёзные изменения. А от любых изменений, как известно, страдают в первую очередь дети. Страдают из-за того, что мы что-то не

согласовали между собой, а они-то ни в чём не виноваты. Многие из вас сами являются родителями, и вы понимаете, что это совершенно недопустимо. Поэтому я приняла решение, что в этой четверти никаких изменений не будет. Все будут учиться так же, как учились. А по итогам следующей четверти можно будет что-нибудь обсудить.

И ещё один момент. Я знаю, как на наших педсоветах безжалостно обсуждается: Иванова — отчислить, у него три двойки! Петрова — отчислить, хотя у него две двойки, но всё равно отчислить. При этом никто не отдаёт себе отчёт в том, что перед нами живые дети, со своими заботами и проблемами. А что такое оценка? Когда вы ставите двойку в четверти — кому вы ставите эту двойку? Ученику? Ошибаетесь, дорогие вы мои. Вы ставите оценку не ребёнку, вы ставите оценку самому себе. Вы говорите, что ребёнок не усвоил материал. Но он ведь у вас его не усвоил! Это вы не попробовали его научить. Я знаю, многие даже не берут за труд разобраться, по какой причине ребёнок не написал контрольную, ко мне недавно подходила мама одного из детей и жаловалась. Так что двойки, уважаемые, в первую очередь, ваши недоработки! И я буду жёстко требовать, чтобы все недоработки были исправлены.

Горыныч не выдержал и поднял руку.

- Да, пожалуйста! - сказала Бабель, глядя на него.

- Правильно ли я понимаю, что двоек теперь вообще нельзя ставить?

- Нет, неправильно. Но за каждую поставленную двойку учитель должен будет сказать, за что именно получена эта двойка, и как её можно исправить.

- То есть отчислять нельзя будет? Если каждая двойка должна быть исправлена?

- Почему же, отчислять иногда можно. Конечно, если ребёнок раз не исправил, два не исправил, три не исправил — такого ребёнка можно и нужно отчислить, хотя и в этом случае предварительно стоит разобраться, почему он не исправился. Может, у него дома положение тяжёлое, а мы его ещё усугубим, отчислив его? Такое вам никогда не приходило в голову?

Наталья Никаноровна провела острым взглядом по залу, точно бритвой полоснула.

- Но, разумеется, хочется, чтобы мы никого из детей не отчисляли. Это ведь показатель нашей работы. И уж конечно же, отчислять такими пачками, как это делается сейчас, ни в коем случае нельзя. Университет тоже борется за то, чтобы процент отсева был как можно меньше, потому что большой отсев является отрицательной характеристикой учебного заведения. Представьте себя на месте родителя, который отдаёт своё чадо в такое заведение. Если вы знаете, что половина учеников отсеется, вы и ребёнок заранее понимаете, что он может оказаться в числе этой половины. И какое отношение у него будет? Да он дрожать и бояться начнёт, а не учиться! Потому что, повторюсь, большинство двоек — это недоработка учителя. Я уже молчу о том, что о каждой двойке — не четвертной, а текущей, повторяю, текущей! — следует извещать родителей.

- Так занялась бы этим, вместо того чтобы проповедовать, - шепнул Горыныч. - А я с удовольствием посмотрю, как она будет извещать родителей, которые находятся за две тысячи километров отсюда.

- Детей нужно не только обучать, но и воспитывать. И мы в последнее время стали совершенно забывать про воспитание. Вот, например, скажите, пожалуйста, кто из вас на уроках говорит про то, насколько велика и хороша наша Родина, насколько могуча наша держава? Ведь никто, могу поспорить, что никто. Разве дети после этого вырастут патриотами? Нет, они в первый же удобный момент уедут работать за границу. И уезжают. У меня есть статистика, что шестьдесят процентов тех, кто выпустился у нас семь лет

назад, сейчас живут за рубежом. Шестьдесят процентов, понимаете? Это больше половины. А разве для этого создавался наш интернат? Нет, он создавался совсем не для того, чтобы кормить и поддерживать зарубежную науку. Поэтому последней, и очень важной задачей, я вижу возрождение духовности и патриотическое воспитание молодёжи. Горыныч закрыл руками лицо и тихо смеялся себе под нос. В этот момент он напоминал сумасшедшего, который смеётся без причины и никак не может остановиться.

- И я очень надеюсь, что вы все возьмётесь за воспитание наших детей, и возьмётесь их воспитывать правильно. Совсем рядом строится храм Всех Святых, возможно, они нам помогут, если мы не будем справляться сами. Возможно, наши ученики смогут на переменках прибегать туда помолиться — это совсем рядом, и никаких дорог переходить не надо.

- Да, или попы будут к нам на уроки приходить, - Горыныч не сдержался и громко откомментировал.

- А что в этом плохого? Что плохого? Вы думаете, наши дети хотя бы приблизительно знают закон Божий? Хотя бы половина из них сумеет прочитав без запинки «Отче наш»? А ведь православие — это основа нашей национальной идентичности, это основа всего русского. И этими основами пренебрегать нельзя.

Наталья Никаноровна выразительно посмотрела на Горыныча. По залу прокатились смешки. Национальность Горыныча была общеизвестна, да и Бабель является не самой русской фамилией.

- Кстати, смежный вопрос — про воспитателей. Если ребёнок нарушает режим, чья это вина? Я напомню, что большинство учеников у нас несовершеннолетние. Кто за них отвечает по закону? Вы, учителя и воспитатели. Значит, если ребёнок нарушил режим, то за это должны отвечать вы! Так ведь? А у нас идёт полнейшая безответственность воспитателей. Поймали ученика за распитием алкоголя — сразу отчисляем. Так ведь? Я уже молчу про саму формулировку, а стоило бы сказать. Предположим, что вы приводите своего ребёнка поступать сюда, а здесь красуются приказы об отчислении за употребление алкоголя. Отдадите вы ребёнка в такую школу? Я бы в жизни не отдала своего ребёнка туда, где пьют. Но у меня другой вопрос: а что делали воспитатели в это время? Куда смотрели? Понёс ли хоть кто-нибудь из них какую-либо ответственность за это нарушение? Нет, никто никакой ответственности не понёс, только дети. Где справедливость? Вы отвечаете за детей, а наказание несут только они. Исходя из этого, я считаю, что с употреблением алкоголя необходимо бороться гораздо строже. Теперь не только дети, но и воспитатели будут нести ответственность за нарушения режима. Потому что это ваша недоработка. Это ведь не так трудно — предотвратить нарушение. Тем более что нас много, я ведь уже упоминала — достаточно каждому взять за руки двух детей, и все дети окажутся под конвоем. Так неужели же трудно следить за детьми лучше? Ведь нетрудно же, правильно?

Бабель улыбнулась залу, как бы вдохновляя этой улыбкой на труд и на подвиги.

- Есть ли вопросы?

Вопросов почему-то не было.

- Тогда спасибо за внимание. Педсовет считаю окончанным.

Как только Наталья Никаноровна вышла, актовый зал стал гудеть, напоминая осиное гнездо. Все потихоньку двигались к выходу, и каждый стремился поделиться своими мыслями с окружающими.

- Я так и не понял: откуда она возьмёт нагрузку для каждого?
 - А чего непонятного? Уволит половину и всё.
 - А я и не хочу больше четырёх часов здесь работать. У меня ещё студенты.
 - Вот тебя и сократят, а твои часы отдадут кому-нибудь...
 - Так а что, вон сколько часов физики свободно — бери не хочу...
 - Только никто же не возьмёт...
 - Почему не возьмёт? Валентина Ивановна с удовольствием возьмёт...
 - Ну если только она...
 - А вы заметили, что она говорила только про этот год? А про следующий ничего не обещала?
 - Обещала повесить среднюю зарплату...
 - А вы знаете, как повышают в школах среднюю зарплату? Дают учителям по две ставки. Так и отчитываются: наши учителя получают среднюю по экономике зарплату. А то, что при этом они работают вдвое больше — никого не интересует.
 - Потому что нужно не по средней зарплате отчитываться...
 - Так это очень удобный параметр. Директор получает пятьсот тысяч, пятьдесят сотрудников — по десять тысяч, а в среднем выходит около двадцати тысяч.
 - Потому что в нормальных отчётах нужно брать не среднюю зарплату, а зарплату десяти процентов самых высокооплачиваемых и десяти процентов самых низкооплачиваемых сотрудников...
 - Нет, на это наши начальники не пойдут. Если такие цифры увидят массы, грянет революция...
 - А так все знают эти цифры, только не видят...
 - Да не грянет ничего. Наш народ совершенно инертен. Поводов для революции уже было достаточно...
 - Это что, я должен теперь за каждую двойку родителям звонить?
 - Ты сначала их номер найди. Вот ты сколько родителей одиннадцатого «а» видел?
 - Я, кажется, троих... нет, четверых...
 - Вот то-то же. Они же все иногородние...
 - Так предложила — пусть сама и извещает!
 - Нет, это трудно, куда легче нас шпынять...
 - Ну, пусть попробует ещё пошпынять...
 - Да не это главное. Вон она как про название изгалялась...
 - А что название?
 - Слово «научный», мол, нельзя использовать...
 - Да, теперь слово «наука» будет под запретом.
 - Зато основы православия станут обязательными для изучения. Слышали ведь, что она говорила?
 - Да, будем вместо физики учить православие... А вместо биологии — креационизм. - Алёна, ты ведь будешь учить детей креационизму? Учебник Вертьянова — и вперёд... Смех вперемежку с горечью на устах тех, кто слышал, что такое учебник Вертьянова.
 - Легко. Главное — сомневающимся вовремя на костёр отправить...
 - Выгонять только нельзя, а на костёр отправлять, наверное, можно...
- Но больше всех возмущалась Жанна Геннадьевна, поймавшая Губаря с поличным. Она выговаривала идущей рядом Светочке.

- Я вообще не понимаю, что она такое несёт. Она хоть сама-то понимает? Это, значит, я должна нести за это ответственность? Это весело говорить, что можно двоих взять за руки, но только ночью я одна на весь корпус, и в мужской половине один воспитатель на весь корпус. Что я должна делать? Ходить по комнатам всю ночь и смотреть, все ли спят? Я уже не говорю, что за такую зарплату вообще стыдно работать, но хотя бы что я должна делать? Вот я обнаружила выпивших. Что я должна делать? По её логике, видимо, ничего. Да и пропади оно пропадом, ничего больше и не буду делать, выпил — пускай, я ни слова больше не скажу! Зачем мне эта головная боль, когда я же ещё окажусь виновата?

- Наверное, она имела в виду, что пьянки надо предотвращать заранее.

- А как их заранее предотвращать? Днём у детей уроки, а потом — у кого факультативы, а кто просто гулять отправился. Я, что ли, со всеми должна быть рядом и следить, что они там покупают? Как я могу за этим следить? А теперь пожалуйста — этих выгнали, а теперь восстановили. Получается, что они во всём правы, а я должна нести ответственность? Да пропади оно пропадом, не буду ничего делать, пусть пьют, а я палец о палец не ударю.

- Вот Наталья Никаноровна и будет довольна — избавились от пьянства...

В коридоре Семёнов вновь столкнулся с Горынычем.

- И что ты об этом думаешь?

- А что думать? Я же вчера всё сказал вам. Но вы не послушали. Вот и увидели сейчас, и потом ещё будете наблюдать. Интерната больше не существует.

Семёнов поморщился.

- Теперь в интернате искоренили слово «научный», - продолжал Горыныч, - а значит, умным детям здесь делать больше нечего. Нечего делать и преподавателям, которые на умных детей ориентируются. Азарова ещё вчера уволили. Ты подожди, сейчас главным методистом назначат нашу незабвенную Валентину Ивановну, тогда всё будет совсем хорошо. Она за последние два дня уже помолодела лет на пять, стала выглядеть куда увереннее.

Семёнов невольно оглянулся — нет ли рядом Ровиной. Но Горынычу, похоже, было всё равно.

- Биологов она, кстати, неплохо учит. Её ученики ЕГЭ не заваливают.

- Ещё бы наши ученики этот ЕГЭ не могли написать!

- Напрасно ты так. Я иногда учу биологов, так вот у них с физикой всё далеко не блестяще. Валентина Ивановна честно выполняет эту работу.

- Знаешь, в чём разница между Азаровым и Валентиной Ивановной? - голос Горыныча сделался очень резким. - Кроме банальной, что он знает физику, а она не знает? Азаров ориентировался исключительно на лидеров. Те, кто послабее, ему были абсолютно неинтересны. А Валентина Ивановна ориентируется на хвост класса, и у неё в пролёте оказываются лидеры — они недополучают знания. И вот теперь сменилась парадигма. Раньше беспокоились о голове, а теперь о хвосте будут. В этом и разница.

«Она сама как её питомцы,» - вспомнил Семёнов собственную мысль.

- Это как домашних животных заводить. Можно взять клубного и совершенно здорового, а можно выхаживать больного питомца, радуясь, что он становится здоровее.

«Не те слова, - подумал Семёнов после того, как сказал последнюю фразу. - Дурацкая тема, приходится слова аккуратно подбирать, чтобы тебя поняли правильно и не обвинили во всех смертных грехах.»

- Больных тоже лечить надо, - ответила Надя, до сих пор безучастно стоявшая рядом.
- Но если меня интересует селекция, я не буду подбирать больное животное на улице. Если наша цель — улучшить породу, то нам нужны самые здоровые экземпляры. Или если мы хотим спасти вид от вымирания, разводя его в неволе — тут тоже нужны здоровые особи. Такова наша специфика. Этот интернат был создан для тех, кто имеет здоровые мозги. Кто хочет и может учиться, и кто может потом двигать вперед науку. Кто не может или не хочет учиться — до свидания.
- А теперь этого «до свидания» не будет.
- Жалко интернат, - сказала Надя.
- Жалко. Но всё имеет своё начало и свой конец.
- Не надо так говорить.

На щеках Алексея обозначилась пара морщин.

- Рано или поздно это бы всё равно случилось. Если в интернат принимать тупых детей богатых родителей, то ничем другим это кончиться и не может.
- Ты хочешь сказать, что этот процесс тоже эволюционный?
- А, эволюционный процесс? - раздался рядом с ними скрипучий голос, который мог принадлежать только одному человеку. - А я всё-таки предпочитаю креационизм. - Илья помолчал немного, выразительно посмотрел на Семёнова — впечатлился ли тот последней фразой. Видимо, Илья счёл, что Семёнов впечатлился недостаточно, и повторил: - А я предпочитаю креационизм.
- В каком смысле?

- Очень просто. На самом деле то, что мы наблюдаем как эволюцию, вполне можно объяснить и разумным замыслом. Но верующие не могут. У них бог является всемогущим и всеблагим, потому что надо ему молиться, и от этого у них все проблемы с объяснениями.

Горыныч и Семёновы молча уставились на Илью.

- Но стоит только отказаться от тезиса, что бог всемогущ, как сразу всё встаёт на свои места, - продолжал вещать Илья. - Я не понимаю, как такая простая вещь не приходит в их головы. Вот ты представь себе, что ты живёшь в матрице. Что ты — часть проги. Представил? - Илья сделал паузу. - Для тебя программист кто? Правильно, бог. Он же написал эту прогу. И ты, конечно, будешь считать его всемогущим, коли он одной кнопкой тебя стереть может. Тебе даже в голову не придёт, что эту прогу писал не один человек, а команда. И эта команда состоит из троечников и лентяев, средненьких выпускников вот этого СУНЦа, которые пишут так, что руки бы им за такое оторвать и засунуть туда, где этим рукам самое место. И вот кодит такой горе-программист, генетический код пишет, и каждый раз, когда создаёт новый вид, он просто берёт бэкап и добавляет к нему новые костыли. Этим и объясняются все баги, которые любят приводить дарвинисты как несостоятельность разумного замысла — возвратный нерв или строение глаза у позвоночных... А просто программисты, которые этот разумный замысел кодили, были хреновые, да ещё и команда не слажена. Наверняка они ещё и торопились, потому что вот через шесть дней проект сдавать надо, а у них конь не валялся... Я такое постоянно наблюдаю, очень многие программисты — такие же недоучки.

- К чему это ты?
- А динозавров никаких вообще не было. Если вы обнаружили их кости, с чего вы решили, что они существовали? Может быть, это были бэкапы, которые вообще не прошли отладку? А файлы остались, и мы их теперь находим в виде окаменелостей. И теперь всё

гадаем — как же они должны были выглядеть? А никак. Это просто фейловые версии, которые так и не успели отладить.

Илья посмотрел сквозь Семёнова.

- И эти твои глобальные катаклизмы, когда дохло большинство видов. Не было никаких катаклизмов, а было лишь несколько попыток поднять проект, чтоб хоть как-то работал. Но он не работал, а лишь вешал систему, и приходилось делать рестарт... И только теперь этот проект худо-бедно работает, глючно, но хоть как-то. И не молиться нужно этим создателям, а руки поотрывать, чтобы больше таких глючных программ не писали. Я в компкласс ещё. Удачи вам!

Илья помахал на прощание рукой и исчез. Горыныч почесал голову.

- Интересно, он в это действительно верит, или на ходу придумал?

- Наверняка придумал. Скорее всего, только что.

- Он любит такие байки.

- Только знаешь в чём основной прикол? Эта его теория неразумного замысла, так её удобнее всего называть, по сути ничем не отличается от теории эволюции. Потому что естественный отбор — это и есть попытка дописать плохо работающий код, чтобы этот код работал чуть лучше.

- Интересно, - подытожил Горыныч, - как тогда называется попытка дописать плохо работающий код, чтобы он совсем перестал работать.

25. Удар, которого не ждали

Для Игоря Вернера предстоящий кружок был первым, который он должен был проводить самостоятельно. Предыдущий год он стажировался на кружке Валеры, и Руцкий ему подробно объяснял, какие ошибки не следует допускать. Живой пример был перед глазами — Валера постоянно наступал на одни и те же грабли. А теперь Игоря сочли достаточно опытным, чтобы вести свой кружок.

Обычно кто-нибудь — Руцкий или Наташа Петрова — приходили на первое занятие нового кружка, чтобы проверить, что всё идёт правильно. Но сегодня не было этой моральной поддержки. Наташа сегодня была занята на каких-то курсах, которые вела, а Руцкий позвонил и сказал, что прийти не сможет. Голос у него был очень усталым, и Игорь, конечно, сказал, что справится и самостоятельно. Тем более что он уже озаботился, чтобы на кружке были взрослые помимо него. Ксюша, Даня и Марк были его однокурсниками, и Игорь привлёк их к слушанию задач. Он считал, что на них вполне можно положиться.

«Пропущу четвертую пару, - подумал Игорь. - Всё равно это политология, на которую почти никто не ходит.»

После третьей пары Игорь пришёл к себе в общежитие, которое он считал родным домом. В общежитиях он провёл всю юность: сперва три года в интернате, теперь уже третий год в Университете. До кружка ещё оставалось какое-то время, и Игорь решил привести себя в порядок. Принял душ, понаблюдав, как медленно уходит вода в сливное отверстие. «Надо бы прочистить, - подумал он. - Но не сейчас, в следующий раз.» Сварил макароны, половину съел, а вторую оставил в кастрюле на плите. Открыл ноутбук, ещё раз просмотрел серию, которую он придумал на сегодня. Мысленно повторил решение всех задач. Ошибок или опечаток не обнаружил.

«Надо бы распечатать её, - подумал он. - Только где? Загляну по пути в фотоателье, там вроде бы можно с флешки распечатать. Сколько экземпляров делать? По два условия на страницу... Двадцати копий наверняка хватит. Сколько там стоит печать, три рубля за страницу? Шестьдесят рублей, значит. В любом случае, сотни должно хватить.»

Игорь посмотрел на мобильник, заменяющий ему часы. Ещё есть время до выхода, немного, но есть.

Игорь прошёл в комнату, рассчитанную на троих. Соседи пока не пришли. Он посмотрел на свой угол. Старые фотообои с изображением оленей в лиственном лесу состояли из восьми отдельных листов, и сейчас уже заметно, что швы между листами изрядно пообтрепались. На другой стене — две подвешенные проволоочные полки с книгами. Книги вперемежку — математическая и художественная литература, библиотечные и свои. Когда их мало, выловить нужную не составляет труда. Снова взгляд Игоря зацепился за два тома Фихтенгольца — они легко выделяются среди прочих книг своей толщиной и необъятностью. Первый и третий тома. Убил бы того, кто взял у меня второй том и не вернул его. Но кто его брал, неизвестно. Уже не вспомнить, не восстановить. А жаль. Очень его не хватает, особенно сейчас...

Игорь открыл портфель, выудил оттуда конспекты и выкинул их в тумбочку, где они лежали сплошной грудой. Надо бы повыкидывать ненужное. Например, зачем тут лежат эти листочки с контрольными по матанализу ещё прошлого семестра? Или мои черновики, записи, в которых я прорешивал эти чёртовы упражнения. В этом хламе уже трудно найти нужные бумаги. А вот возьмёт кто отсюда нужный конспект, например, по теорверу — я же сразу и не замечу. А это вполне может быть, вечно Серый возьмёт что без спросу, и пока не попросишь — не вернёт. Да и подмести бы неплохо, пыль в углах вон лежит...

Игорь снова посмотрел на мобильник. Пожалуй, пора. Надо ведь ещё заложить время на печать. В самый нужный момент фотоателье всегда оказывается закрыто, или у них сломан принтер, или отказывается читаться флешка, или они завалены заказами и просят подождать.

Игорь положил в портфель свой ноутбук, взял на всякий случай чистую тетрадь и несколько ручек. Пора.

Он вышел из комнаты. Дверь захлопнулась за ним на хилую защёлку, которую можно легко выбить одним ударом ноги. Что и делалось неоднократно, когда кто-нибудь из жителей выходил и обнаруживал, что забыл ключи. После чего достаточно было просто подкрутить шурупы, державшие замок, и замок снова верой-правдой служил своим хозяевам. Подобные замки были на многих дверях: красть в студенческих комнатах, кроме ноутбукеров, обычно нечего.

До начала кружка оставалось ещё около пяти минут, когда Игорь вошёл в интернат. На пятачке около интерната собралось около десятка детей и примерно столько же родителей. Они сиротливо топтались, утрамбовывая ногами свежевывающий снег. Двое детей перекинулись снежками, но как-то вяло, безо всякого азарта.

«Почему они здесь толпятся? - подумал Игорь. - Здесь же холодно, куда лучше ждать в помещении. А, да я же не знаю, в каком кабинете будет кружок! Ну ничего, сейчас разберёмся.»

Игорь знал, что ключи от кабинетов находятся на вахте, и после занятий свободных кабинетов бывает полным-полно, и что любой ученик может взять ключ от большинства кабинетов. Нельзя было брать ключи лишь от нескольких классов — от класса Семёнова,

например, или от класса Рыжковой. Игорь сам поначалу частенько брал ключи от кабинета литературы, где стояло пианино, потому что до поступления в интернат занимался музыкой. Потом, правда, желание играть на пианино угасло. На последнем звонке его ещё уговорили сыграть, и перед этим пришлось активно тренироваться и навёрстывать упущенную технику, и это ему настолько не понравилось, что после своего номера на последнем звонке он торжественно закрыл инструмент и больше к пианино не прикасался. Игорь посмотрел на стоящих. Среди них мелькнуло знакомое лицо — это была мама Влада Сибирцева, который ходил в кружок Валеры. Он вспомнил, что у Влада есть младший брат — очевидно, его-то и привели сегодня на его кружок.

- А мы вас ждём, - сказала мама Сибирцевых, как только его увидела. - Нас сюда почему-то не пускают.

- Наверное, нужен ключ от кабинета, - ответил Игорь. - Сейчас подойду к вахтёру, разберёмся.

Вахтёрша, седенькая толстенькая старушка с очень коротко стриженными волосами, была ему знакома. Но, как это обычно бывает, её имени-отчества Игорь никогда не знал.

- Здравствуйте! - сказал он, заглядывая в будку вахты.

- Здравствуй! - ответила та, отвлекаясь от вязания. Было очевидно, что она его тоже узнала, и тоже не знает, как его зовут.

- А можно ли мне получить какой-нибудь ключик от кабинета, который свободен?

- Ты пришёл проводить кружок?

Игорь кивнул.

- К сожалению, есть прямое указание вас не пускать.

- Как это?

- Ты пойми, я тебя хорошо помню, и конечно же, дала бы тебе ключ, но тут прямое указание, и с этим я сделать ничего не могу.

Игорь почувствовал себя в каком-то параллельном мире, в котором действуют другие, неведомые ему физические законы. Его мировосприятие отказывалось признавать такой оборот.

- Так была же договорённость насчёт этого кружка...

- Была, но с прежним директором. А с тех пор директор сменился.

- А Сергея Юрьевича нет в школе?

- Сергея Юрьевича в школе нет и ещё долгое время не будет. Да он уже и не директор. Теперь директором является Бабель.

- Кто такой Бабель? Я его не знаю...

- Не «кто такой», а «кто такая». Сейчас она является директором, и она велела вас с детьми не пускать.

Игорь задумался. Только что он считал, что в интернате всех знает и потому сможет решить любую возникшую проблему, а на деле оказывалось, что всё это не так.

- А можно ли с ней поговорить?

«Хотя это бесполезно, - мелькнула у него мысль. - Я студент, она здесь директор, и мы друг друга не знаем. Как с ней говорить?»

- К сожалению, нет, она сейчас на собрании... на педсовете.

Вопросы у Игоря иссякли. Но тут к вахте подошёл Рыжков, и у Игоря ожила надежда.

- Александр Васильевич, здравствуйте! - радостно сказал он.

- Здравствуйте. - У Рыжкова было очень растерянное выражение лица, частично скрытое седыми бакенбардами. Было видно, что ему сейчас предстоит озвучить точку зрения, с которой он сам не согласен.

- Тут какое-то недоразумение... нас почему-то не пускают.

- К сожалению, да, - ответил Рыжков. - И я сейчас ничем помочь не могу. Я бы пустил вас своей властью, но она дала прямое указание не пускать. Вы сами понимаете, против прямого приказа я идти не могу... Так что извините...

Игорь понимал. Только от этого ему было не легче. Рыжков моментально исчез из поля зрения Игоря.

- Я присутствовала при этом разговоре, - сказала вахтёрша. - Наталья Никаноровна задавала ему очень неудобные вопросы: кто будет оплачивать электричество, уборку помещений и так далее — и он на них, конечно, никак не мог ответить. А потом прямо сказала — не пущать.

Игорь вспомнил, как он по вечерам просиживал несколько часов за пианино. Электричество всё это время, разумеется, горело. Горело оно часто и в других кабинетах, запертых и пустых, горело, просто потому что его забывали выключить, горело до тех пор, пока этого не замечал кто-нибудь с вечерним обходом. И никого никогда не волновало, кто его будет оплачивать. А тут вдруг это стало волновать. Да много ли его, того электричества, нагорит за время кружка! Нет, аргументы были совершенно бредовыми и надуманными, но это всё не приближало его к пониманию того, что делать.

«Надо позвонить Александру Евгеньевичу!» - наконец пришла в голову Игоря верная мысль. Ему было очень неудобно звонить, потому что он обещал справиться собственными силами, а тут вдруг обнаружил, что этих собственных сил недостаточно. Краем глаза он заметил Ксюшу с Даней — они остановились на почтительном расстоянии, чтобы не мешать Игорю. Очевидно, они уже знали о том, что с кружком какая-то проблема.

«А вдруг он недоступен, - мелькнула у него мысль. - Тогда будет совсем плохо.»

Руцкий был доступен и сразу же снял трубку.

- Алло!

- Александр Евгеньевич, у меня проблема. Нас с кружком не пускают в интернат.

- Как не пускают? Позавчера всё было нормально... Подожди, мы же с Сергеем Юрьевичем договаривались. Как тебя могут не пустить?

- Мне говорят, что он больше не директор.

- А кто директор?

- Наталья Никаноровна Бабель. Только я не знаю, кто это такая.

- Ууу... - Руцкий немного был наслышан о Бабель. - Интересные дела происходят. И ты там на месте ничего сделать не можешь?

«Глупый вопрос, - подумал Руцкий. - Я знаю Игоря. Если уж звонит, значит, все возможные способы он перепробовал.»

- Мне сказали, что поступило прямое её распоряжение — не пускать нас.

- Нас — это именно ваш кружок или и остальные тоже?

- Не знаю. Могу сейчас спросить.

- погоди, не надо ничего спрашивать. Дай сообразить... В любом случае кружки здесь проводить уже нельзя. Если не пропустили тебя, то могут в любой момент не пустить и

нас... Но вот что. Сейчас, конечно, детей надо отпустить, сказать им, что произошло досадное недоразумение.

- Вы думаете, в следующий раз оно не произойдёт?

- До следующего раза мы что-нибудь придумаем. Либо договоримся с Натальей Никаноровной, хотя я в такой расклад не верю, либо найдём другое место для занятий.

- Но ведь снова собрать детей будет уже труднее. Второй раз после такого они уже не придут.

- Да, некоторые могут и не прийти... Но тут мы ничего не можем поделать, так ведь? А вот что нужно спросить — если ты это узнаешь, будет хорошо, нет так нет. Завтра должно быть родительское собрание у наших детей. Узнай, если сможешь, состоится оно или нет.

- Хорошо, - сказал Игорь и повесил трубку.

Дети и родители всё ещё ждали его во дворе. Многие явно замёрзли и были сердиты, в их глазах явно читалась мысль, что сюда они больше ни ногой. Игорь извинился за произошедшую накладку, сказал, что этот вопрос обязательно будет решён (сам он в это не верил), раздал детям распечатку серии и сказал порешать её дома. Родители покивали головами и разошлись, дети отправились играть в снежки. Сибирцева снова подошла к нему. Она, похоже, понимала, в чём дело.

- А родительское собрание завтра будет? - спросила она.

- Сейчас попробую узнать.

Игорь снова вошёл в интернат. Здание показалось ему серым и тусклым.

- А где можно найти Александра Васильевича?

- Посмотри у него в каморке.

Это помещение все называли «в каморке, что за актовым залом», ибо оно совершенно точно отражало местоположение. Там находился склад оборудования, содержащий, помимо стандартный микрофонов и динамиков, много интересных и неожиданных вещей. Игорь доподлинно знал, что на складе есть арфа, и знал, что три года назад она была в рабочем состоянии. Правда, редко кто из учеников заглядывал на склад, в основном лишь тогда, когда Ольга Николаевна, супруга Рыжкова, посылала его что-нибудь оттуда принести. А проходная каморка перед складом и служила кабинетом Рыжкова.

Игорь робко постучался. Он не верил, что Рыжков знает ответ на этот вопрос — то было совершенно не по его части. Но обращаться было всё равно больше не к кому. Оказалось, что Игорь всё-таки ошибался.

- Наталья Никаноровна сказала, что знает про родительское собрание. Оно состоится, и она сама на этом собрании выступит.

Эти слова Игорь и передал Сибирцевой.

- Ах, выступит? - сказала она. - Ну отлично, я тогда во всеуслышание расскажу про сегодняшний инцидент. Посмотрим, как она выкручиваться будет.

Александр Евгеньевич Руцкий снова почувствовал себя как в Лернейском болоте, окружённый ядовитыми многоголовыми гидрами. Только начнёшь побеждать одну, как из воды высунутся мерзкие головы какой-то другой, ещё более страшной и ядовитой. То, что сообщил ему только что Игорь, было ударом — с той стороны, откуда удара он никак не ожидал. С тыла, который был прикрыт — во всяком случае, так казалось до текущего момента.

Руцкий позвонил Наташе и изложил ей суть проблемы.

- Что будем делать? - спросил она.

- Пока не знаю. Можно начать договариваться с Бабель...
 - Ты уверен, что есть о чём договариваться? - спросила она. - Мне кажется, что после сегодняшнего говорить с ней уже не о чем.
 - Мне тоже, - вздохнул Руцкий. - Я очень плохо её знаю, только по отзывам, но даже если мы о чём-то договоримся с ней, я совершенно не верю, что она будет выполнять свои обещания.
 - Тем более. Значит, нужно искать какое-нибудь другое место для наших кружков.
 - Но тогда мы потеряем очень хорошую школу. Кроме того, мы потеряем интернат. А тогда нам не удастся привлечь в класс никого из иногородних. А хотелось бы заполучить Слепцова.
 - Да, эту возможность мы теряем, - бесстрастно ответила Наташа. - Нет, если ты хочешь, можешь провести переговоры с Бабель. Скажешь мне потом, чем дело кончилось.
 - Не хочу, спасибо. А что делать будем?
 - По-моему, понятно, что. Искать другую школу с вменяемым директором. Ты звонишь Тане Таракановой или мне позвонить? Или у тебя есть другие контакты?
- Других идей у Руцкого не оказалось. Он также не был уверен, что Таня Тараканова чем-нибудь ему поможет. Последний раз он с ней пересекался четыре... нет, три года назад. С тех пор она стала заведующим отдела образования, и теперь, обладая такими связями, действительно могла чем-нибудь помочь. Но Руцкий даже не был уверен, что Таня его помнит. Только альтернативы всё равно не было.
- Саша, здравствуй! - Руцкий несколько опешил, услышав в трубке такой звонкий и мелодичный голос. Она явно была рада, что он позвонил.
 - Добрый день!
 - Как у вас дела, как родители?
 - Спасибо, ничего.
 - Как ваша система кружков, развивается?
 - Да, спасибо. Вот об этом я и хотел спросить.
 - Я давно ждала твоего звонка. Мог бы и просто позвонить. Ну и что там у вас с кружками? Я слышала, вы к СУНЦу прикрепились?
 - Почти. Мы уже договорились с директором. Проблема в том, что, по-видимому, директор там сменился, и теперь, кажется, договариваться стало невозможно.
 - Так вам нужно подобрать школу, где бы вы могли себя комфортно чувствовать?
 - В общем, так.
 - Хорошо, я посмотрю... Есть школы, которые хотели бы вас принять, но у вас ведь требования... вам же кучу часов нужно сразу же. Но я подумаю над лучшим вариантом. Пара дней есть у вас?
 - У нас нет особого выбора.
 - Хорошо, я обязательно перезвоню. А кто теперь директор в СУНЦ? Я пока об этом ничего не знаю...
 - Я тоже только что узнал. Вроде бы директором поставили Бабель.
 - Что? Эту?.. Да, Сашенька, тогда ты совершенно правильно поступил, что позвонил мне. Разговаривать с Наташей вообще не надо, и даже подходить близко к ней не советую.
 - А ты её знаешь?
 - Знаю. Она любовница Миши Ягунова, который первый проректор в Университете.
 - Наверное, не стоит распространять недостоверные слухи.

- Понимаешь, Саша, я бывшая любовница Миши Ягунова. Для тебя это слухи, а для меня — достоверная информация. Наташа Бабель — это как клещ: вцепится и больше не отпустит. Я-то думала сперва, что ей деньги от Миши нужны, а она вон на что замахнулась... Баба, видать, не дура, но сволочь изрядная. Поуправлять, значит, ей захотелось...

«Ты-то сама где сидишь,» - подумал Руцкий. И ещё одна мысль, острая как стрела: «Таня, а ты-то как получила место начальника отдела образования?» До этого момента он не задумывался о таком способе карьерного роста, ему было очевидно — хорошее место нужно или заработать, или кого-нибудь на нём подсидеть. Но естественность рассуждений Тани открыла ему третий способ.

- Значит, ты не советуешь мне вести с ней переговоры?

- Сашенька, да это же невозможно! Вот ответь, почему ты сейчас звонишь мне, а не ведёшь переговоры с ней?

Руцкий вспомнил про звонок Игоря и осознал, насколько права Таня. Переговоры, видимо, были действительно дохлым делом.

- Вот видишь, - Таня хорошо чувствовала замешательство Руцкого и сочла его за согласие, - ты и сам понял, что это невозможно. Нет-нет, есть много других людей, с которыми можно и нужно вести переговоры. Зачем тебе возиться со сволочью, которая тебя тут же обманет?

Видимо, на том конце зазвонил рабочий телефон, потому что Таня сказала уже не в трубку:

- Алло! Сейчас, минуточку!

Она вернулась к разговору с Руцким.

- Извини, мне там из дворца звонят. Я обязательно позвоню через пару дней, тогда и поговорим. Хорошо? Пока!

В трубке раздались короткие гудки.

Всё складывается как будто бы неплохо, подумал Руцкий. Да, интерната у нас больше нет, но Таня пообещала найти для нас какую-нибудь другую школу, и, скорее всего, это обещание выполнит. Только на те классы, которые мы наберём, придётся искать учителей. В СУНЦе нас бы устраивал почти любой преподаватель, а теперь придётся искать. И видимо, надо будет пытаться переманивать кого-то — Цукермана, например. Нет, Азаров вряд ли согласится перейти к нам, да и нельзя его на восьмые классы ставить. Если в СУНЦе всё действительно так плохо, а у нас будет получше, то есть шанс, что преподаватели согласятся перейти. Но это работа, много работы, и всё нужно начинать заново, почти с нуля.

Руцкий почувствовал себя полусизифом. Во он тащит камень на гору, а у самой вершины камень срывается и падает вниз. Ужасно обидно, но труд этот не совсем напрасный. В-первых, камень скатывается не совсем к подножью, а застревает на полпути. А во-вторых, путь, проложенный камнем, становится гладким, и вкатывать камень второй раз по этому пути будет уже гораздо легче.

26. Разгул

В жилых корпусах интерната царило оживление. Впереди осенние каникулы, на которых интернат обычно вымирает — все разъезжаются по домам. Некоторые уехали уже сегодня,

замотав последний учебный день, остальные разъедутся завтра. Кто-то собирает вещи, кто-то ищет по всему интернату свои тетрадки, а кто-то считает, что вещи он соберёт в самый последний момент, до которого можно вообще не беспокоиться.

Из воспитателей сегодняшней ночью дежурят Арес и Светочка. Отбой, значит, будет очень громкий. Привычно громкий. А Светочка, молодая, красивая и цветущая девушка, в которую запросто могли бы влюбиться старшеклассники, просто пройдёт по комнатам девочек, переписишет присутствующих и пожелает всем спокойной ночи.

В двести седьмой комнате присутствуют Ник, Саша и Паф, чудесно спасшиеся от дамоклова меча. Они пока ещё не осознали, что произошло, но понимают, что случилось что-то невероятное. Устроить пьянку и не попасться легко, попасться и убедить воспитателя, что ты трезвый — сложнее, но возможно, попасться пьяным воспитателю и не быть отчисленным — большое везение, но и это никто не считает совершенно невозможным. А вот быть отчисленным, а потом восстановленным следующим приказом — это чудо, это что-то из области фантастики, и такое, очевидно, не может случиться с каждым. Это происходит лишь с некоторыми. Избранными.

Сегодня они снова собирались выпить. Решили ещё вчера, сходили в ларёк, купили три бутылки водки и пиво. На этот раз оставлять алкоголь в лесополосе не стали, остановила слякоть и тонкая снежная пороша. В таких условиях пакет особенно не спрячешь, выходить на улицу противно, по пожарному шлангу спускаться холодно. Да и не было уже того куража, чтобы посреди ночи вылезти из окна по гидранту и так же по гидранту вернуться. Поэтому бутылки просто принесли в комнату и оставили в тумбочках. Конечно, этот алкоголь теперь могли найти при обходе, но какой спрос с уже отчисленных?

А сегодня утром пришло чудесное избавление, но смысл пьянки остался прежним. Конец четверти, какой он есть. Для кого-то удачный, для кого-то не очень. А для кого-то он стал внезапно слишком удачным.

- Может, куда-нибудь спрячем бутылки-то? - робко спросил Саша.

Мысль весьма понятная. Один раз их пожалели, только попугали слегка. Но если в тот же день у них найдут в тумбочках алкоголь, то последствия могут быть совсем другие.

- Ну спрячь, если найдёшь куда, - ответил Ник.

Саша убрал бутылки в сумку.

Как-то так получилось, что Паф почти что переселился к ним. Жил он в комнате напротив, но с соседом у него не заладились отношения, потому что тот был очень правильный, вставал с подъёмом и ложился с отбоем, и Паф почти перебрался к Нику и Саше, приходя в свою комнату только ночевать. Почти вся одежда была у него тут. Воспитатели уже давно не удивлялись, видя его на переписи в двести седьмой — отмечали как присутствующего и уходили.

Не удивился и Арес. С адским стуком и звоном от потряхивания своей связки ключей и зычным криком «Перепись!», способным насмерть перепугать небольшую стаю волков, он вторгся в комнату, отметил присутствующих и ушёл творить такую же звуковую какофонию в соседней комнате. Обошёл комнаты, отметил присутствующих, которых из-за начавшегося отъезда оказалось на четверть меньше, посмотрел на часы, вдохнул полные лёгкие воздуха и крикнул с силой, которой мог бы позавидовать паровозный гудок:

- Две минуты до отбоя!

- Интересно, - сказал Саша, - вот он постоянно кричит про две минуты до отбоя. Но я ни разу не слышал, чтобы он кричал: «Две минуты до подъёма!»

- Ты просто спишь в это время, - ответил Паф.

В коридоре усилился топот ног — к отбою лучше оказаться в своей комнате.

- Отбой! - раздался трубный голос, способный разбудить мёртвого.

На несколько минут в коридоре всё стихло.

Первым в комнату вошёл Денис Бурчук — длинный, около двух метров, худющий как жердь, с руками, которые, казалось, состоят из одних костей, с пальцами, двигающимися отдельно от остального организма, с белым лицом и синими кругами под глазами. Прозвище «Умертвие» как нельзя лучше к нему подходило, только, как любое длинное и неудобно произносимое прозвище, использовалось по назначению редко. Ходил он постоянно мрачный, без тени улыбки, без единого выражения эмоций на лице, а в последнее время его мрачность ещё усугубилась тем, что он безответно влюбился в Алёну Сколкину, весёлую хохотушку — и в последнее время всё бродил один, бродил бесцельно, по самому интернату и в его окрестностях, молчаливый, мрачный, с шевелящимися губами и пальцами, в самом деле напоминающий заморское существо из ширпотребной сказочной фантастики. Сейчас его пальцы сжимали какой-то предмет. Что он забыл здесь, в чужой комнате, куда его не звали, после отбоя?

- Пить с нами будешь? - спросил Паф. Денис кивнул. Он был явно не против залить своё горе алкоголем.

- Что это ты принёс?

Денис молча протянул ему предмет, который держал в руках, и Паф инстинктивно отшатнулся, хотя был не робкого десятка. В руках у Дениса был обломок кости — большой, с круглым набалдашником, пожелтевший от времени. В другой обстановке он был бы похожим на экспонат из антропологического музея, но в руках Дениса навевал страх. Казалось, что этот обломок — это всё, что осталось от недавней кровавой трапезы Умертвия.

- Кого это ты съел?

- Не съел. Я его нашёл.

- Где?

- Тут, в лесу. Я ходил сегодня по лесу, от нечего делать стал копать землю палкой. А земля уже мёрзлая, да не совсем. Ком земли перевернулся, а там вот это добро было. Ну, я забрал его и помыл.

- Понятно, - ответил Паф, а про себя подумал, что вот этот обломок кости очень идет к его имиджу.

- А что это? - заинтересовался Ник. Паф передал ему обломок.

- Похоже на кусок берцовой кости. Это что-то крупное было... - сказал Паф с видом палеонтолога, описывающего найденный окаменелый образец.

- Корова, что ли?

- Может, и корова...

- На человеческую кость похоже. Может, ты там целый скелет раскопал?

- Нет, скелета не было. Я нашёл лишь это.

Ясное дело, подумал Паф, что скелета не было. Иначе бы ты как минимум с черепом пришёл, надев его на руку и управляя челюстями, чтоб клацали погромче.

- Интересно... Что, в нашем лесу водятся кабаны?

- Да откуда здесь кабаны? Я и в зайцев-то не верю!

Ходили слухи, что в лесополосе, опоясывающей интернат, водятся зайцы, но никакого реального подтверждения этим слухам не было. Белки, конечно, водились, в тёплое время

года по ночам вылезали и шуршали в траве ёжики, а остальная живность была из категории мифов и легенд. Паф отдал кость обратно Денису.

- На, обглодаешь на завтрак.

- Спасибо, - замогильным голосом ответил Денис.

Вскоре появились и остальные участники действия. Незаметно, как мышка, поскреблась в комнату Маша, юркнула в открытую дверь и заняла позицию на кровати Ника. Пришёл Рыжий, который, похоже, не пропускал ни одной пьянки в интернате, даже если его туда не звали, и всегда выходил сухим из воды. Появился Шурик Сухомлинов — просто открыл дверь и громко сказал: «А вот и я!» На него зашикали, но никакого внимания он не привлёк.

- Ну что, начинаем?

На этот раз у Ника не было настроения чинно сервировать стол. Он просто вывалил всё съестное, что было в тумбочках. А там оказался целый склад тарелок из столовой — Ник даже удивился, что тарелок было так много. Ему казалось, что совсем недавно он возвращал лишние тарелки, но то ли вернул мало, то ли с тех пор ещё натащили, но из разных мест было извлечено семь различных тарелок. Три из них были загажены остатками масла и никуда не годились, и Ник их тут же убрал. Ещё на двух был хлеб — в основном твёрдый, как пластмасса, и хрупкий, будто побывавший в жидком азоте. Пара кусков была тронута зелёными веснушками плесени. Ник выкинул эти куски в мусорку, один из кусков звонко шмякнулся о бортик ведра и раскололся надвое. Ещё на одной тарелке горкой лежали сушки — эти не испортятся, если и ещё полгода пролежат. На оставшейся были бесформенные куски масла, число которых уже невозможно определить, и несколько селёдочных долек.

- Выкинь эту гадость, - сказал Паф. От селёдки пахло.

Итого из закуски без ущерба для здоровья можно было употреблять только сушки.

- У меня есть «Роллтон», - предложил Саша.

- Доставай, съедим сухим. Судака тут нет, никто про вредность гундеть не будет.

- А где Судак?

- Так у него сегодня поезд, он уже домой едет.

- У меня ещё консервы есть, скумбрия. Давай принесу, - предложил Шурик.

- Неси. Только аккуратно и не кричи, когда заходить будешь. Запалишь — убью.

Шурик испарился и вскоре пришёл с тремя банками рыбных консервов.

- Вот это дело!

Но оказалось, что ни у кого из присутствующих нет ножа, чтобы эти консервы открыть. Ник помнил, что складной нож был где-то в тумбочке, но теперь его там не оказалось. Наверняка упёр кто-нибудь. Надо будет завтра кинуть клич — обычно такие предметы находятся в чьей-нибудь комнате. Иногда хозяева этой комнаты даже не подозревают о том, что у них чужой нож. А иногда этот нож не находится, но находится другой, бесхозный.

- Шурик, если у тебя консервы, то должен быть и нож. Сбегай, принеси, ладно?

Шурик снова отправился к себе. В это время к консервам неслышными шагами подошёл Денис. Пафу показалось, что он хочет прямо сейчас сожрать эти консервы вместе с банками. «А что, пожалуй, смог бы,» - подумал он. Но всё оказалось проще: в кармане у Дениса был маленький складной ножичек, почти игрушка, сантиметра три длиной. Денис взмахнул своей костлявой рукой и жестом профессионального палача опустил руку на

банку. Лезвие, выглядевшее весьма хлипким, пробило толстую жёсть. От возникшего давления из дырочки фонтанчиком забило масло. Затем Денис склонился над банкой. Со стороны казалось, что он вгрызлся в неё зубами. Через полминуты он оставил свою жертву. Верхняя сторона банки была полностью растерзана и напоминала декорацию из фильма ужасов, стол вокруг был щедро залит маслом, но цель была достигнута. В этот момент в комнату вошёл Шурик.

- Нет ножа, - сказал он. Ник жестом указал на растерзанную банку. Шурик воззрился на неё, побелел, представив, какая дьявольская сила могла её так изуродовать.

- Открыть остальные? - спросил Денис.

- Лучше пока не надо.

- А потом может не получиться.

- Лучше вообще не надо их открывать, чем открывать так, - сказала Маша. - Это же ужас что. Мне потом ночью будут кошмары сниться.

- А всё равно вилка одна...

Паф поискал в тумбочках салфетки, но нашёл только туалетную бумагу. Оторвал от неё метр, ликвидировал масляную лужу вокруг останков банки. Ник достал водку и стаканчики.

- С пивом будем мешать?

- Водка без пива — деньги на ветер, - ответил Рыжий.

- Я не хочу мешать, - сказал Паф. - Я как-то смешал, так наутро во рту было такое, будто бы весь интернат ночью только тем и занимался, что срал мне в рот. И никакая зубная паста не помогала, я полтюбика выюзал тогда.

- Ну как хотите, - ответил Ник и поставил на стол ещё пиво. - Вообще нас мало, а водки много.

- Водки много не бывает, - ответил Рыжий.

- Да тебе никогда много не бывает. Ник, убери это пиво, завтра с утра его выпьем.

- Тихо! Кто-то идёт!

- Сегодня же Арес дежурит, а он никогда по ночам не проходит. А если вдруг пройдёт, так его шаркающая походка за версту слышна!

Ник разлил всем водку, на чём бутылка скончалась. Кажется, немножко не поровну, но исправлять и заниматься миллиметражом неохота. Рыжий первым потянулся к водке и взял тот стакан, уровень которого на полмиллиметра выше остальных.

- Ну, давайте выпьем за конец четверти.

- Что, вас так и не выгнали?

- Выгнали, но потом восстановили.

- Везунчики. Как это вам удалось?

- А я и сам не понимаю, как.

- А ты родителям-то успел сказать?

- Нет, - ответил Ник. - А теперь и говорить не буду. Не выгнали же, чего попусту пугать.

- Ну ты даёшь! Три дня был выгнанным и ничего предкам не сказал!

- Хорошо пошла!

- Хотя лично я считаю, что зря нас не выгнали, - сказал Паф.

- Как это?

- Нет, то есть вылетать-то я не хочу, хотя и жить не очень рад. Но если абстрагироваться от нас, то я считаю, что за такое нужно гнать. Выпил — пожалуйста! Но попадаться

совершенно незачем. А если теперь за это перестанут гнать... Так и пить неинтересно будет.

- Ещё скажи, что ты от этого меньше пить будешь.

- Нет, меньше пить, конечно, не буду. Я только сказал, что это неинтересно получается.

- А тебе ещё и интересно надо...

- Ты по-прежнему из-за неё терзаешься? - спросила Маша Дениса.

- Да... - неохотно ответил тот и отвернулся. Стало понятно, что разговаривать на эту тему он не хочет.

- А Дэн тут кость приволок. Признавайся, кого убил?

- Да не признаётся...

Все с интересом уставились на кость.

- Человечья, похоже.

- Где он её нашёл?

- Да тут, в перелеске.

- А год назад ходили слухи, что в этом районе маньяк был. Несколько жертв прямо в этом районе было. Может, он кого сюда закопал?

- Дэн, а не ты ли этим маньяком был?

- Да ну вас, разговоры на ночь...

Вторая бутылка пошла в ход. Ник разлил её. Маша отказалась, сказав, что у неё ещё есть.

- А Толик-то мне так и не поверил. Говорит, пьяные всё помнят, только им стыдно в этом признаваться. Так мне и не поверил, что не помнят.

- Это нам тётя Лу на уроке вещала. Что пьяные всё помнят.

- Да она небось сама никогда по-настоящему не напивалась...

- А чего это у нас под столом пустые бутылки! Забыли, как было в прошлый раз?

- Да блин, если бы не Ник, всё было в порядке! Это Ник не вписался в дверь! Вот как это можно — в дверь не вписаться?

- Ага, а ты сам попробуй пройдишь под пристальным взглядом Жадины-Говядины! Ещё и имя её выговори без запинки!

- А что, легко. Жадина-Говядина. Вот.

- И вообще Рыжий нас тогда подставил. Ты чего в туалет прыгнул?

- А что мне оставалось делать? Я вижу — идёт кто-то...

- А меня почему не предупредил?

- Я же не знал, что ты не видишь! Да и как бы мне предупреждать — орать «шухер!» на весь коридор, что ли?

- Ладно, проехали.

- Слушай, мне лень в курилку идти. Давайте здесь покурим, что ли?

- Так вонять будет?

- Да плевать, окна откроем. А завтра вообще все разъедемся, за неделю выветрится.

- Так там же холод собачий.

- Вот потому и лень в курилку идти. Это ж одеваться надо, если на балкон.

Некурящих в компании почему-то не оказалось, хотя до сих пор считалось, что Денис не курит. Только сигарет у него не было. Ник выдал ему сигарету и подумал, что Денис, точно, не курит, а сейчас лишь бравивирует за компанию. Да вон и держать её не умеет, хотя разве же поймёшь по его пальцам, чего там он не умеет. Это же Умертвие, в не нормальный человек, у него же пальцы сами по себе шевелятся. Сейчас ещё закашляется с первой затяжкой. Нет, не закашлялся... А, чёрт с ним, пусть делает что хочет.

С открытым окном комната быстро выстужалась. Все старались дымить на улицу, но курящих оказалось слишком много.

- Холодно как-то...

- А нам здесь ещё спать...

- Кончайте проветривать, а то совсем задубеем.

Только Денис ничего не говорил. Ему, видимо, было всё равно, какая температура. Маша сняла туфли, залезла на кровать с ногами, села, съёжившись, и накинула на себя покрывало, из которого выглядывали только бегающие глазки и острый нос.

- Как в парандже, - заметил Ник и сел рядом.

Саша достал свитер и надел его. Ник последовал его примеру.

- Холодно...

- А всё равно накурено...

- На, не стони! - сказал Ник, снял свой свитер и кинул его Шурику, а сам забрался под покрывало к Маше.

- Вообще, давайте по последней...

«Шумим мы очень,» - подумал Саша, когда все расходились. Денис ушёл первым, просто исчез, да так, что этого никто даже не заметил. Это казалось невероятным, его даже поискали под кроватями и в шкафу, но, конечно же, не нашли.

- За шваброй ещё посмотри, он там мог спрятаться...

- Не мог, он бы в длину выпирал...

Потом расходились остальные. Дверь отворилась нараспашку, и на полу в коридоре образовался яркий световой параллелограмм.

- Ну пока, вдруг завтра не увидимся...

- Это почему не увидимся?

- Всем спокойной ночи! - чуть не крикнул Шурик и ушёл к себе.

Маша помахала остальным на прощание. Ник ушёл её провожать.

В комнате остались Саша, Паф и Рыжий, к тому моменту мирно дремавший на кровати Ника. Покрывало было снято, когда им укрывалась Маша, и теперь безвольной тряпкой валялось на полу. Рыжий растянулся во всю длину кровати. Подошвы его башмаков в аккурат попадали на край простыни.

- Ну и чего с ним делать? - спросил Саша.

- Развезло его. Неудивительно, выжрал водки больше всех. Давай тазик ему поставим.

- Давай...

В тазике оказалась вонючая мутновато-серая жижа, на поверхности которой плавали радужные масляные блики.

- Это что такое?

- А это мы пол мыли и воду не вылили.

- Когда это вы пол мыли?

- Не помню, месяца два назад...

- Я смотрю, там и тряпка ещё плавает.

Паф попытался достать половую тряпку из тазика, но тряпка уже сгнила и расплзлась по кусочкам. В его пальцах остался лишь склизкий уголок, который он тут же с омерзением выкинул обратно в тазик.

- Фу... Кажется, это уже не тряпка...

- А чем мы будем пол мыть?

- А вы его так часто моете...
- Ну что, ставим ему этот тазик?
- А если он ночью будет вставать и опрокинет тазик?

Они представили себе эту лужу на полу.

- Вылить бы надо.
- Это же до туалета идти сколько...
- А ты вообще дойдёшь сейчас, не расплескав это дерьмище?
- И что будем делать?
- Вот что, - сказал Паф. Он открыл окно и вылил содержимое тазика наружу.
- Лёлика так год назад выгнали. Он решил пописать из окна... ну, и попал на кого-то.
- Ну и дурак.

Паф поставил тазик возле кровати Ника, на которой лежало тело Рыжего, не проявлявшее никакого участия.

- Я, наверное, здесь останусь, - сказал Паф. - Мне лень идти до комнаты.
- Да пожалуйста, кровать свободная.

Саша подумал, не почистить ли перед сном зубы, но решил сейчас не чистить. Путь до туалета сейчас представлялся ему неблизким и небезопасным.

Вскоре они легли и погасили свет.

- Паф, а почему всё-таки нас не выгнали?
- Да я почём знаю? Вроде в интернате какие-то передраги, директор в больницу попал... Не знаю я.

- А вон кость на столе осталась...
- Умертвие забыло? Ну ничего, ночью к нам придёт — догрызёт. Ещё и тобой закусит.
- Почему мной?
- Потому что я костлявый, а Рыжего есть — себя не уважать.
- Так, может, оно кости больше любит...

С кровати Ника раздалась какая-то возня, чуть позже стали слышны булькающие звуки, как будто в раковину набрали воды и сейчас её спускали.

- Блюёт?
- Блюёт...
- Во нажрался-то...
- Да уж...
- В тазик хоть блюёт?

Саша присмотрелся.

- Да как же, в тазик! На кровать блюёт.
- Вот скотина! Зря только тазик выливали.
- Вся постель теперь заблёвана будет.
- Да ерунда, завтра всё равно бельё сдавать, все же разъезжаются.
- Только запах блевотины будет по всей комнате...
- А какая разница — в тазик или на кровать? Всё равно запах...
- Ты прав... А как же Ник? Он же вернётся?
- Ты всерьёз думаешь, что он вернётся?
- А почему нет?
- А потому что у Машки соседка сегодня уехала.
- И что?

- Ты что, Машку не знаешь? Когда Катя уезжает, Машка никогда не ночует одна. Всегда спит с каким-нибудь мальчиком... обычно — кто первый предложит.
 - А у тебя с ней что-нибудь было?
 - Да ну её, ещё подцепишь какую-нибудь заразу... Птичка лебедь, блин... рыбка стерлядь...
 - Что, в самом деле, кто первый предложит?
 - Ну поди сам проверь в следующий раз. Я-то почём знаю? Не понимаю только, как её до сих пор не засекли, она же так кричит во время этого...
 - А ты откуда знаешь?
 - А я как-то в соседней комнате был, когда она с Жекой трахалась. Но это было днём.
 - Может, ночью она потише?
 - Не знаю. Может, конечно, ей подушкой рот затыкают...
- С кровати Ника продолжали доноситься булькающие звуки.

27. Улыбка Марии Магдалины

Горыныча разбудил телефонный звонок. Он некоторое время сонно шарил ладонью по столу, пока не нашупал мобильник.

- Алло! - сказал он и широко зевнул.
 - Алло! - ответила трубка голосом Семёнова. - Привет. Извини, если рано...
 - Я очень надеялся поспать в выходной день. Что-то опять случилось?
 - Да, есть новость. Сегодня в пять вечера в интернате будет заседание.
 - А это заседание в задницу не захочет пойти? Достали уже со своими заседаниями! Как только эта дура стала директором, каждый день какие-то заседания, и чем дальше, тем больше чувствуешь себя верблюдом.
 - Почему?
 - Плеваться охота.
 - Нет, это заседание не пойдёт в задницу. Потому что его проводит Ассоциация выпускников интерната. Им там очень не понравилось, что творится в интернате.
 - Покажите мне человека в здравом уме, которому бы это понравилось.
 - Ну, нашей бабелю наверняка всё нравится.
 - Я сказал «в здравом» и «уме», которого явно кое-кому не хватает... Ну хорошо, пусть Ассоциация проводит это собрание. Я-то тут при чём? Я не выпускник интерната, и вообще, можно сказать, я там больше не работаю!
 - Они всех приглашают, кто имеет к этому отношение. Вот потому я и позвонил тебе.
 - В такую-то рань...
 - Уже ведь полдесятого.
 - Я как раз поспать сегодня хотел.
 - Ну извини...
 - Ладно, спасибо за сообщение. Я подумаю, приходить в интернат или нет. Может, приду, заодно и вещи свои заберу.
- Горыныч положил трубку и понял, что спать уже не хочется. Он отправился умываться и начал думать, приходить ли ему сегодня в интернат. На этой неделе он и без того каждый день в интернате, что совершенно нетипично. Обычно он появлялся в интернате два, максимум три дня в неделю.

«Переживу, - подумал он. - Приду и посмотрю, что происходит. Если уж я оттуда увольняюсь, то можно и ещё разик съездить.»

А вдруг это заседание — та самая фальсификация, которую он так стремился придумать вчера? Нет, ответил он сам себе, нет, чудес не бывает. И фальсификации больше не будет, потому что принятое решение имеет под собой достаточно оснований.

Горыныч пошёл варить кофе. На полпути к кухне он поймал себя на мысли, что кофе не очень-то и хочет, но сварить его всё равно надо, потому что именно в течение этого процесса он всегда обдумывает планы на сегодняшний день.

Забыл сейчас спросить, навестил ли Семёнов Польского в больнице. Надо бы и самому туда съездить, узнать, как у него дела. Когда у них приёмные часы? Сегодня суббота, так что, вероятно, целый день приходить можно будет. Если, конечно, ему стало лучше, и его вообще позволят навестить.

Наверняка Польский знает о том, что произошло в интернате. Хотя бы в общих чертах. Знает ли он о том, что я ухожу из интерната? Может быть, да, а может, и нет. Если да, то как он на меня посмотрит? Согласится ли, что моё решение правильное? Не знаю. А ты бы согласился на его месте? Наверное, было бы ужасно обидно. Но ещё обиднее, когда твои сотрудники остаются и бездействуют.

А если не знает? Как ему сказать, что я увольняюсь? Посреди года, бросив классы, бросив... бросив всё? Наверняка он так же разведёт руки и скажет: «Ну что тут поделаешь...» Девиз жизни у него такой.

Интересно, многие ли из наших его уже посетили? Наверняка нет. С этими передрыгами не до больницы. Но надеюсь, я не первый, иначе придётся рассказывать всё, что произошло в интернате. Или не рассказывать?

Горыныч отхлебнул горячий напиток. Кофе, принявший форму чашки, напоминал по цвету и консистенции сырую нефть. Горыныч залпом опрокинул напиток в себя и поспешил собраться, чтобы поскорее покончить с мучившей его неопределённостью.

Клиника Марии Магдалины представляла собой обширный комплекс, обнесённый высоким забором. За забором происходила какая-то своя жизнь, отличная от городской суеты. Дорожки для гуляния были тщательно расчищены от снега, укрывающего газоны мягкой пеленой. Живые изгороди протянулись вдоль дорожек. Сажены на газонах ещё недавно выглядели как ростки новой жизни, нового молодого поколения, ради которого стоит жить, но теперь, укутанные снегом, они казались такими же мёртвыми. Чуть поодаль стояли величественные голубые ели, окутывающие всё вокруг себя безмолвным спокойствием.

А ведь тут такой же затерянный мир, каким до недавнего времени был интернат, подумал Горыныч. И сам себе сказал: хватит. Не надо излишних сравнений. Сюда приходят больные люди, в основном уже очень немолодые. Точнее, не приходят — их привозят. Уходят отсюда, по-видимому, не все... Спокойствие больницы — это спокойствие смерти, которая размеренно косит человеческие насаждения, которой некуда спешить, которая знает, что делает, которая всё равно получит своё. Интернат же — это символ новой жизни, нового поколения, которое скоро вступит в свои права. Это разные миры, и сравнивать их не вполне корректно.

Некоторое время Горыныч потратил на поиски входа. Повсюду тянулся этот бесконечный забор. Ему даже показалось, что входа в эту больницу и вовсе нет, как нет из неё и выхода.

Незачем, просто незачем. Сюда на «Скорой», отсюда на катафалке. Но, конечно же, так быть не должно, вход должен отыскаться.

Он и нашёлся вскоре — Горыныч повернул за угол и через сотню метров обнаружил ворота. Вокруг всё пространство было усеяно машинами. Несмотря на знак, запрещающий стоянку в двадцати метрах от ворот, машины стояли почти везде. Стояли на краю дороги плотной стеной в один ряд; слева от них, во втором ряду, было ещё несколько машин, моргавших аварийкой и с тёмными силуэтами водителей внутри; стояли на бывших газонах, превращённых в безжизненную плешь колёсами автомобилей, стояли на тротуарах, оставляя лишь узкий проход для одиночного пешехода. Неподальёку женщина с коляской пыталась лавировать между стоящими машинами, периодически сходя на газон и с усилием толкая коляску по острым гребням смёрзшейся грязи. Только сам подъезд к воротам оставался нетронутым, так что там вполне могла проехать «Скорая», а вот разминуться двум машинам было уже проблематично.

Наверняка у «Скорых» свой въезд есть, подумал Горыныч. Очевидно, все те, кто паркуется здесь, думают так же. Как хорошо, что я оставил свою машинку в квартале отсюда. Пройти чуть-чуть не перенапрягусь, зато моя машинка не участвует в этом безобразии.

Горыныч прошёл сквозь ворота. От здания больницы его отделяла теперь широкая асфальтированная площадка. Здесь пахло так же, как в городе, поэтому ощущения совсем иного мира не возникло, но городская суета осталась за воротами. Горыныч перешёл эту площадку быстрыми широкими шагами — она ему напомнила Стикс, разделяющий два мира. Блеснул вдалеке низенький купол больничной часовенки — блеснул и исчез в проёме между корпусами.

Клиника Марии Магдалины, подумал Горыныч. Что ж, наверное, сейчас это модно — называть клиники не именами великих докторов, а именами святых. Хотя, конечно, многие святые были также и великими целителями, но не стоит забывать, на каком уровне была медицина две тысячи лет назад. Мы же не называем университеты именем Архимеда или Аристотеля. Хотя можно было бы, но от университета с таким именем за версту разило бы стариной, как будто наука осталась в том же состоянии, в каком была у древних греков.

Горыныч вспомнил шутку про двойные стандарты веры и медицины: при благоприятном исходе больного исцелили молитвы, при неблагоприятном — угробили доктора. Наверное, очень обидно лечить верующих, которые молитву ставят превыше лекарств.

А учить верующих не обидно, спросил он сам себя. Медицину всегда сравнивают с образованием, ведь и то и другое — социальные сферы. Не обидно ли мне учить физике тех, кто читает Библию буквально? Ты им про закон Архимеда — а они верят в хождение по воде, ты им про законы сохранения — они про то, как накормить толпу народа пятью хлебами, ты им про космологию — они про сотворение мира шесть тысяч лет назад. Не обидно? Нет, не обидно. В сущности, я даже не знаю толком, кто из учеников верующий. Разве что крестик кто-то навывпуск носит, напоказ, сейчас таких всё больше. Но и это ведь не является признаком веры: вера — дело внутреннее, напоказ — это мода, не вера... Есть и такие, которые крестятся перед каждой контрольной, а перед обычными занятиями не крестятся. А разве на моих уроках хоть раз обсуждалось, кто во что верит? Да я бы убил того, кто такой разговор спровоцирует.

Ну, допустим, на уроках я жёстко пресекаю вообще всё, что не относится к теме. Иногда, правда, случаются абстрактные разговоры о том, что такое физика вообще, но, как только они выходят за определённую грань, от научно-философствования к пустому фантазёрству, я их мгновенно сворачиваю. А вне уроков, когда можно поговорить с

учениками о чём угодно? Почему я ни с кем из них не говорил про их веру? Потому что это дело личное и внутреннее. Ну так и часовенка, что показалась сейчас — тоже личное и внутреннее дело того, кто туда ходит. Почему же она мне вдруг так не понравилась?

Наверное, потому что мой опыт плохо распространяется. Не надо забывать, что в интернат поступают только те, кто в принципе способен иметь научное мировоззрение. И ещё я заставляю их думать, а кто отказывается использовать голову для этой цели, того я просто выгоняю. Но ведь далеко не все находятся в таких шикарных условиях. А врач не может выбирать, кого он хочет лечить, а кого нет. К тому же на уроке физики едва ли кому придёт в голову говорить о религии, а здесь, где смерть слишком осязаема, подобные разговоры более чем закономерны.

Как-то Горыныча спросили, является ли он атеистом. На это он ответил, что настоящий учёный не может быть атеистом в абсолютной терминологии. Мы не можем с уверенностью говорить про отсутствие того или иного объекта в природе, будь то кротовые норы, чайник Рассела или бог. А если мы допускаем гипотезу о существовании, то мы тем самым превращаемся из атеиста в агностика.

И всё-таки это разного порядка вещи, подумал сейчас Горыныч. Оставим бога в покое, но кротовые норы и чайник Рассела нельзя считать однородными объектами. Потому что первые никаким законам физики не противоречат, а чайник Рассела будет противоречить любой разумной теории происхождения Вселенной. Само по себе это не страшно — любая гипотеза может входить в противоречие с общепринятой точкой зрения, но в этом случае скандальная гипотеза должна иметь альтернативное объяснение всех известных на сегодняшний день фактов. Гипотеза о чайнике Рассела, увы, ничего объяснить не может.

Горыныч вошёл в здание. Слева от него располагалось просторное помещение аптеки, справа — гардероб с крошечным окошком, через которое с трудом можно передать верхнюю одежду. Горыныч разделся, вспомнил, что ему, скорее всего, понадобятся бахилы, огляделся вокруг. Автомат по продаже бахил стоял рядом. Горыныч опустил туда пятирублёвую монету и прокрутил ручку автомата. Оттуда выпала маленькая капсула, из которой можно было достать пару длинных полиэтиленовых бахил. Эта процедура напоминала ему прорастающее семечко, из которого лезет лист нового растения. Семёнов, наверное, придёт в восторг от такого сравнения.

Теперь Горыныч был экипирован достаточно, чтобы путешествовать по больнице, поддерживая ощущение стерильности. Коридор у входа разбегался на три, один из которых вёл к лифтам. Горыныч посмотрел указатели и решил, что ему, наверное, нужно на четвёртый этаж.

На входе в отделение его остановила дежурная медсестра в белоснежном халате с голубыми манжетами и строгим лицом. Спросила, куда он направляется.

- Сергей Юрьевич Польский в этом отделении находится?

- Сейчас я позвоню лечащему врачу, - ответила она.

Бред какой-то, подумал Горыныч. Как можно трактовать её ответ? Что он здесь, или что она не знает этого? Выражение её лица не располагало к дальнейшим расспросам. Оставалось только ждать, пока она позвонит и что-нибудь скажет.

Горыныч сел на скамеечку, поставленную здесь для таких же ожидающих. Кроме него, на скамейке сидел один человек тусклого вида — Горыныч не смог определить, посетитель это или пациент. Вокруг — казённая белизна и стерильность, и взгляду почти не на чем зацепиться, вот разве что на портрете...

Горыныч несколько колебался, как это лучше назвать — портретом или иконой, но наконец решил, что это всё-таки портрет, хотя и изрядно стилизованный под икону. Нарисована была, очевидно, Мария Магдалина. Голову её опоясывал обруч — то ли поддерживающий причёску, то ли просто нимб, разглядеть это было невозможно. Черты лица были, очевидно, срисованы с художников эпохи Возрождения, а вот улыбка на лице была авторская. Возможно, художник пытался сделать эту улыбку загадочной, как у Моны Лизы, но что-то было в ней и другое, привлекающее внимание, и Горыныч не мог распознать, что именно.

- Профессор Северский сказал, что сейчас к вам подойдёт, - ответила медсестра.

И снова загадка. Зачем мне профессор Северский, мне нужно видеть пациента Польского. А может, у них так принято? Пусть подходит, без этого не будет никаких ответов.

Горыныч ещё раз посмотрел на улыбку Марии Магдалины. Согласно Евангелию, она была раскаявшейся блудницей, и, видимо, здесь-то и кроется разгадка этой улыбки. Это была улыбка проститутки, улыбка загадочная, улыбка заманивающая, и уже не так важно, раскаялась она или нет. Разве обязательно проститутке каяться, чтобы совершать добрые дела? А разве мало отправляется на благотворительность денег, добытых куда более грязными способами? А проституция, как ни крути, является ремеслом, и далеко не везде постыдным...

Горыныч заметил перед собой глаза — они смотрели одновременно на него и куда-то вдаль, сквозь него. Он перевёл взгляд с портрета на эти глаза и заметил, что напротив него стоит человек, живое воплощение Айболита из какой-то детской книжки. Казалось, этому человеку не нужны губы и подбородок, чтобы выражать свои эмоции, глаза могли великолепно справиться с этой задачей самостоятельно.

- Вы к Сергею Юрьевичу пришли? - спросил он.

- Да. А вы его лечащий врач?

- Я его лечу. И вынужден несколько ограничить посещения.

- То есть увидеть его нельзя?

- Можно. Но перед тем придётся увидеть меня.

- Что с ним?

- С ним всё в порядке, если, конечно, состояние после инфаркта называется «в порядке». Но волноваться ему нельзя. В этом отделении нет и никогда не было телевизоров. Хотя Сергей Юрьевич телевизор и не смотрит... Вам понятно, что я говорю?

Горыныч кивнул.

- Поэтому если вы хотите рассказать, какие там у вас новости в интернате, то оставьте это при себе. Или не ходите к нему.

Горыныч опешил от такой фразы, будто его ударили током.

- Я понимаю, что вы с ним хотите поделиться новостями. Возможно, считаете, что без его ведома не стоит предпринимать какие-нибудь решения. Я понимаю. Но сейчас это нельзя, понимаете? Если, конечно, вам нужен живой Сергей Юрьевич. Считайте, что его временно нет. Что вам придётся расхлёбывать эту кашу без него. Это факт. Я достаточно ясно выразился?

- Но откуда вы знаете?..

- У меня в интернате сын учился, год назад закончил. Поэтому я сразу понимал, какого пациента лечу. Ну так что, обещаете вы мне не беспокоить его никакими вашими склоками, или мне сказать вам, что сегодня приёма нет?

Глаза несильно, но чувствительно кольнули собеседника.

- Обещаю, - вздохнул Горыныч.

Польский находился в боксе больнично-белого цвета. Белые стены, белые ножки кровати, белое постельное бельё, белые тапочки, очевидно, приобретённые здесь, белый халат, в который был облачён сам Польский. Из окон открывался вид на газон, который, казалось, был специально побелён по такому случаю. Наверняка на обед им будут подавать рис и рыбу, залитую соусом цвета молока. Горынычу показалось, что у Польского несколько побелели усы, чтобы не выделяться цветом от окружающего. Но, скорее всего, это была иллюзия.

Сам Польский больше всего напоминал плод манго, из которого вытащили косточку — такой же обмякший, бесформенный. Увидев Горыныча, он немного повеселел. Попробовал улыбнуться, но усы только чуть затопорщились и тут же безвольно опустились вниз.

- Здравствуй, - сказал Польский. - Как хорошо, что ты зашёл.

- Извини, что только сейчас...

- А раньше и не имело смысла, не пустили бы. Как раз сейчас, на выходных, тут особенно скучно... То есть я не знаю, как это, я ведь здесь всего два дня, но мне кажется, что будет скучно. Я очень рад, что ты пришёл навестить меня.

- Как у тебя со здоровьем?

- Сердце пошаливает, сам видишь, а так ничего. Я сюда и собирался лечь на пару дней, на обследование, а вот видишь, как получилось. Передай спасибо Надюше. Если бы не она, меня бы вообще, наверное, уже не было...

Воспоминание об интернате немного оживило Польского, он приподнялся с кровати. Горыныч с ужасом понял, кого ему сейчас напоминает Польский — его выражение лица было точной копией портрета Мусоргского, выполненного Репиным за несколько дней до смерти композитора. Такой же больной, но сильный взгляд, такие же всклокоченные волосы... И больничный халат почти такой же, только у Польского он белый.

- Ну расскажи, как там сейчас, в интернате, - сказал Польский. - Я знаю, мне нельзя волноваться, но ведь мне больше никто ни о чём и не расскажет.

- Там всё по-старому...

- Ну вот, и ты отводишь глаза. Да, я знаю. Котельников вчера вечером приходил, тоже взгляд отводил, как только я про интернат заговорил... Что уж тут сделаешь...

- Может быть, тебе что-нибудь принести? - спросил Горыныч. - Из еды что-нибудь? Из вещей?

- Спасибо, но пока мне ничего не надо. Аппетита пока нет никакого... Работать мне не разрешают, а то бы я попросил пачку бумаги, у меня после прочтения одной диссертации появилась мысль... Ну разве что навещать меня иногда, чтобы я совсем уж не скис. Но я вижу, тебе трудно говорить со мной. Даже тебе... Что уж тут сделаешь. Скучновато, конечно здесь. Профессор, правда, иногда заходит ко мне поговорить. Знакомый, видишь, оказался... Мир тесен.

- Это не мир тесен, это прослойка тонка.

- Верно, прослойка тонка. К нам в интернат случайные люди практически не приходят. Если посмотреть, кем работают родители наших учеников... Это и в советское время была иллюзия, что из детей рабочих и крестьян могут вырасти прекрасные учёные, а они почему-то вырастали из детей интеллигенции... если уж и из крестьянской семьи, то из семьи сельских учителей... Нам всё рассказывали сказки про Ломоносова, но ведь и он тоже не крестьянский сын... И в наше время говорят, будто из глубинки в столичные вузы

может поступить множество талантливых детей, такая иллюзия, которой кормят сторонников ЕГЭ...

- Только тестируют почему-то не талант, а обученность некоторым стандартам.

- Да, и это тоже... Забавно ты сказал: тестировать талант. Талант ведь не измеришь стандартными тестами... А я иногда думаю — может быть, в этом мире совсем нет случайных вещей? Может быть, всё в этом мире если не совсем закономерно, то хотя бы статистически закономерно? А основная ошибка многих мудрецов в том, что они пытаются найти в этом какой-то скрытый смысл? А какой он — этот скрытый смысл? Какой смысл во взрыве сверхновой? Да никакого — просто этап эволюции массивной звезды. А мы вместо того чтобы исследовать процессы, всё ищем этот смысл. Вспыхнула сверхновая — обязательно нужно пойти за ней, найти какого-то младенца и объявить этого младенца смыслом... Так ведь? А если разобраться, то звезды-то этой уже много тысяч лет как не существует, это лишь только сейчас её лучи дошли до нас... Вот и наш интернат — мы думаем, что его создали несколько академиков, а на самом деле это просто естественный проект времени, как и царскосельский лицей двести лет назад... И бессмысленно спрашивать — интернат был создан, и поэтому из его выпускников столько знаменитых людей, или же наоборот, в некоторый момент выросло поколение детей, под которое потребовался этот интернат? Курица или яйцо? Но ведь это одно и то же, правда? Эти факты как двойная звезда, а мы пытаемся установить, кто вокруг кого вертится, что причина, а что следствие, и главное — с какой целью они вертятся.

- Людям свойственно во всём видеть цель.

- Так и я о том же: людям свойственно креационное мышление. Вот как у Булгакова — человек планирует съездить отдохнуть и попадает под трамвай. Это он управляет своей жизнью? Не проще ли сказать, что это его жизнью кто-то управляет? Или у Маяковского — если звёзды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно? Но теперь-то мы знаем, как появляются звёзды, и для этого вовсе не требуется, чтобы это было кому-нибудь нужно, а требуется просто скопление материи и какой-нибудь толчок, чтобы она начала сжиматься. А толчком может быть что угодно — например, проходящая галактика случайно зацепила рукавом. Так и интернат наш — мы думаем, что его создали какие-то люди, и что у них была какая-то высокая цель, а на самом деле это просто продукт концентрации некоторого интеллектуального облака под действием естественных сил, сходных по природе с гравитацией. Извини, я заговорился, мне тут просто скучно. Ну а потом, зародившись, он эволюционирует, как звезда, по одному из сценариев — либо просто сгорает, расходуя своё топливо, и угасает в конце концов, либо взрывается, если его масса изначально была достаточно велика. И никакого тут смысла искать не надо...

Он не изменился, подумал Горыныч. Вот во что выродилось это его «ну что тут сделаешь». Эволюция звёзд, значит. Всё это прекрасно, но не отвечает на главный вопрос, возникающий у нас, букашек: а нам-то что делать, когда наша звезда превращается в красного гиганта? Да, этот процесс естественный, он вполне объясняется наукой, но нам от этого легче не станет, когда Солнце начнёт расширяться. И ответ один — искать другую звезду, которая в настоящий момент ещё пригодна для обитания. Потому что с этой уже ничего не сделаешь. Так? Стало быть, моё решение единственно правильное. Не к этому ли он клонит?

Вошёл Северский, улыбнулся своими глазами, сказал, что на сегодня, наверное, посещение следует закончить.

- Вот так, - сказал Польский, - даже и поговорить толком не дадут...

- Мы и сами подневольные, - ответил Северский. - Я, может, и хотел бы вас отпустить из этой больницы, но не могу. Потому что тогда всё будет значительно хуже.

- Я понимаю, - вздохнул Польский. - Ну, если навестишь ещё, буду рад. А насчёт интерната — поступайте как считаете нужным, как велит вам ваш разум и совесть.. На меня тут рассчитывать не надо.

Глаза Северского недовольно вспыхнули. «Как две сверхновые,» - подумал Горыныч, вспоминая прошедший разговор.

И всё-таки в одном он неправ, подумал Горыныч, уже выйдя в коридор. В случае Солнца я являюсь лишь ничтожной частицей системы. Но интернат не так велик, и действия одного человека уже могут как-то незначительно повлиять на весь процесс. А может, и значительно, если посмотреть, что Бабель за два дня учинила... Хотя она ведь не сама здесь появилась, её поставили сюда люди повыше, так что первопричины нужно искать не у неё в голове, а наверху. Но даже один я — не молекула. А если бы мы объединились и действовали сообща, как я предлагал позавчера, мы бы могли сделать многое. А уж Ассоциация выпускников интерната, надо полагать, совсем мощное оружие, эдакая царь-пушка. Если вдуматься, она куда мощнее самого интерната — и по финансовым, и по административным рычагам. Если они объединятся сегодня...

Его взгляд снова остановился на портрете Марии Магдалины. И только теперь он понял, что именно затронуло его в этом портрете. На лице равноапостольной святой неизвестный художник изобразил дежурную улыбку Натальи Никаноровны Бабель.

28. Запертые двери открываются

А в это время в интернате Наталья Никаноровна готовилась к очередным собраниям. Они оказались поставлены подряд, так что ей совсем не оставили передышки между ними. Сперва родительское собрание для тех, кто занимается в кружках и хочет поступать сюда, потом — собрание Ассоциации.

Выступать перед родителями просто. Фактически нужно провести день открытых дверей. Правда, день открытых дверей проходит весной, и совершенно непонятно, почему это они захотели провести такое собрание осенью. К тому же Наталья Никаноровна никогда ранее перед родителями не выступала.

«Может быть, я не права, и нужно было просто отменить это родительское собрание? - подумала она. - Я не привыкла к таким собраниям, и поэтому чувствую себя неуверенно, не в своей тарелке. Но нет, это собрание необходимо. Не я его назначала — сама бы я его сейчас ни за что бы не назначила. Но приходится учитывать разные обстоятельства, которые происходили в Лицее до меня. Придётся это собрание проводить. К тому же мне необходимо научиться планировать и проводить подобные собрания. Наверняка ведь не последнее.»

Тут есть ещё одна тонкость — они хотят поступать в восьмой класс, а Лицей до сих пор набирал только девятые и десятые. Да, Наталья Никаноровна знала, что велись переговоры по поводу открытия восьмого класса. Ей не очень нравилась эта затея, но её мнения на этот счёт никто не спрашивал. Польский зачем-то согласился, и Миша Ягунов дал принципиальное согласие, если будут написаны рабочие программы. И теперь она вынуждена продолжать вести эти переговоры.

А сегодня к ней подошла Оля Рыжкова со своей идеей набрать в интернате класс страноведов — с углублённым изучением географии и иностранных языков. Рабочая программа для Оли не будет камнем преткновения. Оле нужно было, чтобы она, Наталья Никаноровна попросила Мишу открыть ещё одно направление. Но открывать одновременно два новых направления непросто. Она уже позвонила Мише, на что тот ответил: «Ну ты же понимаешь, что интернат не резиновый. И количество мест в нём тоже. Мы, конечно, можем попробовать слегка увеличить приём, но сильно его увеличить не получится. Во-первых, цифры приёма нам спускают сверху, а во-вторых, всё упирается в конце концов во вместимость здания. Оно физически не может вместить сильно больше, чем сейчас. Поэтому думай сама — если хочешь открывать новые направления, придётся избавиться или урезать какие-то из старых.»

И теперь у Бабель было очень мало времени, и она совершенно не представляла себе, что делать с приёмом. Можно объединить в один класс химиков и биологов, оставив в этом классе две совершенно разные группы. Можно оставить только один класс физматов в каждой параллели, можно сделать ещё что-нибудь. Но всё это нужно придумывать, продумывать и согласовывать, времени на всё это катастрофически не хватало, а окончательного решения от неё ждали прямо сейчас.

А с Ассоциацией дела обстояли ещё хуже. Её функций Бабель не очень понимала и потому очень сильно недолюбливала. С одной стороны они — никто, ибо нет такого юридического лица, как Ассоциация. Но с мнением её членов почему-то принято было считаться, причём принято это было на таком высоком уровне, что у Бабель при одной мысли об этом высоком уровне начиналось лёгкое головокружение. И ещё Ассоциация назначила собрание в интернате без её ведома. Не спросили, удобно ли ей это время. Не спросили даже, будет ли свободен Актовый зал. Просто назначили встречу и успокоились. Такого самовольства Бабель не терпела ни от кого и никогда. Первой её мыслью было отменить собрание Ассоциации — пусть проводят где угодно и когда угодно, но только не во вверенном ей интернате. Но потом решила позвонить Ягунову, и тот однозначно и довольно резко посоветовал ей не спорить и не пытаться отменять собрание или его переносить, а если оно накладывается на что-нибудь ещё, то лучше всего перенести это что-нибудь ещё. Бабель была крайне озадачена таким ответом. Если уж Миша считается с этим произволом, значит, в Ассоциации действительно скрыта какая-то неведомая сила. Но какая именно, по-прежнему было неясно.

И ещё Наталья Никаноровна почувствовала, что смертельно устала, хотя прошло всего два дня после её назначения. Работы, которую нужно было сделать, оказалось намного больше, чем представлялось вначале, она разрасталась как снежный ком. Интернат представлял собой поистине грандиозные Авгиевы конюшни — Геракл, может быть, ещё смог бы очистить их за один день, но она не Геракл, силы и выносливости у неё поменьше, да и метод Геракла — направить речной поток, который смывает всё ветхое — ей не подходил. И ещё её работа была неблагоприятной — это Наталья Никаноровна чувствовала каждой клеточкой нервной системы. На неё смотрят как туземцы на оккупанта-захватчика, а ведь этот оккупант несёт туземцам прогресс и просвещение. Это от недосыпа, сказала она себе, завтра будет воскресенье, и можно будет худо-бедно выспаться. А потом настанут каникулы — то есть это для всех остальных каникулы, а ей придётся очень плотно работать — но зато в ту неделю поработать можно будет спокойно, не отвлекаясь на постоянные раздражители в лице детей, их родителей и учителей.

Внизу, у входа, было повешено объявление о том, что родительское собрание будет в двести двадцать шестом кабинете. Родители постепенно подходили, читали это объявление и отправлялись туда. Их было мало, вдвое меньше предполагаемого количества.

- Я в этот класс отдам своего ребёнка, только если классным руководителем будет Александр Евгеньевич. Если будет Валерий Александрович, то не отдам точно.

- Да, Валерий Александрович очень странный...

- Я ему своего ребёнка не доверю.

- Да он просто маленький ещё. Студент, вот и хочет повыпендриваться.

- Да, но перед детьми-то зачем выпендриваться...

- А что с ним не так? А то мы только недавно начали ходить...

- Например, его разговор. Разве можно с детьми так говорить? Вечно какие-то свои термины вставляет...

- Да разговор — это мелочи! Но вы посмотрите, он же никогда вовремя не приходит! А пару раз на кружок на полчаса опаздывал. Куда это годится?

- Дети его, конечно, обожают.

- Дети его принимают за своего. Да он и не держит дистанцию между собой и детьми.

- Но нельзя же постоянно так опаздывать...

- Как его вообще поставили кружок вести?

- Нет, кружок он хорошо ведёт, а вот к школьным занятиям его допускать точно нельзя.

- Ну да, у него дети точно не научатся...

- В кружке же учатся?

- Так кружок же необязательный, и формат там совсем не такой. А в школе пожестьче надо. Дисциплина нужна, порядок... Он же дисциплину в школе держать не сможет.

- Да, с дисциплиной у него...

- А мой Ваня его просто боится...

- Почему боится?

- На разборе задач ничего не понятно, а подойти спросить он боится. Валерий Александрович запросто может сказать: повторяю для особо тупых...

- Ужас какой...

- Поэтому я и говорю, что отдам своего ребёнка, только если классным будет Александр Евгеньевич.

- Так нас ведь ещё не всех возьмут...

К ним подошла ещё одна мама.

- А вам вчера Александр Евгеньевич не звонил?

- Нет, не звонил...

- Мне звонил, но я не могла взять трубку. Уже ночью обнаружила его номер в «пропущенных».

- А что, он разве всех обзванивал?

- Да, обзванивал. Там у них что-то изменилось...

- Что же?

- Они, похоже, не хотят здесь набирать класс.

- То хотят, то не хотят. Меня это категорически не устраивает.

- Нет, у них начались какие-то проблемы с этой школой...

- Так они набирают класс или нет? Я не пойму, мне-то как поступать?

- Я тоже не вполне поняла. Кажется, набирают, но только не здесь.

- А почему не здесь?
 - Я не знаю, Александр Евгеньевич мне звонил, но сказал что-то невнятное.
 - А что он сказал?
 - Что класс они наберут, но в другой школе.
 - В какой «другой»?
 - Этого он не сказал. Я попыталась его спросить, но он ушёл от ответа.
 - Хорошее дельце!
 - И ещё он сказал, что на этом собрании ни его, ни Натальи Ивановны, ни Валерия Александровича не будет.
 - Я не поняла что-то. А кто же будет проводить собрание?
 - Кто-то из интерната.
 - Они же позиционировали, что классом будут заниматься они, а не интернат. И что мы отдаём детей именно им.
 - Ну и слава богу, что Валерия Александровича не будет. По мне так лучше бы он вовсе детьми не занимался. Отдали бы лучше класс Александру Евгеньевичу.
 - Ну, Валерий Александрович умный...
 - Умный, конечно, но к детям его вообще нельзя пускать. Мой ребёнок его просто боится, потому что, как отвечать задачи, если он чего-то недопонял, Валерий Александрович обязательно прицепится и непременно ткнёт носом. Можно по-разному тыкать в ошибки, но Валерий Александрович делает это крайне некорректно.
 - Я так и не поняла. Зачем тогда это собрание?
 - Я тоже этого не понимаю...
 - Мне-то не было известно, что никого на нём не будет.
 - Так вот почему нас так мало.
 - А вы-то зачем пришли, если вам Александр Евгеньевич звонил и сказал, что никого из них не будет?
 - Вообще неправильно это. Назначили родительское собрание, а сами не явились?
 - А я не очень поняла, что и как. Александр Евгеньевич объяснял сбивчиво и от многих ответов явно уклонялся. Вот я и пришла посмотреть, что и как.
 - Понятно...
- Сибирцева это слушала-слушала и решила вмешаться.
- Я немного знаю, что произошло. Интернат сейчас очень серьёзно подставил нас. После этой подставы с ними общаться бесполезно. Поэтому Александр Евгеньевич сейчас срочно ищет новое место, где мы будем открывать класс. Но не здесь.
 - А как же он договаривался?
 - С тех пор здесь сменилось руководство. Он договаривался со старым руководством.
 - Странно это всё...
 - Да, я тоже слышала, что интернат сейчас совсем не тот...

Наталья Никаноровна вошла в кабинет и приветливо улыбнулась родителям, которые тут же прекратили свои разговоры.

- Я приветствую здесь тех, кто решил отправить своих детей учиться в эту замечательную школу. Нашей школе скоро исполнится пятьдесят лет, и за это время у нас сложился замечательный коллектив учителей, каждый из которых — профессионал высочайшего класса. Наши ученики уверенно лидируют на олимпиадах различного уровня, в том числе и международного, а наши выпускники очень востребованы и в научной среде, и среди

работодателей — одним словом, без работы они не остаются. Среди наших выпускников немало академиков, много видных учёных, есть и политические деятели, знаменитые артисты, директора крупных компаний... Перечислить всех выпускников, ставших сейчас знаменитыми, просто нереально. Эта школа без преувеличения может считаться одним из лучших учебных заведений в России. И я уверена, что вы сделали правильный выбор, решив продолжать обучение ваших детей в этих стенах.

Родители молчали и рассеянно пропускали эту информацию мимо ушей. Эти дифирамбы они уже слышали.

- Правда, до недавнего времени школа переживала не лучший период. В девяностые годы не было денег, и мы потеряли нескольких очень хороших педагогов... Но сейчас школа начала возрождаться. Теперь она будет называться Академическим лицеем Университета — как вам должно быть известно, мы являемся не совсем школой, а структурным подразделением Университета. Это очень выгодно, потому что мы постоянно находимся под крылом родного Университета, куда поступает большинство наших выпускников. Сейчас мы много и активно участвуем в различных олимпиадах и школьных конференциях — например, в прошлом году у нас было трое призёров Всероссийских олимпиад. И ваши дети, думаю, продолжат достойные традиции этой школы. Я знаю, что ваши дети побеждают на многих олимпиадах, и преподаватели, которые ведут кружки для ваших детей, замечательные люди, они не жалеют времени на обучение нового поколения... Но вас, наверное, интересуют детали поступления в эту школу. До сих пор мы делали набор только в девятые и десятые классы, но в этом году будет обсуждаться ещё и набор в восьмой класс. Я говорю сейчас «будет обсуждаться», потому что этот вопрос ещё не решён на уровне Университета. Но у меня нет сомнений, что он будет решён положительно и что мы сделаем в этот класс хороший набор. Чтобы поступить к нам, нужно сдать экзамены по математике и по физике, и ещё написать психологическое тестирование.

- А кто у них будет вести предметы?

- Предметы у них будут вести наши учителя. Все они являются учителями высочайшего уровня.

- А подробности какие-нибудь будут?

- Будут, но пока что об этом спрашивать рано, потому что ещё под некоторым вопросом сам набор в восьмой класс.

- А те преподаватели, которые у нас вели кружки, будут ли вести у нас математику?

- Я думаю, этот вопрос легко решается. Сейчас никто из них не оформлен у нас учителем, но, думаю, с этим проблем не будет. Конечно же, я понимаю, что вы привыкли к своим педагогам, которые у вас ведут кружки, возят по разным турнирам и занимаются с вами даже летом. Но и у нас тоже есть поездки на турниры и на школьные конференции. В частности, наши дети в прошлом году взяли первые дипломы в Сарове.

Вероятно, эти расшаркивания продолжались бы ещё некоторое время, но тут в наступление пошла Сибирцева. Мускулы её лица были напряжены, как будто она сосредоточенно брала Наталью Никаноровну на прицел винтовки.

- Мне вчера вечером звонил Александр Евгеньевич Руцкий и сказал, что они на этой базе открывать классы не будут. Что вы про этот факт думаете?

- Во-первых, я думаю, что это было спонтанное решение, и я сейчас объясню почему. Дело в том, что они договаривались об открытии класса с прежним директором, Сергеем Юрьевичем Польским. К сожалению, Сергей Юрьевич сейчас попал в больницу, и

обязанности директора ныне исполняю я. Со мной же они не вели никаких переговоров. Пока не вели. Возможно, этот факт и послужил причиной такого заявления Александра Евгеньевича. Но я уверен, что он одумается, и мы с ним обо всём договоримся. Во всяком случае я совершенно открыта для переговоров.

- Вы так и не ответили на вопрос, и я задам его более точно. Мы хотим, чтобы алгебру у этого класса вёл Александр Евгеньевич. Возможно ли это?

- Я не могу решить этот вопрос за Александра Евгеньевича. Лично я никаких препятствий для этого не вижу, если сам Александр Евгеньевич согласится. Но я его почему-то не вижу на этом собрании, хотя именно он вас сюда и собрал...

- Он позвонил нам и сказал, что никого из них на этом собрании не будет...

- А нам не звонил...

- Вот видите, - ответила Бабель. - Я не очень понимаю, что произошло, но он сказал, что на этом собрании его не будет, хотя сам же и назначил время встречи. Тем более я не могу решать, будет ли он вести алгебру на открываемом классе. Это в первую очередь зависит не от меня. Лично я, повторяю, открыта для всяких переговоров.

- Ещё меня интересует вопрос кружков. Помимо школьных предметов, нам обещали, что будет продолжаться математический кружок.

- Это опять-таки зависит от Александра Евгеньевича. Со своей стороны я никаких препятствий к этому чинить не буду.

- Замечательно, - Сибирцева ядовито улыбнулась и смерила взглядом Наталью Никаноровну оценивающим взглядом. Так королевская кобра смотрит на другую змею, пытаясь оценить, годится ли та ей в пищу. - В таком случае прокомментируйте, пожалуйста, вчерашний инцидент со срывом кружка. Я напому, что вчера должно было состояться первое занятие кружка пятого класса — должно было, но не состоялось, потому что детей и преподавателей просто не пустили в здание.

Среди родителей поднялся лёгкий шум.

- Как не пустили?

- А что произошло?

- Вроде бы охранник не пустил детей вчера на кружок...

- Так надо ж было лучше договариваться...

- Во-первых, этот кружок не был согласован, - ответила Наталья Никаноровна. - Я не знала ни время занятий, ни расписание, ни даже руководителя. Верно ли, что в здание не пустили Александра Евгеньевича?

- Нет. Александра Евгеньевича не было, у этого кружка другой руководитель.

- Вот видите. Как же я могу пустить в здание неизвестно кого? А во-вторых, кружки являются только дополнительным образованием, это в некотором смысле блажь ваших руководителей. А основное образование вы получаете в школе, и наша школа является лучшим вариантом.

Сибирцева встала, бросила на Бабель взгляд, полный презрения, и ни слова не говоря, вышла из кабинета. Ещё двое родителей, кто был в теме разговора, немедленно последовали её примеру.

Дальнейшее обсуждение уже не представляла никакого интереса. Бабель ещё немного порассказывала о том, какой замечательный у них Академический лицей, как он в самое ближайшее время преобразится в лучшую сторону и почему нужно обязательно поступать именно сюда, хотя поступить сюда непросто, а учиться ещё труднее. Родители вежливо покивали головами, и собрание окончилось само собой.

29. Царь-пушка

Пока Наталья Никаноровна вещала о том, насколько прекрасно учиться в новоиспечённом Академическом Лицее, интернат наводнялся новыми людьми. Приходили молодые, взирающие на мир глазами хозяев этой жизни. Приходили люди средних лет, исполненные чувства собственного достоинства, в лоснящихся пиджаках, скрытых под великолепными пальто, на которые ложились крошечные снежинки. Приходили пожилые, смотрящие на интернат с чувством нескрываемой ностальгии, критически оглядывающие деревья вокруг — сильно ли выросли за долгие годы разлуки.

Подошёл к кварталу старец Либенталь с длинной седой бородой и орлиным взглядом, сопровождаемый Максимом Негреевым. Либенталь то и дело спотыкался, и Максим поддерживал его за руку.

- Здоровье не то, - улыбался Либенталь.

- Да что вы, Иван Абрамович, у вас отменное здоровье для вашего возраста...

Либенталь горделиво распрямился.

- Я же вас помню, когда вы меня учили. С тех пор уже четверть века прошло, а вы всё не изменились.

- Ну, не привирай, я тогда совсем не такой седой был...

Чета Семёновых их почти обогнала, но Алексей остановился как вкопанный, увидев Либенталья.

- Здравствуйте...

- И тебе вечер добрый. Не ожидал меня здесь увидеть? Давненько я не был в интернате, всё хотел прийти сюда напоследок, только никак не думал, что с такой целью приходиться придётся. Я-то хотел вспомнить старый интернат, что в нём было, посмотреть, что теперь стало...

Либенталь медленно подошёл к берёзе, растущей на краю лесополосы. Несколько старых коричневых листьев ещё сохранилось на нижних ветвях, и ветер заботливо сдувал с них налетающие снежинки.

- Вот эту берёзку я лично посадил, своими руками. Мне тогда так хотелось, чтобы в этой рощице было персональное моё дерево. Да вот я смотрю, она уже начинает сохнуть. Да... старый я стал. Так вот и я сохну.

Либенталь беззвучно подвигал челюстями. Семёнову показалось, что он хочет сказать: «Вот умру я, а эта берёзка останется,» но удержал эту фразу в себе — очень не хотел про смерть разговаривать. Повернулся Либенталь от берёзы, посмотрел на здание.

- А здание всё такое же... И ещё помню, тут на асфальте надпись должна быть: интернату viva. Это один из наших учеников написал, Генка Прокопьев, да так эта надпись и осталась, её подновляли потом. Помню... Всё помню, что было...

Либенталь ещё немного пошевелил челюстями, как будто жевал невидимую жвачку. Вдруг его лицо в один момент изменилось. Вместо доброй старческой улыбки появился оскал, похожий на оскал смерти — все кости лица вдруг выперли наружу, и лицо стало напоминать голый череп. Руки его мелко затряслись. Надя испугалась за его самочувствие.

- Это что? - буквально взвыл он, указывая куда-то вдаль и наверх. - Что это?

Семёнову захотелось провалиться сквозь землю — он так и представил себе слоистую схему залегания пород: сверху слой асфальта, ниже — гравий, ещё ниже — песок, а под

песком почва. Алексей пригнулся пониже, словно это могло чем-то помочь. А Либенталь всё держал руку в простёртом состоянии, и дрожащие его пальцы указывали на строительные леса за деревьями, среди которых уже угадывался будущий купол.

- Что это такое? И это вот будет рядом с интернатом? Ах вы щучьи дети... Так я скажу: просрали вы интернат. Не для того мы его создавали, чтобы тут рядом церкви строить. Старались, чтобы здесь были мало-мальски сносные условия для жилья, чтобы жили не по пятнадцать человек в одной комнатке, чтобы зимой на занятиях не замерзали, как прежде — не для того, чтобы это всё поглотил опиум для народа!

Либенталь постепенно успокаивался. Дрожь в руках уже практически пропала, подрагивали только самые кончики пальцев, но это у него в последнее время было постоянным явлением.

- Напугал я вас, да? - неожиданно весело сказал он. - Думали, грохнется сейчас старик Либенталь, да? А не тут-то было! Отец у меня был еврей, мать русская, а сам я ни перед церквями, ни перед синагогами никогда не падал и на колени не вставал, ни шапку не снимал, ни кепу не надевал, и сейчас тоже падать не собираюсь. Жил всю жизнь атеистом, атеистом и останусь. И если вдруг потом предстану перед богом, так и скажу ему: негоже мне было на старости лет менять мировоззрение. Так-то вот!

Либенталь напоследок погрозил строящейся церкви костлявым кулаком и вошёл в здание.

В актовом зале собралось человек семьдесят. Сидели в основном по одному, по двое. Свободного места в зале оставалось больше половины.

Наталья Никаноровна Бабель была в боковом ряду. Приходящие люди кидали ей ненавидящие взгляды, словно мелкие монеты нищему в шляпу. И под этими взглядами, вполне способными если не испепелить человека, то по крайней мере изжарить сосиску, бывшая уверенность Натальи Никаноровны куда-то подевалась. Выглядела она усталой, измученной и постаревшей.

Слово взял Сергей Александрович Литвяк, заведующий кафедрой статистической физики в Университете и почётный профессор нескольких европейских университетов. Год назад ему не хватило двух голосов, чтобы стать членом-корреспондентом РАН. После того как Марк Смирнов уехал жить в Израиль, Литвяк возглавлял Ассоциацию.

- Дорогие друзья! - начал он. - Мы все собрались, чтобы обсудить общую беду, случившуюся с нашим интернатом, который для всех нас, несомненно, является родным домом. Позвольте для начала зачитать письмо Марка Рувимовича Смирнова, который долгие годы возглавлял нашу Ассоциацию. Как вы хорошо знаете, Марк Рувимович ныне находится на ПМЖ в Израиле и потому приехать сюда никак не может. Но тем не менее он остаётся всей душой с нами. Как только он узнал о том, что происходит с интернатом, он тут же написал письмо, которое попросил прочесть на данном заседании. В некотором смысле и само сегодняшнее заседание — это его идея, он сразу же сказал, что пора всем нам собраться воедино. Ну, я начну зачитывать его письмо.

Дорогие мои друзья и коллеги! Хочу вам выразить мою глубочайшую признательность за то, что не забываете меня в то время, когда я нахожусь за тысячи километров от вас. Огромное спасибо за участие, а также за то, что держите меня в курсе всех происходящих событий.

Как и большинство моих коллег, я очень опечален и обеспокоен ситуацией, которая нынче возникла в интернате. Я напому, что интернат этот создавался как уникальное учебное заведение, готовящее школьников к научной деятельности. За многие годы ученики

интерната завоёвывали множество призов и медалей как на Всесоюзных, так и на международных олимпиадах. Выпускники интерната работают по всему миру, среди них множество учёных с мировыми именами в самых разных научных сферах. Поэтому крайне важно, чтобы интернатом управлял учёный, понимающий, как готовить для школьников научную карьеру. Никогда ранее директором интерната не становился человек без определённого влияния в научных кругах.

Бабель бросила на Литвяка презрительный взгляд, метя явно в Смирнова, который, сидя в своём Израиле, берётся рассуждать о том, кто имеет влияние в научных кругах.

- Когда же интернатом начинает управлять чиновник, а не учёный, всегда начинают происходить страшные вещи. Интернат уже потерял двух талантливых преподавателей, и не исключено, что отток педагогического состава продолжится и усилится. И это на фоне того, что педагогический коллектив интерната и без того был существенно ослаблен в девяностые годы, после которых так и не восстановился полностью, что очень заметно по результатам.

Я считаю, что директором интерната должен быть такой человек, которому мы, преподаватели и выпускники интерната, безусловно доверяем. Потому что именно мы являемся носителями традиций преподавания в этом уникальном заведении, и никто не может их знать и понимать глубже, чем знаем их мы. Наталья Никаноровна Бабель, безусловно, не удовлетворяет ни одному из перечисленных критериев. Она не является крупным учёным, она не знает традиций интерната, и она не пользуется никаким доверием у выпускников и преподавателей интерната. Лично я считаю недопустимой ситуацию, когда такой человек управляет интернатом. Искренне ваш Марк Смирнов.

Нестройные аплодисменты. У лысого пожилого мужчины с отвисшей нижней губой зазвонил телефон. Он снял трубку и вжался в сидения, и только лысина его торчала над креслами. Так ребёнок, закрыв свои глаза руками, считает, что теперь и его никто не видит и не слышит. Но тембр голоса лысого мужчины был очень специфическим и легко пробивал остальные голоса. Бабель сидела не шевелясь, лицо её постепенно становилось безжизненным, как лунная поверхность.

- От себя добавлю, - закончил Литвяк, - что я полностью согласен с мнением Марка Рувимовича о том, что интернат должен возглавлять учёный, а не чиновник. Так всегда было, и менять этот уклад очень вредно, о чём постоянно напоминает нам министерство образования и науки.

Он победоносно со сцены взглянул на Бабель, та ответила ему злобным взором снизу вверх — так может посмотреть змея на носорога. Лысый мужчина закончил свой разговор и вынырнул из-под кресел. Глазки его забегали по залу, выхватывая силуэты сидящих. Наконец он решил, что не пропустил ничего интересного.

На сцену поднялся мужчина лет пятидесяти, с чуть заметным брюшком и коротенькой светлой бородой, больше напоминающей небритость.

- Сергей Дмитриевич Казаковцев, выпускник интерната 1978 года, заведующий кафедрой геометрии в Педагогическом университете. Я полностью поддерживаю своих коллег в том, что управлять интернатом должен учёный. Здесь уже много слов сказано, почему, и я не очень хочу их повторять. Но я хочу отметить вот какой факт, который мы обнаружили буквально вчера и который, безусловно, не делает чести. Ранее все директора интерната имели степень доктора наук. Иное считалось просто неприличным. Исключение составил Сергей Юрьевич Польский, который стал директором интерната, будучи ещё кандидатом, но он вскоре восстановил статус-кво и защитил докторскую диссертацию. Однако

посмотрим, что с научными регалиями у Натальи Никаноровны. Она тоже, оказывается, имеет степень кандидата наук, правда, исторических. Не совсем понятно, правда, как кандидат исторических наук может управлять физико-математическим интернатом, но дело не в этом. А дело в том, что диссертация эта является грубейшей фальшивкой, точнее сказать, есть диплом кандидата, но нет самой кандидатской. Мы не обнаружили никаких следов ни диссертации, ни автореферата, ни научных публикаций Натальи Никаноровны. Всё, всё как будто провалилось. Может ли такое быть? Разумеется, нет. Значит, мы имеем дело с грубейшей подделкой документов. А теперь, уважаемые коллеги, спросим себя: может ли человек, явно подделывающий документы, быть начальником интерната? Мне кажется это совершенно невозможным. Спасибо.

Наталья Никаноровна Бабель поднялась со своего места.

- Во-первых, я никогда не утверждала, что являюсь кандидатом наук. Как вы совершенно верно отметили, учёным я действительно не являюсь. И всё же я не понимаю, почему вы так настаиваете, чтобы всем управляли учёные. Мне кажется — и не только мне, я точно знаю, что многие меня поддерживают — что каждый должен заниматься своим делом. Я хорошо знаю, что большинство блестящих учёных являются очень плохими администраторами. Более того, учёный, которого заставляют заниматься административной деятельностью, теряет массу драгоценного времени. Учёных нужно освобождать от несвойственных им функций.

- А во-вторых? - голос с места.

- А во-вторых, есть такое понятие, как научная этика. Разумеется, если учёный присвоил себе чужие результаты и на этом защитил диссертацию, он тем самым нарушил научную этику. Однако же если защищает диссертацию человек, учёным не являющийся и не планирующий далее работать в науке, то он тем самым научную этику не нарушает.

Бабель замолчала. Она почувствовала, что люди вокруг становятся уже не просто недружелюбными, а какими-то радиоактивными: ещё немного, и она неминуемо заболит лучевой болезнью. Чёрт её дёрнул отвечать на вопрос «а во-вторых»! Но сказанное уже не воротить, и ей оставалось лишь сесть на место, попытавшись не растерять достоинства.

Горыныч заёрзал на месте. «Идиот, - подумал он. - Форменный идиот. Теперь она просто скажет, что у неё нет и не было никакой диссертации, и мы ничего не сможем возразить. Это слишком грубая подделка; если бы она была проведена через ВАК, тогда у нас было бы документальное подтверждение, а сейчас вообще ничего нет. Она может просто выбросить этот диплом и оставить нас в дураках.»

Он почувствовал себя рыбаком — вот он выжидает, пока клюнет крупная и осторожная рыба, но тут, когда рыба уже подошла к приманке, какой-то мальчишка с громким плеском вбегает в воду и начинает в ней резвиться — прощай, добыча!

У лысого мужчины с отвисшей губой снова зазвонил телефон, и его голова скрылась между креслами. Весь зал услышал, как он объяснял кому-то про совещание, на котором решается судьба интерната.

На сцену вышел хорошо одетый человек с аккуратной лысой головой и сверкающими очками. Говорил он довольно быстро, но чётко, отделяя фразы одну от другой, чтобы не приходилось повторять.

- Михаил Сергеевич Шульман, выпускник интерната 1983 года, генеральный директор компании «Трансбэта», казначей Ассоциации выпускников интерната. Здесь я хочу представить не только своё мнение, но и мнение нескольких своих коллег, которые слишком заняты и не смогли явиться на это спешно назначенное заседание. Я полностью

согласен с предыдущими коллегами, но хочу озвучить следующие проблемы. Интернат всегда был социальным лифтом, позволяющим выйти в люди ребятам из небогатых семей, но со светлыми головами. Мы всегда считали важным, чтобы родительская плата напрямую зависела от успеваемости учащегося и от его успехов на олимпиадах и конференциях школьников. К сожалению, в последние полгода в ректорате активно обсуждается вопрос отмены льгот по оплате для олимпиадников. По новому проекту родительская плата будет повышена в полтора-два раза, а льготы будут предоставляться только детям-сиротам. Я ничего не имею против детей-сирот, но это не наш профиль. У нас практически не бывает сирот. Всех детей-сирот, обучавшихся когда-либо в интернате, можно пересчитать по пальцам, и конечно же, им всегда по возможности помогали. Тем самым этот проект только выглядит гуманно, а на самом деле он просто уничтожает функцию социального лифта, которую выполнял интернат. Если до последнего времени проект по отмене льгот для олимпиадников удавалось сдерживать, то теперь сдерживающего фактора больше нет. Я считаю, что наша задача — во что бы то ни стало сохранить льготы.

Также хочу напомнить, что Ассоциация выдаёт несколько именных стипендий лучшим ученикам интерната. Но мы очень обеспокоены дальнейшей судьбой наших стипендиатов, потому что треть из них потом не может закончить вуз. Это очень печальная статистика. Нам придётся ещё думать, что делать с именными стипендиями, поскольку они плохо соответствуют заявленной цели. Несомненно, в ближайшем будущем озвученные проблемы встанут ещё острее, и я прошу сотрудников интерната обратить на них особое внимание. Спасибо.

Шульман окончил речь интонацией, не предполагающей аплодисментов, и удалился со сцены так же быстро, как говорил. Либенталь счёл, что теперь его очередь. Поднимался на сцену он медленно, каждая ступенька давалась ему с большим трудом.

- Добрый вечер, - кивнул он всем присутствующим со сцены, даже не подумав представляться, сочтя, что все и так его знают. - Добрый вечер. Я очень хорошо помню, как создавался этот интернат, как приезжали к нам различные академики, рассказывали, что и как нужно делать... Не буду утруждать вас деталями. Что было, то было. Я лично руководил первым приёмом сюда, и должен сказать, что такой жажды знаний в глазах, как тогда у поступающих, я не видел никогда после. Помню, мы решали разные бытовые проблемы — здания-то хорошего не было. Сами с учениками законопачивали окна, когда из щелей дул ледяной ветер и наносил в кабинет настоящие сугробы. Помню, как скверно поначалу кормили учеников. Эти проблемы мы преодолели. Появилось шикарное здание, которым интернат располагает ныне. Но теперь возникла другая, более грозная проблема. Мы все понимаем, в каком загоне нынче хорошее образование. Вот этот ЕГЭ пошёл не от хорошей жизни, пользы никакой не принёс, а вреда от него много... Интернат был последним прибежищем хорошего и качественного образования, которое нам оставил в наследство Советский Союз. А мы всё растранижили. А мы упустили главное и стали учить чему-то второстепенному.

- Заносит его, - шепнул Семёнов сидящему рядом Горынычу. - Не держит уже нить разговора...

- Постарел, - вздохнул Горыныч. - Лучше бы и не лез на сцену.

- Поэтому необходимо вернуться к старой, советской модели образования. Когда учили, а не натаскивали на этот противный экзамен. Когда главным было понимание, а не зубрёжка. Когда в головах учеников были идеи, а не формулы.

- Надо, надо, - шепнул Горыныч. - Всё надо. Только ничего он не предлагает, всё говорит «надо».

Либенталь ещё минут пять говорил про достоинства советской системы образования и про то, почему необходимо к ней вернуться. Наконец, он закончил свой сбивчивый монолог и сел на место. На сцену вышел ещё один субъект — низенький и очень полный, так что пиджак на нём сходил с большим трудом. Его голова напоминала футбольный мяч — круглые щёки, круглый подбородок. Казалось, в его теле не было ни одного угла, и даже суставы его не гнулись, а закруглялись. Он изрядно шепелявил, и слово «научный» у него слышалось как «наушный».

- Николай Константинович Прибышев, выпускник интерната 1971 года, доктор физико-математических наук, профессор кафедры общей физики. Изменения, происходящие в интернате, катастрофичны. В частности, интернат потерял статус специализированного учебно-наушного центра. Одновременно с этим из интерната вынуждены уйти два крупных учёных — Сергей Юрьевич и Михаил Анатольевич. Иначе как изгнанием всякой науки из интерната я это назвать не могу. То, что происходит — геноцид всего наушного. Это свидетельствует ровно о том, что нынешний и.о. директора совершенно не понимает, что происходит и что должно происходить. И мне ясно, почему Наталья Никаноровна этого не понимает. Чтобы что-то понимать, нужно вариться в этом соку, нужно самому закончить интернат. Я предлагаю создать попечительский совет, состоящий из уважаемых учёных с именем, в основном из выпускников интерната, который бы и определял основное развитие интерната. Директор должен назначаться из этого попечительского совета, он должен обязательно быть выпускником интерната.

- То есть делим людей на белых и чёрных, - обратился Горыныч к Семёнову. Ты ещё мог бы стать директором, а мне этот путь совершенно закрыт.

Семёнов кивнул в ответ.

- Только в этом случае можно рассчитывать на преемственность поколений, преемственность опыта. Если не будет этой преемственности, мы потеряем интернат очень быстро. Я считаю, что действовать нужно немедленно, и первым делом, - Прибышев размахнулся и сделал выпад рукой, ткнув пальцем в сторону растерянно сидящей Натальи Никаноровны, - нужно сместить с поста директора её!

Глаза у Прибышева хищно сверкнули, губы натянулись, и обнажились мелкие желтоватые зубы. Лицо налилось краской и излучало злобную радость. На левом глазу Натальи Никаноровны образовалась слезинка, она скатывалась по щеке, медленно прокладывая себе извилистую дорожку. Наталья Никаноровна не обращала на неё ни малейшего внимания. Казалось, что вслед за первой слезинкой последует вторая, но этого не случилось — то ли Бабель подавила слёзы усилием воли, то ли эта слезинка была показная. Наталья Никаноровна тихо простонала:

- Но я же вас не знаю!..

Эта карусель тянулась ещё раундов десять. Как только предыдущий оратор покидал сцену, его место занимал следующий. Нового уже практически ничего не произносили, говорили старое, повторяли одно и то же, переливали из пустого в порожнее. Некоторые предпочитали не выходить на сцену и говорить с места. И все они, разумеется, винули во всех грехах Наталью Никаноровну. Та сперва пыталась что-то отвечать и как-то реагировать, но словесные удары сыпались часто и со всех сторон, и она в конце концов

она окончательно перестала реагировать. Словно и не человек сидит в зале, а соломенное чучело.

Горыныч вспомнил, что у мусульман бывает публичная казнь через побивание камнями. Наверное, жертва сперва кричит от боли, но потом уже теряет способность кричать и затихает, и истерзанное тело только слегка вздрагивает при каждом ударе. Наталья Никаноровна сейчас выглядела почти так же, и неизвестно ещё, что больше ранит — камень или слово...

«Хотя разве возможно её ранить? - подумал Горыныч. - Отсидится в своём кабинете, поперебирает бумажки и воскреснет с новыми силами, какие нам и не снились. Это у кошки девять жизней, а у Натальи Никаноровны количество жизней, похоже, исчисляется сотнями. А всё равно жалко она здесь выглядит. Удивительно ещё, что не разревелась. Железная баба.»

Каждый хотел кинуть камень в Наталью Никаноровну, и пока все не выговорились, ни о каком конце не могло идти и речи. Но наконец все начали уставать, и стало ясно, что эта экзекуция, в которую превратилось собрание, сейчас сойдёт на нет.

- Спасибо, конечно, что позвал, но я бы мог провести время с гораздо большей пользой, - ядовито сказал Горыныч сидевшему рядом Семёнову.

- Я же не знал, что всё так получится...

- Поговорили, поговорили — и всё без толку. Зачем говорили?

- Они высказали своё мнение.

- И какой смысл от этого мнения? Желчь они вылили, не мнение. Если честно, я ожидал от Ассоциации большего.

- Я сам ожидал большего.

- А скажи, пожалуйста, чего именно ты ожидал? Что на каком-то собрании всё решат? Потреплются-потреплются — и сразу что-то будет, да?

- Ты же сам этого ожидал...

- Нет, я ничего такого не ожидал. Но я думал, они хоть помои не будут лить ушатами. Очень уж неприглядно выглядели члены Ассоциации. Если это всё, что породил интернат, то туда ему и дорога.

- Они рассержены.

- Я тоже рассержен, потому что опять целый вечер у меня пропал впустую. И главное, что в решении основного вопроса они ни на йоту не продвинулись.

- Почему же не продвинулись? Я думаю, они теперь напишут коллективное мнение...

- Это они могли бы сделать и без сегодняшнего сборища.

- Да... но ведь... - Семёнов сделал отчаянное хватательное движение рукой. В этот момент он больше всего напоминал утопающего, который пытается ухватиться за соломинку. - Но ведь интернат — это лучшее, что было в нашей системе образования.

- Было, - эхом повторил Горыныч, немного помолчав, и Семёнов немного успокоился, решив, что хотя бы прошлое интерната он отыграл. - Но кажется, народ расходится. Надо бы и нам идти, ты не находишь? В этом доме больше делать нечего.

- Надо... - Семёнов обернулся к Наде, но та крепко спала, уткнувшись носом в кресло спереди. - Пойдём, Надя! Здесь уже всё закончилось...

Семёнов сделал жест, как будто хотел разбудить жену, погладив её по кучерявым волосам, но рука его остановилась от головы Нади в тридцати сантиметрах. Надя вскинула голову и открыла глаза.

- Да, что? Уже кончилось? Пойдём домой, а то Андрюша, наверное, уже приехал, а дома ничего нет, готовить надо...

30. Исход

В сгустившейся осенней мгле, освещаемый единственным тусклым фонарём, интернат напоминал медленно тонущий корабль, который чинно, но торопливо покидали те, кто считал себя его пассажирами. Ученики разъехались уже давно — кто-то ещё вчера, но большинство — сегодня днём, и теперь этот корабль покидали люди посолиднее — капитаны, их помощники, штурманы, навигаторы и вообще все те, кто хоть как-то хотел повлиять на его курс. Мгновенно, как только закончилось заседание, исчез Шульман, привыкший ценить каждую секунду. Ушёл лысый мужчина с отвисшей губой, которому в течение собрания звонили раз пять. Шапка у него съехала набок, пальто было запачкано, а он всё шёл в темноту, губы его постоянно шевелились, он что-то бубнил себе под нос, и сам себе он был наилучшим собеседником. Уходил Прибышев, семена своими маленькими пухлыми ножками — лицо его стало не просто красным, а багровым, и на нём проступали едва заметные пятна. Из-под шарфа, делавшего его совсем круглым, торчал нос, и сейчас этот нос казался единственной острой частью его тела. Уходил Казаковцев — один его ботинок был развязан, но он этого не замечал; уходил быстрым шагом, не оглядываясь. Уходили все.

Из дверей интерната вынырнул седобородый Либенталь, сопровождаемый под руку Негреевым. Руки у Либенталья заметно дрожали, выдавая прогрессирующую болезнь Паркинсона, но взгляд был ясный и твёрдый.

- Иван Абрамович, а помните, как мы, когда были в десятом классе, два черепа нашли? Вы тогда ещё сказали, что они тут лежат с войны, ещё гражданской? Вы говорили, что в этом леске белогвардейцы красных расстреливали?

Либенталь несколько удивлённо посмотрел на Негреева.

- А ты помнишь?

- Помню, очень хорошо помню. Я помню, вы ещё попросили никому не говорить про эту страшную находку, что вы сами доложите куда следует. Мы тогда немного обиделись — что мы, маленькие, что ли, сами можем доложить, если надо.

- Да, помню... И что же, рассказали вы кому?

- Нет, совсем никому не рассказывали. Я уже и забыл про тот случай, но вот сейчас вспомнил. А откуда вы знаете, что это белогвардейцы расстреливали красных?

- Не было никаких белогвардейцев. Я тогда обманул вас.

Лицо Негреева вытянулось — Либенталья он почти боготворил, а тут вдруг выяснилось, что учитель его обманывал и все эти годы в обмане не признавался. С лицом человека, ожидающего новое предательство, он повернулся к старику.

- Как это?

- Тут другая история была, только теперь мало кто её знает. Мы старались не афишировать, и похоже, нам это удалось. Ты помнишь, где интернат помещался первоначально? Помнишь то холодное дырявое здание? То-то. Нужно было найти новое место для интерната, хорошее место. Но это место всё никак не находилось. И вот наконец кто-то обратил внимание на этот квартал. А в этом квартале тогда находилось старое кладбище. Оно уже было давно заброшено, за могилами никто не ухаживал, да и сами-то

могилы можно было опознать разве что по обломкам крестов и каменных плит. Сквозь эти кресты и плиты росли могучие деревья, а пространство, что оставалось между ними, покрывали двухметровые заросли крапивы. И мы тогда решили, что это хорошее место для интерната. Кресты и плиты убрали и вывезли, по всему лесу ещё металлоискателем прошлись, чтобы ученики ненароком какой обломок креста не нашли, землю между деревьями разровняли, хотя ровнять пришлось скорее от появившихся от времени овражков. В середине всё вырубили, чтобы построить это здание, а по краям облагородили. Подпилили старые ветки, которые грозились упасть, расчистили кустарник, который стал очень густым — словом, работы было невпроворот. Мы с Марком в то лето среди других рабочих были, трудились от зари до зари, потому что уж очень хотелось нам видеть здесь интернат. И построили интернат на этом месте.

- Но тогда многие должны были находить кости?

- Нет, мы всё достаточно хорошо сделали. Какие-то кости в земле, поди, до сих пор лежат, но пока не раскопашь, ничего не увидишь. А в ваш год, я помню, зарядили дожди непрерывно на две недели, да ещё и грунтовые воды неожиданно поднялись. Словом, почву на бывшем кладбище основательно размывало. Поэтому вы и нашли черепа. Так бы ничего не нашли.

- Так значит, эта церковь, которая сейчас строится...

- Церкви там не было. Была когда-то маленькая часовенка, но рассказывают, что она сгорела ещё в девятнадцатом веке. Да, скорее всего, сейчас церковь и строится на месте той часовни. Часовня — одно название: просто были балки, утопающие в крапиве. Тоже вот их приходилось разбирать, а крапиву выкашивать. Много тогда работы было. А теперь там церковь будет, на том самом месте строится, где мы с Марком и ещё группой рабочих расчищали место... Так-то вот!

- А вам не было страшно, что интернат строится на бывшем кладбище?

- Нет, не страшно. Если бы это было действующее кладбище, за которым кто-то ухаживал — это было бы нехорошо, хотя всё равно не страшно. Нужно заботиться о живых, а мёртвым забота уже не нужна. А тут, как ни крути, всё к лучшему. Был заброшенный и некрасивый квартал, и мы сделали из него конфетку. О чём мне жалеть? Или ты спрашиваешь, не снились ли мне по ночам мертвецы? Нет, не снились. Наверное, те мертвецы, которые мне должны были сниться, давным-давно разложились.

Либенталь усмехнулся собственной шутке. Смех его напоминал бульканье.

Горыныч вышел из актового зала с чувством безразличия. Казалось, сами стены интерната были забрызганы помоями, и Горынычу очень не хотелось к ним прикасаться. Он немного поразмышлял, куда идти — сразу прочь из интерната, или зайти в кабинет и забрать оттуда личные вещи. «Не пропитались ли они этим гнилостным запахом?» - подумал он. Наконец решил, что вещи лучше всё-таки забрать.

Он вошёл в неосвещённый коридор. Его собственная тень скользнула перед ним и растворилась в темноте. «Интересно, где включается свет?» - подумал он, но выключатель искать не стал, пошёл в темноту наощупь. Тут же с другой стороны коридора появилась чья-то другая тень, силуэт человеческой фигуры, напоминающий призрака. «Все мы здесь призраки, - подумал он. - Интернат умер, и здесь больше не осталось живых людей. Одни призраки.» Но он ошибся, потому что призрачная фигура оказалась худенькой девушкой в летнем платьице, которое совершенно естественно облегло её контуры, но весьма странно смотрелось в это время года и в этом холодном коридоре. Девушка, очевидно,

была из этого мира, внутреннего интернатского. Все, кто пришли извне, одеты совсем иначе, по-зимнему. Но ведь все уже разъехались?

- Ой, Борис Аронович, здравствуйте! - послышался звонкий девичий голос.

«Она меня здесь ждала, что ли? - мелькнуло у Горыныча в голове. - Она как будто знала, что я здесь появлюсь.»

- Савина? Здравствуйте! Мне только кажется, что вы не по сезону одеты.

- А мне не холодно, - привычно ответила та.

Ася Савина. Она всегда одевается слишком легко. Вчера, когда все кутались в свитера и дышали на руки, чтобы пальцы не коченели и могли хоть что-нибудь записывать, Ася пришла в тонкой блузке и юбке до колен. Даже смотреть на неё было холодно. Горыныч не раз ей говорил, чтобы одевалась потеплее, но всё без толку. Грозить простудой было бессмысленно — в холодное время чихали и сморкались многие, но только не она.

- А вы разве не уехали? Все же уже разъехались.

- А у меня поезд в одиннадцать вечера, так что я пока здесь. А так — да, практически все уже разъехались, я одна в корпусе осталась. Бельё уже сдано, комнаты все закрыты, мне сказали, чтобы ключ на вахту сдала, когда буду уезжать...

- Не скучно одной весь вечер?

- Нет, мне даже нравится такая пустота. Идёшь, и шаги отдаются эхом. И темно везде, идти приходится почти что на ощупь.

Горыныч почти утвердился в мысли, что Ася его ждала.

- Борис Аронович, а правда, что вы от нас уходите?

Молния и гром посреди ясного неба. Горыныч осознал одну очень неприятную для себя вещь. Он считал себя честным и принципиальным, но он так и не сказал в глаза детям о том, что уходит. На это, правда, не было времени, но отсутствие времени никогда не может быть причиной чего-либо. Отсутствие времени — всегда повод, а не причина. А уйти и не сказать этого детям — крайне нечестный поступок. И теперь Ася узнала об этом от кого-то ещё и сейчас спрашивает его напрямую, и от этого ему стало немного стыдно. Он поймал себя на мысли, что пытается отвести глаза и не смотреть на девушку. «Не годится,» - сказал он себе и вернул взгляд — теперь он смотрел на девушку, но его взгляд был несколько вымученный.

- Правда, - наконец ответил он.

Лицо Аси вытянулось и заметно погрузнело.

- Жаль...

Если бы Ася стала просить его передумать и вернуться, он бы нашёл слова возражения и ответил что-нибудь. А сейчас отвечать было просто нечего. Она не винила его ни в чём, не говорила, что теперь они остаются без него и, очевидно, на произвол судьбы. Не сказала избитую фразу «А как же мы?». Только «жаль», и на это «жаль» отвечать было нечего.

Какая-то гадкая мысль, подобная червяку, шевельнулась в голове у Горыныча. Он напрягся, но мысль юркнула в складки коры головного мозга.

- Я надеюсь, мы с вами ещё встретимся...

- Я тоже. Мир тесен, а наш круг очень узок.

Горыныч скорее почувствовал, чем увидел, что в глазах у Аси стоят слёзы. Она украдкой вытерла их и постаралась улыбнуться, но получилось плохо и неестественно.

- А можно вам фенечку подарить на память?

- Я не ношу фенечки, но спасибо...

Ася протянула ему бисерный браслет, который был у неё в руке. В темноте было невозможно разглядеть, есть ли на нём какая-нибудь надпись, не было видно даже цвета бисера. Горыныч почувствовал себя неловко. Таких подарков ему никто никогда не дарил. Стоило ли его сразу же надеть на руку, чтобы потом, когда Ася уйдёт, снять? Он решил, что не стоило, и просто держал подарок в руке.

- Спасибо, Ася... Успехов вам во всём.

Горыныч редко называл учеников по имени.

- И вам успехов! Мы всегда будем помнить вас!

Ни «возвращайтесь», ни «если вернётесь...» - она воспринимала это решение как окончательное и необратимое.

Неловкая пауза, возникающая, когда все слова уже сказаны, а прощаться не хочется.

Молчание прервала Ася.

- До свидания, Борис Аронович!

Она слегка развела руки, как будто собиралась его обнять, но одёрнула себя, сочтя это уже совсем явным нарушением субординации. Руки девушки безвольно опустились, сейчас они напоминали крылья птицы, которая обнаружила, что лететь ей больше некуда. Горыныч и без этого невольного жеста чувствовал, как бьётся сердце девушки — казалось, в пустом коридоре сердечный стук гулко отдавался эхом. Ася очень быстро, почти бегом, преодолела половину коридора, затем оглянулась, как будто боялась, что Горыныч окажется призраком и растает в воздухе, и крикнула:

- Спасибо вам за всё!

«За что спасибо? - удивился Горыныч. - Я же этим классом не занимался, практически даже не общался с ними, как с... Ладно, не будем об этом.»

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но Ася уже исчезла в темноте. Несколько мгновений воздух коридора хранил в себе упругие колебания Асиного голоса, но они быстро затухли, впитавшись в стены. Лишь в ушах Горыныча последняя фраза не стихала, поддерживаемая резонансными колебаниями головного мозга.

«Стены, стены, сколько же вы в себя всего впитали,» - подумал он с горечью.

Затем он вспомнил, куда шёл. Кабинет, в котором он проводил занятия, был закрыт, но у Горыныча должен был быть дубликат ключа. «Если я его не оставил дома.»

Не оставил. Ключ долго не хотел открывать старый, расшатанный от времени замочный механизм. Нужно было вставить ключ в определённом положении, не совсем до конца, и под определённым углом повернуть его. Повозившись немного, Горыныч нащупал правильное положение, в котором ключ поворачивается.

«Вот так и люди, - подумал он. - Тратишь кучу усилий, чтобы найти подход к чьей-то душе, пробуешь силу, а сила-то и не нужна, нужно только выбрать правильное положение ключа.»

Горыныч шагнул в кабинет и привычным движением нащупал выключатель. Конденсаторы загудели, некоторые из них вспыхнули, словно большие светляки, а после них стали загораться люминесцентные лампы. Одна из них никак не хотела поджигаться и всё время моргала. Загорится — и тут же погаснет с лёгким треском, напоминающим удар друг об друга двух лёгких пластиковых трубок.

В его руке всё ещё лежал браслет, он был тёплый от Асиных рук и, казалось, сам излучал тепло. Бисерины были приятны на ощупь, каждая из них с некоторым усилием могла прокручиваться в пальцах. Весь браслет был белый, шириной в десять бисерин, и лишь через некоторое время он заметил, что бисеринки в этом браслете двух оттенков. А точнее,

они блестели по-разному. При ровном освещении ничего не было видно. Но когда свет падал на браслет, то в последнем на матовом фоне выделялись бисеринки, блестевшие наподобие алмазов. Эти бисеринки составляли слова, проявлявшиеся медленно, как на фотоплёнке.

«Спасибо за всё!» - прочитал Горыныч на браслете.

Вещей было совсем немного. Личная кружка и сменная обувь лежали в преподавательской, а здесь было лишь несколько книжек, по которым он готовился к занятиям. Савченко, конечно, можно оставить здесь, беды в этом большой не будет, а вот ксерокопия курса Азарова, придуманного им фактически «с нуля» - вещь бесценная. Спасибо Саше, что записал его занятия. Этот курс, правда, нужно редактировать: от конспекта до книжки, по которой можно заниматься, долгий и тернистый путь. Жаль, что этот путь пока так и не пройден. И, учитывая нынешние реалии, скорее всего, никогда не будет пройден. Жаль. В интернате, каким бы он ни казался плохим, было много хороших моментов. Илья может их не замечать, но игнорировать их даже он не сможет. Странно, что вот эти разрозненные записи студента — это самая ценная вещь, которая здесь осталась. Не считая, возможно, этого браслета — но браслет не в счёт, это ценность совсем другого рода...

Да ты становишься сентиментальным, сказал он сам себе. Не надо. Не надо сантиментов. Лучше делай то, что должен делать. Сейчас твоя задача — уйти из этого интерната. Не надо больше искать фальсификации — фальсификаций не будет. А будет подковёрная борьба, в которую, возможно, будут втянуты самые разные силы. Но ты ведь не воин, а физик, и особенно противны тебе методы такой борьбы, в которой негодьями и подлецами оказываются обе стороны. Не надо. Уходи, и пусть они разберутся без тебя.

Надо будет прийти и всё сказать ученикам, глядя им в глаза. Ты же всегда старался произносить колкости, глядя в глаза, потому что считал, что по-другому подло и некрасиво. А сейчас ты так и не сказал им, что уходишь. Не сказал, хотя такая возможность была — не притворяйся, не отмазывайся отсутствием времени, возможность у тебя всё-таки была. Но теперь они, конечно, все знают, и знают не от меня. Скверно. Прийти, что ли, к ним ещё раз в начале четверти? Всё равно нужно будет соблюсти какие-то формальности, возможно, подписать какие-нибудь бумаги, без тебя разберутся, какие... Нет, не надо приходить к ним. Это бессмысленно. Ты уже попрощался.

Спецкурс, кстати, можно и оставить, просто перенести занятия в какое-нибудь другое место. Можно, например, в ядерный институт, хотя договориться о том, чтобы туда пускали школьников, будет крайне проблематично. Ты ещё успеешь об этом подумать.

Горыныч взял книжки, осмотрел ящички в учительском столе — не забыл ли он чего. Нет, не забыл. Тебе тут практически нечего забывать. Посмотри на этот кабинет в последний раз и закрой за собой дверь. Уходя, уходи.

В истории было много случаев, когда ученики предавали своего учителя. Но что-то я не припомню случая, чтобы учитель предавал своих учеников. Откуда эта цитата? Кажется, из Стругацких, «Отягощённые злом». Хорошая цитата, добрая, только ведь в жизни всё получается иначе. На каждом шагу мы совершаем предательства, просто большинство этих предательств мелкие и неинтересные. Запил Незлобин, не пришёл на занятия — мелкое предательство. Выпустил я тот класс, а с кем из них я сейчас общаюсь? Мелкое предательство. В сущности, каждый выпуск является предательством учителей по отношению к ученикам. Нет, нехорошо — так ты каждого в предатели запишешь. А есть

просто два слова учитель — с маленькой и с большой буквы. Интересно, к какой категории ты причисляешь себя? Ах да, ты же не учитель, ты преподаватель, и именно так себя и позиционируешь. Лет пять назад ты был даже не против назваться учителем, но теперь всё изменилось. Сейчас всё по-другому. А скоро всё будет снова по-другому. Не предательство ли то, что ты скидываешь с себя часть обязанностей, заменяя наименование «учитель» на «преподаватель»?

Но это всё мелочи. В мелочах можно копаться, но это имеет смысл только тогда, когда решены более крупные проблемы. Твой исход из интерната, несомненно, является предательством, и сейчас ты пытаешься оправдаться. Говоришь себе, что иначе поступить не можешь. Придумываешь какие-то более мелкие предательства, которые совершают все, надеясь, что в этом море мелких предательств растворится твоё, крупное... Ничего не сказал о своём уходе детям и ещё думал, будто на это не было времени. Не было времени! Эти слова тебе регулярно говорят дети, когда приходят с несделанным домашним заданием. Точнее, приходили, не надо больше об этом в настоящем времени... Вспомни, что ты им всегда отвечал. Почему сейчас самому себе ответил иначе? Не было времени...

Интересно, что подумают дети про мой исход — предательство это или нет? Некоторые сочтут его предательством. Самое интересное, что это будут не те дети, для которых мои уроки хотя бы что-то значили. Я уверен, что Ася мне никаких упрёков не сделает — ни в глаза, ни за глаза. А в предатели меня запишут те, кто от моих уроков всячески старался отвертеться, кто считал, что ему совершенно не нужен такой уровень, такая строгость, такие требования. Это нормально, это соответствует человеческой природе. Только ведь неважно, что думают другие — важно, что об этом думаешь ты сам. А сам ты ничего об этом не думаешь, ты поступаешь так, как указывает твоя совесть. А совесть сейчас велит совершить предательство. Так что не надо этих глупых отговорок, ты предатель, ты запятнал себя и заклеймил, но ты поступаешь именно так, потому что иначе поступить уже не можешь.

И вот она, эта гадкая неуловимая мысль, подобная червяку. Попалась, наконец, когда я переворошил всё в голове. Наверняка некоторые из учеников решат, что я ухожу не сам, что меня вынуждают уйти, потому что я ответил инспекторам то, что считал правильным. Мне, конечно, всегда было плевать, кто и о чём подумает, но дело-то не в этом. А в том, что я хотел подать правильный пример для учеников. Не лизоблюдствовать ни перед каким начальством. Но если они будут думать, что такое поведение обязательно приведёт к печальным последствиям, то ученики не извлекут из этого должного урока. Не об этом ли хотела спросить Ася, когда вышло неловкое молчание? Но теперь уже поздно что-либо исправлять. Ты уже попрощался.

Казалось, интернат окончательно обезлюдел — не было ни души ни в коридорах, ни в кабинетах, и даже будочка вахтёра оказалась пустой и закрытой на замок. Возможно, какая-то жизнь теплилась в кабинете Натальи Никаноровны, но заходить туда, конечно же, не стоило. Разве же это жизнь, которая ютится среди нескольких тонн бумаг, которые самое верное нужно отправить в макулатуру? Что за руководство интерната, которое всячески старается отгородить себя от самого интерната?

Зато преподавательская оказалась открыта. Это хорошо, потому что искать ключ, искать вахтёра, искать хоть кого-нибудь в этой пустыне не хотелось совершенно. С другой стороны, в открытый кабинет мог зайти кто угодно, и личные вещи здесь явно не были в безопасности. Хотя что там можно красть? Разве что мою куртку, сиротливо висящую на вешалке? Есть, правда, несколько компьютеров, возможно, они ещё представляют собой

какую-то ценность. Наверное, есть ещё что-нибудь, что можно было украсть. Но нет, всё ценное, что было в этом интернате, нематериально, и оно уже украдено, и ты являешься прямым соучастником. А теперь ты трусливо скрываешься с места преступления.

Оставь такие мысли, они сейчас ни к чему. У тебя будет ещё неделя на размышления. Хотя зачем размышления, если ты уже всё решил и знаешь, что твой выбор правильный? Не надо никчёмных размышлений, нужно просто делать то, что должен.

Горыныч переобулся, надел куртку и шапку, сунул в портфель сменные туфли. Покопался в шкафу с кружками, нашёл там свою. Она была на той полке, куда складывались грязные и не помытые кружки. Кто-то, значит, пил из его кружки и оставил её невытой. Маленькая месть интерната за уход — нагадить в кружку. Ладно, складывай её в пакет, а пакет в сумку. Дома отмоешь, не здесь же этим заниматься. Горыныч поколебался, не взять ли отсюда упаковку чая, которую он как-то принёс сюда. Не стоит, сказал он себе. Не мелочись, возьми только то, что тебе действительно понадобится. Взял кружку и сменные туфли — молодец. А теперь уходи, и пусть здесь разбираются без тебя.

Горыныч спустился вниз. Свет в зимнем саду работал по таймеру и сейчас уже был выключен. В полутьме скалы, воздвигнутые Семёновым, напоминали мрачный замок некроманта. Этот замок крепко держал Алексея и не давал ему уйти.

Что ж, каждому своё. Ровина держится за место, Семёнов — за растения, его жена — за мужа и сына, а мне не за что держаться, я один, и я свободен. Вот разве что совесть будет иногда напоминать, от совести никто из нас не свободен, но многие с ней умеют хорошо договариваться. Наверное, договорюсь и я — не сейчас, так чуть позже...

Мягкие снежинки мерно падали, собирались в сугробы и ложились шапками на ветви голых деревьев, скрипели под ногами и примерзали к асфальту. Морозный воздух дохнул в лицо Горынычу, проверил его куртку и ботинки и, не найдя в них явной брешки, успокоился. Интернат снаружи выглядел мёртвым исполином, пустым и мрачным, тёмные окна в нём были похожи на выбитые зубы, а крыша напоминала шляпу, которая каким-то непонятным образом удержалась на истлевшем черепе.

Где-то сзади бил прерывистый свет, вспышки, далёкие, точечные и мощные, словно взрывы сверхновых. Горыныч оглянулся и увидел звезду, одиноко висящую в небесах. Остальные звёзды были скрыты под густой пеленой облаков, и свету от них пробиться было совершенно невозможно. Значит, эта звезда была совсем рядом, и в ней, возможно, зарождалась новая вселенная. Звезда погасла, чтобы через минуту зажегся с новой силой. Там, наверху, что-то сваривали — это строили храм, и строительство, как показалось Горынычу, не прекращалось ни днём, ни ночью, ни даже по субботам. Он уже воочию слышал близкие молитвы, многократное заклинание «Господи помилуй!» с удлинённым последним слогом, съезжающим на полтона вниз и возвращающимся обратно в тонику. Шуршание ветра в деревьях напоминало мудрую проповедь священника, а звуки города, приглушённые лесополосой, были подобны чистому церковному хору.

Мужчина отыскал в кармане брелок с ключом от автомобиля. Этот ключ был его пропуском в потусторонний мир, в мир по ту сторону от лесополосы. Он в последний раз оглянулся на здание и пошёл по тропинке прочь — прочь от этого мёртвого строения, прочь от звезды, предвещавшей новое будущее, прочь из этого мира в мир бесконечного гомона и суеты. Здание посмотрело на него пустыми глазницами окон и погрузилось в белое безмолвие.